

ИНСТИТУТ
СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЯ В XXI ВЕКЕ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА **СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР**

Выпуск **12**

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЯ В XXI ВЕКЕ

МОСКВА 2009

Ответственный редактор В. Н. Шевченко

Актуальная социал-демократия в XXI веке. — М. : Ключ-С, 2009. — 392 с. — (Библиотека Института «Справедливый мир» : вып. 12).

В сборнике публикуются статьи, посвященные рассмотрению актуальных проблем теории и реальных практик современного социалистического, социал-демократического движения.

СОДЕРЖАНИЕ

Левичева В.Ф. От Института «Справедливый мир».....5

Раздел I

Социал-демократическая теория и конкретные практики: масштабы перемен в XXI веке

<i>Константинов И.В.</i> Левый поворот в мире и западная социал-демократия	6
<i>Лафонтен О. (Германия)</i> Свобода через социализм.....	51
<i>Самарская Е.А.</i> Современные левые в поисках субъекта освободительного движения.....	61
<i>Мысливченко А.Г.</i> Западная социал-демократия: тенденции обновления	86
<i>Соколова Р.И.</i> Основные вехи теоретических дискуссий СДПГ (вторая половина XX века — начало XXI века).....	120
<i>Паньков В.С.</i> Эволюция экономических воззрений европейской социал-демократии	147
<i>Диманс С.Л.</i> Социал-демократические идеи реформирования глобальной экономики — выход из тупика неолиберализма	173

<i>Спиридонова В.И.</i> Социальное государство как главная задача теории и практики современной социал-демократии	195
<i>Великая Н.М.</i> Создание «социального государства» в России — в политической повестке дня.....	216
<i>Кьяндер Я. и Сари Ю. (Финляндия)</i> Реформа социальной политики в Финляндии — усиление эффективности адаптации.....	241
<i>Тумусов Ф.С.</i> Вопросы семьи в социал-демократической теории и практике	255
<i>Буров В.Г.</i> Идеи западной социал-демократии и концепция социализма с китайской спецификой (к дискуссии в китайской печати)	265
<i>Шевченко В.Н.</i> Уроки отечественной истории XX века и перспективы нового социализма в России	292

Раздел II

Социал-демократическое движение сегодня

Гуселетов Б.П.

1. Социалистический интернационал: история создания, цели, задачи, основные направления деятельности.....	323
2. О Партии европейских социалистов (ПЕС) и ее фракции в Европарламенте	347
3. Социал-демократия в современной России.....	365

Заключение	391
-------------------------	-----

Наши авторы	393
--------------------------	-----

ОТ ИНСТИТУТА «СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР»

Институт «Справедливый мир» представляет читателю коллективный труд ученых, политиков, общественных деятелей по проблемам современной социал-демократии.

Мы видим свою главную задачу в продвижении ценностей социал-демократии, в поддержке инициатив и проектов, направленных на развитие демократических процессов, в повышении культуры политического участия наших граждан.

Популярность социал-демократических идей растет. Сегодня, в условиях глубоких перемен и серьезных вызовов, именно социалистические, социал-демократические и рабочие партии находят ответы на поставленные жизнью вопросы.

Политическая культура — это в первую очередь свободная конкуренция идеологий, взглядов, концепций, стратегий и программ. Социал-демократы дискутируют постоянно. В этой книге вы найдете много интересных идей и суждений о сегодняшнем дне, о будущем, о том, в каком обществе мы хотим жить.

Библиотека Института «Справедливый мир» создается в просветительских целях, чтобы информировать экспертное сообщество, всех граждан о новейших исследованиях в области развития социальной демократии, социального государства, теории и практики международных актуальных левых и социал-демократических движений.

*Левичева В.Ф.,
доктор философских наук, профессор,
директор — научный руководитель
Института «Справедливый мир»*

РАЗДЕЛ I СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И КОНКРЕТНЫЕ ПРАКТИКИ: МАСШТАБЫ ПЕРЕМЕН В XXI ВЕКЕ

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ В МИРЕ И ЗАПАДНАЯ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЯ

Константинов И.В.

Предыстория

В начале 90-х годов прошлого века международное левое движение, органической частью которого является западная социал-демократия, испытало сильнейшее потрясение.

Крах мировой социалистической системы и распад СССР, при всей неоднозначности отношения западных, прежде всего европейских, левых к практике «реального социализма», привели к девальвации социалистических ценностей по всему миру.

Традиционные догматы теоретического социализма, в том числе представление об исторической обреченности основанного на частной собственности и рыночной экономике капиталистического способа производства, оказались поколебленными.

Одновременно были дискредитированы и общие для коммунистов, социалистов и социал-демократов идеи активного государственного вмешательства в экономику, перспективного планирования и сильной социальной политики. Казалось, полная и окончательная победа либеральной идеологии и неолиберальной экономической практики — не за горами. «Конец истории», провозглашенный американским философом Фрэнсисом Фукуямой, из интеллектуального фэнтэзи превращался в политическую реальность.

«За последние годы во всем мире возник небывалый консенсус на тему о легитимности либеральной демократии как системы правления, и этот консенсус усиливался по мере того, как терпели поражение соперничающие идеологии: наследственная монархия, фашизм и последним — коммунизм. Более того, я настаивал, что либеральная демократия может представлять собой конечный пункт идеологической эволюции человечества», — писал Ф. Фукуяма в своей нашедшей работе «Конец истории и последний человек»¹, написанной в начале 90-х годов прошлого века.

И хотя идеолог «конца истории» не связывал жестко либеральные принципы в политике и экономике, подчеркивая, что «есть много исторических и современных примеров технологически развитого капитализма, сосуществующего с политическим авторитаризмом», он не отрицал универсализма либеральной идеологии. «Логика современной науки, по-видимому, диктует универсальную эволюцию в сторону капитализма», — признавал Ф. Фукуяма².

Социал-демократическая система ценностей, прямо не упоминаемая американским философом в его знаменитой работе, по всей видимости, воспринималась им как промежуточная форма между либерализмом и коммунизмом, имеющая больше общего с первым, хотя бы в силу культурно-исторического единства западного мира.

И тем не менее генетическое родство социал-демократии и коммунизма, хотя и смикшированное многими десятилетиями созидательной практики европейских социал-демократов, базирующейся на бернштейновском лозунге «движение — все, цель — ничто», не могло не сказаться на популярности социал-демократических идей. Мировая социал-демократия столкнулась с вызовом, требующим немедленного ответа.

И такой ответ был найден в синтезе либеральных и социалистических принципов, нашедшем отражение в ряде програм-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М., 2004. С. 7.

² Там же. С. 13–14.

мных документов европейской социал-демократии 90-х годов. Эту эволюцию можно наглядно продемонстрировать на двух фундаментальных текстах, по праву считающихся манифестами современной социал-демократии, между которыми пролегли десять непростых лет конца XX века.

«Декларация принципов», принятая в 1989 году на проходившем в Стокгольме XVIII конгрессе Социнтерна, в соответствии с духом времени утверждала: «С точки зрения социалистов, политическая демократия является необходимой основой и условием реализации других прав и свобод». Но в этом документе содержалась еще традиционная трактовка экономической демократии: «Социал-демократическое движение продолжает защищать национализацию и государственную собственность в рамках смешанной экономики. Совершенно очевидно, что интернационализация экономики и мировая технологическая революция как никогда прежде нуждаются в демократическом контроле». И далее: «Государство обязано регулировать рынок в интересах людей и обеспечивать рабочим выгоду от использования технологий»¹.

Опубликованный в 1999 году программный документ: «Европа: третий путь, новая середина», подписанный лидером британских лейбористов Тони Блэром и председателем Социал-демократической партии Германии Герхардом Шрёдером, считается манифестом либерального направления в социал-демократическом движении². Этот документ заслуживает более пространный цитирования.

«В прошлом, — утверждают идеологи «третьего пути», — продвижение социальной справедливости часто путали с навязыванием равенства доходов. Результатом стало пренебрежение важностью экономического стимулирования и ответственности». Развитием этой мысли служит следующее утверждение: «Слишком часто права были приподняты над обязанностями,

¹ Декларация принципов Социалистического интернационала (1989 год). URL: <http://sd-i.narod.ru/ustaw.htm>

² The Amsterdam Post. — 1999. — 11 июня. URL: <http://www.xs4all.nl/~adampost/Archive/arc000006.html>

но ответственность личности перед семьей, окружением и обществом не может быть переложена на государство».

И уж вовсе либеральным представляется тезис: «Недостатки рыночной экономики преувеличивались, а достоинства недооценивались». В этом же духе, но уже более конкретно: «Вера в то, что государство должно перекладывать разрушительные издержки рынка на всех, слишком часто приводила к непропорциональному увеличению сферы влияния правительства и соответствующему росту бюрократии».

И, наконец, новый (а на самом деле старый, как мир) «символ веры»: «Рыночная конкуренция, свободная торговля совершенно необходимы для стимулирования производительности и экономического роста». Из этого постулата делаются практические выводы: «Например, уменьшение корпоративных налогов поднимает рентабельность и усиливает стимулы к инвестированию».

Либеральная ревизия социалистических ценностей, принятая Т. Блэром и Г. Шрёдером, выражала настроения не только британских лейбористов и германских социал-демократов. К тому времени уже давно сложилась шведская модель «функционального социализма», воплотившая в реальность многие принципы социал-либерального синтеза, сформировалась концепция «либерального социализма» в Италии.

Правый крен европейской социал-демократии первой половины 90-х годов, разумеется, был связан не только с историческим поражением мировой социалистической системы, которое я бы назвал «внешним фактором».

Не меньшую роль сыграли внутренние факторы, такие как демографический сдвиг, приведший к изменению возрастной структуры населения, кризис сложившейся системы государственно-монополистического регулирования экономики, неэффективность социальной политики и многое другое. «Государство всеобщего благоденствия», выстроенное усилиями социалистов и социал-демократов, стало восприниматься обществом как тормоз в дальнейшем социально-экономическом развитии.

Не случайно главный пафос манифеста Т. Блэра и Г. Шрёдера заключался в критике иждивенчества, порожденного, отчасти, уравнилельной социальной политикой левых, и превратившегося в серьезную проблему для всех стран «золотого миллиарда».

Первыми с этой проблемой столкнулись США еще в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. В 1980 году страну охватил экономический кризис, оказавшийся значительно серьезнее, чем кризис 1973–75 годов. К 1982 году остановилось 30% производственных мощностей в обрабатывающей промышленности. Особенно серьезная ситуация сложилась в черной металлургии, химической промышленности, автомобилестроении и жилищном строительстве. Уровень безработицы перевалил за 10% от экономически активного населения.

В рецессии 1980–82 годов переплелись черты циклического и структурного кризисов, усугубленных кризисом государственной социально-экономической политики.

Программа оздоровления американской экономики, сформулированная в 1980 году президентом Р. Рейганом и призванная дать ответ на вызовы нового этапа научно-технической революции, получила известность в мире под условным названием «рейганомика».

Аналогичную программу разработало и реализовало в Великобритании правительство Маргарет Тэтчер. Основные принципы этой политики, ставшие вскоре общепринятыми в мире, довольно просты: сокращение корпоративных и личных налогов, ограничение правительственных социальных программ, дерегулирование предпринимательства, жесткие антиинфляционные меры.

Рейганомика принесла определенные плоды. К концу второго президентского срока Р. Рейгана инфляция в США снизилась до 3–4% в год, уровень безработицы упал до 5%. Объем ВВП страны увеличился на 28%, инвестиции в экономику ежегодно возрастали на 13%. США переживали экономический подъем.

Однако вскоре обнажилась внутренняя противоречивость рейганомики. Стимулируя предпринимательскую деятельность и инновационную активность, эта политика приводила к резкому росту социальной дифференциации населения, чудовищному увеличению бюджетного дефицита, формировала общенациональную привычку жить в займы. Главный постулат рейганомики – утверждение, что снижение уровня налогообложения не уменьшит доходов бюджета за счет увеличения налогооблагаемой базы (позаимствованный позднее российскими неолибералами), оказался несостоятельным.

Налоги снижались быстрее, чем росла экономика. Разница компенсировалась ростом внутренних и внешних заимствований.

К 1988 году дефицит государственного бюджета США достиг 152 миллиардов долларов, превышение расходов над доходами равнялось 5% ВВП. В начале 90-х дефицит госбюджета вырос до 290 миллиардов долларов. Впервые в новейшей истории США превратились в государство-заемщика.

Администрация демократа Б. Клинтона, придя к власти в 1993 году, внесла определенные коррективы в экономическую политику предшественников. Принцип активного государственного регулирования экономики был реабилитирован, увеличено федеральное финансирование инновационных и социальных программ. Тем не менее некоторые дефекты, свойственные рейганомике, сохранились и при этой администрации.

Демократам не удалось остановить рост бюджетного дефицита, внешнего и внутреннего государственного долга, нормализовать ситуацию с ипотечным кредитованием. Америка продолжала жить в займы. Таким образом, закладывались предпосылки будущих финансово-экономических потрясений.

Между тем монетаристские принципы рейганомики были взяты на вооружение международными финансовыми организациями, в первую очередь Международным валютным фондом, в котором право решающего голоса принадлежит США.

Во многом их усилиями неолиберальные экономические модели навязывались развивающимся странам и государ-

ствам с переходной экономикой (бывшим социалистическим странам).

О том, что происходило на постсоветском пространстве, какими социально-экономическими и гуманитарными катастрофами сопровождалась основанная на неолиберальных принципах шоковая терапия в нашей стране, российскому читателю хорошо известно.

Однако к не менее драматическим последствиям приводило навязывание «рейганомических рецептов» и в ряде других стран.

Классическим примером экономической катастрофы, спровоцированной монетаристскими догматиками, может служить аргентинский дефолт 2001 года.

В декабре 2001 года временный президент Аргентины Адольфо Родригес Саа, принявший правление после того, как предыдущий президент и члены правительства подали в отставку, объявил об отказе от обслуживания внешнего долга страны, достигшего к тому моменту 130 миллиардов долларов.

Этим событиям предшествовал глубочайший экономический кризис, сопровождавшийся развалом политической инфраструктуры. С начала 90-х годов в Аргентине под руководством МВФ проводились монетаристские экономические реформы. Суть финансовых преобразований в этой стране заключалась в долларизации национальной финансовой системы, прямой увязке денежной эмиссии с валютными резервами центрального банка.

Поначалу такая политика обеспечила приток иностранных инвестиций и высокие темпы роста. Но вскоре выяснилось, что за финансовую стабилизацию придется расплачиваться внешнеторговым дисбалансом, ростом внешнего долга и массовой безработицей. Быстро нарастал бюджетный дефицит.

Правительство ответило на это повышением ставки учетного процента и сокращением государственных расходов, что привело к рецессии. В стране началась дефляция, спад производства усилился, доходы населения резко упали.

В соответствии с рекомендациями МВФ правительство решило проявить жесткость: повысило налоги и сократило зарплаты в бюджетном секторе. Доходы трудящихся упали до катастрофического уровня, резко выросла безработица. В стране начались массовые волнения, сопровождавшиеся погромами магазинов и банков, было введено чрезвычайное положение. Президент и правительство были вынуждены уйти в отставку.

Глубинной причиной аргентинского кризиса являлось бездумное следование стандартным требованиям Международного валютного фонда (урезание государственных расходов, достижение бездефицитности бюджета с помощью внешних займов, приоритет выплаты внешних долгов и т.д.).

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, описывая финансовые кризисы 1990-х — 2000-х годов в работе «Глобализация: тревожные тенденции», вынужден был констатировать: «Остается мало сомнений в том, что политика МВФ и министерства финансов (США) способствовала созданию фона, на котором возростала вероятность кризисов».

Нужно ли удивляться, что избранный в 2003 году президентом Аргентины перонист Нестор Киршнер категорически отказался следовать рекомендациям МВФ и Всемирного банка, взяв на вооружение кейнсианские принципы экономической политики?

Экономическая стратегия Н. Киршнера основывалась на резком усилении роли государства в экономике. В его арсенале оказались такие радикальные методы, как контроль над ценообразованием, прямое государственное регулирование внешней торговли, всемерное развитие социальных программ и пр.

Можно спорить о том, насколько эффективной была политика Н. Киршнера, но тот факт, что следующим президентом Аргентины стала его супруга Кристина Киршнер, свидетельствует о широкой народной поддержке этих реформ.

Схожие процессы происходили примерно в это же время и в других латиноамериканских странах.

Латиноамериканский котел

Словосочетание «левый поворот» в наши дни чаще всего используется применительно к Латинской Америке.

Действительно, после десятилетия преобладания партий и политиков неолиберальной направленности, в начале XXI века в этом огромном регионе возобладали левые настроения. Причины этого, по мнению экспертов Гуверовского института в США¹, следует искать в экономических и демографических особенностях региона.

За исключением Чили и Коста-Рики, экономика Латинской Америки «хромала» на протяжении нескольких десятилетий. В 90-е годы под влиянием МВФ и Всемирного банка правительства большинства латиноамериканских стран встали на путь либеральных экономических преобразований. Эти реформы имели определенный успех, но далеко не в тех масштабах, которые могли удовлетворить потребности растущего населения.

Дело в том, что демографическая структура латиноамериканских стран существенно отличается от европейской или североамериканской высоким удельным весом молодежи трудоспособного возраста, оказывающей постоянное давление на рынок труда. Безработица среди молодежи — бич Латинской Америки! Сложности трудоустройства в сочетании с высоким уровнем социальной дифференциации часто оказываются решающим фактором, определяющим политический выбор избирателей.

Первой «ласточкой» левого поворота в регионе стал Уго Чавес, пришедший в 1998 году к власти в Венесуэле во главе Революционного боливарского движения (РБД-200).

Стоит напомнить, что резкая активизация РБД-200 началась в 1989 году, когда в Каракасе произошел стихийный социальный взрыв, вызванный политикой президента Карлоса А. Переса, пытавшегося применить в стране пакет мер, рекомендованных МВФ.

¹ Гуверовский институт: [сайт]. URL: <http://www.hoover.org/>

Народное восстание было потоплено в крови, число жертв исчислялось тысячами. Жестокое подавление народных выступлений силами жандармерии и армии возмутило сплотившихся вокруг У. Чавеса молодых офицеров и подтолкнуло их к действию.

В феврале 1992 года группа военных под командованием подполковника Чавеса вышла на улицы Каракаса. В мятеже принимали участие 133 офицера и около 1500 солдат, не считая гражданских лиц. Военные требовали положить конец коррупции, неолиберальным реформам и использованию вооруженных сил против народа Венесуэлы.

Столкновения с правительственными силами продолжались несколько часов, после чего У. Чавес сдался властям, призвав своих сторонников сложить оружие, и взял на себя всю ответственность за организацию восстания.

У. Чавес и его сторонники оказались в тюрьме, но в народных массах выступление военных встретило глубокое сочувствие. Уго Чавес превращался в народного героя.

Через несколько лет, проведенных ими в тюрьме и ссылке, Чавес и его сподвижники были амнистированы новым президентом Венесуэлы Кальдерой.

Выйдя из заключения, У. Чавес активно включился в легальную политическую деятельность. Им была создана политическая партия, вокруг которой сформировался широкий блок левых и левоцентристских сил — «Патриотический полюс».

На состоявшихся вскоре президентских выборах кандидат от объединенной левой оппозиции У. Чавес был уверенно избран президентом Венесуэлы.

Уже в 1999 году в стране была разработана и принята новая конституция, провозглашавшая равенство всех форм собственности в рамках смешанной экономики.

В соответствии с ней все стратегические отрасли, природные ресурсы, сферы образования и здравоохранения объявлялись государственными и не подлежащими приватизации. Приоритетной провозглашалась защита интересов наименее

обеспеченных слоев населения: детей, молодежи, стариков и инвалидов.

Вскоре Чавес приступил к национализации ведущих отраслей промышленности. Наконец, был открыто провозглашено курс на построение социализма.

Характерен один из афоризмов У. Чавеса. Перефразируя Ленина, он заявляет: «Неолиберальный капитализм — высшая форма капиталистического безумия!»

Открытый антиамериканизм президента Венесуэлы, его стремление сплотить вокруг себя всех противников США, разумеется, не остались незамеченными в Белом доме. 12 апреля 2002 года американские спецслужбы руками внутренней оппозиции организовали в Венесуэле государственный переворот. У. Чавес был свергнут и арестован. Новым президентом страны путчисты объявили руководителя ассоциации предпринимателей Венесуэлы Педро Карнеона Эстанга.

Однако уже через два дня, усилиями верных ему армейских частей, получивших поддержку беднейших слоев населения, У. Чавес был возвращен в президентский дворец.

Правая оппозиция не раз пыталась организовать в стране политические забастовки.

Крупнейшая из них началась в декабре 2002 года и продолжалась более двух месяцев. Бастующие требовали отставки Чавеса и проведения референдума о его президентстве

15 августа 2004 года, по требованию оппозиции, такой референдум состоялся. Против досрочного прекращения полномочий Чавеса проголосовало 59,1% избирателей, принявших участие в голосовании.

А 4 декабря 2006 года средства массовой информации объявили об очередной триумфальной победе лидера венесуэльской революции на президентских выборах.

Получив новый кредит доверия избирателей, У. Чавес приступил к широкомасштабным экономическим и политическим преобразованиям, направленным на реализацию его давнишней мечты — построения в Венесуэле социализма XXI века.

Была объявлена национализация крупнейших телекоммуникационных и энергетических компаний, государство полностью взяло в свои руки добычу и переработку нефти.

В стране, фактически, начала выстраиваться однопартийная система. Правящая партия получила название «Объединенная социалистическая партия Венесуэлы».

Все это подкреплялось энергичными популистскими мерами: 1 мая 2008 года указом президента в Венесуэле был установлен самый высокий в Латинской Америке уровень минимальной заработной платы — 372 доллара. Повышение на 30% зарплаты коснулось пяти миллионов рабочих и служащих. На эти цели из госбюджета было выделено более 2,5 миллиардов долларов.

Проводя радикальные социалистические преобразования, У. Чавес заявляет, что «боливарианский социализм» не имеет отношения к марксизму и питается из латиноамериканских источников. Отрицает он и связь создаваемой им политико-экономической системы с реальным социализмом советского типа. Весьма отрицательно он отзываясь о сталинизме, считая его извращением сущности социализма. Так или иначе, но строительство «социализма с венесуэльским лицом» идет полным ходом.

Я счел необходимым достаточно подробно остановиться на венесуэльском опыте левого поворота, во-первых, потому, что именно там особенно рельефно видны объективные и субъективные предпосылки, особенности этого знакового общественного явления начала XXI века. А, во-вторых, потому, что венесуэльский опыт социалистических реформ, не в последнюю очередь благодаря обаянию харизматической личности Уго Чавеса, оказал колоссальное влияние на соседние страны.

В конце 2002 года на президентских выборах в Бразилии победил Лула да Силва — лидер Партии трудящихся, в прошлом — профсоюзный лидер и марксист. И хотя на практике новый президент Бразилии проводит довольно умеренную политику, не стоит забывать, что в 80-е годы

он призывал безземельных сельскохозяйственных рабочих захватывать земли хозяев и требовал прекратить выплаты по внешним долгам.

Созданная им Партия трудящихся представляет собой сложный конгломерат из профсоюзных активистов, представителей левой интеллигенции, коммунистов, троцкистов и маоистов.

Придя к власти, Лула да Силва провозгласил своей главной задачей борьбу с голодом и немало сделал в этом направлении. Проводя сильную социальную политику, он не прекращает сотрудничества с международными финансовыми организациями.

Внешняя политика Лула да Силва — латиноамериканский солидаризм и умеренный антиамериканизм. При нем Бразилия стала одной из опорных баз антиглобалистского движения. Поддерживая тесные контакты с Фиделем Кастро и Уго Чавесом, бразильский лидер, тем не менее, сторонится их безоглядного радикализма.

Несмотря на известную непоследовательность в политике (а может быть, благодаря ей), Лула да Силва чрезвычайно популярен в Бразилии. В 2006 году он был с блеском переизбран на второй срок.

В 2005 году левая волна докатилась до Боливии. Президентом страны впервые в истории стал индеец, профсоюзный лидер Эво Моралес. Возглавляемое им «Движение к социализму» подняло на свои знамена откровенный антиамериканизм и требование национализации базовых отраслей промышленности. Успеху Моралеса на президентских выборах немало способствовало обещание передать в руки государства газовую промышленность и энергетику. Обосновавшись в президентской резиденции, Моралес совершил несколько знаковых поступков: свой первый официальный визит он совершил на Кубу, а в одном из интервью назвал американского президента Буша террористом.

Вскоре были повышены ставки подоходного налога на состоятельных граждан и запущен ряд социальных программ.

И хотя в дальнейшем Моралес стал осторожнее в своих высказываниях и действиях, его приверженность левому направлению в политике не вызывает сомнений.

Леворадикальная волна продолжала катиться по Латинской Америке.

В ноябре 2006 года лидер Сандинистской революции в Никарагуа, бессменный руководитель Сандинистского фронта национального освобождения Даниэль Ортега избирается президентом страны. Возвращение к власти сандинистов в Никарагуа происходило на волне усиливающегося недовольства населения праволиберальным курсом предыдущего правительства.

Тогда же победителем очередной президентской гонки в Эквадоре стал лидер левого движения «Альянс Страна» и личный друг У. Чавеса экономист Рафаэль Корреа.

Незадолго до выборов он занимал пост министра финансов в предыдущем правительстве, который покинул из-за несогласия с либеральным экономическим курсом и вмешательством международных финансовых институтов в экономическую политику Эквадора.

Предвыборная кампания Рафаэля Корреа строилась на популярных в народе лозунгах: изгнать иностранные нефтяные компании, отказаться от выплаты 10-миллиардного внешнего долга, вернуть страну в ОПЕК, не подписывать договор о вступлении Эквадора в Ассоциацию свободной торговли (на чем настаивали США).

Его противник, миллиардер и правый популист Альваро Набоа, ничего не смог противопоставить убедительной риторике Рафаэля Корреа. В полку левых президентов в Латинской Америке прибавилось.

Общую картину мощного левого сдвига в этом регионе не может смазать ни завидная преемственность чилийской политики, где после десятилетий военного режима устойчиво доминируют левоцентристы (Социалистическая партия Чили, входящая в коалицию «Демократическое согласие»), ни Перу, в которой победу на президентских выбо-

рах 2006 года одержал умеренный социал-демократ Алон Гарсиа.

Победа Алона Гарсиа над радикальным левым националистом Ольянте Умала, которого открыто поддерживал У. Чавес, многими была воспринята как предвестница заката левых настроений в Латинской Америке. Однако, скорее всего, перуанские избиратели, делая выбор, руководствовались главным образом патриотическими соображениями. Уж слишком явным было вмешательство венесуэльского лидера во внутренние дела суверенного Перу! К тому же, умеренный по меркам Латинской Америки, Алон Гарсиа во время своего первого президентства пытался национализировать банковский сектор, чем вызвал ярость перуанских правых.

Не стоит считать исключением из картины левого сдвига в латиноамериканском регионе и Мексику — страну с большими революционными традициями. На состоявшихся там летом 2006 года президентских выборах победителем был объявлен кандидат от консервативной партии Филиппе Кальдерон.

Однако он обошел своего левого соперника Андреа Обрадора всего на 0,58%, что дало последнему повод обвинить власти в подтасовке результатов голосования. В Мехико прошли массовые народные выступления.

И хотя Федеральный избирательный трибунал подтвердил победу Ф. Кальдерона, многие мексиканцы до сих пор считают, что объявленный результат не отражает подлинных настроений мексиканского общества.

Единственной крупной страной региона, где у власти уже длительное время находится ультраправый президент, можно считать Колумбию, да и то с оговорками, поскольку под контролем администрации Альваре Урибе находится не вся территория государства. В Колумбии уже сорок лет продолжается вялотекущая гражданская война между правительством и Революционными вооруженными силами Колумбии — военной организацией леворадикального, маоистского толка, тесно связанной с местной наркомафией. И, несмотря на энергич-

ную помощь США, серьезных успехов в этом противостоянии правительству добиться не удалось.

Таким образом, на наших глазах происходит тектонический сдвиг в политических настроениях и предпочтениях жителей целого континента, носящий, судя по всему, долговременный характер. Обращает на себя внимание явно выраженный протестный характер электорального поведения латиноамериканцев. Предпочтение отдается политическим партиям, движениям и лидерам, открыто выражающим антиамериканскую позицию, критикующим политику международных финансовых организаций (прежде всего — МВФ), отвергающим неоллиберальные экономические реформы.

Вот как оценивает социально-экономические результаты неоллиберальных экспериментов в этом регионе директор Института Латинской Америки РАН В.М. Давыдов: «Обеспечив на некоторое время макроэкономическую сбалансированность, остановив инфляцию и частично наладив государственные финансы, неоллибералы одновременно привели к иным деформациям. Самая серьезная проблема, которую они создали, — накопление огромного социального долга перед собственным населением. Усилилась имущественная поляризация, произошло вымывание средних слоев, которые обычно амортизируют напряжение в обществе. Деиндустриализация, вызванная неоллиберальными экспериментами, привела к сокращению занятости в промышленности. Как следствие — рост безработицы, неформального сектора, усугубление положения тех, кого в Латинской Америке называют социально-исключенными», — заявил он в интервью газете «Советская Россия»¹.

Обращает на себя внимание радикализм левого движения в этом регионе. Острота противоречий, глубина проблем, в сочетании с взрывным характером латиноамериканцев, видимо, предрасполагают к политическому экстремизму.

За пределами Латинской Америки вся совокупность общественно-политических тенденций, к которой применимо обоз-

¹ Советская Россия. — 2007. — 1 февраля.

начение «левого поворот», проявляется куда менее отчетливо и рельефно.

В разных регионах мира, начиная с середины 90-х годов, наблюдались впечатляющие примеры успеха левых сил. Достаточно вспомнить победу Африканского национального конгресса (выступавшего в союзе с компартией) в ЮАР, победу коммунистов на выборах в Непале, крупный успех «марксистской» компартии в Индии, получившей даже предложение сформировать правительство (от которого она отказалась), и т.д.

Но всех этих успехов совершенно недостаточно, чтобы всерьез говорить о «левом сдвиге» на необъятных просторах Азии и Африки. К тому же, само понятие «левого» (равно как и «правого») в традиционном обществе носит условный характер.

«Капризная» Европа

А вот в Европе тенденция к левому повороту проявляется достаточно отчетливо.

Следует, конечно, иметь в виду, что, несмотря на далеко зашедший процесс евроинтеграции, европейский континент (даже если сосредоточить свое внимание лишь на Западной и Центральной Европе) в политико-экономическом отношении далеко не представляет собой единого целого. Страны Евросоюза резко различаются по уровню социально-экономического развития, политическим системам, национально-культурным особенностям.

Особняком стоят бывшие социалистические страны, которые, при всем стремлении влиться в единую европейскую семью, в экономическом и особенно в политическом отношении, явно не дотягивают до западно-европейских стандартов.

В наибольшей степени сказанное относится к балканскому региону, где политика делается по своеобразным рецептам.

В балканских странах парламентаризация политической жизни заметно снижена: парламенты ослаблены, недостаточ-

но авторитетны. Партии порой предпочитают действовать вне парламента, поскольку недостаточно приспособлены к требованиям парламентской демократии.

Часто доминирующую роль в многопартийной системе играет одна правящая партия, а режим правления — полупрезидентский. Правящие партии избегают делиться властью с другими политическими силами, а оппозиционные партии — не всегда мирятся с результатами выборов и действуют в строгом соответствии с парламентской процедурой. Примером такой ситуации может служить Сербия и отчасти Хорватия, где сильная президентская власть и партийная система — причины слабости парламента.

Сильный парламент — большая редкость во всем регионе. Такой парламент существует в Венгрии, в других странах региона этот институт играет второстепенную роль.

До сих пор политическое самоопределение общества в постсоциалистических странах остается довольно инфантильным. Преобладают движения и партии, недостаточно укорененные в социальном и идейно-политическом отношениях. Они меняют позиции, распадаются, объединяются, создают различные коалиции. И, хотя левые настроения в регионе традиционно сильны, их трудно отделить от популистских, а порой и националистических тенденций.

В силу всех этих обстоятельств, я счел возможным, анализируя тенденции развития левого движения в Европе, абстрагироваться от ситуации на Балканах.

Отдельного рассмотрения заслуживают и общественно-политические процессы, протекающие в последние годы в странах бывшего СССР.

Сначала несколько слов о европейских странах, относившихся ранее к социалистическому лагерю. В середине 90-х годов почти все они после нескольких лет господства праволиберальных политиков пережили период, который я бы назвал «осторожным левым поворотом». На выборах разного уровня побеждали партии и коалиции социал-демократического типа, часто созданные на базе бывших компартий

и сохранившие старый кадровый костяк, но всячески открещивающиеся от тоталитарного прошлого. Несмотря на явно обозначившиеся антилиберальные настроения избирателей, победители проводили очень осторожную, порой двусмысленную политику.

Неолиберальные реформы продолжались, хотя и менее жесткими методами, в военно-политической сфере безраздельно господствовал американский вектор, при этом главной политической задачей объявлялась интеграция в евроструктуры и НАТО.

Кстати, именно последнее обстоятельство и играло решающую роль при выборе внутривосточного курса восточно-европейских левых. Интеграция в Евросоюз требовала приведения народного хозяйства этих стран в соответствие с западноевропейскими стандартами, создания современной рыночной инфраструктуры и открытой экономики. В этих условиях возможность внутривосточного маневра была сведена к минимуму.

Первой «ласточкой» левого сдвига в Восточной Европе стала Венгрия.

Расставание этой страны с тоталитарным прошлым проходило сравнительно спокойно. Во многом это объясняется относительно либеральным характером коммунистического режима Венгрии, допускавшего многообразие форм собственности и поощрявшего развитие элементов рыночной экономики. Немалую роль сыграла и готовность к переменам руководства правящей Венгерской социалистической рабочей партии, преобразованной в 1989 году в Венгерскую социалистическую партию.

В 1990 году в стране прошли первые свободные выборы, победу на которых одержал Венгерский демократический форум — разношерстное объединение либерально-демократических сил с преобладанием право-консервативной составляющей, — сформировавший первое посткоммунистическое правительство. После прихода к власти консервативных сил в стране стали насаждаться ценности хортистской Венгрии.

Из идеологических соображений был осуществлен развал кооперативной организации сельскохозяйственного производства, процветавшее когда-то венгерское сельское хозяйство, находившееся на одном из первых мест в мире по производству продукции на душу населения, впало в кризис. В экономике произошел значительный спад производства.

С 1993 года снова стали возрастать несбалансированность внутреннего и внешнего экономического развития, дефицит бюджета, внешнеторгового и платежного балансов, внешняя задолженность страны. Падал жизненный уровень населения. Все это вызывало недовольство и разочарование масс результатами реформ.

Весной 1994 года на парламентских выборах в этой стране с огромным преимуществом победила Венгерская социалистическая партия, возглавляемая Дьюлой Хорном, последним министром иностранных дел коммунистической Венгрии.

В мировой прессе заговорили о «левом повороте». Однако анализ деятельности венгерского правительства Д. Хорна (с лета 1994 г. до лета 1998 г.) говорит о том, что и программу этого правительства, и практику ее осуществления трудно назвать социал-демократическими в традиционном смысле. Скорее, под «левым поворотом» можно понимать только изменение настроений масс. Разочаровавшись в политике предыдущего правительства, они проголосовали за партию, называвшую себя социалистической. На деле же социалистическое правительство не изменило направленности преобразований, продолжало, даже более решительно, приватизацию, создание институтов рыночной экономики, основанной на частной собственности, способствовало формированию нового класса предпринимателей.

Одновременно происходила радикальная переориентация внешних связей Венгрии и интеграция страны в НАТО и ЕС. В политике правительства Д. Хорна не просматривалось ни усиление регулирующей роли государства, ни продуманной стратегии развития промышленности. Сужалась сфера социальной защиты населения, усиливалось влияние иностранного

капитала, предпринимались решительные шаги по вступлению в НАТО и ЕС. (Формально вступление Венгрии в НАТО произошло уже весной 2000 г. при правительстве В. Орбана.)

В основном продолжалась линия прежнего правительства, направленная на всестороннюю трансформацию бывшей социалистической системы. Правительство Д. Хорна лишь внесло в политику своих предшественников некоторые коррективы, причем скорее либерального, чем социалистического характера. Однако в проведении политики экономической стабилизации и преодолении кризиса правительство Д. Хорна оказалось результативней предшествующего.

Тем не менее весной 1998 года венгерский избиратель предпочел коалицию правых партий во главе с главным оппонентом социалистов — Венгерской гражданской партией.

Схожие процессы (с учетом значительно большей роли президента и исторических особенностей этой страны) происходили в Польше.

В ноябре 1995 года президентом Польши стал Александр Квасневский, сменивший на этом посту «железного» Леха Валенсу.

Политическая карьера А. Квасневского весьма показательна для постсоветской Восточной Европы. В молодые годы он был функционером Союза социалистической польской молодежи (курировал идеологию и культуру). В 1981 году его пригласили на пост главного редактора молодежного еженедельника «ИТД», который вскоре стал довольно популярным изданием. Через год Квасневский возглавил газету «Штандар молодых», а уже в сентябре 1985 года стал министром по делам молодежи. В 1989 году после прихода к власти «Солидарности» Квасневский оказался не у дел. Но уже в 1990 году по его инициативе создается Социал-демократическая партия республики Польша.

Избирательная кампания А. Квасневского строилась на двух китах: «бледно-розовой» социал-демократии и образцово-показательном западничестве. Обе эти идеи оказались востребованы польским избирателем. При президенте

Квасневском Польша вступила в НАТО и Евросоюз, завершила структурные рыночные реформы, сохраняя при этом терпимые (по нынешним меркам) отношения с Россией.

Однако полякам при президентстве Квасневского пришлось несладко. Это, а также череда скандалов, затрагивающая личную жизнь политика, позволило в 2005 году прорваться к власти в Польше правым популистам братьям Качинским, возглавляющим партию с характерным названием «Закон и справедливость».

В Чехии левый сдвиг произошел немного позднее — в 1998 году. Развитие политических процессов в этой республике осложнил раздел в прошлом единой Чехословакии на два независимых государства: Чехию и Словакию (1993 г.). Несмотря на то, что раздел происходил мирно, он болезненно переживался братскими народами.

Разумеется, общие политико-экономические тенденции, характерные для посткоммунистической Восточной Европы, проявились и здесь. До 1998 года у власти в Чехии находилась правоцентристская Гражданская демократическая партия, созданная популярным чешским политиком Вацлавом Клаусом (с 2003 г. — президент Чехии). Сформированные на ее основе правительства взяли на себя основной груз либерально-демократических реформ.

Лишь в 1998 году чешским социал-демократам удалось перехватить инициативу.

В 2002 году Социал-демократическая партия повторила свой успех, получив на выборах в нижнюю палату парламента более 30% голосов. К тому времени в ее активе было завершение экономических реформ (не без социальных издержек, разумеется) и вступление в НАТО.

Стоит отметить, что к тому времени часть левого электората разочаровалась в социал-демократах. Ничем иным невозможно объяснить успех Коммунистической партии Чехии и Моравии, набравшей почти 19% голосов. Однако принципиально в политике чешских социал-демократов мало что изменилось.

В 2004 году Чехия была после долгих проволочек принята в Евросоюз, что можно считать главным итогом деятельности социал-демократических правительств.

Парламентские выборы 2006 года показали противоречивую картину: с одной стороны, лидирующие позиции вновь захватила Гражданская демократическая партия, с другой — позиции левых сил остаются прочны. В совокупности социал-демократы и коммунисты получили поддержку 45% избирателей, опередив правых. Местные выборы 2008 года подтвердили эту тенденцию — коалиция социал-демократов и коммунистов одержала убедительную победу.

В Словакии левым понадобилось значительно больше времени, чтобы вернуть себе доверие общества.

Начальный период современной словацкой истории связан с именем Владимира Мечьяра (которого иногда называют «словацким Жириновским»), возглавлявшим правительство Словакии в 1990–91, 1993–94 и 1994–98 годах. Созданная и руководимая им правопопулистская партия «Движение за демократическую Словакию» неоднократно побеждала на выборах всех уровней. Справедливости ради надо заметить, что идеология «Движения за демократическую Словакию», наряду с популизмом и умеренным национализмом, включала в себя и социал-демократические элементы, особенно на уровне предвыборной риторики. Однако свойственный В. Мечьяру авторитаризм не вписывался в европейскую политическую стилистику, что препятствовало евроатлантической интеграции страны.

Словацкая политическая элита аккуратно оттеснила В. Мечьяра с первых позиций, несмотря на то, что и в 2002 году его партия победила на парламентских выборах. В 1999 году Словакия была принята в НАТО, в 2004 году — в Евросоюз.

И лишь в 2006 году возглавляемая Робертом Фицо партия с многозначительным названием «Направление — социал-демократия» сумела добиться первого места на парламентских выборах и сформировать коалиционное правительство.

Таким образом, несмотря на неповторимость исторического пути, пройденного в последние десятилетия каждой из стран Восточной Европы, можно утверждать: ни одна из них не избежала этапа праволиберальных реформ, вызвавших недовольство значительной части населения. Следствием этого было изменение электоральных предпочтений избирателей и рост популярности умеренно левых партий социал-демократической ориентации. В ряде случаев (например, в Чехии) можно говорить и об усилении позиций коммунистов, но не до уровня ведущей политической силы.

Проявилась эта тенденция и в одном из наиболее развитых государств мира — ФРГ, присоединившей к себе в 1990 году «восточные земли» бывшей ГДР. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно проследить динамику голосования за левые партии на выборах в бундестаг в течение 90-х годов.

Ведущая и старейшая левая партия ФРГ — Социал-демократическая партия Германии: 1990 год — 33%, 1994 год — 36,4%, 1998 год — 40%.

Партия демократического социализма (наследница коммунистической СЕПП, отрекшаяся от тоталитарного прошлого): 1990 год — 2,4%, 1994 год — 4,4%, 1998 год — 5,1%.

Нетрудно подсчитать, что на выборах 1998 года левые силы в Германии заручились поддержкой почти половины избирателей (а с учетом голосов, отданных за партию «зеленых», — более половины).

Такой сдвиг в настроениях избирателей отчасти объясняется экономическими издержками объединения Германии, о которых, кстати говоря, предупреждали немецкие социал-демократы. Но дело, конечно, не только в этом. Накапливалась усталость от политики консервативной ХДС–ХСС. В восточных районах страны выветрилась эйфория надежд, связанных с присоединением к «свободному миру». Выяснилось, что при капитализме жизнь далеко не так сладка, а при социализме была не так плоха, как казалось.

В сентябре 2002 года победа на выборах вновь досталась «красно-зеленой» коалиции социал-демократов и «Союза–90» —

Партии зеленых. СДПГ получила 39%, ХДС–ХСС — 38%, свободные демократы (союзники ХДС–ХСС) — 7,3%, «зеленые» — 8,6%, ПДС — 4,2%.

Социал-демократы в коалиции с «зелеными» надолго оказались у власти. Правительство канцлера Г. Шрёдера настолько уверовало в прочность своих позиций, что решилось на проведение крайне непопулярных реформ в социальной сфере, нацеленных на экономию бюджетных средств.

Результаты не замедлили сказаться. Досрочные выборы в бундестаг 2005 года внесли серьезные коррективы в расстановку политических сил.

Главные оппоненты правящей «красно-зеленой» коалиции — партия ХДС–ХСС выдвинула в качестве кандидата в федеральные канцлеры своего председателя Ангелу Меркель. Основной критикой ХДС в адрес Шрёдера была высокая безработица в стране и низкие темпы роста экономики. Преодолеть эти проблемы христианские демократы намеревалась за счет повышения налога на добавленную стоимость, введения плоской шкалы подоходного налога и урезания прав работающих.

СДПГ и «зеленые» активно защищали свой курс реформ, также сокращающий социальные услуги, но менее резко и не за счет социально незащищенных слоев населения, как это предлагала ХДС.

К этому времени в стране появилась новая политическая сила — так называемая «Левая партия». Она сформировалась из членов бывшей коммунистической СЕПГ и отколовшегося от СДПГ левого крыла во главе с бывшим председателем Оскаром Лафонтемом, не согласным с соглашательской политикой Шрёдера. Результаты выборов 18 сентября были следующие: ХДС–ХСС — 35,2%, СДПГ — 34,2%, СвДП — 9,8%, Левая партия — 8,7%, Партия зеленых — 8,1%.

Партия Ангелы Меркель (вместе с ХСС) стала крупнейшей фракцией в Бундестаге, хотя и с небольшим преимуществом. Неплохой результат показала партия СвДП, но тем не менее запланированная коалиция из ХДС–ХСС и СвДП не

получила парламентского большинства. Однако правящая «красно-зеленая» коалиция из СДПГ и «зеленых» лишилась своих ведущих позиций.

В ноябре 2005 года после длительного политического торга А. Меркель сформировала правительство на основе «большой коалиции» (ХДС–ХСС, СвДП, СДПГ), в котором социал-демократы получили несколько портфелей.

При этом общее количество голосов, отданных за левые партии, не уменьшилось (42,3%), но СДПГ потеряла часть электората, что и не позволило ей сформировать правительство. Из этого можно сделать вывод: переход немецких социал-демократов на позиции социального либерализма ограничивает возможности дальнейшего укрепления и консолидации левого движения в ФРГ.

А как в эти драматические годы менялся политический ландшафт других ведущих европейских государств?

В Великобритании 80-е годы прошли под знаком преобладания консерваторов. Возглавляемая «железной леди» Маргарет Тэтчер Консервативная партия три раза подряд добивалась успеха на парламентских выборах.

Политика английских консерваторов (так называемый «тэтчеризм» — европейская разновидность «рейганомики») базировалась на неолиберальных экономических идеях. Еще в 1979 году, во время первой избирательной кампании, М. Тэтчер провозгласила своими главными задачами борьбу с инфляцией и профсоюзами. Задушить инфляцию, по ее мнению, было важнее, чем сохранить рабочие места. Консерваторы настаивали на сокращении ставок подоходного налога и приватизации принадлежащих государству предприятий.

Результатом такой политики стали массовая безработица и растущее недовольство трудящихся. И, может быть, консерваторам пришлось бы вскоре ощутить вкус поражения, но очень своевременно подоспела Фолклендская война (война с Аргентиной за Фолклендские острова в 1982 г.). «Маленькая победоносная война» М. Тэтчер вновь подбросила ей рейтинги популярности. Кроме того, в стане лейбо-

ристов произошел раскол. И в 1983 году М. Тэтчер вновь выиграла выборы.

В следующем году Англию потрясли едва ли не самые мощные в XX веке забастовки горняков. Но правительству удалось сохранить контроль над ситуацией, а экономический подъем обеспечил М. Тэтчер симпатии большинства.

1987 год — третья подряд победа М. Тэтчер на выборах.

1992 год — вновь победа Консервативной партии, на этот раз под руководством Джона Мейджера.

И лишь в 1997 году в настроениях британских избирателей произошел перелом. Из 659 мест в палате общин лейбористы завоевали 418 мест, то есть 43,2%. Консерваторам досталось лишь 165 мест — полный разгром!

Чем объясняется такое резкое изменение в настроениях консервативного, по сути, британского избирателя?

С 1992 года Великобританию преследовали экономические неурядицы. Несмотря на усилия правительства, выделявшего на поддержание национальной валюты десятки миллионов, курс фунта стерлинга стремительно падал. Накопились проблемы в социальной сфере, главным образом в образовании и здравоохранении. Раздражали англичан и просочившиеся в прессу сведения об аморальном поведении верхушки Консервативной партии. Споры разгорелись и вокруг роли Великобритании в Евросоюзе. Консерваторы выступали против ускоренного вступления страны в Европейский валютный союз. Новое руководство лейбористов во главе с молодым лидером Тони Блэром ратовало за вступление.

Многие в Великобритании связывали успех лейбористов в 1992 году с личностью Тони Блэра. Во многом его усилиями был запущен процесс модернизации лейбористской партии. Т. Блэр провозгласил своей целью превращение традиционной партии английских профсоюзов в «новую лейбористскую», свободную от укоренившихся левых предрассудков и отвечающую духу времени. С этой задачей он успешно справился.

Модернизация идеологии лейборизма, нашедшая свое воплощение в цитируемой выше статье «Европа: третий путь, новая середина», не означала, конечно, отказа лейбористов от основ своей социальной политики. Лейбористское правительство уделяло много внимания повышению доступности медицины и образования для малоимущих слоев населения. Великобритания вступила в Европейский валютный союз, повысилась ее роль в Евросоюзе.

В июне 2001 года лейбористы одержали новую победу на парламентских выборах, получив 414 мест в палате общин. Внушительный кредит доверия избирателей открывал перед ними новые возможности: Т. Блэр провозгласил амбициозную задачу реформировать «государство благосостояния», кардинально повысив эффективность социальной политики. Ресурсы для этого у британской экономики были: уже 15 лет в стране продолжался экономический подъем, инфляция не превышала 2%, ежегодный рост ВВП приближался к 3%, заметно снизилась безработица. Население активно поддерживало планы правительства.

Однако участие Великобритании в иракской войне, безоглядная поддержка Т. Блэром американской внешней политики вызвали разочарование британцев.

В 2003 году в Лондоне состоялась грандиозная антивоенная манифестация, собравшая около миллиона участников, — это был тревожный сигнал для лейбористов. В 2004 году они проиграли местные и европейские выборы. В полный рост встал вопрос о замене лидера партии.

И тем не менее парламентские выборы 2005 года вновь принесли успех Лейбористской партии, хотя и не такой впечатляющий, как в 2001 и 1997 годах — 356 мандатов из 646. Характерно, что на этих выборах громко заявили о себе либерал-демократы — сравнительно молодая партия, притянувшая к себе часть электората лейбористов, недовольных заметным поправлением Лейбористской партии при Т. Блэре. Их программные требования включали: повышение верхней планки подоходного налога (т.е. налогообложение бога-

тых и сверхбогатых), отказ от «особых отношений» с США и последовательную интеграцию в объединенную Европу. На прошлых парламентских выборах Либерально-демократической партии удалось провести в палату общин 62 депутата (в 1992 г. — лишь 20). Все это позволяет констатировать, что левые в Великобритании по-прежнему являются ведущей политической силой, несмотря на либеральную трансформацию Лейбористской партии.

Политический вектор еще одной ведущей страны Евросоюза — Франции направлен, похоже, совсем в другую сторону.

После 1988 года, триумфального для французских левых, когда вслед за избранием президентом социалиста Франсуа Миттерана социалисты и коммунисты получили устойчивое большинство в Национальном собрании, в политической жизни страны возобладали правые настроения.

Парламентские выборы 1993 года закончились сокрушительным поражением левых сил, получивших лишь 91 место (из 575) в Национальном собрании. В 1995 году президентом Франции был избран представитель правоцентристского «Объединения в поддержку республики» Жак Ширак, развернувший широкое наступление на права трудящихся.

Следствием этого стала победа Социалистической партии на парламентских выборах 1997 года, на которые левая коалиция шла с программой социальных реформ, включающей требование 35-часовой рабочей недели. Социалисты получили 246 мандатов (всего левые — 319) и смогли сформировать правительство, которое возглавил лидер партии Лионель Жоспен.

Каково же было разочарование социалистов, когда на президентских выборах 2002 года их кандидат — премьер-министр Л. Жоспен, подаривший французам едва ли не самую короткую в мире рабочую неделю, даже не смог пройти во второй тур, уступив лидеру Национального фронта Ле Пену! В итоге, хозяином президентского дворца остался Жак Ширак.

В том же году состоялись и парламентские выборы, главным мотивом которых было устранение поднадоевшего фран-

цузам двоевластия. Избиратели проголосовали за президентскую партию — «Объединение в поддержку республики». Социалисты получили 141 голос и остались в оппозиции. Социалистическая партия переживала серьезный кризис: Л. Жоспен ушел в отставку с поста лидера партии, встал вопрос об обновлении партийной программы.

На президентские выборы 2007 года Социалистическая партия Франции вышла, так и не обретя своей новой политической идентичности. Попытка сыграть на феминистских настроениях, выдвинув кандидатом в президенты очаровательную Сеголен Руаяль — многодетную мать, энергичную и образованную женщину, не имевшую, однако, внятной концепции модернизации французского общества, — была жестом отчаяния социалистов.

Программа С. Руаяль носила достаточно традиционный для социалистов характер: увеличение минимальной зарплаты и пенсии, государственное субсидирование жилья для малоимущих, помощь молодежи в получении образования и трудоустройстве, ускоренная интеграция иммигрантов во французское общество.

В противовес этому правый кандидат Николя Саркози (бывший министр внутренних дел, получивший известность благодаря жесткому подавлению беспорядков в иммигрантских пригородах Парижа) выдвинул хлесткий лозунг: «Больше работать — больше получать!».

Его предвыборная программа включала ряд неолиберальных требований: уменьшение налогового «потолка» с 60 до 50%, отмена налога на наследство, снижение налогообложения крупных состояний, переход к гибкому рынку труда, дифференцированной рабочей неделе и пр.

При этом Н. Саркози апеллировал к «французскому духу», национальной гордости, традиционным французским ценностям.

Немалую роль в победе Н. Саркози и возглавляемой им неоголлистской партии «Союз за народное движение» (перформативное «Объединение в поддержку республики»)

сыграла поддержка ультраправых, привлеченных антииммигрантской политикой Н. Саркози.

В итоге, 6 мая 2007 года во втором туре президентских выборов Н. Саркози победил С. Руаяль, набрав более 53% голосов. На состоявшихся в том же году парламентских выборах также победила президентская партия, получившая 313 мест в Национальном собрании. Социалисты довольствовались 186 мандатами.

Все это, разумеется, обострило внутренний кризис в социалистической партии, проявившийся, в частности, в очередной смене руководства. 22 ноября 2008 года на очередном съезде Социалистической партии Франции состоялись выборы лидера партии.

С. Руаяль, олицетворяющая центристскую линию, не получила поддержки делегатов. Председателем партии была избрана известная своими левыми взглядами Мартин Обри (автор закона о 35-часовой рабочей неделе). М. Обри заявила, что всеми силами будет бороться за сохранение идеалов левого движения.

Поражения французских социалистов (равно как и явная маргинализация компартии Франции, являвшейся в 80-е гг. грозной политической силой) свидетельствуют о противоречивости и неравномерности развития политических процессов в развитых европейских государствах.

Ни правый сдвиг, ни левый поворот не происходят сами по себе, в силу объективного развития социально-экономических процессов. Объективные закономерности развития общества опосредуются субъективным фактором — деятельностью людей, объединенных в политические партии и движения. Многое зависит от лидеров, от их способности (или неспособности) почувствовать пульс времени, найти точные ответы на злободневные вопросы, нащупать пути в будущее.

К сожалению, верность социалистическим идеалам сама по себе не гарантирует успеха в реальной политике. Порою, наоборот, препятствует. Динамизм современной жизни тре-

бует от политика гибкости и быстроты реакции. Немалое значение имеет так называемая харизма, то есть лидерские способности, умение вдохновить и повести за собой сторонников. К сожалению, лидерам французских социалистов этих качеств, судя по всему, не хватает.

Говоря о левом повороте в Европе, конечно, нельзя ограничиться лишь анализом деятельности ведущих политических сил, правящих партий или крупнейших оппозиционных объединений. Скрытые политические тенденции иногда ярче прослеживаются на примере политических сил второго ряда, а то и внесистемной оппозиции.

Обращает на себя внимание активизация Партии европейских левых, конференция которой прошла 25 ноября прошлого года в Праге. Значимо для России принятое на форуме заявление о том, что Европе не нужны базы ПРО, эти объекты лишь приведут к усилению гонки вооружений.

В Партию европейских левых, основанную в 2004 году в Риме, входят около двадцати левых партий Австрии, Бельгии, Венгрии, Греции, Испании, Люксембурга, Португалии, Румынии, Чехии, Швейцарии, Эстонии и других стран. Полное название этого политического объединения: «Европейские коммунисты — Европейские левые и зеленые Северной Европы». В основном это «посткоммунистические» левые, в известной мере продолжающие леворадикальную идеологическую традицию. «Европейским левым», объединившим коммунистов и социалистов, принадлежит 41 из 785 мандатов Европарламента.

Стоит отметить, в Европарламенте существует мощное объединение умеренно левых сил — Партия европейских социалистов, которая существует с 1979 года и объединяет более 200 депутатов. Недавно председатель фракции социалистов Европейского парламента Мартин Шульц призвал нового президента США Барака Обаму отказаться от планов по расширению американской системы ПРО в Европе.

В сентябре 2008 года в шведском городе Мальмё был проведен очередной антиглобалистский Европейский соци-

альный форум. Среди участников этого мероприятия были и коммунисты, и маоисты, и анархисты, и «новые левые», и троцкисты. Наряду с призывами типа «Иной мир возможен!» или «Переделаем Европу!», выдвигались и радикально антикапиталистические лозунги.

Местные власти разрешили «антикапиталистическую» демонстрацию, которая прошла успешно, хотя и без масштабных погромов, характерных для антиглобалистского движения.

Оценивая успехи левого движения в Европе, не стоит забывать, что из 27 стран-членов Европейского союза треть государств управляются правительствами, возглавляемыми социал-демократами или социалистами. А президентом Кипра не так давно избран коммунист. Есть признаки изменения предпочтений европейских избирателей на местном уровне: во Франции и Чехии левые получили большинство на последних муниципальных выборах.

Конечно, отдельные успехи политических партий и организаций левой направленности в Европе — следует рассматривать скорее как аванс на будущее. Это пока только симптомы и предвестники нового левого поворота, связанного с развитием и углублением мирового финансово-экономического кризиса. Стремительно разрастающийся кризис доказывает, что полностью исчерпал свой потенциал «правый поворот», пришедшийся на 1980–90-е годы. Опирающаяся на неолиберальные монетаристские теории политика «рейганомики» и «тэтчеризма», связанная с новым этапом глобализации и крушением мировой социалистической системы, сыграв отведенную ей историей роль, превратились в тормоз на пути дальнейшего развития человечества.

Мировой финансовый кризис и перспективы левого движения

Разразившийся осенью 2008 года мировой финансово-экономический кризис начинался заурядно — с небольших трудностей в системе ипотечного кредитования США. На протяжении десятилетий доступность и дешевизна кредитов

на приобретение недвижимости была залогом социальной стабильности и источником гордости Америки. Кредиты выдавались практически всем желающим, в том числе малоимущим, многодетным, студентам, инвалидам, иногда даже безработным. Риски, связанные со столь массовой ипотекой, разделяли с банками мощные страховые компании. В конечном счете, за всей этой пирамидой стояла Федеральная резервная система США, исправно накачивающая экономику дешевеющими долларами.

Дешевые деньги способствовали стремительному росту рынка недвижимости, разраставшемуся на десятки процентов в год. Заемщикам стали предлагаться кредиты с плавающей ставкой, невысокой на момент заключения сделки. Но по мере перегрева экономики ФРС стала повышать учетную ставку и, соответственно, возрастали платежи по плавающим ставкам. Ежемесячные процентные расходы заемщиков увеличивались на 30 и более процентов в год. Резко увеличился объем невозвратов, банки стали терпеть убытки и сокращать другие формы кредитования. Ипотечный кризис быстро перерастал в банковский.

Чтобы стабилизировать ситуацию, ФРС пошла на быстрое снижение учетной ставки, но было уже поздно. В финансовой сфере началась паника, немедленно перекинувшаяся на все мировые рынки. Образовался дефицит ликвидности, вызвавший всеобщее сокращение спроса. Вслед за этим начали сокращать производство, а затем и закрываться промышленные предприятия. Финансовый кризис перерос в финансово-экономический.

Такова формальная сторона дела.

Но фундаментальные причины нынешнего кризиса гораздо глубже. Экономика США напоминает мыльный пузырь: ее развитие основывается на спекулятивных финансовых операциях, на опережающем росте внутренних и внешних заимствований. По мере роста задолженности требуется все больше ресурсов для рефинансирования своих долгов за счет новых внешних кредитов.

На США приходится примерно 20% мирового производства товаров и услуг, потребляют же они порядка 35%. Уже к концу 2006 года внешний федеральный долг достиг 66% ВВП страны.

Ни для кого не секрет, что такой дисбаланс стал возможен, главным образом, благодаря доллару, являющемуся мировой резервной валютой. Не стоит сбрасывать со счетов и беспрецедентную военную мощь США, используемую в тех случаях, когда экономических аргументов оказывается недостаточно.

Без преувеличения можно сказать, что США выстроили всемирную политико-экономическую пирамиду, на вершине которой находится Америка, в середине — страны «золотого миллиарда», а в основании — все остальное человечество. И разразившийся в 2008 году кризис является кризисом всей современной политико-экономической системы. Именно поэтому он имеет глобальный характер и, еще не достигнув своего дна, уже демонстрирует неизбежность близких и радикальных перемен.

Собственно, эти перемены уже начались. Россия выступила инициатором перестройки мировой финансовой системы, внесла в международную повестку дня вопрос об отказе от использования доллара в качестве мировой резервной валюты. Все больше государств Азии, Африки и Латинской Америки добивается пересмотра принципов ценообразования на сырьевые и продовольственные товары, Европа демонстрирует все большую самодостаточность, растущее стремление к самоопределению.

Но еще большее значение имеют внутренние структурные сдвиги в экономической и политической жизни наиболее развитых государств, свидетельствующие о смене вектора развития, о приближении новой политической эпохи.

Нынешний мировой финансово-экономический кризис заставил всерьез говорить о «левом повороте» как о глобальной перспективе развития человечества. В воздухе запахло «социализмом XXI века», уже не в виде периферийной и отчасти маргинальной латиноамериканской модели, а в испол-

нении вполне респектабельных североамериканских и европейских политиков.

Самым серьезным знаком наступающих перемен стало избрание президентом США темнокожего демократа Барака Обамы.

Здесь я вынужден обратиться к наделавшей много шума циклу статей Михаила Ходорковского под общим заглавием «Левый поворот», особенно к третьей статье серии, названной автором: «Новый социализм: Левый поворот — 3. Глобальная perestroika»¹.

И дело не только в большом общественном резонансе этих публикаций, не в последнюю очередь связанном с историей жизни М. Ходорковского. Осужденный олигарх, действительно, одним из первых озвучил вывод об историческом значении нынешнего мирового кризиса и знаковом характере прошедших президентских выборов в США.

«Победа Барака Обамы на выборах президента США — это не просто очередная смена власти в одной отдельно взятой стране, пусть и сверхдержаве. Мы стоим на пороге смены парадигмы мирового развития. Заканчивается эпоха, которой положили начало Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер три десятилетия назад. Безусловно относя себя к части общества с либеральными взглядами, вижу: впереди — левый поворот», — декларирует Ходорковский.

Трудно не согласиться с этими соображениями. Причины кризиса обозначены М. Ходорковским достаточно четко: противоречие между глобальной экономикой и локальным характером регуляторных систем, расхождение интересов транснациональных корпораций и национальных государств, спекулятивный характер международной финансовой системы, эрозия «корпорации менеджеров», безудержная эксплуатация природных ресурсов и пр. Ходорковский прав: «Сегодняшний мир — глобальный, и потому он стал заложником проблем Уолл-стрит». Но тут же опальный олигарх делает спорный

¹ См.: Ведомости. — 2008. — 7 ноября.

вывод: «Это подтверждает, что ни многополярным, ни тем более бесполярным мир не стал: он по-прежнему монополярный и американоцентричный».

Эта общеизвестная истина никем не оспаривается. Когда говорят о многополярности сегодняшнего мира, обычно имеют в виду, что США не в состоянии в одиночку решать экономические, политические, экологические и прочие встающие перед человечеством проблемы. Америка способна обрушить мировую экономику, даже уничтожить жизнь на планете Земля, но она не может обеспечить устойчивое развитие мировой цивилизации и сохранение окружающей среды. Для этого необходимы консолидированные усилия всех ведущих государств мира. А вот в том, что «ответом на глобальный кризис неизбежно станет глобальная перестройка», опальный олигарх конечно прав. Как и в том, что период доминирования либертарианских идей близится к концу.

«К порогу современности подошел неосоциализм. В ближайшем будущем Кейнс будет более востребован, чем Фридман и Хайек. Осязаемые руки государства и межгосударственных альянсов — более, чем невидимая рука рынка», — мысль правильная, хотя и не новая. Трудно спорить и с теми 12 тезисами перестройки мировой экономики, которые приводит М. Ходорковский. В обобщенном виде все они восходят к известному марксистскому положению о том, что общественному характеру производства должна соответствовать и общественная форма присвоения. Да, М. Ходорковский за годы пребывания в заключении проделал большой путь от убежденного неолиберала до «почти» социалиста. Смущает одно. Полевевший олигарх убежден, что торжество неосоциализма будет не просто временным, но очень краткосрочным. Вдумайтесь: «На следующем витке истории — вероятно, через 12–15 лет — начнется новый этап наступления либерализма. За левым поворотом снова настанет правый!»

Мне кажется, что М. Ходорковский недооценивает глубину и радикализм происходящих, а главное — грядущих перемен. Ведь речь идет не просто о смене экономической поли-

тики, правящей партии и кабинета министров. Современное человечество столкнулось с глобальными вызовами, ответ на которые не может быть найден в существующей системе цивилизационных координат. Цивилизация, построенная на корысти и доведенная до абсурда индивидуализме, не в состоянии преодолеть угрожающий разрыв между богатеющим «севером» и нишающим «югом», решить общепланетарную энергетическую проблему, предотвратить надвигающуюся экологическую катастрофу. Будущее человечества — в поиске новой цивилизационной модели, немислимой вне обновленной, с учетом горького опыта XX века, социалистической системы ценностей.

Невольно возникает вопрос: а не ради ли исторического оправдания скомпрометированного либерализма осуществлен «Левый поворот» М. Ходорковского?

Оставим теоретические изыскания опального олигарха и зададимся вопросом, который действительно беспокоит сегодня очень многих: насколько нового американского президента — «президента надежды», как его часто именуют — Барака Обаму можно считать представителем левого направления в политике? Ведь сама по себе принадлежность к Демократической партии мало о чем говорит.

Да, Демократическая партия в определенной степени выражает интересы меньшинств и представителей либеральной интеллигенции, ее позиция ближе к европейской социал-демократии. Однако было бы ошибкой отождествлять американских демократов с социалистами или социал-демократами. Американская партийно-политическая система весьма специфична и очень далека от более понятной россиянам европейской модели.

Однако анализ предвыборной программы Б. Обамы свидетельствует о его действительной приверженности левым взглядам. Он является сторонником снижения налогов для малоимущих и повышения налогообложения тех американцев, чей заработок превышает 250 тысяч долларов в год. Обама выступает за увеличение минимальной оплаты труда,

борьбу с безработицей, увеличение государственных инвестиций в сферу образования, высказывается за расширение дотаций в сельское хозяйство.

При этом новый президент США обещает снизить до разумного уровня военные расходы, вывести войска из Ирака, наладить диалог с Ираном.

Несмотря на свою религиозность, Б. Обама высказывается за разрешение аборт и расширение прав женщин в решении этих вопросов. Он сторонник полного отделения церкви от государства, выступает за отмену смертной казни.

Весьма либеральны и его взгляды на проблему иммиграции: Б. Обама предлагает расширить существующие программы по принятию и адаптации иммигрантов.

Что касается отношений с Россией, то здесь молодой американский лидер более осторожен. Судя по его высказываниям, он является сторонником «мягкой» изоляции нашей страны, что особенно отчетливо проявилось во время грузино-осетинского конфликта. При этом Обама понимает, что решение крупных международных проблем без участия России невозможно. «Если мы хотим сохранить режим нераспространения, без участия России нам не обойтись», — заявляет он.

Нельзя не отметить и осторожность в его подходе к размещению систем американской ПРО в Восточной Европе: до настоящего времени Б. Обама избегал однозначных высказываний на эту тему.

Разумеется, декларации кандидата в президенты и реальная политика действующего президента — далеко не одно и то же. Но выполнить хотя бы часть своих обещаний Б. Обаме придется — через четыре года новые выборы.

Впрочем, при всей важности политической позиции Б. Обамы, может быть, еще важнее сам факт избрания президентом США темнокожего демократа леволиберальных взглядов. Это свидетельство серьезной трансформации американского общества, несомненного «левого поворота» американского избирателя.

И произошло это, не в последнюю очередь, под влиянием финансово-экономического кризиса. Еще в разгар предвыборной кампании социологи отмечали зависимость рейтингов кандидатов от биржевых индексов. Чем лучше шли дела в американской экономике, тем выше был рейтинг республиканца Джона Маккейна. При падении биржевых показателей, напротив, симпатии избирателей обращались в сторону демократа Барака Обамы. Явная неспособность республиканской администрации Джорджа Буша противостоять кризису сделала положение Дж. Маккейна совершенно безнадежным. Можно сказать, что Б. Обама влетел в Белый дом на волне кризиса!

По Европе мировой финансовый кризис ударил в 2008 году. Все началось с падения ведущих биржевых индексов, перекинулось на банковскую сферу, затем на реальный сектор экономики. Уже в мае 2008 года в целом по еврозоне промышленное производство сократилось на 1,9%. Продажи европейских автомобилей упали на 7,8%. В июне объем розничных продаж сократился на 3,1% по сравнению с прошлым годом.

В Германии во втором квартале 2008 года было зафиксировано начало рецессии (0,5% ВВП). В Италии «Фиат» объявил о закрытии ряда заводов и об увольнениях на работающих предприятиях. В Нидерландах объем промышленного производства к лету 2008 года сократился на 6%.

В этой ситуации правительства ряда государств пошли на неординарные меры: в феврале Великобритании национализировала ипотечный банк Northern Rock PLC, к сентябрю дело дошло до частичной национализации десятка крупнейших банков страны, путем выкупа долей в собственности. На эти цели было выделено 50 миллиардов фунтов. 28 сентября был частично национализирован нидерландо-бельгийский банк Fortis. В Исландии правительство взяло под свой контроль три крупнейших банка страны. В ноябре 2008 года Латвия национализировала один из крупнейших банков страны Parex Banka. В январе 2009 года принято решение о национализации второго по величине банка Германии — Commerzbank.

Нужно сказать, что в методах спасения финансового сектора Европа не «открывала Америки». Точно так же действовало правительство США. В сентябре 2008 года было объявлено о национализации ряда крупнейших ипотечных компаний, а в октябре того же года Минфин США выделил 250 миллиардов долларов на выкуп долей в крупнейших федеральных и региональных банках.

Не будем предаваться иллюзиям: национализация находящихся на грани банкротства банков и компаний отнюдь не означает построения социализма в США и развитых европейских странах. Во-первых, эта мера применяется сугубо избирательно, а во-вторых, имеет, скорее всего, временный характер. В 70-е годы прошлого века лейбористским правительством Великобритании была проведена довольно масштабная национализация. В 80-е же годы консерваторы осуществили еще более масштабную приватизацию! Не исключено, что мы вновь станем свидетелями подобного сальто-морtale.

Однако сам факт, что правительства ведущих капиталистических государств вынуждены далеко выходить за рамки не только монетарных, но и вообще рыночных мер, говорит о многом. Тем более, что нынешний кризис уже вызвал серьезное обострение классовой борьбы по всему миру. Примечательно, что эта борьба все чаще принимает экстремальные формы. Об этом свидетельствуют участвовавшие случаи массовых беспорядков: в декабре прошлого года массовые волнения прокатились по Греции, в январе серьезные беспорядки имели место в Болгарии, Латвии и Литве.

Разумеется, речь не идет ни о какой «социалистической революции», для нее в Европе нет ни объективных, ни субъективных предпосылок. Но налицо серьезный рост недовольства трудящихся, не находящего выхода в традиционных политических формах. Налицо объективные предпосылки для нового левого поворота. И весь вопрос в том, сумеют ли левые силы, прежде всего социалисты и социал-демократы (как наиболее мощный и организованный отряд левого движения), восполь-

зваться благоприятной ситуацией для решительного рывка к власти.

Российский парадокс

Многим памятны слова нынешнего премьера (а тогда президента) Владимира Путина о том, что Россия — страна социал-демократическая. С этим трудно не согласится. Вся история нашей страны — вечный поиск социальной справедливости.

Конец XIX — начало XX веков проходили под знаком растущего влияния социалистических идей в российском обществе.

Грянувшая в 1917 году революция привела к власти социалистов — сначала умеренных социалистов-революционеров и меньшевиков, затем беспрецедентно радикальных большевиков.

Более 70 лет в стране безраздельно господствовала коммунистическая идеология — тоталитарный вариант социалистического мировоззрения. Даже начавшиеся в конце 80-х годов прошлого века демократические преобразования (перестройка) первоначально проходили под социалистическими флагами («Больше социализма!»). Напомню, что и «могильщик» коммунизма Борис Ельцин в 1989–90 годах основной упор в своей риторике делал на левом, по существу, лозунге борьбы с привилегиями номенклатуры.

Однако антитоталитарная революция начала 90-х годов, сопровождавшаяся распадом Советского Союза, привела к власти в России праволиберальные силы, надолго оказавшиеся на вершине политического Олимпа.

Бесчеловечность «шоковой терапии», вопиющая несправедливость российского варианта приватизации в сочетании с коммунистическими традициями страны обусловили резкую поляризацию политического поля.

Умеренно левые силы социалистической и социал-демократической направленности оказались вытеснены на обочину политической жизни.

В «партии власти», выступавшей под разными названиями, преобладали правые настроения, в КПРФ — аккумулировавшей основную энергию протестного электората — неприкрытый сталинизм.

Профсоюзное движение, унаследовавшее структуру и традиции советского ВЦСПС, оказалось мало приспособленным к реалиям новой эпохи и не могло стать базой для формирования массовой левой партии социал-демократического типа. И это при том, что после кратковременной либеральной эйфории начала 90-х годов массовое сознание все больше склонялось к социалистическим ценностям, не отказываясь при этом от идеалов демократии.

К концу 90-х годов в России сложилась парадоксальная политическая ситуация: в стране существовали все объективные предпосылки для левого поворота, но полностью отсутствовала политическая структура, способная этот поворот осуществить.

Между тем экономический кризис и дефолт 1998 года окончательно скомпрометировали как действовавшее на тот момент политическое руководство Российской Федерации, так и проводимые им нелиберальные реформы. Страна находилась на грани коллапса.

В этот момент ответственность за судьбу России взяла на себя команда патриотов-прагматиков, возглавляемая Владимиром Путиным. Решив, в основном, задачи восстановления вертикали власти и укрепления государственности, новое политическое руководство столкнулось с необходимостью глубокой структурной перестройки всей социально-экономической сферы, без чего страна просто не могла выжить в условиях жесткой геополитической конкуренции. Продолжение инерционного энергосырьевого сценария развития экономики России с неизбежностью вело к отставанию нашей страны от мировых лидеров, со всеми вытекающими последствиями.

Единственной альтернативой такому ходу событий была признана стратегия инновационного развития, опирающаяся

на эффективное применение и развитие человеческого потенциала, определяемого уровнем развития социальной сферы, науки, образования, культуры.

Важно подчеркнуть, переход на инновационный путь развития, особенно в российских условиях, тесно связан с масштабными государственными инвестициями в экономику, приданием всей государственной политике социального звучания.

Одним из первых знаковых шагов в этом направлении стала разработка и принятие концепции приоритетных национальных проектов (ПНП): «Образование», «Здоровье», «Развитие АПК», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», которые стали частью общей стратегии ускоренного социально-экономического развития России.

Принципиальной особенностью ПНП является их инновационная направленность: государственную поддержку получают именно те направления развития, которые связаны с использованием и внедрением самых передовых технологий.

Иными словами, сверхзадачей приоритетных национальных проектов является создание в России социально-экономической инфраструктуры, адекватной требованиям новой инновационной экономики — экономики знаний. Одновременно обеспечивается общий подъем всей социальной сферы, общего уровня жизни населения, что, в свою очередь, способствует накоплению так называемого «человеческого капитала».

Можно спорить о том, насколько полно идеология ПНП была претворена в жизнь, насколько исполнение соответствовало поставленным задачам, но социальная направленность всего проекта несомненна.

Следующим знаковым решением стало принятие общегосударственной Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, переводящей задачу инновационной перестройки отечественной экономики в плоскость практической реализации. Обращает на себя внимание заложенная в Концепцию идея принципиального

повышения влияния государства на все сферы социально-экономической жизни страны.

Сказанное позволяет сделать неординарный вывод: несмотря на отсутствие в России современной развитой инфраструктуры левого движения, несмотря на то, что правящая партия «Единая Россия» придерживается правоцентристских позиций, сама жизнь заставляет политическую элиту страны разворачиваться в сторону левой, социал-демократической по сути, политики.

Пока этот разворот носит верхушечный и фрагментарный характер. Это, скорее, декларация о намерениях, нежели реальная политика, способная изменить повседневную жизнь людей. Но, как известно, сначала было слово! Сам факт отказа российской политической элиты от неолиберальных догм, признание необходимости сильной социальной политики и повышения роли государства в экономике свидетельствует о вызревании радикальных перемен.

Разумеется, они не могут произойти сами по себе или «по высочайшему повелению». Особенно в условиях жесточайшего финансово-экономического кризиса, который, в силу недоразвитости рыночной инфраструктуры, может ударить по России сильнее, чем по странам с устоявшейся рыночной экономикой.

В условиях кризиса правительство вынуждено будет сворачивать отдельные долгосрочные программы, осуществлять политику «затягивания поясов». Может оказаться под угрозой и Программа–2020.

Но, с другой стороны, экономический кризис всегда является сильнейшим катализатором политической активности масс. И естественно направляет эту активность в левое русло.

Задача в том, чтобы придать стихийному протестному движению конструктивный политический характер.

Именно эту функцию и призвана выполнять современная социал-демократия.

Сегодня в России есть только одна политическая сила, способная осуществить левый поворот в цивилизованных

социал-демократических формах — политическая партия «Справедливая Россия». Сравнительно недавно возникнув, она успела превратиться во влиятельную политическую силу как на федеральном, так и на региональном уровне, аккумулировать в себе целый ряд партий и движений социалистической направленности, создать серьезную организационную структуру.

Хочется надеяться, что у руководства «Справедливой России» хватит прозорливости и политической воли, чтобы оказаться на высоте стоящих перед партией исторических задач.

СВОБОДА ЧЕРЕЗ СОЦИАЛИЗМ

Лафонтен О. (Германия)

Ключевые отрасли экономики должны быть поставлены под общественный контроль. Капитализм не считается с правами. У концернов слишком много власти. Приватизация приносит больше привилегий меньшинству. Предпосылкой свободы является социальное государство, защищенное от бедности.

Все больше людей, в том числе и глава католической церкви, ставят под вопрос глобальный капитализм. Папа Иоанн Павел II несколько лет назад сказал: «Дефицитами гуманности этой экономической системы, укрепляющей господство вещей над людьми, являются вытеснение из социальной жизни, эксплуатация и разобщенность». Контрпроектом капиталистической системы хозяйствования «Левая» называет демократический социализм. Под этим она понимает нечто большее, чем экономический порядок. Демократический социализм предполагает, однако, такой экономический порядок, который дает человеку возможность принимать участие

в общественной жизни, обеспечивает мир и защищает окружающую среду.

Со времен Просвещения утопией левых является всемирная общность свободных и равных людей. Главная ценность, за которую политически выступает «Левая», — это свобода, это право всех людей самим определять свою жизнь. Социалистические государства Восточной Европы, в том числе и ГДР, потерпели фиаско, потому что они не создавались ни как демократические, ни как правовые государства. Обещая лучшее будущее, их руководители пренебрегли свободой. Поэтому эти страны не были ни социалистическими, ни демократическими.

Неолибералы, определяющие сегодня политику западных индустриальных государств, глубоко убеждены в том, что уменьшение государственного вмешательства в экономику, приватизация и установление гибкой системы хозяйствования означает предоставление большей свободы. В понимании «Левой» эти структурные изменения общества ведут скорее к несвободе и социальным лишениям. Примером этого являются события на почте и в Телекоме. Тот, кто отменяет право на защиту, открывает дорогу произволу более сильных. Справедливый мир не может быть создан таким путем.

«Левая» ссылается на просветителя Жан-Жака Руссо: «Entre le faible et le fort c'est la liberte, qui opprime, et c'est la loi, qui libere» (Между слабым и сильным находится свобода, которая подавляет, и находится закон, который дает свободу). В мировом и региональном масштабах нам нужен экономический и социальный порядок, который защищает слабых от сильных.

На международном уровне этой цели служат, в частности, международное право, Хартия ООН, Женевские конвенции, честная всемирная торговля и мировая финансовая архитектура со стабильными валютными курсами и контролем за оборотом капитала. Капитализм проявляет обусловленную самой системой тенденцию к тому, чтобы в интересах повышения оборота и прибыли не считаться с этими правилами. Уже

в 1933 году Освальд Шпенглер писал: «Колониальная и заморская политика превращается в борьбу за области сбыта и источники сырья для промышленности, в том числе в возрастающей мере за нефтяные месторождения».

Для французского социалиста Жана Жореса эта борьба была следствием экономического порядка: «Капитализм носит в себе войну, как облако — дождь». Тому, кто полагает, что наблюдение Шпенглера и анализ Жана Жореса больше не актуальны, нужно только посмотреть на происходящее на Ближнем Востоке. Ведущие там войны, в которых принимает участие Германия, это — не походы за свободу и демократию, а борьба за нефтяные запасы Ближнего Востока и запасы природного газа прибрежных государств Каспийского моря.

Некоторые усмотрят идеологическое преувеличение в том, что Жан Жорес клеймит позором капитализм как экономическую систему, постоянно несущую в себе возможность войны. Но это не так-то просто. Связь капитализма и войны установил также американский президент Дуайт Эйзенхауэр, хотя он едва ли соприкасался с социалистическими идеями. В своем прощальном обращении к нации в 1961 году он сказал: «Комбинация из бесчисленного военного истеблишмента и крупной промышленности, производящей вооружения, — это новый опыт для Америки. Экономическое, политическое и даже духовное влияние этой комбинации ощущается в каждом городе, в каждом парламенте федерального штата и в каждом федеральном министерстве. Мы никогда не должны допускать того, чтобы вес военно-промышленного комплекса подвергнул опасности наши основные права или процессы демократического развития. Мы не должны ничто рассматривать как гарантированно обеспеченное. Только бдительные и образованные граждане могут заставить огромный промышленный и военный оборонный аппарат включиться в наши мирные методы и цели с тем, чтобы безопасность и свобода могли совместно процветать».

46 лет спустя мы можем констатировать, что предупреждениям, высказанным президентом-республиканцем, не было

придано внимания. Гуантанамо, Абу-Грейб и войны в Ираке и Афганистане показывают, что не удалось заставить огромный промышленный и военный оборонный аппарат Соединенных Штатов Америки «включиться в мирные методы». Впрочем, кандидат в президенты от демократов Джон Ф. Керри обещал в феврале 2004 года: «Когда я буду президентом, я приложу все усилия для разработки альтернативных видов топлива и соответствующих автомашин будущего для того, чтобы наша страна в течение десяти лет стала независимой от нефти Ближнего Востока и наши сыновья и дочери не должны были бы больше бороться и умирать за эту нефть». Но к мысли о том, что войны за нефть и разрушение окружающей среды являются следствием экономического порядка капитализма, он подошел так же мало, как «красно-зеленая» коалиция или правительство А. Меркель.

Поскольку «Левая» устанавливает эту связь, она требует не только уважения международного права, но и, чтобы пресечь зло в корне, установления демократического и общественного контроля над ключевыми отраслями экономики. В первую очередь это относится к промышленности вооружений. Организованная на частно-хозяйственной основе промышленность, производящая вооружения, всегда будет заботиться об обороте и прибыли. С тем, чтобы добиться принятия необходимых программ производства вооружений, подкупаются парламентарии. Если речь идет о том, чтобы завоевать нефтяные источники военными средствами, энергетическая промышленность и военно-промышленный комплекс осуществляют тесное сотрудничество.

По экологическим и социальным причинам должна быть поставлена под общественный контроль энергетическая промышленность. В Южной Америке это означает национализацию нефтяных и газовых компаний. В Германии с ее развитой инфраструктурой это означает, что энергетическое хозяйство должно быть ремуниципализовано. Не наносящее ущерба окружающей среде использование энергетических запасов земли должно быть децентрализовано. Децентрализованное

энергоснабжение, включающее альтернативные источники энергии, создает высокий уровень занятости. «Левая» считает, что отрасли экономики, являющиеся зависимыми от сетей и обеспечивающие основное снабжение населения, должны оставаться в ответственности общества. Это относится, например, к железной дороге, к электро-, газо- и водоснабжению и сфере телекоммуникаций.

Опасность, исходящую для свободы из концентрации капитала в руках немногих, никто не увидел более четко, чем экономист из Фрайбурга Вальтер Ойкен. Для него речь шла не о контроле, а о воспрепятствовании экономической власти. По его мнению, хотя капитализм и социализм борются друг с другом — речь шла об авторитарном государственном социализме восточного блока, — но в действительности они имеют много общего. Если бы рыночная экономика была предоставлена самой себе, то она вела бы к постоянно усиливающейся концентрации власти. Связанные экономическими интересами группировки усиленно контролировали бы тогда рынки — то есть конкурентов — путем создания картелей, слияний, демпинговых цен и рыночных барьеров. Крупные предприятия с помощью простой своей экономической мощи могли бы легально шантажировать демократические правительства.

Отсюда политика государства должна быть направлена на то, чтобы распустить экономические властные группы или ограничить их функционирование. Поэтому Людвиг Эрхард выступал в свое время за закон о картелях, запрещающий их слияние. Но тогда ему не удалось добиться этого. Сегодня 500 концернов контролируют половину мирового социального продукта. Концентрация экономической власти подрывает демократию. Но власть, не легитимированная демократическим путем, не имеет права определять общественные условия. «Левая» хочет добиться примата политики. Сильно сконцентрированные отрасли экономики должны быть декартелизованы. По этой причине мы хотим ужесточить картельное законодательство. Рынок и конкуренция ведут не только к эффективной экономике, но также и к децентрализации при-

нения экономических решений и тем самым к ограничению экономической власти.

Контроль за любого рода властью, а, стало быть, и за экономической властью, является центральной задачей «Левой». В бывших социалистических странах государство обладало слишком большой властью. В капиталистических странах слишком большую власть имеют концерны. Франц Бём, который, как и Вальтер Ойкен, принадлежал к Фрайбургской школе, назвал конкуренцию «самым гениальным в истории инструментом лишения власти». Для «Левой» конкуренция является публично-правовым мероприятием, которое должно организовываться сильным и беспристрастным государством. У государства есть социальная задача обеспечить, чтобы тенденции рыночной экономики, нацеленные на устранение конкуренции, не реализовывались. Нужно избегать любой монопольного вида структуры, поскольку в противном случае, как показывают объявленные повышения цен на электроэнергию, деньги будут бесстыдно забираться.

Также и по этой причине «Левая» отклоняет волну приватизации последних лет. Когда, например, продаются насосные станции общины, то цены явно возрастают. Коммунальная монополия становится частной монополией. Монопольная прибыль дополнительно возрастает в результате вычленения из предприятия его составляющих частей и привлечения наемных рабочих со стороны с целью резкого сокращения заработной платы занятых. Уменьшение государственного вмешательства в экономику и приватизация ведут к результату, противоположному тому, который обещают неолиберальные пророки. Результат всегда один и тот же: больше привилегий и богатства для меньшинства, меньше свободы и социальной защищенности для большинства.

Однако социальная защищенность и свобода неразрывно связаны друг с другом. Если договоры по тарифам и запрещение необоснованного увольнения рабочих и служащих, то есть правила, защищающие слабых, выхолащиваются или отменяются, то условия для труда становятся критическими.

Люди, которые в конце месяца не знают, смогут ли они заплатить за квартиру или по счету за электроэнергию, которые боятся, что им не хватит больше денег, чтобы купить хлеб, теряют свободу. Они не могут больше принимать участие в общественной жизни и планировать свое будущее. Их сопротивляемость идет на убыль. Они покоряются судьбе и ищут прибежища в потреблении алкоголя или наркотиков. Только сильное государство, обеспечивающее право слабых на защиту, делает возможным свободное общество.

На этом фоне старые понятия национализации и обобществления наполняются новым содержанием. Контроль над властью является предпосылкой демократического общества. Это относится и к сосуществованию и сотрудничеству на предприятиях и в управлениях. Поэтому участие рабочих в управлении предприятием, совокупность прав и обязанностей предпринимателя и рабочих и служащих предприятия, а также представительство рабочих и служащих в госучреждениях являются неизменным элементом демократического общества. Они дают возможность людям, занятым на предприятии, независимо от его собственника, принимать участие в принятии решений.

В обществе в целом интересы работников и работниц представляют профсоюзы. Плохо, что в последние годы профсоюзы теряют влияние. И не только потому, что миллионы людей остались без работы, но и потому, что политика «позаботилась» о том, чтобы заработная плата продолжала катиться вниз. Отказ от законодательно определенной минимальной заработной платы, упразднение запрета на необоснованное увольнение рабочих и служащих, установление программой Hartz IV правила о недопустимости выдвижения требований, растущее количество ограниченных по срокам трудовых договоров, увеличение числа нанимаемых со стороны работников и мнимой самостоятельности имеют только один результат: падение заработной платы. Профсоюзы уже не могут больше выполнять свою основную задачу: добиваться в условиях растущей экономики повышения оплаты труда.

Более 2000 лет назад афинский государственный деятель Перикл сказал: «Имя, которым мы обозначаем наш политический строй, — демократия, поскольку дела решаются не в интересах немногих, а в интересах большинства». Если мы сопоставим политическую действительность в Федеративной Республике Германия в 2007 году с этим простым определением демократии, то придем к выводу, что мы живем в парламентской демократии, которая не удовлетворяет решающему критерию Перикла в отношении политического строя, называемого демократией. Только закоренелые краснобаи могут утверждать, что дела у нас решаются в интересах большинства. Сокращение заработной платы в форме увеличения продолжительности рабочего времени без дополнительной оплаты, сокращение пенсий, красиво поданное как уход на пенсию в 67 лет, и социальных пособий, называемое перестройкой социального государства, характерны для решений германского бундестага. И хотя на портале перед входом в бундестаг бронзовыми буквами написано «Немецкому народу», большинство немцев больше не верят в это. В ходе проведенного несколько месяцев назад опроса 82% респондентов сказали, что интересы народа никак не учитываются. Несколько недель назад молодежь нарушила уютный покой этого «Высокого дома», развернув транспарант с надписью «Немецкой экономике». Если население таким образом оценивает нашу демократию, то не удивительно, что большинство избирателей все охотнее остается дома или идет гулять, вместо того чтобы отправиться к урнам для голосования.

«Левая» понимает себя как движение за демократические преобразования. Политические решения в Германии снова должны учитывать интересы большинства. Мы должны пойти на то, чтобы добиваться больше демократии, прежде всего больше прямой демократии. Поэтому «Левая» требует проведения политической забастовки, всеобщей забастовки, которая в большинстве государств Европы является инструментом политической борьбы. Наша демократия подвергнется опасности, если, как это произошло с движением против

программы Hartz-IV и протестами против введения пенсионного возраста в 67 лет, состоятся крупные демонстрации, которые останутся безрезультатными. Когда в этой связи политики и комментаторы говорят о давлении улицы, которому нельзя уступать, они проявляют ложное понимание демократии. Впрочем, это те же люди, которые в период движения «Солидарность» в Польше и понедельничных демонстраций в Лейпциге, приветствовали давление улицы и видели в нем непреложное основное право демократии.

И у нас население имеет основания встать на свою защиту. Немало лет оно переживает свертывание социального государства, которое давало им опору и защищенность. Но защищенное от бедности социальное государство есть предпосылка свободы. Тот, кто знает, что в случае его болезни о нем хорошо позаботятся, кто не боится, что в старости ему придется голодать, и кто знает, что, окажись он безработным, он не должен ожидать существенного ухудшения условий своей жизни, может планировать свое будущее. То, что социальные права являются предпосылкой свободного общества, известно со времен Французской революции. Какая польза безграмотному от свободы печати? Какая польза голодающим от избирательного права? И какая польза от свободы выражения мнения и проведения собраний больным СПИДом в Африке? Без социальной справедливости нет республики. Свободу испытывают только люди, защищенные от социального падения. Поэтому в Германии вновь должно быть создано социальное государство. Прежде всего, это касается пенсионного законодательства. Последний доклад Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приходит к потрясающему выводу: те у нас, чья заработная плата ниже среднего уровня, получают самую низкую во всех индустриальных государствах пенсию.

Бедность в старости, от которой в значительной мере избавились после Второй мировой войны, снова запрограммирована на будущее. В обществе, становящемся все более богатым, политики и комментаторы утверждают, что бедность в старо-

сти является неизбежным следствием глобализации. «Левая» поставит в центр своей политики восстановление пенсионной формулы, которая гарантирует достойную жизнь в старости. Она будет неустанно действовать в том направлении, чтобы отменить экспроприацию рабочих и служащих, которая была произведена с помощью программы Hartz IV. Тот, кто, будучи работником со средней заработной платой, годами платил взносы в страхование по безработице, в возрасте старше 50 лет будет получать пособие по безработице только один год. Он выплатил 60 тысяч евро, а получит назад только 10 тысяч евро. Льготы по программе Hartz IV он получит лишь тогда, когда израсходует или продаст за бесценок все то, что отложил или накопил на старость.

«Левая» требует: чем старше работник, тем дольше снова должно выплачиваться пособие по безработице. В духе процитированной вначале формулы Руссо должны быть приняты все усилия для того, чтобы ограничить выходящие за всякие пределы размеры наемного труда за счет нанятых со стороны работников. В настоящее время мы везде читаем восторженные сообщения о возросшем числе занятых. Но каждое третье новое рабочее место возникает в отраслях, использующих наемных работников со стороны. Труд наемных рабочих оплачивается намного хуже, чем кадровый состав работников. «Левая» сделает все для того, чтобы вновь ограничить размеры привлекаемого со стороны наемного труда и обязать предпринимателей оплачивать наемных рабочих так же, как штатных работников и работниц.

«При сегодняшнем состоянии дел ведь именно социализм является единственным учением, подвергающим серьезной критике основы наших фальшивых обществ и образа жизни». Это высказывание писателя Германа Гессе остается в силе и сегодня. Он обязывает нас добиваться создания такого общественного строя, который сделает для каждого возможным самостоятельно устраивать и вести достойную жизнь. Простое продолжение существовавшего до сих пор развития не имеет больше будущего. Нам нужен прогресс, который

сделает наше общество более свободным, более справедливым и более солидарным. Без этого прогресса откроется дорога для регресса. Если мы сохраним имеющуюся экономическую систему, то государство превратится в непосильно заваленный задачами ремонтный завод. Оно должно будет путем социального обслуживания или плетущейся следом защиты окружающей среды ремонтировать то, что разрушено безответственным в социальном и экологическом отношении хозяйствованием. Достичь экологически и социально ответственного хозяйствования можно только там, где удастся добиться преимущества демократических решений перед интересами получения прибыли и экономической властью.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛЕВЫЕ В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Самарская Е.А.

Проблема субъекта освободительного движения находится в центре идеологических размышлений современных социалистов, она во весь рост встает перед ними в их практической деятельности, понуждает их к анализу значительных социально-экономических и политических перемен, происшедших в мире на рубеже XIX–XX веков и нанесших сильный удар традиционным социалистическим партиям (социал-демократам и коммунистам). Наиболее зримым фактом этих перемен явился крах СССР, в результате которого оказалось разрушено и европейское коммунистическое движение.

Социал-демократия также переживает непростые времена и отчасти это тоже связано с крахом мирового коммунизма, ибо политический вес западной социал-демократии увеличивало в значительной мере и то обстоятельство, что она ориентировала своих членов и свой электорат на противосто-

яние коммунизму. Но есть и другие существенные факторы кризисного состояния социал-демократии, задействованные в мощном движении глобализации капитализма: производственные перемены, связанные с активным вмешательством науки в производственные процессы, внедрением информационных технологий; социальные перемены, выражающиеся в численном сокращении рабочего класса, в росте занятых в сфере услуг, в увеличении количества мигрантов среди занятых малоквалифицированным трудом; политические перемены, связанные с возрастанием регулятивно-экономических функций государства (это демонстрирует ярко современный финансовый кризис) и, с другой стороны, с трудностью для государственной власти контролировать деятельность ТНК.

Особо следует отметить, что рост регулятивной деятельности государства, его заботы о конкурентоспособности национальной промышленности влечет за собой перекройку бюджета в сторону увеличения инвестиций в производство и сокращения, естественно, государственных расходов на социальные нужды. Это воспринимается многими членами социалистических партий и электоратом как посягательство на социальное государство, главное детище европейских социалистических партий в период после Второй мировой войны.

Показателем такой ситуации может служить документ «Третий путь — новая середина», подготовленный к XXI конгрессу Социалистического интернационала (1999 г.) Т. Блэром и Г. Шрёдером. Термин «третий путь» означал, что социалисты должны отныне дистанцироваться и от либерализма, и от старой социал-демократии, какой она была в свой «золотой век» (30-летие после Второй мировой войны), прокладывая свой путь между ними. Документ имеет прорыночную направленность, и, хотя в нем подчеркивалось, что социал-демократия поддерживает рыночную экономику, но не рыночное общество, его идеи трудно воспринимались массой членов партии. Многие не соглашались с мыслью, что целью партии должно стать балансирование между экономической мощью страны и социальным выравниванием. Такая формулировка целей

партии вызывает необходимость обозначить социально-политического субъекта, готового их поддерживать.

Традиционный электорат социал-демократии в лице индустриального пролетариата, во-первых, численно сокращается, во-вторых, враждебно относится к мерам по сокращению социальных расходов, в-третьих, тяготеет в настоящее время к популистским лозунгам, мобилизующим коренное население на борьбу с мигрантами. Если говорить, например, об СДПГ, то она вынуждена привлекать на свою сторону не только рабочих, но и другие группы населения, чувствительные к идеям гуманизации в социальном и экологическом духе глобализирующегося капитализма. В конце концов, в новой своей программе, принятой на съезде в Гамбурге в 2007 году, СДПГ позиционировала себя как «левую народную партию»¹.

В полной мере оценить сложность в настоящее время проблемы обозначения субъекта освободительного движения может помочь взгляд на эту проблему со стороны нетрадиционных левых, громко заявивших о себе в период студенческих волнений 1968 года. Дело в том, что социал-демократы или коммунисты (там, где они сохраняются) отягощены грузом идей из прошлого, что затрудняет ясное видение ими современных проблем. Новые (нетрадиционные) левые тоже имеют свою идейную историю или предысторию, но она не довлеет над ними тяжким бременем, ибо у них не было и нет четких аппаратных структур и идеологического багажа, переходящего от поколения к поколению. Поэтому они более адекватно воспринимают современность и отчетливо демонстрируют новые направления протестной социально-политической деятельности. От старых левых (коммунистов и социал-демократов) их отличает тотальное противостояние капиталистической модернизации.

Если социал-демократы стремились вносить коррективы в функционирование рынка и парламентской демократии, то новые левые вообще отрицают рынок и демократию, в какой

¹ Орлов Б.С. Новая программа германской социал-демократии. — М., 2008.

бы форме они не проявлялись. Если коммунисты, отбросившие и рынок, и представительную демократию, сохраняли веру в научно-производственный прогресс, то новые левые не приемлют прогресс как форму господства разума в системе человеческих отношений на Западе и Востоке. Что же касается субъекта освободительного движения, то их взгляды на этот вопрос глубоко пессимистичны: субъекта либо нет, либо это группы, не могущие или не желающие претендовать на политическую значимость и действующие в сфере социальных отношений. В целом, драма и старых, и новых левых заключается теперь в том, что отсутствует в настоящее время в освободительном движении такой мощный и солидарный субъект протеста, каким был ранее индустриальный пролетариат.

Старые левые не сразу увидели в пролетариате силу, заинтересованную в победе социализма и способную ее осуществить. В период Великой французской революции Г. Бабеф и Ф. Буонаротти делали ставку просто на бедные слои населения, в основном на крестьянство, а непосредственной революционной силой считали заговорщические организации. А. де Сен-Симон, а вслед за ним О. Конт поняли значение пролетариата в жизни индустриальных обществ, но прочный союз пролетариата и социализма осуществился лишь благодаря К. Марксу

Уже во «Введении» к «Критике гегелевской философии права» (1843–1844) он провозгласил союз пролетариата и философии, которую он, по сути, отождествил с идеей коммунизма. Он выдвинул тогда ошеломительный по своей новизне и пророческой силе тезис: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие»¹. Чтобы сделать такой союз возможным, Маркс переработал философию (гегелевскую философию) в духе коммунизма, представив ее как теорию, повествующую о примате труда

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. — Т. 1. С. 428.

в обществе, о труде как основе всех проявлений общественной жизни. Взяв у Гегеля идею отчуждения, Маркс свел ее к мысли об отчуждении материальных и прочих результатов труда рабочего от него самого. С другой стороны, он сформулировал идею об исторической миссии пролетариата, который якобы предназначен историей осуществить социалистический переворот с целью ликвидации отчуждения труда.

В результате такой переработки философия утратила привычные предметы своих рассуждений, а пролетариат оказался перед лицом весьма обширной преобразовательной программы, о которой его сторонники ранее, до знакомства с марксизмом, не имели сколько-нибудь ясных представлений. Это дало основание Э. Бернштейну говорить об «идеализированном» образе пролетариата в марксизме, так как реальный пролетариат вполне мог удовлетвориться мерами по улучшению его материального положения, созданием системы социального обеспечения и облегчением доступа к образованию для его детей. Маркс считал такие цели банальными и ограниченными, поскольку реализация их могла бы привести к тому, что рабочие замкнутся в круге существующего и не будут иметь желания выйти за пределы капитализма. Причем Маркс был противником и уравнительного реформизма, и уравнительного революционного коммунизма. Он считал, что те, кто имеют манию уравнивания материальных благ, слишком заражены буржуазностью, собственническими инстинктами, тогда как задача заключается в том, чтобы их преодолеть, поставив на их место стремление к творчеству и свободе.

Но Маркс задал рабочему движению слишком высокую планку, даже усвоив марксизм, оно оказалось заражено духом уравнительности, и это относится как к бывшим социалистическим странам, так и к западной социал-демократии. Идея равенства в марксистском рабочем движении явно перевесила марксистский идеал свободы. Но именно благодаря Марксу пролетариат в глазах его последователей превратился в некий «универсальный» класс, без национальности, без каких-либо конкретно-исторических примет, он предстал перед ними как

носитель общечеловеческой эмансипации, создатель новой цивилизации, своего рода абсолютный субъект истории. В конечном счете, можно сделать вывод, что союз коммунистической идеи и пролетарского движения, провозглашенный Марксом, оказался чрезвычайно живучим, продержался более полутора веков, а по силе воздействия на мировую историю он сопоставим, может быть, с Реформацией.

Что питало этот странный, на первый взгляд, союз? Конечно, решающую роль сыграли исторические обстоятельства: рост фабрик и заводов, их укрупнение, рост численности фабрично-заводских рабочих — все, казалось, говорило об окончании эры частнособственнических отношений и возможности утверждения нового мира силами растущего пролетариата. Но не менее значительную роль сыграло и то, что марксизм выступил в форме строгой науки об обществе. Энгельс писал, что Маркс превратил социализм из утопии в науку, раскрыл закономерный ход истории, венцом которого и новым началом должен был стать коммунизм. От лица самой исторической науки Маркс и марксисты выносили суровые приговоры целым классам (не только буржуазии, но и крестьянству и др.), которые они делили на прогрессивные (пролетариат) и реакционные. Более того, во имя исторического прогресса они считали возможным пренебречь повседневными интересами пролетариев, навязывая им «идеальные» цели. Об этом говорится, например, в написанном Марксом и Энгельсом «Коммунистическом манифесте», где речь идет об отношениях между коммунистами, вооруженными марксистским учением, и простыми рабочими и сделан вывод о том, что более важными для пролетариата являются не те цели, которые он выдвигает сам под влиянием обстоятельств своей жизни, а те, которые ставит перед ним коммунистическая партия. Претензии марксистов на научность не оправдались, но ореол науки сыграл в свое время немалую роль в установлении союза марксизма и рабочего движения.

В последние десятилетия XX века провозглашенный Марксом союз философии и рабочего класса начинает раз-

рушаться в силу социально-экономических и политических факторов, о которых уже упоминалось в начале статьи. Начинает складываться и в цивилизованных странах, и во всем мире совершенно иное общество, чем ранее привычный индустриальный мир. И тогда оказывается необходимым для социалистов прислушаться к тому, о чем говорили еще до этих перемен левые интеллектуалы, которые стояли часто за пределами рабочего движения.

В 60-е годы Г. Маркузе в книге «Одномерный человек» выразил разочарование левых в возможностях рабочего движения. Отметив возрастающую роль науки и техники в развитых странах, он связывает с этим обстоятельством появление «одномерного человека», который целиком встроен в существующую реальность и не стремится выйти за ее пределы, а тем более не может предложить никакой альтернативы. Он винит в этом также возникновение в силу ряда причин в западных странах после Второй мировой войны общества «изобилия», что вызвало сплочение населения этих стран. «Отличие современного общества в том, — пишет Маркузе, — что оно устраняет центробежные силы скорее с помощью Техники, чем Террора, опираясь одновременно на сокрушительную эффективность и повышающийся жизненный стандарт»¹. Абсолютное отрицание с его стороны возможности какого-либо социального протеста в США, — видимо, преувеличение, но надо понять Маркузе, он имеет в виду радикальную оппозицию, стремящуюся к созданию альтернативного общества. Таких сил, действительно, пока не наблюдается, ситуация усугублена развалом СССР, подорвавшим у многих левых веру в возможность альтернативы капитализму.

Поэтому Маркузе оценивает политические реалии развитых стран, их демократию и соотношение социальных сил очень пессимистично. Марксистские истоки его радикализма заставляют его обратить внимание прежде всего на положение и политические ориентации рабочего класса. Он конста-

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. — М., 1994. С. XI—XII.

тирует, что материальное и социальное положение рабочих вовсе не побуждает их, вопреки мнению Маркса, занять антикапиталистические революционные позиции. Он ссылается в этой связи на крупные изменения, произошедшие с рабочим классом в развитых странах Запада: произошло сокращение доли физического труда на производстве, а Маркс делал ставку именно на протестное движение рабочих, занятых физическим трудом; новые же высококвалифицированные рабочие склонны не к протесту, а к союзу с предпринимателями, профсоюзы и корпорации одинаково заинтересованы в получении крупных государственных заказов на производство, например, ракет и т.д. Пролетариат перестал быть классом, исключенным из общества, каким его видел молодой Маркс, во второй половине XX века рабочий класс полностью интегрировался в капиталистическое общество. Что касается политических партий, то их различия, с точки зрения Маркузе, в обществе изобилия все более сглаживаются: либералы признали необходимость социальных программ, а социалисты готовы принять при определенных условиях приоритет производственных инвестиций над мерами социальной защиты.

В те же годы, когда Маркузе предавался горьким размышлениям по поводу отсутствия радикальной левой оппозиции в США, во Франции выходили работы А. Лефевра, который смотрел на вещи гораздо оптимистичнее. Он начинал свою политическую деятельность как марксист, но в 50-е годы разочаровался в нем и создал свою собственную социально-политическую концепцию, в которой обрисовал таящиеся в капиталистических обществах возможности для оппозиционных движений. Если у Маркузе протестные настроения олицетворяли маргиналы, те, кто находился вне общества, то Лефевр находил силы протеста внутри самих развитых обществ, хотя они отчасти близки маргиналам Маркузе. Лефевр обозначал их термином «периферия», противопоставляя ее правящему центру (государству). Их силовое противостояние заключается в том, что центр стремится унифицировать периферию,

гомогенизировать ее с помощью своих законов и правил, тогда как периферия этому сопротивляется. В этой борьбе она предстает как сила, олицетворяющая «различия», «живое», не желающее укладываться в разного рода унификации, навязываемые центром.

Лефевр осуществлял своего рода «опространствление» политических отношений, в его модели государственности важное место занимает понятие «колонизации» (центр колонизует периферию). Причем понятие колонизации служит и для определения взаимоотношений между разными странами, и для характеристики внутригосударственной политики центра в отношении периферийных регионов и периферийных сфер общественной жизни. Поэтому Лефевр говорит, например, о «колониальной эксплуатации повседневности»¹. Центр (государство) колонизует пространство «повседневности» (труд, потребление, досуг, жилье, транспорт) и управляет им, вопреки желаниям колонизованных (рабочих, потребителей, женщин, молодежи и т.п.).

Если теперь сопоставить социально-политические позиции Маркузе или Лефевра с идеями Маркса, то между ними можно уловить как сходство, так и различие. И дело заключается не только в том, что новые левые не находят силы, способной осуществить преобразовательный проект. Изменился сам проект общественного переустройства. Маркс рисовал перспективу коммунистического общества, но его альтернатива как бы выростала из пор современной ему жизни и претендовала быть обществом хотя и иным, но реальным. Таким образом, марксова модель коммунизма была утопией, но все же она заключала в себе мощный заряд реализма в том, что касалось, например, ориентации на производственный прогресс, на пролетариат как силу, которая росла вместе с производственным прогрессом, на уравнивательные процессы и свободу, которые казались центральным звеном социально-производственного прогресса.

¹ Lefebvre H. De l'état. — Paris, 1977. — Vol. 4. P. 165.

Если же взять Маркузе, то у него, собственно, альтернативы существующему нет, а есть только желание выйти за его пределы. Маркузе утверждает, что искомый идеал будущего может быть описан «лишь негативно, как отрицание существующего»: так, экономическая свобода означала бы «свободу от экономики», от экономического контроля; а политическая свобода означала бы «освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать»¹. Его идеал можно переформулировать так: надо выйти за пределы современной экономической и политической регуляции. Но Маркузе все же дает представление о позитивной направленности своего идеала: он означает «автономию» индивида, которую тот может обрести в «неведомом царстве свободы по ту сторону необходимости»². Автономия индивидов — ключевое слово новых левых, которые добиваются не равенства, а свободы. Маркузе исходит из того, что общество изобилия репрессивно в отношении индивида, оно подавляет его способность к критическому суждению и навязывает ему с помощью СМИ определенный стиль жизни и мышления. Отсюда напрашивается вывод, что человек может обрести свободу лишь за пределами подобного общества и его средств коммуникации. Поэтому идеал Маркузе вряд ли может фигурировать как элемент социального освободительного процесса.

А. Лефевр по методу выработки преобразовательного проекта ближе к Марксу, чем к Маркузе. Он стремится держаться в рамках существующего, отыскивая реальные силы социально-политического противостояния. Объектом противостояния у него являются не только капиталистическое предпринимательство и буржуазное государство, как у Маркса, но еще и западная наука, идея, которую многие левые интеллектуалы Запада (А. Горц, К. Касториadis, Ж. Элюль) переняли у Ф. Ницше. Симбиоз собственности, власти и знания — вот тот центр общественной жизни, которым Лефевр хочет про-

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. С. 5.

² Там же. С. 3.

тивопоставить силы оппозиции. В целом, он обозначает его как мир «абстракций» — экономических (стоимость), политических (представительная демократия), научных. Размытость этого центра вызывает и размытую характеристику оппозиции, каковую Лефевр обозначает понятиями «живого» и «различного». В самом этом определении заложен мозаичный характер оппозиции, в нее можно включить любую силу. И между тем, анализ Лефевра полезен и для новых, и для старых левых, ибо позволяет рассмотреть крупные и малые силы социального противодействия. Таким образом, позиция Лефевра более реалистична, чем позиция Маркузе, Лефевр погружен в существующий мир и в нем ищет зародыши альтернативности. Но если Маркс возлагал надежды на пролетариат как силу, находящуюся в центре прогрессивного развития общества, то Лефевр обращает взоры на социальную периферию, что сближает его с Маркузе. К последнему Лефевр близок и тем, что обозначает свой социальный идеал как «автономию», не акцентируя на моменте «равенства». Лейтмотив размышлений Маркузе, Лефевра и многих других левых интеллектуалов эпохи позднего индустриального общества — не «иметь больше», а «жить иначе».

В среде таких левых были проведены специальные исследования относительно статуса и политической роли пролетариата в современных обществах. В этой связи интересна работа французского социалиста А. Горца «Прощай, пролетариат», изданная в 1980 году. В ней он писал, что пролетариат в марксизме предстает просто знаком философской категории труда и ее исторических перипетий. Ссылаясь на реальное положение пролетариев, на особенности их трудовых и жизненных ситуаций, Горц стремится обосновать другую, по сравнению с марксизмом, философскую и социологическую концепцию труда.

Он допускает, правда, что на короткий период во второй половине XIX века появился пролетариат, как будто отвечающий философской схеме Маркса. Это были квалифицированные рабочие, понимавшие свое значение на производстве

и явившиеся социальной базой революционного синдикализма. Но Маркс, констатирует Горц, думал, что со временем все рабочие станут такими же высококвалифицированными и способными осуществлять контроль над производством и обществом в целом. Подобные надежды не оправдались. В XX веке преобладающим стал малоквалифицированный конвейерный труд, не способный пробудить у рабочих больших профессиональных и социальных амбиций. К тому же все более становилось ясно, что важные решения принимаются не на предприятии, а в более высоких экономических, административных инстанциях, деятельность которых вообще была вне понимания рабочих. В настоящее время автоматизация и информатизация производства делают труд большинства рабочих еще менее квалифицированным и почти автоматическим, что отнюдь не поощряет рабочих добиваться установления своего контроля над областью производства и над общественной жизнью.

Развернутое социологическое исследование пролетариата, образа мыслей и настроения рабочих разных специальностей и квалификаций провел в 80-е годы прошлого века А. Турен. Как и Горц, он отвергал возможность делать ставку на пролетариат как единственный субъект социальных преобразований, но тем не менее считал, что у рабочих был в индустриальную эпоху некий контрпроект общества. В ходе исследований Турен и его единомышленники констатировали как привязанность самых разных слоев рабочих к традиционному пролетарскому сознанию, так и понимание ими того, что эпоха альтернативного пролетарского проекта общества проходит, что классическое рабочее сознание разъедается временем, уступая место другим идеям и настроениям. Решающим обстоятельством тут является постепенное исчезновение самого индустриального общества, в условиях которого и складывался пролетарский проект.

Последний имел поэтому черты, обусловленные эпохой: веру в труд, в возможность господства человека над природой, в прогресс. Рабочие, как и предприниматели, имели

суровую и строгую мораль производителей. Для Турена очевидно, что рабочее сознание было отмечено знаком «индустриальной культуры». Поэтому он не согласен с социологами, которые в духе Парсонса и Липсета, ссылаясь на партикуляризм и закрытость рабочей жизни, считают пролетариат самой традиционалистской прослойкой индустриального общества. Турен, напротив, соотносит пролетарский проект с будущим.

В ходе исследования феномена рабочего сознания руководимая Туреном группа социологов выделила этапы его эволюции. Они пришли к выводу, что во второй половине XIX века в большинстве стран Западной Европы рабочий класс состоял из двух слоев: а) профессиональных рабочих, своего рода аристократов труда, имевших гордое сознание своей значимости на производстве, и б) малоквалифицированных специализированных рабочих, которые имели не столько позитивное, сколько негативное классовое сознание, протестовали против эксплуатации и выдвигали материальные требования. Дальнейшее развитие шло в направлении сближения положения и умонастроения этих слоев, что происходило в результате распространения конвейерного труда, поставившего под угрозу профессиональную автономию квалифицированных рабочих. Тогда осуществилась определенная унификация рабочего класса, возник «массовый рабочий». В разных странах и регионах этот процесс может быть отнесен к 20-м, 30-м, 60-м и даже 80-м годам XX века. В таких условиях распространяется четкое классовое сознание, которое является одновременно и «сознанием господства хозяев на производстве, и проектом трансформации индустриального общества»¹.

Кризис традиционного рабочего сознания Турен связывает с автоматизацией и информатизацией производства, что, как уже отмечалось, ведет к деквалификации рабочих, утрате ими сознания своей значимости на производстве и отказу их от собственного проекта организации труда и общества.

¹ Touraine A. Le mouvement ouvrier. — Paris, 1984. P. 103.

Ситуация складывается такая, что не столько рабочие приводят в действие орудия труда, машины, сколько производственные автоматы используют труд рабочих как незначительный фактор своей деятельности. Но наряду с малоквалифицированными специализированными рабочими появляется и новая прослойка очень квалифицированных операторов, «техников». Серж Малле в 60-е годы возлагал на них большие надежды, считая, что они смогут возродить автономное рабочее движение. Но этого не случилось, техники не привязаны к традиционным рабочим темам, не стремятся к участию в управлении производством, считая это скорее проявлением конформизма. Их не вдохновляют идеи технического прогресса и экономического роста, они видят их оборотную сторону, негативные последствия и склоняются скорее к критицизму в духе антипродуктивизма и экологизма.

В такой ситуации возникает вопрос, нельзя ли перевести рабочее движение на новые социальные задачи, привить ему новые социальные устремления (защита окружающей среды, сокращение времени труда и увеличение времени досуга, сокращение потребления, но улучшение качества жизни и т.д.). На этот счет Турен и связанная с ним группа социологов высказали отрицательное мнение. Дело в том, что рабочие заинтересованы в занятости, в расширении производства, они малочувствительны в силу этого к угрозе индустриального загрязнения среды, к призывам ограничения производства и т.д. Кроме того, рабочие синдикаты привязаны к антикапиталистической борьбе, а новые социальные проблемы требуют осмысления в более широком плане. Поэтому упомянутые социологи пишут, что «нет никакой непрерывности между рабочим и новыми социальными движениями, что бы ни говорила на этот счет идеология левой», и далее — «новые социальные движения ослабляют рабочее классовое сознание, подрывают его веру в себя, далеко не представляя для него фактора обогащения»¹.

¹ Touraine A. Le mouvement ouvrier. — Paris, 1984. P. 136.

В результате европейские левые вынуждены решать вопрос о новом субъекте обновленческих процессов в обществе. В качестве такового выступает уже не пролетариат или, точнее, не один пролетариат. Даже если новый оппозиционный субъект и определяется как пролетариат, то это понятие берется в самом широком смысле, как это делает, например, Ж. Элюль, имея в виду под «пролетариатом» почти всю совокупность населения, за исключением технократов, которые управляют производством и обществом в целом. Тот же ход мыслей можно отметить у Горца.

Идея тотального противостояния власти и населения не слишком конструктивна, она лишена определенности в силу разнородности последнего и исходящих от него требований к власти. Но именно стремление к защите «различий», на которые покушаются унифицирующие механизмы государства, составляет, может быть, самую глубокую философско-политическую мысль европейских левых интеллектуалов конца XX века. Ее содержание обуславливается не только внутренней ситуацией в развитых капиталистических странах, но и их взаимоотношениями с менее развитыми странами. Тут есть характерная для нашего времени особенность: раньше все субъекты исторического действия, будь то группа, класс, страна, были обречены на то, чтобы как-то обозначить себя на общей линии социального прогресса. Теперь в этом нет нужды, ибо общая линия прогресса рухнула вместе с СССР, вместо исторической вертикали прогресса мы имеем горизонталь пространственных отношений, где успех определяется силовыми возможностями партнеров. Если и можно в настоящее время говорить о прогрессе, то это научно-производственный прогресс да общие императивы гуманизации общественных отношений. Актуально выглядит для моделирования как внутренних, так и внешних отношений схема М. Фуко о бесчисленном множестве разнонаправленных властных стратегий.

Если вспомнить о социальных движениях, которые описывал Турен, о «различиях» Лефевра, то можно констатировать

по прошествии нескольких десятилетий, что самыми мощными субъектами освободительных движений стали регионы и этносы, их напор грозит переключкой экономической и политической карты мира. Старые левые в лице коммунистического и социалистического движений безоговорочно поддерживали борьбу отсталых регионов против капиталистически-индустриальных центров. Новые левые испытывают в этом отношении большие затруднения. Во-первых, по той причине, что они, хотя и настроены критически по отношению к капиталистическому прогрессу, все же вслед за старыми левыми ценят капитализм как ту историческую ступень, от которой только и может отталкиваться последующее движение истории. Во-вторых, из опыта СССР и других социалистических стран в Восточной Европе они извлекли тот урок, что нельзя перенять достижения капиталистической цивилизации, следуя по некапиталистическому пути.

История левого движения с его марксистским прошлым, с которым, несмотря на яростное сопротивление ему, новые левые все же сохраняют определенную связь, диктует им привязку к развитому капитализму как отправной точке их социально-политических проектов. В этом отношении они воспроизводят настрой марксистов: Маркс в «Капитале» отдал дань восхищения капиталистическому прогрессу, А. Бебель писал, что, выработывая стратегию социал-демократии, он всегда спрашивает, не помешают ли такие-то меры развитию капитализма, и если убеждается, что помешают, то отказывается от них. Вот такая двойственная позиция (и противостояние капитализму, и привязка к нему) порождает колебания новых левых в отношении некапиталистических или просто слабо-развитых регионов.

Характерно, что А. Лефевр делал разные оговорки в отношении своего понимания «периферии», «различий», так как не хотел, чтобы оно истолковывалось как поддержка традиционализма. Он говорил, что под «различиями» он имеет в виду не те «партикулярности», которые предшествовали капитализму, а те, которые прошли через жерло прогресса

и были им преобразованы. Ту же позицию можно наблюдать у И. Валлерстайна, который рассматривает отношения «центра» и «периферии» в мировом масштабе. «Центр» у него — это развитые капиталистические страны, а «периферия» — слабо-развитые страны, втянутые в систему мирового капитализма. Пример Валлерстайна свидетельствует о том, как сложно, а может быть, совсем невозможно вписать левый проект, рожденный политической историей Запада, в рамки внешних взаимоотношений стран и народов. Классики марксизма проявляли большой интерес к освободительным движениям угнетенных народов, от них идет традиция поддержки западными левыми таких движений, с победой которых они связывали будущее развитие в этих регионах социалистической революции. В.И. Ленин в 20-е годы XX века чрезвычайно сблизил задачи национально-освободительных движений и социалистической революции, видя в первых пролог социалистических революций. После Второй мировой войны западные экономисты левого толка охотно развивали темы об эксплуатации капитализмом отсталых регионов мира. Валлерстайн как будто вписывается в эту традицию со своей идеей «неравного обмена» между «центром» и «периферией».

Но все же его точка зрения отличается от марксистско-ленинской традиции восприятия проблем отсталых регионов. Марксисты-ленинцы исходили из того, что отсталые страны способны самостоятельно определить путь своего развития: добиться политической независимости и выбрать, идти ли им по капиталистическому или по социалистическому пути, причем преодоление ими традиционализма считалось само собой разумеющейся необходимостью. В изображении Валлерстайна, отсталые регионы лишены возможности исторического выбора, ибо они уже включены в мировую систему капитализма, их традиционный экономический уклад рассматривается им как резерв мирового капитализма и один из источников капиталистической прибыли. Он пишет, что капитализм предполагает «не только присвоение собственником прибавочной стоимости, про-

изводимой работником, но и присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике»¹. Поэтому понятия «классов» и «классовой борьбы» он считает равно применимыми и к описанию социальной структуры капиталистических держав, и к анализу взаимоотношений капиталистического центра и отсталых регионов мира. Но Валлерстайн колеблется. Он замечает в этой связи в книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире», что этнонации и классы — это две системы выражения одной реальности (мирового капитализма), но их все-таки две, а не одна.

Валлерстайн специально рассматривает вопрос об отношении европейских новых левых к оппозиционным в отношении мирового капитализма силам или, как он их называет, к «антисистемным движениям» Юга и Севера. Он перечисляет некоторые проявления борьбы с Западом со стороны периферии мирового капитализма: сопротивление с опорой на военную силу (Саддам Хусейн), фундаменталистское отрицание просвещенчества (Хомейни) — и заявляет, что западные левые не могут объединиться с этими силами, ибо они «реакционны». Такое суждение раскрывает двойственность позиций западных новых левых, которые при всем своем стремлении преодолеть модерн, капиталистический прогресс, остаются накрепко с ним связанными. Это, а также отсутствие у названных левых альтернативного в отношении капитализма проекта (Валлерстайн только призывает их создать «новую утопию» и выработать политическую стратегию) наводит на мысль, что теории нетрадиционной левой лишены позитивности.

Впрочем, наблюдая некоторые повороты новолевого мышления, можно заключить, что их отход от старолевых принципов не является необратимым. Это можно показать на примере А. Турена, о котором уже шла речь выше в связи

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб., 2001. С. 38.

с его анализом новых социальных движений в 60-е — 70-е годы XX века. Тогда Турен в работе «Постиндустриальное общество» доказывал, что названные движения ориентированы против совместной силы технократов и государства. Не противостояние труда и капитала, как это было у марксистов, оказывалось при этом в центре социальной борьбы, а конфликт между технократическими аппаратами и государством, с одной стороны, и населением, с другой. Тогда Турен отрицал актуальность социализма в любой его форме, как «этатистско-централизаторской» (коммунизм, социал-демократия), так и «либертарной, самоуправленческой»¹. «Социализм мертв» — говорил он в 1980 году, социализм уходит в прошлое вместе с породившей его индустриальной эпохой.

Но такая ориентация превалировала у западных новых левых вплоть до 90-х годов XX века, когда в результате разнообразных глобализационных процессов их мышление приняло несколько иное направление. Эти изменения можно проследить по работе Турена «Как выйти из либерализма?» (1999). Глобализация экономики привела к тому, что европейские государства оказались не в состоянии контролировать деятельность наднациональных финансовых и промышленных корпораций. К этому добавился ряд других обстоятельств (структурный кризис производства, массовая безработица, старение населения и т.д.), которые в совокупности вызвали большие финансовые трудности в европейских странах. Созданные в Европе после Второй мировой войны социальные государства зашатались, общество потребления рушится. Новые левые, которые с такой силой нападали на государство и общество потребления, вдруг лишились главной мишени своей критики. Изменилась ситуация, изменились проблемы. И вот можно видеть, как меняется отношение нетрадиционных левых к социальному государству и к социализму. Турен, который в 1980 году заявлял, что «социализм мертв», теперь

¹ Touraine A. L'après socialisme. — Paris, 1980. P. 15.

выражается несколько иначе: «Слова коммунизм и социализм больше не имеют смысла или они имеют другой смысл по сравнению с началом века»¹. «Другой смысл», но какой же?

Бросается в глаза, что Турен обращается к историческому опыту социал-демократии, чтобы обосновать возможность исторических действий левых в современных условиях. Его беспокоит принявшая всемирный масштаб в последнюю треть XX века либерализация экономики, которая породила (у левых в том числе) настроения безнадежности, невозможности сопротивляться законам мирового рынка. Он хочет доказать, что либерализация и глобализация экономики не могут уничтожить способности к политическому и социальному действию. В этой связи он прежде всего ссылается на авторитет социал-демократии, которая, создав социальное государство, доказала, что возможно политическое сопротивление рыночной экономике. Он пишет по поводу глобализации: «Утверждение, что она создает мировое либеральное общество, управляемое рынками и непроницаемое для политики, является чисто идеологическим»². Кроме того, в его размышлениях вновь появляется отброшенный новыми левыми эгалитаризм. Турен констатирует, что в европейских странах формируются новые оппозиционные слои: безработные, бездомные, рабочие-мигранты — главной, таким образом, вновь становится борьба с усиливающимся социальным неравенством. Таким образом, из-за нового обострения социального неравенства и кризиса национального государства вновь становятся актуальными идеи равенства и солидарности и левые осознают необходимость защиты демократии, перенесения ее и на наднациональный, и на инфранациональный уровни.

Любопытна общая характеристика экономической и социально-политической ситуации в европейских странах, которую теперь дает Турен. Они, по его мнению, переходят от «социализма к капитализму», в них «рынок заменил государство

¹ Touraine A. Comment sortir du libéralisme? — Paris, 1999. P. 18.

² Ibid. P. 14.

как главную регулирующую силу нашего общества»¹. Таким образом, теоретик нетрадиционных левых движений, каким является Турен, явно становится на позиции традиционного демократического социализма и отождествляет социализм с государственным вмешательством в экономику. Весь XX век традиционные европейские левые были расколоты, боролись между собой социалисты и коммунисты, первые создавали социальное государство в условиях рыночной экономики и представительной демократии, вторые видели свою цель в создании социалистических государств по образцу восточноевропейских, с общественной собственностью на средства производства и диктатурой компартий. Но под ударами либеральной экономики, окрепшей на волне постиндустриальных перемен, в конце 80-х — начале 90-х годов разрушились тоталитарные социалистические государства Восточной Европы (этому содействовали еще такие факторы, как отторжение населением жесткого идеологического диктата компартий и недемократической политической системы). И примерно в то же время или чуть раньше, также под ударами либеральной экономики начался кризис в Западной Европе социального государства, созданного усилиями социал-демократических партий. Можно было бы, пожалуй, сказать, что при всем различии экономико-политических процессов в Западной и Восточной Европе между ними имелось и нечто общее: и там, и тут терпело поражение протекционистское государство, ориентированное на бездумный экономический рост и повышение материального благосостояния населения. Но теперь на Западе как будто наступает другой этап, европейская левая возрождается, критически переоценивая свое прошлое.

Левые отходят от принципов государственного протекционизма и ищут новых форм политического регулирования рыночной экономики. Турен солидаризируется с идеями многих французских социалистов, когда пишет о социальном государстве, что оно имело недостатки: оно плохо управляло наци-

¹ Touraine A. Comment sortir du libéralisme? — Paris, 1999. P. 19.

ональным сектором экономики, отрицательно сказывались на последней бюрократизация и коррупция в государственном аппарате, слабо продвигалось сокращение неравенств. Но идея о том, что экономика должна быть освобождена от социального и политического контроля, кажется ему «абсурдной». Устранение государства от контроля над экономикой он расценивает как утверждение капитализма и напоминает, что неконтролируемый капитализм конца XIX — начала XX веков привел к Первой мировой войне и революционным потрясениям. Главным направлением борьбы с экспансией капитализма он считает установление политического контроля над движениями финансового капитала, ибо крупные финансовые группы и повинны в финансовых затруднениях европейских государств. Упадок России тоже кажется ему связанным с отсутствием влияния политической власти на оборот капиталов, с неспособностью власти взимать налоги и т.п.

Итак, ход мыслей нетрадиционных западных левых меняется. Теперь они вынуждены выступать против капитала, о котором многие из них почти забыли, живя в условиях общества потребления и социального государства. Они вынуждены также в противовес своим прежним антиэтатистским идеалам брать под защиту демократическое государство. Они озабочены тем, чтобы политика на национальном и на европейском уровнях контролировала экономические процессы, и даже тем, чтобы перенести на европейский уровень социальную политику.

Кроме тех новых левых, которые отстаивают право представителей периферии социального мира на «различие» и «автономию» и не чужды мыслей об использовании в своих целях демократии, есть в настоящее время в Европе левые другого склада, возрождающие на новый лад идеи коммунизма. Они непримиримо относятся и к рынку, и к демократии и не боятся апеллировать к силам, по сути, внешним для капиталистического мира. Такие левые убеждены, что старое рабочее движение и его идеология находятся в кризисе и обречены на гибель. Тем не менее они перенимают у старых левых такие

цели, как преодоление неравенства между богатыми и бедными и исчезновение государства после краткого периода диктатуры пролетариата. То есть ориентация левого движения должна остаться прежней, но способы достижения названных целей должны быть адаптированы к новой ситуации.

По своему накалу нападки на демократию со стороны, например, француза А. Бадью напоминают критику, которой подвергали парламентаризм большевики в начале прошлого века. Признавая, как и большевики, что парламентарная демократия консервативна, ибо служит защите капиталистического строя, что она предрасположена к коррупции, ибо является сферой взаимоадаптации интересов избирателей, Бадью адресует ей и другие упреки. Она-де служит сферой манипуляции голосами избирателей, посредством всеобщего голосования в истории принимались весьма гнусные решения — выборы узаконили власть Гитлера, власть Петена, в условиях демократии была начата война в Алжире и т.д. Бадью заявляет, что всеобщее избирательное право не вызывает у него уважения, важно не всеобщее избирательное право, а та цель, на которую оно направлено. Такая позиция ставит под вопрос демократический принцип формального равенства избирателей и предполагает целенаправленный отбор притязаний определенных групп населения. Именно так обстояло дело в России в октябре 1917 года, когда в ней была провозглашена диктатура пролетариата. Бадью и сейчас видит выход в чем-то близком к диктатуре пролетариата, называя ее при этом «добродетелью».

Говоря о кризисе демократии и кризисе старой левой, Бадью указывает в качестве его причины на разрушение системы социальных единств, от имени которых представлялись в парламентах те или иные интересы. Эта причина столь весома, что Бадью имеет возможность говорить в связи с ней о кризисе не только идеологии и практики левых, но о кризисе политического вообще. Он говорит: «Кризис политического выявил, что все единства являются неустойчивыми, что нет ни французов, ни пролетариата и что в этой связи фигура

представительства, как и ее противоположность — фигура спонтанности сами являются неустойчивыми»¹.

Утрата сплоченных социальных единств сопровождается, говорит Бадью (и в этом с ним трудно не согласиться), с крушением того мира, который утвердился в результате Второй мировой войны. Рухнула одна из главных держав-победительниц, СССР, что вызвало тенденции к новому экономическому и политическому переделу сфер влияния. Одновременно гибель СССР и связанного с ним мирового коммунистического движения нарушила равновесие политических сил внутри капиталистических стран. Бадью пишет о французских традиционных левых, что они дезориентированы и «не различают ясно, где реальность и где то, к чему они находятся в оппозиции»². Левые-де были сильны во времена Сталина, удар по левой идеологии и левому движению нанес не Сталин, а «ликвидаторы» (Брежнев, Горбачев). Таковы масштабные последствия размывания социальных единств, о котором пишет не один Бадью. Например, Ж. Бодрийяр тоже обращал внимание на утрату четких социальных единств с определенными интересами, на смену им появилась эмоционально неустойчивая масса без четких социальных ориентиров, находящаяся под гипнотическим влиянием СМИ. Все такие явления Бадью связывает, как уже сказано, с кризисом политического представительства, политического в целом. Естественным тогда кажется его вывод, что надо выйти за пределы политики представительства, как в форме парламентаризма, так и в форме прямой демократии, за пределы представляемого, приемлемого, возможного в сферу неприемлемого и невозможного, находящуюся вне круга циркуляции благ и интересов.

В противовес политике представительства Бадью выдвигает политику, исходя из которой можно выстроить новый мир, новую «темпоральность». Опорным пунктом такой политики он считает, например, забастовку рабочих-мигрантов под

¹ Бадью А. Можно ли мыслить политику? — М., 2005. С. 12.

² Бадью А. Обстоятельства. — М., 2008. С. 10.

девизом: «Мы хотим наших прав». Лишенные прав мигранты должны, таким образом, конституировать политику за пределами приемлемого. Такую направленность мысли он видит и у Маркса, который, действительно, выступал против парламентаризма и предсказывал конец традиционной политики. Но последователи Маркса, включая Ленина, возрождали представительство (Ленин считал политику концентрированным выражением экономики). Поэтому Бадью считает, что марксизм нуждается в деструкции и реконструкции в соответствии с условиями XXI века.

Если в XIX веке марксистская идея сводилась к провозглашению великой освободительной миссии пролетариата, а в XX веке она состояла в обосновании единства коммунистических партий и единого коммунистического движения, то теперь нужна другая форма марксизма и коммунизма, которую можно противопоставить коррупционной демократии. На этот раз ей следует противопоставить не сталинский бюрократический деспотизм, а нечто вроде диктатуры, тождественной диктату «добродетели». Он балансирует на стыке внутринациональных и внешнеполитических противостояний, выдвигая в качестве одной из главных сил оппозиции в развитых странах рабочих-мигрантов, этнонациональные меньшинства.

Подведем итоги. Обращение к истории европейского социализма позволяет высветить те трудности, которые связаны в настоящее время с проблемами субъекта освободительного движения. Благодаря Марксу в социал-демократии всех направлений XIX–XX веков утвердилась ориентация на индустриальный пролетариат, в нем видели силу, предназначенную самой жизнью для борьбы за социализм. В конце XX века в силу ряда социально-экономических и политических причин, как то: крах СССР и мирового коммунистического движения, последовавшее вслед за этим поправление западной социал-демократии в связи с необходимостью урезания социальных программ ради поддержки национального бизнеса в условиях жесткой международной конкуренции и т. д., союз между социализмом и пролетариатом начал распа-

даться. Рабочие в настоящее время поддаются под влияние правых националистических партий, а социалисты вынуждены привлекать на свою сторону другие слои населения, например чувствительные к экологическим угрозам. Складывается впечатление, что социальные конфликты, стоявшие ранее в центре социалистической борьбы, уступают место конфликтам более широкого социально-культурного плана.

Но наряду с этим, вырисовываются в европейских странах конфликты другого рода — между центром и регионами, межэтнические конфликты и те, которые связаны с мощными миграционными потоками в развитые страны. В силу этого социальные проблемы приобретают одновременно и национальную окраску, что придает им чрезвычайную остроту. У европейских левых традиционного типа были, конечно, программы по национальному вопросу, но они кажутся устаревшими, мы наблюдаем теперь не социальное, с одной стороны, и национальное, с другой, а плотное переплетение их друг с другом, их взаимопроникновение. Такая новая ситуация вызывает негативизм современных левых в отношении традиционного социализма, но этот негативизм не затрагивает глубинные цели левого движения, к каковым, в первую очередь, следует отнести его направленность против господства рыночных отношений в обществе и против абстракций представительной демократии. Поэтому задачи левого движения нельзя считать исчерпанными.

ЗАПАДНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ: ТЕНДЕНЦИИ ОБНОВЛЕНИЯ

Мысливченко А.Г.

В современном мире социал-демократизм, наряду с либерализмом и консерватизмом, принадлежит к числу наиболее влиятельных, организационно оформленных общественно-

политических течений нашей эпохи. Политическая практика показывает, что социалистическая традиция, несмотря на периодические кризисы, продолжает жить, а социал-демократическое движение активно развивается во всем мире. При этом все более очевидны тенденции обновления теории и практики социал-демократизма. Растет потребность в непредвзятом изучении опыта осуществления социал-демократической модели общественного развития, ее достижений и кризисных тенденций.

Разразившийся недавно мировой финансовый кризис не явился неожиданностью для социал-демократии. Он подтвердил правоту оценок и решений Социалистического интернационала еще в 90-х годах XX века относительно причин возникновения негативных аспектов глобализации и мер по их устранению. Уже тогда были выдвинуты предложения, направленные на организацию политического регулирования глобализации, реформирование мировой финансовой системы, координацию международной экономической политики. Показательно, что предлагаемые в настоящее время социал-реформаторами антикризисные меры идут в русле названных предложений.

В середине XX века на волне социального оптимизма, порожденного безграничной верой в возможности научно-технической революции, в развитых странах Запада резко возросло влияние социал-демократизма. Правда, в 70-х годах положение изменилось. В условиях, когда темпы экономического роста замедлились, социальное реформаторство было дискриминировано, началось длительное контрнаступление неоконсерваторов и неолибералов. Особенно обострился кризис социал-демократизма в конце 80-х — начале 90-х годов, после краха «реального социализма» в странах Восточной Европы и СССР, исторического банкротства советской модели социализма. Многие стали говорить не только о кризисе мировой социал-демократии, но и неизбежном закате самой социалистической идеи. Видные теоретики либерализма (Р. Дарендорф) и консерватизма (Г. Рормозер) уверенно заявляли, что «век социал-демократизма» достиг

своих целей и идет к концу¹. Но эти прогнозы не оправдались, о чем убедительно свидетельствовали политические события конца 90-х годов, когда впечатляющие победы на парламентских выборах в 1997 году одержали лейбористы в Англии, а в 1998 году — социалисты во Франции и социал-демократы в Германии. Эти быстро последовавшие друг за другом победы в трех крупных странах Европы произвели тогда эффект землетрясения.

В настоящее время в большинстве стран Европейского союза у власти стоят представители левых партий — социал-демократы, социалисты, лейбористы и др. Продолжает расти количество членов-партий социалистического толка, входящих в Социалистический интернационал. О растущем авторитете социал-демократического движения свидетельствует также то, что помимо национальных партий, действующих в 161 стране на всех континентах мира, активно проявляют себя организации общеевропейского масштаба — такие как Партия европейских социалистов и фракция социалистов в Европейском парламенте, состоящая из 220 членов.

В 1980–90-х годах в социал-демократическом движении Германии, Франции, Италии, Швеции, Англии, Австрии, Испании прошли многочисленные дискуссии по принципиальным программным положениям: демократии и плюрализма, соотношении принципов свободы и равенства, частной собственности и обобществления, коллективизма и индивидуализма, роли государства в условиях глобализации и т.д. Основным методом преобразования общества программные документы объявили проведение реформ, направленных на поэтапное ограничение власти капитала в политической сфере — посредством всеобщего избирательного права и парламентской борьбы, в социальной сфере — посредством создания государства благосостояния, а в экономической — посредством развития экономической демократии и соучастия работников в управлении.

¹ Рормозер Г. Кризис либерализма. — М., 1996. С. 11, 118.

Теория и практика современной социал-демократии становятся все более прагматическими, обуславливаясь задачами освоения сложившегося опыта рыночного развития в странах капитализма, необходимостью рационализации и модернизации производства и всей сферы общественной жизни. Программные установки социал-демократов теперь уже не увязываются с былыми требованиями «разрыва с капитализмом», ибо признается, что последний способен к саморазвитию и самосовершенствованию. Программы модернизации, жесткой экономии и т.д. означают переход от традиционного истолкования принципов социализма (называемого теперь «лирической иллюзией») к «социализму управления», трезвому учету социально-экономических реальностей в обществе смешанной экономики.

В условиях научно-технической революции в развитии массовой базы социал-демократии произошли качественные сдвиги, связанные с небывалым ростом новых средних слоев (служащих, техников, чиновников и т.д.) и значительным сокращением численности традиционного рабочего класса. Социальное положение людей, место работы — сами по себе хотя и продолжают играть важную роль в жизни человека, теперь уже не являются однозначным индикатором его социокультурных потребностей и политических ориентаций. В условиях роста индивидуализации общества, расширения возможностей получения образования, выбора индивидуального образа жизни и профессионального труда мировоззренческая шкала индивидов стала более подвижной.

Это, естественно, сказывается на формировании членской массы и электората социал-демократических партий: прежняя относительная однородность массовой базы уступила место многообразию ее состава. Образ жизни и интересы новых средних слоев все более сдвигаются в середину политического спектра, в которой задачи строительства социального государства сочетаются с ориентацией на либеральные ценности. Качественный сдвиг в развитии массовой базы социал-демократии обусловил эволюцию ее идейно-теоретических пози-

ций. Она проявляется, с одной стороны, в пересмотре ряда традиционных взглядов, отказа от устаревших подходов и, с другой, в развитии тенденций сближения с социал-либералистской идеологией.

Принятые программы неизменно подчеркивают приверженность фундаментальным принципам социал-демократии, сложившимся еще в начале XX века — свободе, равенству, справедливости и солидарности. Но в то же время отмечается, что в современных условиях названные принципы приобретают новое звучание и нуждаются в коррективах. Особенно это касается принципов равенства и коллективизма. В программе Социал-демократической партии Германии принцип «равенства» изъят из перечня основных ценностей в качестве самостоятельного и включен в понятие «справедливости», обозначая равенство возможностей. При этом некоторые аналитики считают, что социальная справедливость может допускать и неравенство, но лишь в той степени, в какой оно «действует на пользу всем».

Обсуждая вопрос о социальной справедливости, известный историк СДПГ Томас Майер развивает концепцию «дифференцированного равенства», в соответствии с которой «все различия между людьми считаются легитимными, и поощряются те из них, которые служат самораскрытию индивидуумов, но при этом не угрожают общественной интеграции»¹. Поэтому «социальная справедливость не является раз навсегда установленной патентованной формулой, которая исчерпывается только выравниванием доходов и шансов на образование. Скорее под социальной справедливостью следует понимать концепцию, которая предполагает также и неравенства, а именно такие, которые способствуют увеличению общественного благосостояния в целом»².

В этой связи становится понятным, почему в конце XX века в условиях обозначившегося кризиса социал-демократиче-

¹ Майер Т. Трансформация социал-демократии. — М., 2000. С. 243.

² Там же. С. 275.

ской (и вообще социалистической) парадигмы, наступления неоконсервативной и неолиберальной идеологии в ряде партий прозвучали призывы смягчить прежнее жесткое противопоставление идей социализма и либерализма. И, прежде всего, гармонически сочетать идеал равенства с требованиями индивидуальной свободы, принципы солидарности — с новым пониманием индивидуализма, свободный рынок — с социальной защищенностью.

Ссылаясь на либеральные концепции «открытого общества» и социальной инженерии (К. Поппер), теорию справедливости (Дж. Роулс) и др., многие социал-демократические теоретики выступили с идеями, получившими название «либерального социализма». Особенно активно эти идеи разрабатывались в Италии — в сочинениях Н. Боббио, Л. Пеллигани, Ф. Беналья и др.

В отличие от многих других теоретиков, особенно либерального толка, Н. Боббио в работе «Идеология и власть в кризисе» (1981) не противопоставляет свободу и равенство. Он считает, что первое понятие немислимо без второго. Одно из возможных определений демократии: это такая форма управления, при которой все свободны, поскольку равны. Важно при этом понимать равенство как равенство в отношении власти, равенство в распределении экономической, политической и социальной власти. Неравенство в этом распределении — причина отсутствия свободы, так как обладатель большей власти имеет возможность так или иначе принуждать тех, у кого власти меньше. Социализм — это общество, в котором достигнуто больше равенства и поэтому больше свободы¹.

Интерпретация Боббио равенства как равенства в отношении власти, ее доступности для всех в различных областях общественной жизни перекликается с аналогичными идеями американского политического философа Джона Роулза, которые были использованы в социал-реформистской идеологии либерального толка. В работе «Теория справедливости»

¹ Bobbio N. Le ideologie e il potere in crisi. — Firenze, 1981. P. 31.

(1971) он разработал общие принципы справедливости применительно к условиям «социальной рыночной экономики». Его анализ опирается на «основную структуру общества», то есть совокупность социальных, политических, правовых и экономических институтов в либерально-демократическом обществе. Задачей этой структуры является распределение в соответствии с принципами справедливости «приоритетных благ» — прав, свободы, власти, доходов и т.д. Имеющиеся в обществе социальные и экономические неравенства нужно урегулировать так, чтобы они были направлены к наибольшей выгоде наименее обеспеченных и чтобы они делали доступ к должностям и положениям в обществе открытым для всех в условиях «честного» равенства возможностей. Согласно Роулзу, распределение материальных благ будет носить справедливый характер, если позволит в короткий срок улучшить материальное положение большей части общества. Для этого требуется особенно тщательная проработка критериев и процедур распределения.

Сторонники либерал-социализма, подобно неолибералам, предлагают ограничить функции государства в решении социальных проблем, подчеркивают важность развития рыночных отношений, конкуренции, частной инициативы, свободы индивида и т.д. Формируется представление о растущей роли ценностей индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности. Классическая схема противопоставления коллективизма и индивидуализма в сегодняшнем мире представляется упрощенной. Индивидуализм и солидарность не исключают друг друга. В современном индустриальном обществе, порождающем процессы индивидуализации и потребительского гедонизма, в то же время растет потребность в новых формах солидарности, общности и кооперации.

С 80-х годов в ряде западных стран, где у власти стояли социал-демократы, проявляется неолиберальный курс в области экономики. Ослабился контроль за валютными операциями и уровнем доходов. На биржу выбрасываются акции предприятий государственного (общественного) сек-

тора в качестве первого шага к дальнейшей их приватизации. Происходит постепенная либерализация капиталов: отмена ограничений на участие иностранного капитала в национальных предприятиях, снятие запретов на вклад капиталов в иностранные облигации и недвижимость и т.д.

Серьезный сдвиг в теории и практике западного социал-демократизма в 1980–90-х годах закономерно привел к дальнейшему развитию модернизаторских тенденций, выразившихся в формировании в конце 90-х годов «нового лейборизма» в Англии и партии «новой середины» в Германии. Программное обновление политики британского лейборизма его тогдашний лидер Тони Блэр именовал как «третий путь»¹. Он опирался при этом на идеи модернизации социал-демократии, высказанные его советником Энтони Гидденсом в книге «Третий путь» (1998)². В связи с использованием понятия «третий путь» надо заметить, что в истории общественно-политической мысли это понятие отнюдь не новое. Его использовали уже в 20–30-х годах и позже сторонники «третьего пути» между капитализмом и социализмом, между социал-демократическим реформизмом и государственным социализмом советского типа.

Современные теоретики «третьего пути» не ставят задачу всесторонней критики двух путей — нелиберализма и традиционного социал-демократизма. Они претендуют на преодоление лишь некоторых негативных аспектов названных течений. Так, в идеологии «первого пути» они осуждают элементы рыночного фетишизма, упование на дерегулирование экономики. Сторонники же «второго пути», которых Т. Блэр называет «фундаменталистскими левыми», подвергаются критике за их переоценку роли государственного контроля, ориентацию на огосударствление и расширение общественного сектора, за их веру в то, что государство может заменить гражданское общество.

¹ Blair T. The third way: new politics for a new century. — London, 1998.

² Giddens A. The third way. — London, 1998.

В опубликованных документах, ориентированных на «третий путь», ставится задача преодолеть отчуждение населения от институтов власти посредством развития различных форм участия граждан в решении социально-экономических вопросов («общество соучастия»), взаимной помощи («ничто не дается даром») и опоры на коммунитарное движение («коммьюнити»), получившее распространение главным образом в англосаксонских странах. «Коммьюнити» — это способ организации повседневного общения людей в малых сообществах по месту жительства (церковь, школа, группа соседей и т.п.).

Показательны также выступления Тони Блэра, Герхарда Шрёдера и Массимо Д'Алема на саммите руководителей США, Великобритании, Германии, Италии, Франции и Бразилии во Флоренции по теме «Реформизм в XXI веке» (ноябрь 1999 г.). Они весьма одобрительно отнеслись к призыву Б. Клинтона воспринять американскую модель леволиберального реформизма в экономике (свобода рынка, решающая роль конкуренции, «дисциплина госбюджета» и т.д.). Используя социал-демократическую терминологию, Клинтон активно выступал в поддержку «третьего пути», призывал к более тесному сотрудничеству между новыми социал-демократами и либеральными демократами. Благоклонное отношение к этим призывам, особенно со стороны «новых лейбористов», в западной печати стали иронично называть «клинтонизацией» политики некоторых социал-демократических партий.

Европейские социал-демократические партии, подтверждая единство и согласие в отношении основных ценностных установок, в то же время обнаруживают существенные различия в подходах, акцентах и т.д., развивая, по сути дела, собственные «третьи пути». В германской социал-демократии эти поиски привели к созданию сподвижниками бывшего канцлера ФРГ Ганса Шрёдера партии «новой середины» (этот термин иногда неточно переводят как «новый центр»). Провозглашенная СДПГ политика модернизации экономики и государства делает акцент на всемерном развитии инноваций — научных исследований, новых технологий, новых

рынков и т.д. Чтобы выполнить эту программу, нужен консенсус со всеми, кто заинтересован действовать в этом направлении. Партия «новой середины» призывает к сотрудничеству не только широкие слои наемных работников, но и мелких и средних предпринимателей, лиц свободных профессий и т.д. Идеология партии — либеральный прагматизм, стратегия модернизации с акцентом на проблемы экономики.

Идеи «третьего пути» и «новой середины» нашли концептуальное развитие в программном документе, подписанном Тони Блэром и Герхардом Шрёдером в июне 1999 года. Декларация призвала всех социал-демократов Европы обсудить изложенные в ней идеи по обновлению и модернизации политики современной социал-демократии. Эта публикация вызвала неоднозначную реакцию среди социал-демократов. Бывший председатель Социал-демократической партии Германии Оскар Лафонтен в книге под символическим названием «Сердце бьется слева» резко критиковал политику «новой середины» Шрёдера. Он выразил свое несогласие с идеями, изложенными в совместной публикации Блэра — Шрёдера. По его мнению, сейчас речь должна идти о том, чтобы «противопоставить англосаксонскому капитализму европейское социальное государство».

Широкий резонанс вызвало выступление Лионеля Жоспена на XXI конгрессе Социалистического интернационала. Полемизируя с неолейбористской концепцией «третьего пути», допускающей рост неравенства ради увеличения числа рабочих мест, он заявил, что социалисты должны добиваться полной занятости и уменьшения неравенства. Провозглашаемая социалистами и социал-демократами политика модернизации должна быть «контролируемой модернизацией» и охватывать не только экономику, но и политические, социальные и культурные процессы.

Таким образом, обсуждение проблем «третьего пути», «новой середины», дальнейших путей развития социал-демократии выявило, наряду со сходством позиций по основным, базовым ценностям, также наличие существенных различий

между отдельными социал-демократическими партиями. По свидетельству Т. Майера, дискуссии по поводу концепции «третьего пути» показали, что этот путь «не нашел общего признания в других партиях и в Социалистическом интернационале»¹.

Не только социал-демократизм, но и либерализм подвержен эволюции и обновлению. Уже в первой половине XX века либерализм испытал на себе сильное влияние идеологии социализма, особенно что касается задач по социальной защите. Позже либералы расширили реестр заимствований, допуская теперь возможность государственного регулирования экономики, общественного контроля и т.д. В результате классический (докейнсианский) либерализм превратился в социально ориентированный (послекейнсианский) либерализм.

«Старый» капитализм перерастает в социал-капитализм, для которого характерна растущая тенденция (хотя и не бесконфликтная) к сближению, внутрисистемной конвергенции либерализма и социал-демократизма. Автор статьи «Конвергенция» Юрий Буртин приходит к резонному выводу, что «социал-демократизм последовательно либерализуется, либерализм же (а тем самым и капитализм вообще) социал-демократизируется»².

Во второй половине XX века отчетливо проявился кризис всех мировых общественно-политических парадигм — либерализма, консерватизма, социализма. В массовом сознании они выступают как некие фундаментальные альтернативы. В действительности же, при всех их различиях, которые кажутся жизненно важными, по многим вопросам у них просматриваются некие общие позиции — в понимании смешанной экономики, политического и культурного плюрализма, представительной демократии и др. Различия между названными течениями нередко проявляются в акцентах, дозах и очередности предлагаемых решений, в терминологии. В результате

¹ Майер Т. Трансформация социал-демократии. С. 277.

² Буртин Ю. Конвергенция // Независимая газета. — 1998. — 3 апреля.

традиционные понятия (особенно «социализм», «демократия», «свобода» и др.) подвергаются семантической эрозии, теряют свой первоначальный смысл. По признанию политолога А. Лейпхарта, «демократия — это понятие, которое решительно не поддается определению»¹. Политический язык становится аморфным, неоднозначным, что подчас приводит к недоразумениям. Иными словами, силовое поле политической семантики разрушается.

Как показывает практика, несмотря на острую политическую борьбу партий различной ориентации (социал-демократической, либеральной, христианско-демократической и т.д.), победившая на выборах партия и сформированное ею правительство отнюдь не спешат демонтировать модель общественного развития, которую создавали правительства, ранее находившиеся у власти. В последнее время видимые различия в политике либералов и социалистов становятся все менее различимыми. Тенденция к их сближению закономерна, а строительство «социального государства», «государства благосостояния» — это заслуга не только социал-демократов (сколько бы они сами это ни утверждали), но и либералов. В действительности западная модель социального государства — наглядное выражение конвергенции социал-демократических и либеральных подходов.

Вместе с тем необходимо сказать, что наиболее весомый вклад в построение социального государства внесли европейские социалистические и социал-демократические партии. Главным их политическим инструментом выступает национальное социальное государство, использование демократических институтов для проведения политических установок. Основу институциональности государств благосостояния образует система централизованных социальных соглашений между главными участниками экономической жизни — профсоюзами, работодателями и государством, которое легитимирует и контролирует соглашения. Это создавало производ-

¹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. — М., 1997. С. 38.

ственную основу для перераспределения доходов посредством введения прогрессивной шкалы налогообложения, высоких налогов на прибыль и широкой системы социальных выплат. Достигнуты впечатляющие результаты в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, трудовой занятости, культуре и т.д.

Чтобы глубже разобраться в этих процессах, необходимо проанализировать новые подходы в истолковании института собственности и ее соотношения с политической властью.

На рубеже XIX и XX веков, по мере развития производительных сил, отношения и формы собственности претерпевали эволюцию. Прежде всего, речь идет о том, что возникновение монополий, финансового капитала, акционирование предприятий и т.д. инициировало новое понимание соотношения экономики и политики, института собственности, субъектов экономической власти и роли государства, его политико-экономических функций.

В характере взаимоотношений между субъектом собственности и политической властью в капиталистических странах произошли существенные изменения. В XIX веке владелец собственности выступал сувереном не только в экономической сфере, но и политической. Если в XIX веке владельцы собственности одновременно выступали и как господствующая политическая сила, то в XX веке произошла трансформация субъекта собственности, вызвавшая далеко идущие последствия. Акционерные общества, кооперативные предприятия и т.д. демонстрировали процесс эрозии единоличного управления частной собственностью, возможность распределения прав собственности между различными субъектами власти, возможность социализации отдельных функций права владения, которые законодательным путем изымались из частного владения и закреплялись за различными государственными и общественными организациями.

Осознание этого процесса привело многих политиков к постепенному отказу от прежней догматической интерпретации как самого института частной собственности, так и идеи

обобществления в форме всеохватывающей государственной национализации средств производства.

В марксистской литературе понятие собственности обычно анализировалось в трех основных аспектах. Во-первых, в плане выявления исторических условий ее возникновения; во-вторых, как право владения собственностью, закрепленное юридически; в-третьих, определялись особенности различных форм собственности (общественной, частной, кооперативной и т.д.) и их влияние (положительное или отрицательное) на общественный прогресс. Отсюда вытекало преимущественное внимание к выяснению процентного соотношения между государственной (национализированной) и частной собственностью в той или иной стране. И делался вывод, что чем больше процент национализированных средств производства, тем больше создается условий для осуществления социалистических принципов. И наоборот.

Вследствие такого подхода широкое распространение получило представление, которое можно назвать дихотомическим, изображавшим право владения по принципу «или-или», то есть это владение может быть или частным, или государственным (общественным). Однако, как будет показано ниже, в XX веке дихотомический подход перестал соответствовать реалиям общественно-экономического развития стран и не способствовал адекватному пониманию вопроса о субъекте власти, о соотношении экономической и политической власти. Поэтому в западной политологии был выдвинут другой методологический принцип, получивший название функционального.

Политико-философской платформой такого подхода послужили идеи Карла Поппера по вопросу о соотношении экономики и политики. Характеризуя марксову разновидность историцизма как экономизм, он все же соглашался, что между экономическими условиями и идеями действительно существует взаимодействие, но это не просто односторонняя зависимость идей от экономики. В теории «открытого общества» и социальной инженерии Поппер пришел к знамена-

тельному выводу, что в соотношении экономики и политики решающее значение имеет не экономика, а политика. Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью. «Демократия, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. Демократия — это контроль за правителями со стороны управляемых»¹. Таким образом, политическая власть может и должна контролировать экономическую власть, разрабатывать программу защиты экономически слабых, а также вести борьбу со злоупотреблениями экономической власти, например, коррупцией.

Отвергая широко распространенное представление, согласно которому экономическая власть является корнем всех зол, Поппер вместе с тем обращал внимание на другие опасности, порождаемые бесконтрольной властью — любой формы. Деньги становятся опасными тогда, когда на них можно купить власть — непосредственно или путем порабощения экономически слабых. Фундаментальная проблема всякой политики — проблема контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти в государстве. Поэтому социальная инженерия предлагает превратить правовую систему в мощный инструмент социальной политики. В этой связи следует проводить различие между личностями (лицами) и институтами. Всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личностной. И хотя политические проблемы могут требовать именно личных решений, все же всякая демократическая долгосрочная политика должна разрабатываться в рамках безличных институтов. «В частности, проблема контроля за правителями и проверка их власти является главным образом институциональной проблемой»².

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. — М., 1992. С. 148.

² Там же. С. 153.

В современных условиях важное значение имеет поиск новых форм социализации, обновленное истолкование тех ее форм, которые получили название обобществления. В теоретическом плане понятие обобществления представляет собой трансформацию отношений собственности посредством превращения частной формы собственности или отдельных функций права владения (контроль, распределение) в государственную (национализированную) или общественную (коллективную) форму владения средствами производства. В первом случае образуется государственный сектор экономики, во втором — общественный сектор (кооперативы, акционерные общества и др.). Еще К. Маркс в третьем томе «Капитала» обращал внимание на то, что создание акционерных предприятий представляет собой «переходный пункт» к новому, обобществленному способу производства, к превращению капитала в собственность ассоциированных производителей. В современных высокоразвитых государствах ростки обобществления, представляющие собой, по сути дела, процесс социализации капитала, проявляются в создании новых видов кредитных, страховых, акционерных обществ и кооперативов, прогрессивных систем налогообложения.

Таким образом, бывшая когда-то популярной среди социалистов идея всеохватывающего централизованного планирования в настоящее время отвергается, но широко практикуется государственное регулирование и целевое программирование экономики. В программах партий социал-демократического толка подчеркивается, что процесс обобществления происходит не революционным путем ликвидации частной собственности, а посредством постепенного расширения прав производителей на долю продукта и власти. Особое значение придается попыткам применить на практике принцип «коллективного совладения через коллективное капиталонакопление».

Исходя из такого понимания института собственности и категории обобществления, Томас Майер пишет, что «если отдельные из этих прав те, кого они касаются, возьмут себе или по меньшей мере смогут участвовать в их осуществлении,

то часть экономической власти уже подпадала бы под демократический контроль, даже если бы частная собственность не была ликвидирована. О чем идет речь на самом деле — это реальная демократизация полномочий на принятие решений в экономике, а не просто формальное изменение юридического названия собственности»¹.

В нашей литературе «функциональный» подход к проблемам частной собственности до сих пор по-настоящему не осознан и не раскрыт. О нем вообще мало кто знает. Преимущественное внимание обычно уделяется традиционному, дихотомическому выяснению процентного соотношения между национализированной (государственной) и частной собственностью в той или иной стране. Как будто это имеет решающее значение.

Между тем вот уже несколько десятилетий существует шведская модель общественного развития, получившая название «функционального социализма» (ее обосновали Н. Карлеблю, Э. Унден и др.). Наиболее полную разработку эти идеи получили в книге Гуннара Адлер-Карлссона «Функциональный социализм. Альтернатива коммунизму и капитализму» (1970)². Автор развивает нетрадиционный подход, имеющий эвристическое значение для дальнейшего обсуждения этой проблематики. Он считает, что до сих пор «право владения (собственности)» рассматривалось как нечто однозначное, неделимое (т.е. или как целиком государственная, или как целиком частная форма владения собственностью), что вело к затемнению сути дела. Между тем, говорит Адлер-Карлссон, нужно посмотреть на вопрос в свете функциональных свойств понятия права владения. И тогда обнаружится, что право владения состоит из многих функций, которые можно распределять между различными субъектами власти.

¹ Майер Т. Демократический социализм — социальная демократия. — М., 1993. С. 128.

² Adler-Karlsson G. Funktionssocialism. Ett alternativ till kommunism och kapitalism. 2 uppl. — Lund, 1970. S. 22.

В отличие от интерпретации «или-или», функциональный подход делает акцент на том, что оказывается более существенным — на структуре права владения, охватывающей целый спектр функций (правомочий), таких как владение, распоряжение, пользование, контроль, распределение доходов и продуктов производства и т.д. Одни из этих функций (например, юридически закрепленное право владения) могут оставаться в частной собственности, другие же могут быть «обобществлены», или социализированы.

Экономическая система современных развитых стран имеет многоукладный характер. Она представляет собой различные формы собственности: частную, государственную, кооперативную, акционерную (частную и коллективно-трудовую).

В Швеции сложилась в известной мере парадоксальная ситуация, которая характеризуется сохранением основных средств производства в частном владении (85–90% производства) при одновременном изъятии и социализации ряда функций права собственности. В результате такой социализации сложился мощный «общественный» сектор, охватывающий бюджетные расходы на социальное обеспечение, оборону, образование, здравоохранение, науку, культуру, управление и т.д. Обращает на себя внимание, что этот сектор возник в результате не традиционно понимаемой национализации, а функциональной социализации в вышеназванном смысле. Таким образом, решающее значение придается не праву собственности, а политическому управлению отдельными ее функциями, то есть контролю над производством и распределением его продуктов через соответствующую налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д.

Среди многих инструментов, создаваемых для общественного контроля за экономической властью, важнейшую роль играют производственные комитеты, призванные обеспечивать соучастие наемных работников по всем основным вопросам деятельности предприятия («производственная демократия»).

В программе СДПГ утверждается, что в современном государстве более одной трети социального продукта проходит через руки государства. Поэтому вопрос заключается не в том, целесообразно ли распоряжение и планирование в экономике, а в том, кто осуществляет это распоряжение и кому оно приносит пользу. Частная собственность на средства производства имеет право на защиту и поощрение в той мере, в какой она не препятствует созданию справедливого социального строя. «В крупной экономике распорядительная власть перешла преимущественно к управляющим, которые, в свою очередь, служат анонимной власти. Тем самым частная собственность на средства производства утратила здесь в значительной степени свою распорядительную власть... Всякое сосредоточение экономической власти, в том числе и в руках государства, таит в себе опасность. Поэтому общественная собственность должна строиться на принципах самоуправления и децентрализации»¹.

«Функциональное» истолкование института частной собственности принципиально противостоит марксистской традиции, согласно которой решающая роль в развитии общества принадлежит именно форме собственности. По мнению же социал-демократов, задача состоит не в том, чтобы уничтожить механизм частной собственности в обществе, а в том, чтобы заставить собственника капитала поделиться той властью, которую эта собственность порождает. А форма собственности сама по себе не так уж важна, лишь бы она давала положительные результаты.

Рассмотренный выше функциональный метод нашел свое выражение и в современной российской политике. Правда, вначале в неявной форме, а затем в более открытой форме и с некоторыми особенностями, о которых будет сказано ниже. В ежегодном послании президента В.В. Путина Федеральному Собранию страны (2001 г.) было высказано положение, кото-

¹ Цит. по.: Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. — М., 2003. С. 509.

рое до сих пор не стало предметом оценки в нашей печати, прошло как бы незамеченным. «Я убежден, — говорится в послании, — эффективность государства определяется не столько объемом контролируемой им собственности, сколько действенностью политических, правовых и административных механизмов соблюдения общественных интересов в стране»¹. Здесь речь идет о том, что решающее значение имеет не форма собственности сама по себе (частная, государственная и др.), не традиционное выявление процентного соотношения между ними (т.е. «объема»), а эффективное управление, контроль над производством и распределением посредством налоговой политики, регулирования рынка труда и т.д. Эта позиция, по сути дела, выражает функциональный подход, направленный, как было сказано в послании, на создание «механизмов соблюдения общественных интересов». Иными словами, государство должно выполнять социальную миссию. Идея социального государства, перспективы его развития способствуют выработке в обществе консенсусных и консолидирующих подходов, созданию устойчивой политической системы.

Выступая против всеобщего огосударствления экономики, социал-демократы вместе с тем не исключают возможности и необходимости оказывать более кардинальное влияние на структуры собственности в хозяйственной жизни и изменять их. Так, в программе Социал-демократической партии Швеции ставится задача сломать концентрацию экономической власти, означающую, что в крупных секторах экономики продолжают доминировать интересы немногих, прежде всего олигархов. Для решения этой задачи предлагается развивать упоминавшийся выше принцип «коллективного совладения через коллективное капиталонакопление». Если потребуют интересы общества, то социал-демократы допускают, «чтобы в собственность или под контроль общества перешли природные ресурсы, кредитные учреж-

¹ Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // «Российская газета». — 2001. — 4 апреля.

дения или отдельные предприятия»¹. Банки, кредитные учреждения и страховые общества должны находиться под общественным надзором. Правда, возможность названных мер допускается лишь при условии, что этого «потребуется интересы общества», но не ясно, каким образом это может произойти.

Важное значение в поисках способов воздействия на инвестиционный капитал придается различным формам «коллективного капиталонакопления». Так, в 1975 году группа шведских экономистов из числа социал-демократов и профсоюзов во главе с Р. Мейднером выступила с проектом создания особых фондов, получивших название «фондов трудящихся». Замысел состоял в том, чтобы определенный процент прибыли предприятий (поначалу называлась цифра 20%, но в ходе дискуссий она понижалась) отчислялся в этот фонд с тем, чтобы в дальнейшем полученные средства превратить в акции предприятий, а работников — во владельцев этих предприятий. По сути дела, речь шла о том, что предлагалась схема поэтапной социализации и передачи в руки профсоюзов большей части экономики Швеции.

Однако этот проект встретил жесткое сопротивление со стороны капиталистов. Противники создания фондов указывали, что коллективная форма владения приведет к снижению эффективности и рентабельности предприятий и к концентрации функций владения в руках небольшой группы профсоюзных и социал-демократических функционеров. В результате с 1978 года в проект был внесен ряд поправок, а в 1983 году был выдвинут новый проект, который предлагал промышленникам внести определенную сумму в пенсионный фонд, а взамен трудящиеся должны были согласиться на снижение заработной платы. В итоге важная идея заглохла, а попытки создания фондов как формы «коллективного капиталонакопления» так и не увенчались успехом.

¹ Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции. — Бурос, 1992. С. 33.

Таким образом, для того чтобы иметь возможность решать задачи социальной политики, необходимо было правомочия (функции), вытекающие из права собственности, разделить между различными субъектами власти. В результате этого разделения функции владения и распоряжения остаются в руках владельцев собственности, образуя сферу экономической власти, а другие функции (контроль, распределение и т.д.) изымаются из спектра экономической власти и законодательно закрепляются за государственными и общественными организациями, которые осуществляют политические функции контроля, регулирования, распределения и т.д. При таком подходе социальная политика выступает как форма распределения социального продукта.

Из этого видно, насколько важна роль государства и проводимой им политики. Уже XXI конгресс Социалистического интернационала (1999 г.) пришел к выводу, что под воздействием технологической революции, экономической и финансовой глобализации в современном мире происходит изменение роли национальных государств. В условиях децентрализации (как снизу вверх, так и сверху вниз) изменяется существующая структура государств. В ходе дискуссий выдвигаются предложения о переходе к новой государственной политике.

Но позиции идеологов социал-демократизма и неолиберализма по этому вопросу существенно расходятся. И прежде всего — по вопросу о роли политики, политических методов, государства в решении современных проблем. В неолиберальных и неоконсервативных идеологиях, которые ориентируются на глобализацию, утверждается, что сфера политики, политических методов решения проблем сужается, растет тенденция к минимизации роли государства. Поэтому национальное государство больше не может в полной мере представлять общественные интересы. По мнению либералов, право на образование, здравоохранение и т.д. не может больше рассматриваться в качестве неких политических обязательств государства, ибо рыночная экономика сама по себе,

как бы автоматически вырабатывает механизмы ее саморегуляции и саморазвития. Она, дескать, все расставит по своим местам.

В противоположность этой позиции «обожествления рынка» социал-демократы заявляют, что они не намерены занимать оборонительные позиции и делать уступки. Делается вывод, что перед лицом глобализации национальное государство призвано быть подлинным гарантом сплочения всех социальных групп. «Органы государственной власти должны поддерживать эффективную рыночную экономику, гарантируя в то же время равные возможности для граждан, обеспечивая их основные права, защищая потребителей от присущих рынку монополистических тенденций»¹.

В основе неоконсервативных и нелиберальных взглядов, считают социал-демократы, лежит «высокомерное, фундаменталистски упрощенное видение мира, в котором смешивались понятия рыночной экономики и рыночного общества»².

Впервые о недопустимости смешения этих понятий было сказано в выступлениях бывшего лидера французских социалистов Лионеля Жоспена. Выступая за рыночное регулирование экономики, но вместе с тем против рыночного способа «регулирования» социальных отношений, он провозгласил четкую позицию: «Да — рыночному хозяйству, нет — рыночному обществу». Этот призыв был затем воспроизведен во многих последующих документах европейской социал-демократии.

Различение понятий рыночной экономики и рыночного общества означает, что хотя рынок представляет собственную реальность, к нему не сводятся все реальности жизни общества, ибо необходимо обеспечить справедливый доступ к здравоохранению, образованию, культуре, окружающей среде, то есть ко всем тем благам, которые по существу не зависят и не должны зависеть от распределения через рынок.

¹ Вызовы глобализации // Парижская декларация... // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. — М., 2000. С. 40.

² Там же. С. 37.

Решение задач социального государства напрямую зависит от состояния экономики. История показывает, что если в XIX веке прогресс той или иной страны зависел от угля, а в XX веке — от нефти, то в XXI веке определяющими факторами станут знания, ум, компетенция. Трансформация индустриального общества в информационное (которое чаще всего неточно называют постиндустриальным) порождает новые формы взаимодействия между государством и гражданским обществом, потребность в инновационных подходах к производству, формированию новых политических и социальных институтов. Особое значение в формирующейся посттехнологической модели общественного устройства приобретает рациональная социальная организация, ориентированная на достижение консенсуса между различными социальными слоями — не только и не столько за счет перераспределения ресурсов, а за счет более эффективного их использования.

Этот подход получил название «интегрирующей демократии». Согласно этой концепции одной лишь политической демократии недостаточно, нужно, чтобы все трудящиеся имели возможность равноправно участвовать в организации общества и в управлении. Демократические идеалы должны пронизывать не только политическую жизнь, но и социальную сферу и экономику. Теоретики социал-реформизма отдают предпочтение демократии не как классово направленной, а как правлению всех — на основе принципов консенсуса. Отсюда призыв — от политической демократии нужно продвигаться к социальной и экономической демократии. В Швеции концепция интегрирующей демократии сочетается с другим идеалом — концепцией общества и государства как «дома народа», в котором царят равенство, внимание друг к другу, сотрудничество и взаимопомощь.

Несмотря на довольно высокий жизненный уровень в развитых странах, там имеются серьезные трудности и социальные противоречия. Исследования показывают, что в странах Европейского союза к концу XX века было около 13 миллионов безработных, десятки миллионов живут в услови-

ях нужды и неуверенности в завтрашнем дне. Это означает, что на Западе формируется «общество двух третей», в котором две трети граждан находятся в привилегированном положении в том смысле, что имеют рабочие места, обеспечивающие им благополучную жизнь, а одна треть граждан находится на обочине этого общества, маргинализируется. Западные исследователи называют их «исключенными», так как они оказались исключены из участия в общественном прогрессе, из системы социальных гарантий. Проблема массовой безработицы приобрела настолько острый характер, что IV съезд Партии европейских социалистов (1999 г.) вынужден был принять специальный «Европейский пакт о занятости». Однако в нем социалистическим правительствам предлагалось лишь вновь твердо поставить вопрос о полной занятости. В начале XXI века в Германии было 4 миллиона безработных, во Франции — 2,7 миллиона, в Англии — 900 тысяч. Даже в благополучной Швеции 4% безработных от общего уровня трудоспособных (ранее был 1–2%). В настоящее время, в условиях мирового финансового кризиса, число безработных в Европе увеличилось до 17 миллионов человек.

Положение усугубляется тем, что возможности социальных государств решать вопросы прежними методами опеки и различных выплат все более суживаются. Растущие государственные расходы из бюджета на социальные нужды достигли своего предела. Традиционная социал-демократическая политика перераспределения национального дохода становится все менее эффективной.

На первоначальных этапах нахождения социал-демократов у власти их политическая установка на достижение равенства (посредством введения прогрессивно высоких налогов на прибыль и широкой системы социальных пособий) приносила ощутимые социально значимые результаты. Однако в дальнейшем по мере интернационализации мировой экономики, обострения международной конкуренции и развития европейской интеграции становится все более затруднительным проводить социально ориентированную политику

прежними методами опеки и выплат пособий. Постоянный рост государственных субсидий в социальную сферу, несбалансированность повышения заработной платы с реальным уровнем производительности труда, сильно разросшийся бюрократический аппарат управления и т.д. — все это порождает психологию социального иждивенчества, не способствует проявлению личной инициативы, а значит и росту производительности труда. По признанию западных экспертов, в том числе социал-демократического толка, простое продолжение традиционной политики выплат создает угрозу для самого существования социального государства.

Последнее десятилетие ознаменовалось созданием в развитых странах Запада новой, так называемой интеллектуальной экономики, в основе которой три вида интеллектуальных услуг: инновации, коммуникации и образование. Возникают наукоемкие, дигитальные и компьютеризированные отрасли экономики, которые потребовали проведения инновационной политики, организации исследований в области новейших технологий, подготовки и переподготовки специалистов для предприятий «новой экономики» с тем, чтобы они могли стать конкурентоспособными на мировом рынке. Все это приводит многих западных политиков к мысли о необходимости реформирования существующей модели социального государства, которое оказалось под значительным финансовым давлением вследствие растущего объема различных социальных выплат.

Поэтому сторонники создания усовершенствованной модели социального государства предлагают перейти от политики «социальных расходов» к политике перестройки сложившейся системы образования, обучения и переобучения кадров с тем, чтобы стимулировать развитие частной инициативы, индивидуальной ответственности («самоответственности»). Иными словами, происходит смена парадигм: от патерналистской роли государства к государству инвестиций в человеческий капитал (прежде всего, в образование). Ставка делается на проведение политики гораздо большего, чем в прошлом, финансирования и поощрения людей приобретать нужные

квалификации или даже пойти на переквалификацию вместо того, чтобы выплачивать компенсацию тем, кто не имеет трудовых доходов. Ведь предприятия нередко страдают от растущего разрыва между наличием вакантных рабочих мест (например, в области информационных и коммуникационных технологий) и недостаточным числом таких претендентов, которые обладали бы соответствующей квалификацией и могли бы занять эти места.

Ясно, что для обеспечения такой возможности необходимо осуществить серьезную перестройку сложившейся системы образования. Поскольку однажды полученное образование теперь уже не гарантирует индивиду шансы на будущее, то доступ к образованию и использование возможностей нового обучения должны быть обеспечены в течение всей жизни. Иными словами, образование и профессиональная подготовка должны войти в повседневную жизнь человека и тем самым ликвидировать традиционный разрыв жизненного цикла на три стадии — школьную, трудовую и пенсионную.

Не случайно, что уже на XX конгрессе Социнтерна (1996 г.) была выдвинута идея разработки новой, усовершенствованной модели социального государства, учитывающей новые реалии, связанные с растущим влиянием глобализации мировой экономики. Идея создания новой модели получила развитие в ряде последующих документов. Создание условий, благоприятствующих повышению личной ответственности, стало лейтмотивом современных социал-демократических программ. В них предлагаются новые подходы к проблемам трудовой занятости, социального обеспечения, увеличения инвестиций в науку, образование, новейшие технологии и т.д. Главной задачей модернизации социал-демократической политики провозглашается инвестирование в человеческий капитал — образование, обучение и переобучение кадров. А что касается сложившейся системы социального обеспечения, считается, что она ограничивает возможности человека найти работу и поэтому должна быть преобразована.

Однако призывы некоторых «новых социал-демократов» Европы отказаться от устаревшей социальной политики, приводящей к «чрезмерным социальным расходам», не находят единодушной поддержки. В этой связи обращает на себя внимание статья министра торговли Швеции Лейфа Пагротски, который резонно задается вопросом: «Так ли уж обоснована неуверенность европейцев?» Ссылаясь на положительный опыт шведской экономики, проявляющей значительную гибкость, он утверждает: «Вопреки расхожему объяснению очевидно, что расходы на социальную сферу могут благоприятствовать гибкости экономики»¹. А гибкость — это ключ к низкой инфляции и долгосрочному экономическому росту. Исходя из этого, Пагротски делает вывод: «Мы должны не развенчивать европейскую модель, а модернизировать ее»² с тем, чтобы создать самую конкурентоспособную и динамичную экономику в мире.

Многие западные политики считают, что задачи повышения конкурентоспособности отечественного производства не следует решать за счет простого сокращения перераспределительной системы. Иными словами, принцип «социальных расходов» и принцип «социальных инвестиций» нужно не противопоставлять, а сочетать. «Мысль о том, — пишет Л. Жоспен, — что социальные инвестиции могут заменить многочисленные традиционные расходы государства-попечителя, нереалистична — к примеру, из-за того, что наши общества переживают демографический процесс старения населения, им придется нести последствия этого процесса. Мы не должны — впрочем, и не можем экономить на политике перераспределения»³.

На Лиссабонском саммите глав государств Европейского союза (март 2000 г.) был принят важный документ, ориенти-

¹ Пагротски Л. Европейскую модель необходимо модернизировать // Независимая газета. — 2000. — 23 ноября. С. 12.

² Там же.

³ Жоспен Л. На пути к более справедливому миру // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. С. 116.

рующей Союз на решение стратегической задачи — строительство «Социальной Европы», то есть европейской модели социально-экономического развития, в том числе выработку принципов единой социальной политики Евросоюза.

В развитие этой задачи в немецком еженедельнике «Die Zeit» (2000 г.) была опубликована совместная работа премьер-министров четырех европейских государств — Великобритании, Голландии, Швеции и Германии. Она посвящена проблемам реформирования и модернизации европейской модели социального государства¹.

В этом документе формулируются основные средства развития личной инициативы и деловой активности граждан (улучшение образования и здравоохранения, перманентное повышение квалификации и т.д.), роста инвестиций, усиления роли гражданского общества, самопонимания роли граждан в государстве, их чувства ответственности как за себя, так и за дела в обществе. Подчеркивается, что в эпоху нарастающей глобализации решение задач всеобъемлющего благосостояния не под силу отдельно взятым национальным государствам. Необходимо объединение усилий, выход политики на наднациональный уровень. В этой связи социал-демократы задумываются о возможности создания некоего «Международного социального пакта», то есть социально ориентированной рыночной экономики в мировом масштабе.

Обсуждая перспективу создания европейской модели, немецкий социал-демократ Э. Эпплер пишет, что в данном случае речь не идет о некоем специфическом социал-демократическом проекте, ибо европейская модель может основываться только на широком консенсусе, охватывающем социал-демократов, христианских демократов, «зеленых» и часть тех либералов, которые считают себя приверженными традициям европейского либерализма. «Что представляет собой модель, которую европейцы могут противопоставить англосаксон-

¹ См.: Blair T., Kok W., Persson G., Schroder G. Ein neues Sozialmodell Europas-Beitrag zum Fortschritt im 21 Jahrhundert // Die Zeit. — Berlin, 2000. — 7 September.

ской рыночной модели?.. Европейская модель также будет моделью рыночной экономики. Но, чтобы быть европейской, она должна быть политической. Вместо того, чтобы вытеснить политику рынком, она должна предоставить и политике, и рынку их законное место»¹. Удовлетворять потребности, которые рынок удовлетворить не может, — первостепенная задача гражданского общества, в котором граждане обладают влиянием и волей принимать политические решения.

В связи с формированием механизмов региональной интеграции подвергается критике сам принцип перераспределения средств Европейским фондом регионального развития, порождавший иждивенческие настроения и не способствовавший активизации внутрирегиональных резервов развития. Все чаще стал применяться принцип «субсидиарности», в соответствии с которым право принятия решений передается на более низкий властный уровень, а финансы направляются в ту сферу региональной экономики, которая приведет к преуспеванию данной зоны. «В последнее время Европейский союз все больше уходит от политики перераспределения средств и переходит на “концентрационный” подход, при котором ресурсы концентрируются на точечной проблеме»².

Указанные процессы и методологические подходы к их анализу идут в русле дискуссий в западной печати о соотношении политики перераспределения средств (социальных расходов) и политики социальных инвестиций. Иными словами, речь идет о соотношении между принципом социального равенства (равенства исходных возможностей для всех граждан) и принципом экономической эффективности.

В современном мире конкурируют и взаимодействуют две доктрины социально-экономического развития: либерально-рыночная и социально ориентированная. Эта дихотомия ориентирует соответственно на формирование однополяр-

¹ Eppler E. Vom europäischen Modell // Gewerkschaftliche Monatshefte. — Dusseldorf, 1999. — № 7–8. S. 389.

² Ландабасо А. Между равенством и эффективностью // Независимая газета. — 2002. — 10 декабря. С. 11.

ного или многополярного устройства мировой экономики. Решения Лиссабонского саммита (2000 г.) свидетельствуют о том, что Европа твердо взяла курс на социально ориентированную рыночную модель. В Европе, в отличие от моноцентристской глобализации, постепенно развивается полицентричная модель («единство разнообразия»).

Таким образом, сторонники модернизации роли государства в Европе считают, что в современных условиях деятельность государства в духе иерархического централизма не эффективна, нужны новые ее формы, возникающие в результате разделения труда между государством и обществом в условиях глобализации. Основная надежда при этом возлагается на усиление роли гражданского общества, в котором начинают возникать новые политические формы саморегуляции в решении проблем, связанные с развитием собственной инициативы и под собственную ответственность. Поэтому должно действовать правило делегирования властных полномочий на как можно более низкие уровни. Принцип «субсидиарности» означает, что государство должно активно выступать в защиту дееспособности граждан с тем, чтобы они имели в жизни равные исходные шансы.

Для борьбы с бюрократизмом и отчуждением населения от институтов власти практикуются различные формы участия граждан в обсуждении и решении социально-экономических и других вопросов: создание на предприятиях и в учреждениях производственных и профсоюзных комитетов, независимых общественных организаций и комиссий, поощрение многообразных форм взаимной помощи и т.д. Взяв курс на формирование «общества соучастия», осознания гражданами важности и нужности своей роли в государстве, чувства личной ответственности не только за себя, но и за дела в обществе. Иными словами, гражданское общество может держать под контролем государственные институты, оказывать давление на парламент, брать на себя задачи по организации взаимопомощи.

Выработка оптимальной модели государства продолжает оставаться актуальной и для современной России.

В Конституции страны продекларировано: Российская Федерация является социальным государством. Тем самым заложена конституционная основа для развития страны в соответствии с передовой мировой практикой. Следует, однако, отметить, что научная разработка проблем социального государства, равно как и их реализация в России, еще только начинается. Поэтому так важно изучать опыт развитых стран. А он весьма непростой.

Для проведения политики реформ важно критически осмыслить зарубежный опыт строительства социального государства, имея в виду как его достижения, так и кризисные тенденции, выявившиеся в последние годы. Ведь аналогичные проблемы возникают и в России. Аналитики прогнозируют, что необходимо использовать новые формы организации социальной защиты населения, в том числе привлекать внебюджетные источники финансирования социальных программ, организовывать различные виды общественных работ.

Важно также учитывать особенности суверенного пути России в осознании ценностей демократии, который исторически был иным, чем в Западной Европе. Демократические традиции в России формировались естественным путем осознания ценностей суверенитета русской нации и русского государства. Особенность этого формирования заключается в том, что демократические традиции сочетались с упованием на патерналистскую роль государственной власти. Современная российская демократия является продолжением российской государственности на новом этапе ее развития, включающего в себя как задачи демократизации общества, так и задачи строительства суверенного государства как механизма гармонизации общественных интересов, защиты прав человека, развития его как гражданина.

В заключение обратимся к вопросу, ставшему в наши дни весьма актуальным. Речь идет о причинах и последствиях недавно возникшего международного финансово-экономического кризиса. Особый интерес представляют социал-демократические оценки этого кризиса и меры по его преодолению.

Выявляется, что тревожные симптомы кризиса уже давно были очевидны для международного социал-демократического сообщества. Еще в декларации XX конгресса Социнтерна (1996 г.) указывалось, что глобализация увеличила власть многонациональных корпораций, манипуляторов валютных рынков в ущерб правительствам, избирателям и демократическому процессу. Поэтому предлагалось создать новую систему коллективной безопасности, которая снимала бы отрицательные последствия глобализации: финансовые потрясения, неравномерное развитие, растущее неравенство и т.д.

При этом решения Социнтерна подчеркивали решающую роль политических методов регулирования возникающих проблем. Политическая демократия должна взять верх над бесконтрольной экономической и финансовой олигархией. Для этого Социнтерн предлагал ряд мер: 1) пересмотреть международную валютную систему, принципы функционирования Бреттон-Вудских институтов; 2) установить налог с оборота на чисто спекулятивные сделки; 3) расширить «Большую семерку» (в дальнейшем — «восьмерку») государств с тем, чтобы в созданном органе были представители всех континентов (а не только крупнейших стран); 4) создать Совет экономической безопасности в рамках ООН, который имел бы полномочия координировать международную экономическую политику, стабилизировать валютные курсы, международные потоки капитала и т.д.

В дальнейшем необходимость названных мер неоднократно подтверждалась в других документах международной социал-демократии, в том числе принятых уже в период кризиса. В резолюции «Социал-демократические принципы: вперед к новой финансовой архитектуре», принятой Советом Социнтерна в Мехико в ноябре 2008 года, подчеркивается, что в последние три десятилетия в центре мировой экономической модели были спекулятивные рынки, в которых безответственная алчность шла рука об руку с убогим политическим менеджментом. Неустойчивая политика основывалась не на реальном экономическом росте, а на деньгах, создающих новые деньги.

Это неизбежно привело к коллапсу неолиберальной политики. В результате для социал-демократов открылись возможности выступить с предложением сформировать новую финансовую структуру. Для этого потребуется реформировать сложившиеся международные финансовые институты — Международный валютный фонд и Мировой банк.

В предвыборном манифесте, принятом 33 партиями, входящими в Партию европейских социалистов (декабрь 2008 г.), отмечается, что в большинстве учреждений Европейского союза в течение последних пяти лет преобладали консерваторы. Но, несмотря на это преобладание, они не препятствовали надвигающемуся глобальному финансовому кризису, росту цен на продовольствие и энергетические ресурсы, не боролись с неравенством. Консерваторы изображают кризис как нечто неизбежное, как некий естественный закон. В противоположность этой позиции приспособления к рынку, который служит только интересам международной финансовой элиты, европейские социал-демократы выдвигают ряд предложений, направленных на проведение приоритетных реформ, создание новой социальной Европы, то есть более справедливого и более безопасного общества, которое в манифесте называется «новым социализмом». В центре этой программы — человек (а не рынок), задача обеспечения для людей большей справедливости и социальной защищенности.

Манифест провозглашает конец консервативной эры плохо контролируемого рынка и веру в общество социальной рыночной экономики, сочетающейся с общественной экономикой (например, кооперативы), в которой в настоящее время занято свыше 5 миллионов человек.

Подводя итоги социал-демократических оценок мирового финансового кризиса и перспектив преодоления его последствий, следует отметить, что нынешние оценки и заявления стали более определенными и более решительными. Если раньше в резолюциях речь шла о том, что некая «политическая демократия» призвана регулировать экономическую и финансовую олигархию, то в последних документах подчеркивается,

что ведущую роль в реформировании глобального управления должны взять на себя социал-демократы. В отличие от консерваторов, призывающих приспособляться к «свободному рынку», социал-демократы считают, что «кризис знаменует собой окончание консервативной эры неэффективно регулируемых рынков». В отличие от заявлений правых политиков о том, что настало время «выстроить капитализм будущего», придать ему некий нравственный имидж, Президиум Социалистического интернационала (сентябрь 2008 г.) пришел к выводу о необходимости отойти от экономической модели общества, базирующегося исключительно на создании финансовых потоков. Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, говорится в заявлении Президиума, представляет собой не эпоху изменений, а изменение эпохи. Данный момент является решающим для социал-демократических сил, для определения новой парадигмы («нового социализма»). Согласно этой парадигме финансовые, экономические, социальные и экологические вопросы должны быть интегрированы в прогрессивный политический план. Этот подход демонстрирует возросшую уверенность социал-демократического сообщества в своих силах.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ СДПГ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА — НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Соколова Р.И.

Драматические события, потрясшие мир социализма, глобальный кризис диктуют необходимость обратиться к идеологическо-мировоззренческим взглядам современной социал-демократии как одной из ветвей социалистического движения. И в этом смысле большой интерес представляет Социал-демо-

кратическая партия Германии (СДПГ), которая является одной из влиятельных партий как Германии, так и Европы, а также важнейшим «генератором» основных общественно-политических концепций и мировоззренческих установок. В СДПГ всегда наблюдалось беспокойство относительно истинности пути, правильности стратегии, но проявлялось оно по-разному в зависимости от конкретных условий. Одни задачи стояли перед социал-демократами в период их пребывания у власти (1968–82 гг., 1998–2005 гг.), другие — в период их пребывания в оппозиции (1982–98 гг., 2005 г. — по настоящее время)¹.

Избранный ею путь эволюционной социализации принес немало успехов, способствуя переносу акцентов в отличие от коммунистической доктрины с будущего на настоящее, ибо жизнь без настоящего не только неестественна, но и негуманна. Вместе с тем, отмечая позитивную сторону социал-демократической доктрины, следует отметить и ее очевидные слабые стороны, которые подвергались критике со стороны левого крыла в самом социал-демократическом движении.

Немецкий социал-демократизм представляет собой довольно разнородное и противоречивое течение. Спектр социально-политических и идеологических взглядов различных групп очень широк. Однако любое реальное многообразие всегда покоится на некотором реальном единстве, которое служит его общей основой. Поэтому, несмотря на все различия, эти группы, оставаясь в рамках социал-демократизма, оперировали часто той же самой терминологией, хотя и вкладывали в нее содержание порой отличное от официальной идеологии СДПГ, а также разделяли многие ее положения и догмы. Впечатляющим примером тому служила позиция левых, которые во всех важнейших теоретических вопросах

¹ В рамках небольшой статьи невозможно изложить все перипетии теоретической деятельности СДПГ. См. более подробно об этом: Майер Т. Демократический социализм // Социальная демократия. Введение. — М., 1993; Майер Т. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. — М., 2000; Орлов Б.С. Новая программа Германской социал-демократии // Итоги идейной дискуссии в СДПГ. — М., 2008; и др.

и во многих вопросах практической политики превратились впоследствии в тесных союзников правого руководства СДПГ. Очень часто и левые, и правые сходились на той или иной версии демократического социализма. Однако ситуация изменилась в последние годы, когда в марте 2007 года была образована новая партия с названием «Левая», в которую перешел бывший председатель СДПГ Оскар Лафонтен. Партия выступает за социальное государство и социальную справедливость, подвергая сомнению в этих вопросах компетентность СДПГ¹.

В целом, политическая концепция, лежавшая в основе социал-демократизма, лучше была приспособлена для функционирования общественной системы ФРГ по сравнению, например, с концепцией ХДС/ХСС, так как социал-демократизм пытался уравновесить и в известных границах стабилизировать духовную и политическую ситуацию в ФРГ. К нему обращались те общественные круги Западной Германии, которые выступали с критикой государственно-монополистического капитализма, его идеологии, при этом отвергая марксизм.

В 1970-е годы под давлением социально-экономических и политических факторов социал-демократические идеологи более не отрешивались от обсуждения идеологических вопросов, как это имело место в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Концепция «деидеологизации» привела социал-демократию к глубокому идеологическому кризису. Пережив господствующее учение о трансформации «индустриального общества» в «постиндустриальное», официально порвав с марксизмом, СДПГ утратила свою специфику и заглушила стихийные стремления трудящихся к социализму. Это словесное отмежевание идеологов СДПГ от решения мировоззренческих вопросов вызвало неудовлетворенность части социал-демократов, приведшей к уходу многих прогрессивных деятелей из рядов партии.

¹ R. Reisig. Linksverschiebung ohne reale politische Gestalt // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. — 2007. — № 6. S. 25–27; Albrecht von Lucke. Das Ende von Godesberg und das Dilemma der Linken. — № 7–8. S. 87–88.

Перед СДПГ встала насущная задача — выработать определенные принципы, требования, установки, определяющие содержание идеологии как теоретического самосознания определенных социальных групп. Она включилась во всеобщий процесс «идеологической мобилизации», который охватил все парламентские партии ФРГ. Основной задачей теоретических разработок явилось создание концептуальных схем, предназначенных для оправдания своей противоречивой роли в политической структуре общества.

Потребность в удовлетворительном мировоззрении, идеологии в рядах СДПГ выразилась в требовании развития теории «демократического социализма». Дебаты о «демократическом социализме» далеко не новы. Они постоянно возникали под влиянием тех или иных социальных факторов. Эта концепция — многоплановое явление, представляющее собой совокупность мировоззренческих доктрин, теоретических постулатов, пропагандистских стереотипов. Следует отметить, что «демократический социализм» не является четко разработанной концепцией, которая была бы общей теоретической платформой для всей партии. Под «демократическим» социализмом внутри СДПГ понимают не одно и то же. Он имеет столько толкований, сколько течений и группировок существует внутри этой партии. Правое руководство полагало, что построить демократический социализм возможно, проводя политику, направленную на интеграцию рабочего класса в капиталистическую систему, которую он хотел бы сделать «эффективнее» и одновременно человечнее. В противоположность этому многие левые социал-демократы связывали с понятием «демократического социализма» представления о политике реформ, ограничивающей власть крупного капитала и расширяющей демократические права рабочих.

Наиболее остро обсуждаемой проблемой немецкой социал-демократии в тот период являлось отношение к марксизму. Марксизм соединился с правым социал-демократизмом таким образом, что он всегда был там чужеродным телом, которое СДПГ постоянно пыталось отторгнуть и в то же время СДПГ

без марксизма не имела бы своего определения. Такое положение объясняется тем, что правое крыло СДПГ конституировалось и всегда отталкивалось хотя и от искаженных, но марксистских принципов.

В социал-демократической литературе все чаще реконструировали идеи Маркса. Достижения марксистской мысли при анализе проблем общества — то как частичное признание их, то как опровержение — присутствовало почти во всех работах, посвященных концепции «демократического социализма». «Кто пытается объяснить общество без Маркса, тот невежда, кто пытается объяснить общество только на основе Маркса, тот также является таковым»¹, — утверждали не без основания социал-демократические идеологи. Во многих работах теоретики СДПГ ссылались на работы Маркса, апеллировали к его основным положениям, которые, однако, использовались, как правило, для того, чтобы подкрепить собственные позиции, далеко отстоящие от марксистских основных принципов.

Трудности, проблемы и конфликты, характерные в те годы для политической ситуации СДПГ, социал-демократические идеологи связывали, в частности, с недостаточно развиваемым теоретическим инструментарием. Какие же пробелы виделись на этом пути? «Дефицит теории» идеологи СДПГ объясняли, прежде всего, тем, что в тот период в теории мало обращались к сознательному возрождению и дальнейшему развитию основных принципов Бернштейна с целью повышения своего политического престижа.

«Ренессанс Бернштейна» имел целью «напустить туману, под прикрытием которого может продолжаться технократическое политическое поведение»². После того, как основопола-

¹ Wuthe G., Junker H. Demokratischer Sozialismus. In Gedanken an Willi Eichler // Demokratische Gesellschaft. Konsensus und Konflikt. — München—Wien, 1975. — Т. I. S.138.

² Jutner W. Die Reaktivierung Eduard Bernstein — ein Beitrag zur Entwicklung sozialistischer Theorie und Praxis?// Die Neue Gesellschaft. — 1977. — № 12. S. 1024.

гающие принципы Маркса были искажены идеологами СДПГ и отвергнуты, на передний план снова выдвинулся Бернштейн, идеи которого фактически всегда освещали и продолжают освещать путь правого крыла немецкой социал-демократии. Всяческие усовершенствования теории «демократического социализма», предпринимаемые после Бернштейна, касались не основ выдвигаемого им понимания социализма, но затрагивали лишь отдельные его элементы, углубляя, конкретизируя или корректируя их.

«Ренессанс Бернштейна был направлен не только против Маркса, но и против тех группировок внутри СДПГ, которые выступали с критикой теории и практики социал-демократического руководства, против его реформистских позиций. Поэтому он был призван стать интегрирующей силой, способной объединить и сплотить партию под знаменем Бернштейна и вновь сделать СДПГ активным фактором формирования политического сознания и политической теории в ФРГ.

Однако связь с Бернштейном осуществлялась лишь по самым общим основаниям, так как у Бернштейна нет цельной и разработанной теории. Он сам характеризовал себя как эклектика и никогда не отрицал своей зависимости от различных влияний. Социал-демократы сталкивались в своей повседневной политической практике с множеством социально-политических проблем, для решения которых у Бернштейна не было и не могло быть удовлетворительных ответов. Поэтому ими сознательно проводилась «ратификация» только основополагающих идей Бернштейна, на которых строилась политическая стратегия СДПГ. Сюда относится, прежде всего, его идея о стабильности капитализма, которой он придавал очень большое значение и из которой вытекали представления о растущей возможности мирного решения социальных конфликтов.

Бернштейн утверждал, что социализм как принцип может осуществляться только благодаря постепенному и конструктивному обновлению существующих структур в «принципиально открытом процессе опыта». «Тем самым, —

писал один из последователей бернштейнианства Т. Майер, — Бернштейн сознательно вводит временное измерение в стратегию демократического социализма и освобождает его от догматического настаивания на определенных формах и путях осуществления»¹. Актуальность Бернштейна усматривалась теоретиками СДПГ в его ясной и четкой ориентации на социал-реформистскую стратегию, которая действительно принесла определенные успехи, например, в сфере регулирования рыночных отношений, социальной политики, парламентской демократии и т.д. Социал-демократические идеологи фактически всегда придерживались этой линии, поэтому бернштейновский реформизм для СДПГ не являлся чем-то новым. Речь шла о том, чтобы усовершенствовать традиционные взгляды и придать им статус серьезного научного авторитета. В связи с этим выдвигалась задача выяснить, в какой степени тот фундамент, который заложил Бернштейн, остался основой деятельности социал-демократии, и в то же время констатировать, что она не только осталась верной курсу Бернштейна, но и продолжала его в своем дальнейшем развитии.

Таким образом, обращение к новым интерпретациям Маркса и Бернштейна, отражавшее движение вокруг этих полюсов, свидетельствовало о попытках выработки наиболее гибкой тактики в тех условиях, а также преследовало цель отвести от своей идеологии критику радикально настроенных социал-демократов и дать новый импульс для идеологического воздействия на рядовых избирателей.

Теоретические усилия СДПГ относительно «демократического социализма» вылились в так называемую «дискуссию о теории», которая приобрела особенно острый, хотя и вынужденный в значительной мере характер, будучи стимулированной левыми социал-демократами и «молодыми социалистами» в связи с обострением социально-экономических и политических проблем в ФРГ.

¹ Meyer T. Bernsteins Revisionismus — Wegmarke im historischen Erfahrungsprozess der Sozialdemokratie // Die Neue Gesellschaft. — 1977. — № 12. S. 1009.

Дискуссия, посвященная вопросам «теории», была для СДПГ нечто большим, чем просто мероприятием внутрипартийного значения. Правда, руководство не всегда уточняло цели вынужденной «дискуссии о теории», идет ли речь о новом знании или об обсуждении идеологии, которая по своим результатам должна вливаться в концепцию о «свободе», «равенстве» и «солидарности». Она выступала главным образом за практическую политику и способы ее эффективного осуществления.

Под влиянием этих дискуссий в социал-демократической идеологии произошли важные изменения. Если раньше на первый план выдвигался прагматический аспект, то потом главное значение стало придаваться ценностной ориентации, разработке так называемых «основных ценностей» (свобода, справедливость, солидарность), обоснованию которых была посвящена многочисленная литература. Это связано с тем, что в немецком обществе все больше увеличивался разрыв между прагматическим аспектом и аспектом гуманистическим, ценностным, потребность в котором все больше ощущалась по мере увеличения этого разрыва. Однако результаты и следствия ценностной ориентации в значительной степени определялись теми условиями, которые задавались общей идеологической ситуацией в стране.

Несмотря на то, что СДПГ придавала такой большой вес аксиологии, последняя по-прежнему оставалась чисто формальной и абстрактной. Это констатировали, прежде всего, сами социал-демократы. Они признают, что их аксиология является неразработанной, называют «свободу», «справедливость», «солидарность» высказываниями малоинформативного содержания и указывают на два обстоятельства, препятствующие развитию этой теории. Во-первых, безнадежная дискредитация понятий «свобода», «равенство» в ходе буржуазной революции, когда они превратились в пустые и формальные лозунги. Вторым сдерживающим фактором явилось учение К. Маркса. «Тот, кто понял учение Маркса, не нуждается в какой-то особой системе ценностей, так как то, что нужно

делать, во всяком случае, в принципе, следует из его научного анализа»¹, — отмечал один из идеологов СДПГ.

Вопрос о ценностях в той особенно острой форме, в какой он ставился в дискуссиях СДПГ, являлся по существу вопросом о цели. Дело в том, что сама категория цели определяется через ценности. Ценности имманентно содержатся в структуре цели, являясь ее высшими регулятивами.

Традиционная дискуссия о цели, которая уходит своими корнями в историю социал-демократии, превратилась для нее в одну из важнейших проблем, поскольку все вопросы в итоге сводились к одному вопросу: каковы сущность и цели социалистического движения. Под напором социальных проблем обсуждение этого вопроса возобновилось с новой силой. Необходимость в обсуждении этой проблемы особенно явно ощущалась в годы разброда и шатаний в партии, раздробленной на отдельные группы, которых связывало общее название и общее стремление к власти. Понятие цели, являясь одной из наиболее идеологически насыщенных категорий, имеет прямое отношение к формулированию позитивного идеала и на его основе способов политического поведения. Социал-демократия испытывала в этом острую необходимость.

Обсуждение цели проходило в связи с обсуждением ряда проектов «Долгосрочной программы». В силу этого дискуссия имела многоаспектный характер и включала широкий круг проблем. Однако из множества конкретных вопросов важно выделить основную проблему, решение которой в известной мере было критерием для решения других вопросов идеологии СДПГ. Это вопрос о соотношении цели и средств, исторически возникший как вопрос о соотношении между социальной реформой и революцией. Во главу угла дискуссий в СДПГ вновь был поставлен вопрос о том, чем же все-таки является социализм — целью или «постоянной задачей»? Принципиальная позиция социал-демократии, зафиксирован-

¹ Flor H. Einige Überlegungen zur Freiheit des Sozialisten // Freiheitlicher Sozialismus. — Bonn–Bad Godesberg, 1973. S. 132.

ная в одном из документов¹, состояла в том, что демократический социализм определялся как цель и как путь, следовательно, как этический принцип и как метод его осуществления.

Социал-демократия развивалась под знаменитым девизом Бернштейна: «движение — все, конечная цель — ничто». За время ее существования проводились частые дискуссии об отношении целей и средств борьбы. Выдвигался тезис о необходимости отделения цели от средств (В. Эйхлер). Предлагалось уточнить формулу Бернштейна и считать, что «конечная цель — все, но никогда не может быть достигнута», делалась попытка реабилитировать формулу «цель — ничто» и т.д. Но все эти инновации являлись не более чем разным выражением единого в своей основе процесса, состоящего в постепенном отказе от конструктивной цели.

В трактовке цели представители правой социал-демократии по-прежнему исходили из взглядов Бернштейна. Классическая дилемма, имевшая место в истории социал-демократии: мыслить крупно, масштабно и ставить в качестве цели построение социалистического общества либо идти в русле буржуазно-либерального движения — все также была актуальна для нее. Однако решение данной проблемы правыми социал-демократами оказалось традиционным. «Но является фактом, — подчеркивал Г. Шмидт, — что СДПГ, добиваясь чего-либо конкретного, в большей степени следовала за Бернштейном, а не за теми, кто ограничивался дискуссиями по основным вопросам. Ей пришлось следовать за Бернштейном, поскольку ей удалось завоевать законодательную власть. А эта власть должна быть использована для изменения конкретных отношений в обществе»².

Свое понимание цели социал-демократы наиболее полно воплотили в концепции «демократического социализма», тео-

¹ Ökonomisch-politischen Orientierungsrahmen der Sozialdemokratischen Partei Deutschland (SPD) für die Jahre 1975–1985 // Parteiprogramme. — Leverkusen-Opladen, 1976. S. 58–162.

² Schmidt H. Die offene Diskussion hat sich gedrückt // Die Neue Gesellschaft. — 1973. — № 4. S. 236–247.

ретическим кредо и политической установкой которого является стихийное развитие социализации и приспособление к объективным и субъективным обстоятельствам. Предпочтение стихийности перед осознанной концептуальной разработкой развития общества привело к тому, что социал-демократам так и не удалось построить желаемое общество «демократического социализма». А сама социал-демократия в процессе эволюции превратилась в своеобразный регулятор социальных отношений и конфликтов, в своего рода громоотвод, осуществление же цели — создание «демократического социализма» стало вопросом далекого и неопределенного будущего.

Цель социализма, заявляли «молодые социалисты», утрачена не теми, кто стремится использовать демократические учреждения в интересах социализма, а теми, кто в ожидании революции не использует возможностей политической демократии, отдавая ее на откуп правым силам. Общие целевые установки и каталог основных ценностей сформулированы так абстрактно и общо, что вряд ли можно найти даже консерватора, который не одобрил бы их. Неудивительно, что бывший генеральный секретарь ХДС К. Биденкопф перенес эти основные ценности в «Мангеймское заявление», принятое съездом ХДС в июне 1975 года. Причина такого сближения позиций заключалась в том, что основные ценности СДПГ нигде не исследуются в их конкретном общественном содержании, не соотносятся с общественной реальностью, в которой сталкиваются антагонистические интересы.

Идеологи СДПГ в большей степени стремились к тому, чтобы перевести обсуждение основных общественно-политических вопросов в более отвлеченный план. Аксиологическая форма позволяла, с одной стороны, создать видимость бурной теоретической деятельности, а с другой — увести от прямых ответов на вопросы, касающихся содержания, смысла жизни, перспектив, положения в обществе трудящихся ФРГ.

В этом ключе было использовано и понятие «качество жизни», которое в сравнительно короткое время стало основным понятием «демократического социализма». Теоретическая

и практическая задача в этой связи заключалась в том, чтобы высвободить «качество жизни» из идеологического контекста и ориентировать на такие ценности, которые могут признаваться людьми независимо от различий в их идеологической ориентации. Все усилия сводились к тому, чтобы вписать «качество жизни» в аксиологическую проблематику, представить его как развитие, конкретизацию и актуализацию «основных ценностей» и в то же время — как особую социальную ценность, синтезирующую «основные ценности» и опирающуюся на них.

Иными словами, лидеры СДПГ рассчитывали при помощи концепции «качества жизни» преодолеть многие трудности и проблемы своей идеологической практики, сделать социал-демократизм практически нейтральным и приемлемым для любого гражданина ФРГ. Однако экономический кризис, охвативший страну и заставивший правительство отказаться от обещанных реформ, существенно подорвал престиж концепции «качества жизни», а, следовательно, несостоятельность «основных ценностей», конкретизации которых она, в частности, была призвана служить.

Созданная под руководством Й. Штеффена комиссия была призвана «осветить» основные ценности социал-демократизма. Она должна была ответить на вопрос: свобода и справедливость — для кого? Солидарность — кого с кем? И так далее. Однако результаты деятельности этой комиссии оказались неудовлетворительными. Практика социально-политической борьбы требовала иного ответа на вопрос о содержании «основных ценностей», чем тот, который давало первое руководство СДПГ. Не случайно председатель комиссии Штеффен отказался от своего председательства, мотивируя свой отказ тем, что «основные ценности» представляют собой не что иное, как «очковтирательство». Практически так широко разрекламированная дифференциация и конкретизация «основных ценностей» не состоялась. Нравственные ценности фактически постулировались целевым каталогом партийных программ, который ни к чему конкретному не обязывал и не

содержал ничего нового, что шло бы дальше определения «основных ценностей».

В 1980-е годы в условиях наступающего глобального кризиса, обнажившего во всей полноте проблемы общественного развития, отчетливо проявился и кризис всех мировых общественно-политических парадигм — консерватизма, либерализма, социал-демократизма. Все они подверглись взаимовлиянию и взаимопроникновению, приведшему к утрате «собственного профиля». Так, например, сближение социал-демократической идеологии с идеологией неоконсерватизма проявилось в отказе от прежних установок на национализацию средств производства, в преодолении остатков классового подхода, политическом и культурном плюрализме, позитивной оценке тех аспектов индивидуализма, которые связаны с развитием свободы и личной инициативы человека и т.д. Социал-демократизм, не имея ни альтернативы кризису, ни концепции развития в новых условиях, сдвигался вправо от демократических достижений прежних лет.

Угроза окончательно потерять «самоидентичность» заставляла их выдвигать свои ответы на «вызов времени». Перед СДПГ, как и перед другими социал-демократическими партиями Европы, встала самая главная проблема — поиски собственного профиля, своего лица. Эта проблема еще более обострилась после объединения двух государств — ФРГ и ГДР (1990 г.), когда в партию влилось много людей с самым разным мировоззрением, разными позициями, разными социальными интересами. Таким образом, причины кризиса СДПГ коренятся как в объективных общественно-экономических закономерностях, так и в самой структуре, стратегии и идеологии СДПГ. Партия превратилась в огромную, громоздкую, бюрократическую организацию, опирающуюся на гетерогенный базис. Для СДПГ следование настроениям аморфной массы средних слоев стало гораздо важнее, чем осуществление твердой политической линии. И только во время избирательных кампаний еще наблюдались некоторые всплески ее активности.

В 1990-е годы под влиянием событий, происходящих в Европе, встала задача реабилитировать и заново определить понятие «социализм». Реабилитация понятия «социализм» понадобилась для спасения идеи справедливого и солидарного общества, за которое ратуют социал-демократы. Но понятие «социализм», по мнению немецкого исследователя Г. Хаймана, не может быть реабилитировано и наполнено положительным содержанием, пока перевороты в Восточной Европе трактуются как окончательная победа капитализма над социализмом. Почему такая трактовка казалась убедительной?

Главная причина этого, полагает Г. Хайман, заключается в том, что как правые, так и левые видят в социализме экономическую систему, альтернативную капиталистической рыночной экономике. Как правые, так и левые используют в политических дебатах в качестве единственно возможной концепции социализма экономическую парадигму в форме социализации средств производства и планового хозяйства. И на основе этой парадигмы как правые, так и левые интерпретируют крушение марксистской системы в Восточной Европе как окончательную победу капитализма над социализмом. Именно эта теоретическая концепция социализма, принятая на Западе, а не только практика сталинизма превратила слово «социализм» в негативное понятие в сознании большинства людей¹.

Выход из этой ситуации Хайман видел в отказе от экономической парадигмы, рассматривающей социализм в качестве альтернативы экономической системе капитализма. Это позволило бы провести различие между экономической системой и обществом и на этой основе переоценить как характер общества, так и достижения социалистического рабочего движения, продолжая при этом и далее придерживаться понятия социализма как проекта лучшего, справедливого и солидарного общества. В то время как любые попытки спроектировать

¹ Heiman H. Ist das Emanzipationsprojekt Sozialismus endgültig gescheitert? // Perspektiven des demokratischen Sozialismus. — Bonn, 1990. — № 3. S. 6.

альтернативную экономическую систему будут вновь и вновь демонстрировать лишь поражение социализма, перед реформистским социалистическим проектом лучшего будущего стоит как никогда великое множество задач, которые, однако, могут быть решены лишь на основе эффективной экономической системы. И в данном случае каких-либо лучших альтернатив капиталистической рыночной экономике нет.

Таким образом, заключает Хайман, социализм — это не способ производства, а лишь способ справедливого распределения продуктов. И если уж капиталистическая система экономики эффективно производит, то социалисты могут справедливо распределять эти продукты и выступать за формирование солидарного социалистического общества. Поэтому для установления лучшего и более справедливого общества решающее значение имеет стремление СДПГ к реабилитации понятия «социализм» в качестве мобилизующей, мотивирующей и интегрирующей идеи и ее выступление против того, чтобы социализм отождествлялся с потерпевшей окончательное поражение экономической парадигмой «реального существующего социализма»¹.

Однако возникает вопрос: как много времени потребуется для создания социал-демократической модели социализма. Пока для ее утверждения в 1990-е годы было мало шансов. Под давлением социально-экономических проблем общество было вынуждено обращаться к неолиберальным и неоконсервативным ценностям. Рыночное хозяйство при этом рассматривалось как единственное спасительное средство и на Западе, и на Востоке. Однако социал-демократы убеждены в том, что в долгосрочной перспективе решение вопросов, выходящих за пределы экономики, таких как экологические, социальные и т.д., будут иметь приоритетное значение по отношению к внутри-экономическим проблемам. И никакой социальный вопрос не может быть решен только с помощью инструмента рыночного хозяйства, без учета культурных и этических проблем.

¹ Heiman H. Ist das Emanzipationsprojekt Sozialismus endgültig gescheitert? // Perspektiven des demokratischen Sozialismus. — Bonn, 1990. — № 3. S. 16.

Обновление идеи социализма виделось и в новом подходе к проблеме индивидуализма, который социал-демократы стремились интегрировать в концепцию социализма. Вследствие этого «неосоциализм», по их мнению, будет отличаться от старого социализма тем, что в его ценностной системе ценность крупных организаций (государство, партия) и ценность коллективной солидарности будут потеснены растущей ролью ценностей индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности, причем свобода и ответственность должны быть неразрывно связаны¹.

Итак, пройдя долгий исторический путь через ошибки, отступления, трудности и разочарования, социал-демократы снова устремлены к идеалу социалистического будущего. СДПГ чувствовала себя в целом на подъеме и внутренне готова была взять на себя новую правительственную ответственность. Однако надеждам социал-демократов не суждено было оправдаться: на выборах в бундестаг (1990 г.) они потерпели тяжелое поражение. Это объясняется, прежде всего, тем, что выборы проходили под знаком «единства Германии», идею которого энергично и успешно разрабатывал христианский демократ Г. Коль, в то время как идеологи СДПГ долго колебались в этом вопросе. Судя по всему, Г. Коль быстрее осознал, что появилось движение, которое он может использовать в интересах укрепления собственной власти в сфере политики, экономики и культуры. СДПГ в меньшей степени сумела сориентироваться в ситуации и оценить шансы, появившиеся с началом перемен в ГДР для осуществления перелома во всей Германии². Свою роль сыграло также и то обстоятельство, что идеи предвыборной платформы СДПГ, вытекавшие из Берлинской программы (1989), ориентировали систему на создание нового «общества будущего» — экологического, солидарного, с развитыми принципами социаль-

¹ См.: Renhofer H. Unterwegs zum «Neosozialismus»? : Geht der Sozialismus seinem Ende oder einer neuen grossen Zukunft entgegen? // Zukunft. — Wien, 1990. — № 3.

² Dolmetscher zwischen West-und Osteuropa // Die Neue Gesellschaft. — Bonn, 1991. — № 1. S. 124–125.

ной защиты, утверждением принципов консенсуса, демократии, — не были восприняты избирателями, не нашли у них достаточного отклика. Несостоятельность этих идей предстала для избирателей на фоне преобразований в странах Восточной Европы, руководители которых отвергали все то, что хотя бы отдаленно напоминало «социализм». Последовавшее в этих странах после ряда преобразований утверждение принципов экономического и политического либерализма в большей степени отвечало устремлениям христианских демократов, нежели социал-демократов. Таким образом, в результате изменений в Восточной Европе социал-демократы, по словам депутата европейского парламента от СДПГ Э. Рихтера, оказались в мире одни со своей социалистической программой, к которой никто не захотел присоединиться.

Не случайно поэтому получила распространение точка зрения, что СДПГ переживает тяжелый кризис, что она вообще исчерпала себя, выполнила свою историческую миссию, ибо все, что она могла сделать, она сделала. Если раньше СДПГ была похожа на неповоротливый, но все-таки судоходный танкер (П. Глотц), то теперь, по мнению некоторых политических аналитиков, она похожа на «корабль-призрак», который дал течь и дрейфует в открытом море при полном штиле без определенного курса»¹. Достигнутые ранее благодаря усилиям социал-демократов успехи — улучшение положения трудящихся, определенные социальные гарантии — воспринимались всеми как нечто само собой разумеющееся и никем не отвергались, а стало быть, социал-демократам уже больше нечего предложить. Но при этом упускалось из виду, что основная историческая задача социал-демократии — это требование своевременно реагировать на новые проблемы и наполнять их конкретным содержанием, афористически выраженное в формуле: «движение — все, конечная цель — ничто». Эта основная задача на всем протяжении истории выступа-

¹ Jaenecke H. Die Krankheit der Sozialdemokratie // Stern. — Hamburg, 1993. S. 22.

ла в двух ипостасях: 1) улучшение жизни людей в данных конкретных условиях и 2) реформирование общественных структур для достижения большей свободы, большей справедливости и солидарности. В истории социал-демократии это далеко не первый кризис и партия умела их успешно преодолевать. Лидеры социал-демократии отдавали себе отчет в том, что «в изменившемся мире сохранит себя только тот, кто готов измениться сам. Кто не хочет измениться, потеряет и то, что он хотел бы сохранить»¹.

Поскольку немецкая социал-демократия в 1990-е годы погрузилась в апатию, то самый важный вопрос — что будет с ней завтра? Какую форму, какой вид может принять социал-демократическое движение, несмотря на состояние упадка? В чем может состоять социал-демократический импульс, как он будет направлен в будущее? В чем он может проявляться, если сегодня уже исчерпали себя такие традиционные добродетели, как «рабочее движение» или «солидарность» — эмоциональный капитал партии? Может ли партия пробудиться от своего бюрократического окаменения и сделать еще рывок к жизни?

В этом контексте дилемма «капитализм — социализм» предполагала решение на мировоззренческом, концептуальном уровне фундаментальной, основополагающей проблемы соотношения принципов индивидуализма и коллективизма. Если идея социализма воплощала по преимуществу принцип коллективизма, а капитализм — индивидуализма и это было классической схемой, то в современном крайне усложненном мире такое противопоставление представляется нецелесообразным. Возникает потребность по-новому взглянуть на данную проблему. Эта проблема рассматривалась в социал-демократической риторике как проблема соотношения индивидуализма и солидарности (одной из основных ценностей социал-демократии).

¹ Engholm B. Die deutsche Sozialdemokratie. Gut unser Land. Presseservice der SPD. — 1991. S. 8.

По мнению некоторых теоретиков СДПГ, на Западе доминирует образ человека как рационально калькулирующего свою пользу эгоиста-индивидуалиста. Этот образ человека культивируется прежде всего в англосаксонском мире и проявляется как радикализация локковского индивидуализма. Ни здравый смысл, ни научный подход не могут отрицать того, что тенденция к индивидуализации в современном индустриальном обществе тесно связана с потребностями производства и социальной организации. Капиталистическое общество, имея тенденцию к радикализации индивидуализма, тем самым само производит те противоречия, которые отсюда вытекают. Само развитие массового общества не может существовать без постоянной апелляции к гедонизму.

Возникают вопросы: разрушает ли процесс индивидуализации основную ценность — «солидарность»; приводит ли индивидуализация к неспособности и нежеланию людей поступать «солидарно»? Как отмечает один из теоретиков СДПГ Штрегер, солидарность — это не коллективизм, напротив, солидарность предполагает индивида как сознательно и самостоятельно действующую персону. Солидарность — это сила, связывающая общество, которая необходима и возможна тогда, когда в ходе современной индивидуализации разрушаются традиционные скрепы. Иными словами, один и тот же процесс индивидуализации, с одной стороны, создает предпосылки для солидарности, а с другой — способствует ее разрушению. Гедонистический индивидуализм может привести к тому, что «другой» воспринимается принципиально как конкурент и противник или как простое средство для достижения выгоды, а человеческие отношения тогда сводятся к игре, в которой один выигрывает то, что теряет другой.

В современной Германии все острее встает вопрос о способности людей к солидарности. Новый подход к этой проблеме позволил теоретикам СДПГ сделать вывод о том, что индивидуализм и солидарность не исключают друг друга. Более того, возможно достижение их взаимосвязи, если партии, церкви, профсоюзы, деятели культуры будут противостоять разруше-

нию демократической политической культуры посредством идеологии обогащения, если психологии безудержного потребительства в политике и общественной жизни будут энергично противопоставлены альтернативные ценности.

Конец 1999 года — начало 2000-х годов ознаменовались поиском новых концепций и путей развития социал-демократической политики в изменяющихся условиях, включая глобализацию, постиндустриализацию. Но, как и прежде, этот процесс поиска не сводился к разработке последовательной социал-демократической программы и не основывался на четко обозначенной новой парадигме.

В Германии, как и во всей континентальной Европе, развернулась дискуссия о «третьем пути», которая приняла новое направление после того, как Тони Блэр и Герхард Шрёдер издали свой совместный документ, призванный придать ей дополнительный импульс в тех странах, где к власти пришли социал-демократы, а также дать новый толчок к дискуссии о контурах и направлении общей социал-демократической политики в Европе. Главное содержание этого документа заключалось в призыве к пересмотру традиционной социал-демократической политики, к обновлению роли государства и содержания социального государства, к более эффективной рыночной экономике, к поддержке всех групп, участвующих в этом процессе, включая и предпринимателей.

Однако в Германии и во Франции этот документ встретил резко критическое отношение со стороны левых социалистов и социал-демократов (СДПГ и ФСП); в других странах Европы отношение к нему было также неоднозначным. В центре возникшей полемики оказался вопрос об отношении к капитализму. В частности, следует ли социал-демократии признать капитализм жизненной реальностью либо продолжать усилия с целью его обуздать? В Германии реакция социал-демократов на документ Блэра — Шрёдера колебалась от горячего одобрения до яростного отрицания, поскольку критики обнаружили «сдачу» социал-демократических принципов в пользу программы неолиберального фундаментализма.

Несмотря на невнятность и расплывчатость термина «третий путь», сама обсуждаемая идея, по мнению некоторых авторов, не имеет альтернативы. Новая парадигма «третий путь» — во всех своих вариациях — должна разрабатываться в качестве цивилизующей силы, способной противостоять новому глобальному информационному капитализму¹. Заместитель председателя Комиссии по основным ценностям Т. Майер, например, отмечая наличие целого ряда серьезных расхождений в подходах к решению различных проблем, подчеркивает, что в то же время у «социал-демократии эпохи модерна» существует консенсус по двум важным вопросам и это коренным образом отличает ее от неолиберализма: один из них — примат демократии над рынком, а другой — политическая концепция социальной справедливости².

Определенный интерес в связи с обсуждением основных вопросов социал-демократической политики представляет документ Комиссии по основным ценностям при правлении СДПГ «Третьи пути — Новая середина. Социал-демократическая расстановка вех для политики реформ в эпоху глобализации» (1999). Комиссия по основным ценностям приступила к обсуждению текста документа, исходя из соответствия его положений основным ценностям социал-демократии. В то же время, как отмечает автор предисловия к этому документу и председатель Комиссии В. Тирзе, в документе основная ценность «справедливость», которая для социал-демократов является центральной, подвергается новому осмыслению с учетом требований современности. Президиум СДПГ, в свою очередь, принял решение о создании Программной комиссии для разработки новой программы (восьмой по счету). В связи с этим Тирзе считает этот документ как первый вклад и стимул к дискуссии, которая непременно должна стать и станет европейской³.

¹ См.: Социал-демократия сегодня: Статьи. Рефераты. Переводы. Документы. — М., 2002. — Выпуск I. С. 55–56.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 95.

Особое внимание справедливости как основополагающему принципу социал-демократии В. Тирзе уделил в своей статье «Справедливость остается основной фундаментальной ценностью социал-демократической политики» (2001), в которой рассматривает принцип социальной справедливости, противопоставляя его современным неолиберальным теориям, оправдывающим социальное неравенство.

По логике радикальных экономистов-рыночников, пишет Тирзе, динамичное развитие экономики и технологии нуждается лишь в свободе и самостоятельности рынков, что обеспечивается их дерегулированием и снятием ограничений с предпринимательской деятельности. Логическим следствием этого является неравенство, но с экономическим ростом, по мысли неолибералов, будет расти и благосостояние всего общества. Однако возникает вопрос: почему благосостояние всего общества не было реализовано и увековечено сразу же после открытия, сделанного Адамом Смитом. Почему потребовалось целое столетие выступлений рабочих и проведения в жизнь социал-демократической политики для борьбы против таких зол, как немыслимая эксплуатация и нищета масс, для борьбы за установление больших прав и большей справедливости в распределении благ. Особенно остро этот вопрос стоит в эпоху глобализации, когда неравенство приняло такие масштабы, что со счетов списываются целые континенты.

Проблема справедливости, по убеждению Тирзе, затрагивает как самую суть, так и внешние границы любой политики, поскольку справедливость — это принцип, лежащий в основе закона и государства, в частности, системы демократии, в которой он предстает как «принцип равной свободы». Поэтому и в будущем «справедливость» останется ценностью, необходимой в качестве морального обязательства для всякой политики. Справедливость не может быть делегирована из области государства и права в область социальных или межчеловеческих отношений¹.

¹ Социал-демократия сегодня: Статьи. Рефераты. Переводы. Документы. — М., 2002. — Выпуск 1. С. 75–77.

Отмечая, что с окончанием противостояния между Западом и Востоком и крушением коммунистических режимов на Европейском континенте появился целый ряд теорий под громкими названиями вроде «конца истории» Ф. Фукуямы или «конца идеологии» Дэвида Хелда, Тирзе задается вопросом: останутся ли «свобода, равенство и братство» — принципы Французской революции, а также основные ценности, закрепленные в Берлинской программе социал-демократов (1989), основополагающими для модели будущего общества?

В 2001 году (г. Бонн) состоялся симпозиум на тему «Значение основных ценностей для политических проектов». В предисловии к материалам симпозиума Т. Майер выделил моменты, которые вызывали наибольшие споры. Он отметил, что для социал-демократии одним из главных вызовов по многим причинам является переосмысление основных ценностей. Задача состоит в том, чтобы в стремительно изменяющемся обществе сделать свободу, справедливость и солидарность критериями изменений в важнейших сферах: в области образования, в политике на рынке труда, в социальной, пенсионной политике, в политике укрепления демократии. Даже в современном индивидуализированном обществе люди хотят жить в условиях справедливости, поэтому политика, которая откажется от ориентации на основные политические ценности, в долгосрочной перспективе не найдет поддержки у избирателей. Это делает справедливость не только моральной категорией, но и «эффективным политическим, социальным и даже экономическим производственным фактором в современном, весьма индивидуализированном обществе»¹.

Видный деятель СДПГ Э. Эпплер сосредоточил свое внимание на теме «Справедливость в обществе знаний». Он совершенно не согласен с точкой зрения, что с формировани-

¹ Die Bedeutung der Grundwerte für politische Reformprojekte in der Wissensgesellschaft. — Bonn, 2001. S. 6.

ем нового типа общества — «общества знаний»¹ необходимо пересмотреть содержание основной ценности «справедливость», что трансформация общественного организма неизбежно влечет за собой изменение содержания ценности «справедливость», а, следовательно, ее определение в Берлинской программе (1989) устарело и нуждается в переосмыслении. По мнению Эпплера, определение основной ценности «справедливость», закрепленное в Берлинской программе, возможно, даже более актуально, чем десять лет назад. Согласно этой программе справедливость следует понимать как равную свободу, но при этом важно, чтобы человек мог эту свободу реализовать. Только достаточно защищенный в социальном плане человек может использовать свой шанс на свободу. Отсюда следует, что справедливость требует большего равенства в распределении доходов, собственности и власти, а также равного доступа к образованию и культуре, что в «обществе знаний» будет иметь еще большее значение, чем ранее².

Определенные нюансы в идеологии СДПГ появились в ходе подготовки к Гамбургскому съезду (2007 г.), на котором была принята программа партии (Программа принципов) — восьмая по счету в истории СДПГ. Эти нюансы были связаны с изменениями общественно-политической обстановки в стране: с трансформациями в сфере труда и демографической структуре, глобализацией, появлением Левой партии (О. Лафонтен). Партия Лафонтена не СДПГ, а именно себя позиционирует как защитника социального государства и справедливости. Кроме того, партийная база СДПГ находится в состоянии неопределенности и апатии: почти каждый

¹ Для Эпплера «общество знаний» означает, во-первых, быстрое увеличение объема знаний и тем самым их перманентное обесценивание, что предъявляет высокие требования к человеку XXI века, который должен постоянно доучиваться и переучиваться. Во-вторых, это доступность и возможность мгновенной передачи знаний благодаря современным средствам связи. В-третьих, знание само становится капиталом.

² Die Bedeutung der Grundwerte für politische Reformprojekte in der Wissensgesellschaft. — Bonn, 2001. S. 19.

третий член партии отвернулся от партии, начиная с 1998 года у нее все меньше избирателей, за последние полтора десятилетия она потеряла три четверти своих членов.

Подготовка к принятию новой программы велась очень основательно. Ей предшествовала развернутая дискуссия, в которой на протяжении нескольких лет приняли участие видные политики и ученые. В ходе дискуссии были рассмотрены различные аспекты общественного бытия, касающиеся как материальных основ общества, так и фундаментальных ценностных ориентаций. Можно указать на ряд важнейших партийных мероприятий, где апробировались и обсуждались основные идеи подготавливаемой Гамбургской программы.

Это, прежде всего, доклад председателя Программной комиссии Р. Шарпинга, содержащий первоначальные разработки. Он огласил свой доклад на собрании, организованном фондом Фр. Эберта в Берлине (2001 г.), в котором исходил из того, что век неолиберализма завершился. В силу этого обстоятельства новые задачи встают именно перед социал-демократией, и, главным образом, потому, что партия имеет две важные предпосылки: 1) «она возникла исторически из потребности разрешения социального вопроса»; 2) «мы всегда были партией, которая действовала в духе международной солидарности». Шарпинг приходит к выводу о том, что процесс развития цивилизации следует оценивать, прежде всего, по его социальному содержанию с тем, чтобы иметь возможность обуздать насилие и конфликты. В речи Шарпинга осуществлена программная попытка обосновать новый подход к пониманию сути социального государства. Это не просто помощь слабым и нуждающимся, а создание условий, при которых человек сам мог бы себя реализовать в различных областях жизни на разных этапах своего возрастного существования¹.

Подобные идеи были развиты и на конференции в Мюнстерайфеле (2003 г.), где, в частности, выступил один из ее

¹ Орлов Б.С. Новая программа германской социал-демократии. — М., 2008. С. 36–38.

организаторов Т. Майер, главный редактор журнала «Нойе гезельшафт / Франкфуртер хефте», который привлек внимание собравшихся к необходимости серьезно обсуждать понятие «справедливость». Он подчеркнул, что социал-демократия никогда не путала справедливость с равенством. Хотя справедливость нуждается в равенстве, во всяком случае, следует добиваться больше равенства, чем это есть на сегодняшний день. В связи с этим социал-демократия заявила свое отличие в отношении двух центральных принципов либерального понятия справедливости. 1) Она не может ограничиваться правовым равенством и не ограничивается требованием равных условий при старте. 2) Рынок не может быть последней инстанцией справедливого распределения жизненных шансов. В силу этих и других причин социал-демократы считают, что их понимание справедливости коренным образом отличается от неолиберального понимания»¹.

В этом же контексте высказался и Эпpler во время своего диалога с Майером (осень 2006 г.), полагая, что новая программа может дать альтернативу рыночному радикализму, поскольку ситуация изменилась: радикальная рыночная волна, захлестнувшая мир в последние 15 лет, постепенно отступает. В такой ситуации у СДПГ появился шанс, ибо нет никакой другой партии, которая смогла бы взять на себя эту задачу. Христианские демократы не могут браться за нее, поскольку в их собственных рядах много рыночных радикалов. Партия Левая еще не разобралась в сути глобализации и все еще копается в ящике с рецептами 1970-х годов. Он обратил внимание на имеющуюся тенденцию: чем больше государственных задач передается рынкам, тем более беззащитным становится гражданин. Когда сокращают обязанности государства в условиях демократии, тогда сокращается и сама демократия. Рыночные радикалы всегда полагали, что государство тормозит рост экономики. Но это абсолютно не соответствует действительности².

¹ Die neue SPD. Menschen stärken-Wege öffnen. — Berlin, 2004. S. 69.

² Gespräch mit Erhard Eppler. Die Zeit ist reif // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. — 2007. S. 32–38.

Авторы книги «На высоте требований времени» (2007), выдержки из которой были опубликованы за два месяца до Гамбургского съезда, особое значение придают новой модели государства (социальное государство). Эта книга фактически представляет собой поддержку курса, который наметил Шрёдер и обозначил сначала в документе «Третий путь — Новая середина», затем в Правительственной программе 2002–06 годов и в документе «Агенда 2010». Обосновывая необходимость социального государства, авторы подчеркивали, что динамично развивающаяся экономика возможна именно в социальном государстве, соответствующем условиям XXI века. Это должно быть такое государство, которое инвестирует в людей, в образование, в квалификацию, здоровье, жизненные шансы и социальную инфраструктуру.

Закономерным итогом данной дискуссии явилась выработка ведущего мотива и темы Гамбургской программы принципов (2007) — это обновленное социальное государство в условиях глобализации. В проекте новой Программы принципов СДПГ прописана альтернатива: XXI век либо будет веком устойчивого развития, либо станет веком отторжения, насилия и упадка. Европа разрушит себя, если предоставит свое будущее только рынку и капиталу.

Что касается основного понятия социал-демократической теории — «демократического социализма», то это понятие описывается как «видение свободного, справедливого и солидарного общества». Из-за того, что понятие «социализм», которое ассоциировалось с советским социализмом, вызывало отрицательные эмоции, то в ходе предшествующей дискуссии выдвигались требования вычеркнуть его из программы. Поэтому в Программе принципов он был отграничен от «государственного социализма советского происхождения».

Завершается Гамбургская программа словами: «социал-демократическая партия Германии борется за устойчивый прогресс и социальную справедливость в XXI веке». Как ей удастся решить эту задачу, учитывая особенности и пери-

пети теоретических исканий, какие трудности и проблемы встанут перед ней, покажет будущее.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Паньков В.С.

В идейном арсенале европейской социал-демократии приоритетное место традиционно занимают ее экономические воззрения (концепции). Видное место в мировой истории экономической мысли по праву принадлежит целому ряду известных европейских социал-демократов (Р. Гильфердинг, К. Шиллер, Я. Тинберген, Э. Крослэнд, Г. Адлер-Карлссон, Ж. Делор и др.). Основанная на этих воззрениях политическая деятельность социал-демократии в области государственного регулирования экономики и социальных отношений стала одним из важнейших факторов глубокой демократической трансформации капитализма после Второй мировой войны, произошедшей эволюционно, посредством реформ. Указанные концепции со времени их зарождения в середине XIX века в ходе изменения отражаемых ими исторических реалий находятся в процессе многогранной и противоречивой эволюции.

1. Идеиные основы и методология

В эпоху «холодной войны», одной из характерных черт которой было острое идейно-политическое противоборство между социал-демократией и коммунистическим движением в Европе, в марксистской литературе неосталинского толка, особенно в советских изданиях 1960–70-х годов (их авторами были Ф. Полянский, В. Уваров, А. Шеин, И. Дворкин и др.), было принято оценивать экономические концепции социал-демократии как элемент или разновидность (причем «эпигонскую», уступающую по качеству оригиналу) буржуазной (в совокупности ее основных течений — неокейнсианства,

неоклассики и институционализма) или мелкобуржуазной политической экономии. Однако автор в своих работах с самого начала придерживался иной позиции, сформулировав тезис об *относительном обособлении социал-демократических концепций* от указанных направлений политэкономии,¹ обосновывая его объективными реалиями бытия партий Социинтерна.

Как известно, европейские партии Социинтерна (социал-демократические, социалистические и лейбористские) по своему составу давно превратились из рабочих в народные. Современная социал-демократия, защищая интересы не какого-то одного класса или социального слоя, представляет собой довольно неоднородное идейно-политическое течение, которое поддерживают рабочие, служащие, интеллигенция, лица свободных профессий, государственные чиновники, простые товаропроизводители, представители реформистских кругов бизнеса («буржуазии»). Соответственно, в ее экономических концепциях в той или иной форме и мере находят преломление позиции всех этих «фракций» общества. Именно специфика социальной базы социал-демократического движения, складывающейся преимущественно из лиц наемного труда, его способность выражать жизненные интересы трудящихся (в области заработной платы, социального обеспечения, условий труда и т.д.), глубокая внутренняя дифференциация в партиях Социинтерна обуславливают относительное обособление их концепций от несоциалистических течений в западной экономической мысли (политэкономии)² причем *степень*

¹ Паньков В.С. Экономические теории современного социал-реформизма. — М.: Мысль, 1980. С. 26.

² Термин «политическая экономия» ввели в экономическую мысль отнюдь не К. Маркс или Ф. Энгельс, а тем более не В. Ленин. Это сделал в 1614 году французский меркантилист А. де Монкретьен. Данным термином пользовались экономисты-классики — У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. В этом смысле его употребляет и автор настоящей главы. Во многих западноевропейских университетах функционируют кафедры политической экономии. Поэтому автор считает крайне неудачными и научно необоснованными предпринятые в российской высшей школе в постсоветский период переименования кафедр политэкономии в безликие рубрики наподобие «экономической теории» и т.п.

обособления может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от конкретно-исторических условий. Такого рода обособление указанных концепций, придающее им своеобразие и оригинальность, во многом обусловлено сохранением в них как раз благодаря отмеченной выше специфике социальной базы партий Социнтерна элементов экономического учения К. Маркса и проявляется в поддержании исторической, генетической связи с марксизмом.

Своеобразие социал-демократических концепций во многом связано также с существованием *трех течений внутри партий Социнтерна*. Контурсы размежевания между ними, правда, довольно расплывчаты. Идеологи и политики правого толка, делая со сравнительно консервативных позиций акцент на сохранении позитивных сторон рыночной экономики и поддержании преемственности в ее эволюции, в своих доктринах реформирования и модернизации капитализма¹ нередко видоизменяют те или иные положения основных течений «буржуазной» политэкономии с учетом специфики состава и электората указанных партий. Их отношение к марксизму, как правило, негативно. Они высказываются за полное преодоление марксистских парадигм.

Центристское (умеренное) течение, отражающее взгляды средних слоев общества, часто примыкает к позициям правого крыла, но проявляет сравнительно большую готовность к реформам тред-юнионистского характера в области экономических (производственных, трудовых) и социальных отношений.

Левые социал-демократы, выражая настроения части работающих по найму, служащих и интеллигенции, нередко обстоятельно и довольно логично критикуют капитализм, обнаруживают стремление к антикапиталистическим преобразованиям, ссылаясь на те или иные положения марксизма.

¹ В период противоборства двух систем и «холодной войны» между ними на Западе по политико-идеологическим причинам употребление термина «капитализм» было довольно сдержанным. После развала «реального социализма» автор считает само собой разумеющимся называть вещи своими именами, причем без всякой идеологической подоплеки.

При этом они не без оснований подчеркивают, что рухнувший в начале последнего десятилетия XX века «реальный социализм» в СССР и других странах строился в соответствии с доктриной сталинизма, а затем и неосталинизма, но в коренном противоречии с сущностью учения К. Маркса. Вместе с тем развал «реального социализма» в начале последнего десятилетия XX века, нанесший тяжелейший ущерб самой идее социализма и тем самым всему мировому социал-демократическому движению, поставил перед особенно сложными концептуальными проблемами именно левое крыло последнего. Как выяснилось в дальнейшем, вопреки мировоззренческим представлениям всей социал-демократии развитие на постсоветском пространстве пошло не по «третьему пути» перехода к демократическому социализму и социальной демократии (по Б. Крайскому), а в направлении примитивного в социальном отношении, дикого «манчестерского» капитализма, почти по «лекалам» XIX века, показанным К. Марксом в «Капитале».

Общим для экономических воззрений всех трех указанных течений является *акцент на общенациональные и общечеловеческие интересы*, а не на запросы определенных кругов, прежде всего тех или иных фракций бизнес-сообщества (таковые явно просматриваются, например, в концепциях монетаризма или экономики предложения). Такие интересы более или менее приемлемы как для работающих по найму, так и для предпринимателей. Поэтому, оказываясь у власти, партии Социнтерна нередко проявляют способность к значительно более масштабным и радикальным реформам в области экономики и социальных отношений, чем это делают «буржуазные» народные партии. Правда, эти реформы по многим причинам далеко не всегда оправдывают надежды их инициаторов и сторонников. Так или иначе, социал-демократический реформизм (социал-реформизм) не только как мировоззрение и идеология, но и как политика в области регулирования и преобразования экономики и социальных отношений имеет свое лицо, отличное от общественных движений правее соци-

ал-демократии и левее ее, и не теряет его ни в какой исторической обстановке.

В 50–60-х годах XX века руководство западноевропейских партий Социнтерна проводило политику *деидеологизации*, фактически означавшую заимствование и адаптацию — для достижения собственных политических целей — «буржуазных воззрений», в том числе в области политической экономии, где оно во многом солидаризировалась с кейнсианством. Степень обособления экономических воззрений социал-демократии от последнего и других несоциалистических течений в этот период уменьшилась.

Однако в 70-х — первой половине 80-х годов XX века в ходе *реидеологизации* как реакции на кризисные процессы в капиталистическом хозяйстве и обществе относительное обособление социал-демократических концепций вновь усилилось. Правда, содержание этого процесса в 70-е и 80-е годы было неодинаковым. В середине 70-х годов наблюдалось полевание во многих партиях Социнтерна. Западноевропейская социал-демократия выдвинула радикальные модели реформ в области экономики и качества жизни, заметно отличавшиеся от кейнсианских представлений. В 1980-е годы под давлением неоконсервативных сил, вдохновленных реальными или мнимыми успехами «рейганомии» и «тэтчеризма», сдвиг влево приостановился, а в некоторых партиях Социнтерна даже сменился попятным движением. Однако, поскольку в несоциалистических течениях западной экономической мысли на авансцену выдвинулись неоконсервативные школы (прежде всего монетаризм и экономика предложения), стоящие правее кейнсианства, относительное обособление социал-демократии от указанных течений вплоть до конца 80-х годов было выражено более отчетливо, чем в 50–60-е годы.

Однако в дальнейшем под воздействием внутренних изменений в системе мирового капитализма, краха «реального социализма» и развертывания глобализации это обособление вновь уменьшилось. В последнем десятилетии XX — начале XXI века на эволюцию экономических воззрений социал-

демократии глубокий отпечаток наложили по меньшей мере следующие процессы: «В 80-е годы XX века усиливается тенденция индивидуализации (к концу этого десятилетия она стала доминирующей — В.П.), особенно в западном обществе. Берет верх диаметрально противоположная принципам солидарности и коллективизма точка зрения, что каждый человек индивидуален, уникален и является Личностью, а не абстрактным винтиком социальной системы... Неудача коммунизма вызвала недоверие к социал-демократии и значительно снизила привлекательность этого политического направления для населения... Социал-демократия официально отказалась от принципа общественной собственности на средства производства, хотя фактически он был отвергнут гораздо раньше. Социал-демократы признали, что экономическое развитие должно определяться рыночными принципами. Изменился также социальный курс: с принципов эгалитаризма и равенства акцент был перенесен на принципы равных возможностей и недопущения дискриминации»¹.

Методологически социал-реформизм имеет много общего с несоциалистическими течениями в западной экономической мысли: стремление к синтезированию органически не связанных, а подчас даже и конкурирующих между собой воззрений, технологический детерминизм, представление о доминировании сфер распределения и обращения над производством и т.д. Вместе с тем его методология не лишена значительного своеобразия. Так, в указанных течениях, особенно в кейнсианстве, широко применяется абстрагирование от социальных аспектов процесса воспроизводства общественного капитала и сосредоточение на анализе количественных, функциональных взаимосвязей последнего, чтобы «оставить за скобками» острые, находящиеся в коллизии между собой противоречия различных общественных групп и страт. Данный методологический прием получил в западной литературе название «соци-

¹ Берен Ян Ван ден Боумен. Что такое социал-демократия. — М.: Ключ-С, 2008. — (Библиотека института «Справедливый мир»: вып. 4). С. 13–14.

альный вакуум». Социал-демократы же не могут пользоваться этим приемом, ибо поддерживающие их широкие слои трудового населения требуют ответа на острые социально-экономические вопросы. Поэтому в экономических воззрениях социал-демократов всегда присутствует анализ социальных («классовых» на языке традиционного марксизма) проблем, связанных с взаимоотношениями и противоречиями между трудом и капиталом. Левые же социал-демократы пытаются частично использовать марксистскую методологию, включая элементы «классового подхода», явно отдавая приоритет интересам труда.

Социал-демократии имманентно *противоречие между ее функциями «реформатора» и «менеджера» капитализма*, что накладывает отпечаток на ее экономические концепции и находит отражение в коллизиях между теорией и практикой партий Социал-демократии Германии. В их экономических воззрениях акценты периодически смещаются в ту или иную сторону в зависимости от эволюции конкретно-исторической обстановки в соответствующей стране и мире. Так, для Берлинской программы СДПГ (1989) была характерна ориентация на радикальные реформы: «фундаментальный исторический опыт» интерпретировался в том смысле, что «ремонта капитализма недостаточно. Необходим новый экономический и общественный строй». В новой же, Гамбургской программе СДПГ (2007), принятой в обстановке продолжавшегося в течение полутора десятилетий быстрого роста нового, «глобального капитализма», последний, правда, подвергается серьезной критике как препятствие «устойчивому и долгосрочно ориентированному способу хозяйствования», но не содержится призывов идти дальше его «ремонта». Эта программа скорее ориентирована на обеспечение более эффективного менеджмента в системе глобального капитализма¹.

¹ Hamburger Programm. Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands-Beschlossen auf dem Hamburger Bundesparteitag der SPD am 28. Oktober 2007. Herausgeber: SPD — Parteivorstand. 1. Auflage 11-2007. — Berlin, 2007. S. 7.

Указанное противоречие находит выражение в политике партий Социнтерна, особенно в периоды их пребывания у власти. основополагающая черта их экономической идеологии — глубокая приверженность делу социальной защиты трудящихся, формированию всесторонне развитой системы социального страхования (по безработице, болезни, утрате трудоспособности по возрасту или вследствие несчастного случая и т.д.). Социал-демократия теоретически разрабатывает и активно претворяет в жизнь (правда, не всегда последовательно) такие проекты реформ, которые отдают приоритет удовлетворению жизненных потребностей лиц наемного труда, что нередко вызывает острую критику со стороны «буржуазных» экономистов и политиков, особенно неоконсервативных. Осуществление подобных реформ позволяет указанным партиям распространять свое влияние на широкие слои населения большинства стран Запада.

В то же время, стремясь сохранить стабильность процесса воспроизводства совокупного общественного капитала и общества в целом, партии Социнтерна, находясь у власти, принимают и меры по удовлетворению запросов частного бизнеса. Это выражается, например, в правовой поддержке и поощрении частной собственности, в предоставлении предпринимателям значительных налоговых льгот и субсидий, а подчас и в рестриктивных акциях в отношении профсоюзов, получая соответствующее теоретическое обоснование. Таким образом, социал-демократия находится в непрекращающемся движении между Сциллой и Харибдой интересов труда и капитала, функций реформатора и менеджера рыночной экономики.

2. Проблемы собственности на средства производства и отношений на уровне хозяйствующих субъектов

В 50–60-е годы XX века лидеры западноевропейской социал-демократии фактически полностью отказались от выдвигавшегося в межвоенный период требования *обобществления основных средств производства* и встали на путь компромисса в отношении частной собственности. Причем

проблемы собственности были объявлены в большинстве партий Социтерна несущественными и утратившими свою актуальность. Напротив, в последующие два десятилетия они вновь оказались в центре внимания.

Под давлением левых сил в некоторые программные документы европейских партий Социтерна были включены компромиссные положения, предусматривающие возможность расширения государственного сектора путем строительства новых или приобретения государством части акционерного капитала уже имеющихся предприятий. Наиболее обширную программу национализации (за выкуп) в 70-е годы разработала Французская социалистическая партия (ФСП), а после прихода к власти в 1981 году в значительной степени, хотя и далеко не полностью, реализовала ее, чему во многом способствовало участие в правящей коалиции в 1981–83 годах коммунистов. В 80-е годы социал-демократия во многих западноевропейских странах активно включилась в борьбу демократической общественности против неоконсервативной политики «огульной» приватизации государственной и муниципальной собственности под эгидой «дерегулирования».

В Стокгольмской декларации Социтерна подчеркивается, что социал-демократическое движение выступает «за обобществление и общественную собственность в рамках смешанной экономики. Очевидно, что в связи с интернационализацией экономики и всемирной технической революцией возрастает важность демократического контроля. Но общественный контроль над экономикой — это цель, которой можно добиться посредством разнообразных экономических мер, принимаемых в зависимости от места и времени»¹. В соответствии с данной установкой социал-демократия теоретически разработала и попыталась претворить в жизнь проекты «преобразования собственности изнутри» по нескольким направлениям.

¹ Declaration of Principles of the Socialist International XVIII Congress of the Socialist International. — Stockholm, 1989. P. 3.

Важная роль в идеологическом арсенале социал-демократии принадлежит модернизированным концепциям *экономической демократии*, восходящим к воззрениям О. Бауэра, Р. Гильфердинга и других теоретиков периода между двумя мировыми войнами. Одним из главных инструментов преобразования отношений по поводу средств производства и обеспечения *экономической демократии* считаются модели «содетерминации» (*Mitbestimmung*)¹ представителей трудящихся в управлении фирмами. В этом контексте особенно интересен опыт «содетерминации» в ФРГ. Согласно закону о «соучастии» 1976 года, принятому в период правления СДПГ, наблюдательные советы компаний с числом занятых свыше двух тысяч формируются на паритетных началах из представителей акционеров и работающих по найму. Правда, за численным паритетом скрывается фактическое неравенство. Ведь председатель наблюдательного совета, имеющий дополнительный голос во всех конфликтных ситуациях, избирается обязательно из представителей акционеров. Кроме того, в квоту работающих по найму включаются менеджеры (не менее одного), которые зависят от крупнейших акционеров и близки к ним по экономическим интересам.

«Германия по сравнению с другими странами Евросоюза имеет, — отмечает один из видных европейских экспертов по данному вопросу, — наибольшее число законов о содетерминации и наибольшее количество органов представительства интересов работающих по найму. Нигде права соучастия и содетерминации работодателей, производственных советов и профсоюзов не урегулированы в такой высокой степени, как здесь. Подавляющее большинство стран Евросоюза имеет в противоположность Германии гораздо более жесткие минимальные критерии числа занятых, начиная с которых может быть избран орган, представляющий работающих по найму. И в области содетерминации на уровне компании Германия

¹ Данный термин принято переводит на русский язык также как «соучастие в управлении».

занимает уникальное во всем мире положение. Никакая другая страна не знает столь широкого соучастия работающих по найму и профсоюзов в наблюдательных советах компаний»¹. Автор полностью разделяет эту оценку немецкого коллеги.

Правда, следует иметь в виду, что имеющиеся законодательные возможности реализуются далеко не полностью. Так, только на 10% средних и мелких предприятий числом занятых от 5 до 500, на которых законодательство позволяет образовывать производственные советы, таковые действительно созданы и функционируют². По другим данным, такие органы существуют на 11% фирм в промышленности и смежных с ней отраслей. При этом еще на 19% получили распространение другие формы представительства интересов трудовых коллективов — омбудсмены, комитеты представителей работающих по найму и др.³

При этом мы имеем дело с двумя сторонами одной медали. С одной стороны, несмотря на недостаточное использование правовых возможностей для представительства интересов работающих по найму, то, что сделано в данной области в Германии, — одно из крупнейших достижений экономической демократии, свидетельствующее о высокой степени демократизации и обеспечения гражданских свобод, о больших возможностях для развития человеческой личности. С другой стороны, это достижение осложняет предпринимателям и их менеджерам принятие быстрых и эффективных решений при управлении фирмами в соответствии с императивами рыночного хозяйства, уменьшает гибкость и приспособляемость рынка труда к изменяющейся экономической конъюнктуре,

¹ Niedenhoff H.-U. Mitbestimmung im europäischen Vergleich // IW-Trends. — 2005. — № 2. S. 3.

² Greifenstein R., Weber H. Arbeitnehmerbeteiligung im Mittelstand zwischen Patriarchat und Mitbestimmung // WISO-direct. Friedrich—Ebert—Stiftung. — August 2008. S. 1—2.

³ Подробнее см.: Stettes O. Betriebsräte und alternative Formen der Mitbestimmung — Ergebnisse aus dem IW-Zukunftspanel // IW-Trends. — 2008. — № 3.

что неблагоприятно сказывается на уровне занятости и безработицы¹. Какая из этих двух сторон воплощает более высокую мировоззренческую и социальную ценность, перед этим нелегким вопросом поставлено в последние годы немецкое общество. Удовлетворительного решения данного вопроса с учетом обоих обстоятельств и без ущерба каждому из них в ФРГ пока не найдено. Так или иначе, теоретикам СДПГ предстоит дать партии весомое обоснование недопустимости демонтажа достигнутого в области «содетерминации» и других сферах трудовых отношений, ибо трудно не согласиться с Ф. Мюнтеферингом, что современный капитализм и рожденная им глобальная «финансовая индустрия» считают демократию и права работающих по найму «чистой воды бюрократией»².

В 1970–80-е годы в ряде западноевропейских партий Социнтерна (французской, бельгийской франкофонской, шведской и др.) получили распространения более радикальные по сравнению с «содетерминацией» модели *«преобразования собственности изнутри»*, призванные обеспечить экономическую демократию: *самоуправления, нейтрализации капитала и участия в прибылях* на уровне хозяйствующих субъектов (компаний) и др. Так, широкую известность среди социал-демократов получила выдвинутая в середине 70-х годов концепция теоретика Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) и шведских профсоюзов Р. Мейднера. Он предложил создать за счет отчислений от прибылей компаний с числом занятых не менее 100 человек (в таких компаниях тогда было сосредоточено 2/3 работающих по найму в Швеции) мощный государственный фонд, который управлялся бы профсоюзами и в перспективе мог бы занять доминирующие позиции в шведской индустрии. Идея фондов рабочего капитала (фондов трудящихся) стала в то время довольно популярной и у социал-демократов ряда других стран.

¹ IW-Trends. — 2004. — № 2. S. 23.

² Rede des Vorsitzenden der SPD Franz Müntefering auf dem a.o. SPD-Bundesparteitag in Berlin. — Berlin, 2008. S. 9.

Осуществление подобных концепций могло бы способствовать демократизации процесса использования значительной части национального дохода, укреплению общественного статуса и упрочению социальной обеспеченности трудящихся. К тому же фонды рабочего капитала в отличие от акций, принадлежащих государству, не могли бы быть приватизированы в результате обычных нормативных актов правительства в случае прихода к власти консервативных сил. Несмотря на противодействие предпринимательских кругов, правительством во главе с СДРПШ в 1984 году было начато проведение необычной демократической реформы: создание 5 региональных фондов за счет налога на сверхприбыль и отчислений в размере 0,2–0,5% фонда заработной платы. Все региональные фонды получили право вместе приобретать не более 40% (каждый — максимум 8%) акций частных фирм, причем последние не обязаны продавать свои акции фондам¹. К сожалению, данная реформа не была полностью реализована СДРПШ, а затем подверглась обструкции со стороны правых партий, сменивших СДРПШ у власти. В ходе глобализации на рубеже двух веков, когда транснациональные корпорации (ТНК) стали основным субъектом всего мирового хозяйства, объективные условия для популяризации и претворения в жизнь концепций экономической демократии значительно ухудшились. В экономических воззрениях социал-демократии их роль уменьшилась.

3. Проблемы государственного регулирования

Различные элементы экономической идеологии социал-демократии оказывают неодинаковое влияние на государственное регулирование хозяйства и социальных отношений. По степени такого влияния эти элементы можно классифицировать следующим образом: взгляды ведущих политиков партий Социнтерна и их ближайших советников; решения партийных съездов, в том числе предвыборных; программные документы указанных партий; решения конгрес-

¹ См.: Lontagarfonder ar... — Stockholm, 1984.

сов Социнтерна и его бюро; общетеоретические разработки отдельных социал-демократов. Влияние левого крыла партий Социнтерна на экономические концепции социал-демократии наиболее ощутимо в области общетеоретических исследований. Оно значительно слабее при создании партийных документов и особенно правительственных доктрин, не говоря о разработке конкретных мероприятий государственного регулирования. Напротив, степень влияния правых изменяется в обратном направлении. Центристское же течение занимает промежуточное положение на всех трех уровнях.

В середине 70-х годов социал-демократы приступили к разработке модифицированных моделей государственного регулирования экономики и антикризисных программ, придя к выводу, что некритическое, механическое заимствование идей несоциалистических течений в западной экономической мысли, прежде всего кейнсианства, ведет в тупик. Так, отмечалось повышение интереса к вопросам *макроэкономического планирования* («*ренессанс планового мышления*»), что было наиболее характерно для партий Социнтерна в 70-е и первой половине 80-х годов.

В процессе «ренессанса планового мышления» определенной модификации подверглись взгляды социал-демократии на соотношение плана и рынка. Правда, многие авторы правого и центристского толка по-прежнему придерживались точки зрения, сформулированной, в частности, Ч.У. Фельдтом (СДРПШ): «Только при некоторых обстоятельствах и на некоторых рынках плановое хозяйство лучше рыночных решений»¹. Вместе с тем произошло смещение акцентов от подчеркивания позитивных качеств рынка к поиску эффективных путей регулирования рыночных отношений, в том числе при помощи планов и программ. В этой связи Ж. Шарза (ФСП) выступил за создание «новой экономики программирования», увязывающей общенациональные и частные интересы»².

¹ Tiden. — 1989. — № 1. P. 31–32.

² La Nouvelle Revue Socialiste. — 1989. — № 5. P. 31–32.

Теоретики левого крыла социалистических партий Франции и Италии, СДПГ, ЛПВ и ряда других партий Социтерна (Ж.-П. Шевенман, Ф. Арчибуджи, В. Майснер, С. Холланд и др.) в конце 70-х — начале 80-х годов организовали дискуссию о *демократическом планировании*, в ходе которой были намечены общие контуры этой концепции по данной проблематике. Прежде всего, теоретики левого крыла связали становление демократического планирования с укреплением и консолидацией государственной и кооперативной собственности. В указанной работе они высказались за «расширение новых форм государственных и кооперативных предприятий, через которые общественность может осуществлять то, что частное предприятие и не может, и не выполняет»¹.

Демократическое планирование рассматривалось левыми социал-демократами как некая промежуточная форма между директивным социалистическим планированием и традиционной моделью капиталистического программирования, призванная избежать «как чрезмерной централизации командных экономик, так и неэффективных простых моделей индикативного планирования»². Они считали необходимым улучшить информационную базу планирования, обязав ТНК предоставлять информацию об их внутрифирменных планах, активно вовлекать в процесс принятия плановых решений профсоюзы, осуществлять жесткое селективное программирование крупных инвестиций посредством «плановых соглашений» (контрактов) между правительством и фирмами, а также методами разрешения или запрета в соответствии с разработанной демократическим путем шкалой потребностей.

Высказывания в пользу планирования на макроэкономическом уровне содержались в документах ряда конгрессов Социтерна (XIII—XVIII), состоявшихся в 1976–89 годах. «Ренессанс планового мышления», явившийся важным аспек-

¹ Out of Crisis. A Project for European Recovery / ed. by S. Holland. — Nottinham, 1983. P. 110.

² Ibid. P. 118.

том реидеологизации партий Социнтерна, заметно отличался от происходивших в то же время сдвигов в буржуазной политике, в рамках которой сторонники свободного предпринимательства и антиэтатизма потеснили приверженцев «планового капитализма». Однако после краха «реального социализма» в последнем десятилетии XX века — начале нового тысячелетия в условиях динамично развивающегося глобального капитализма факторы, благоприятствующие развитию «планового мышления» в социал-демократическом движении, были либо исчерпаны, либо значительно ослабли. В экономических воззрениях социал-демократии этого периода стало трудно обнаружить ориентированные на практику активного государственного регулирования предложения по серьезному реформированию экономики и социальных отношений. В них явно преобладали мотивы приспособления к императивам глобализации. Однако в ходе дальнейшего развертывания начавшегося в 2008 году мирового финансово-экономического кризиса и преодоления его последствий в европейском социал-демократическом движении может развернуться новый «ренессанс планового мышления». Об этом свидетельствует предложение заключить «европейский договор по планированию занятости», выдвинутое Партией европейских социалистов (ПЕС) в п. 8 ее манифеста к выборам в Европейский парламент (июнь 2009 г.)¹. Поскольку в данном документе это требование изложено только в общих чертах, оно нуждается в обстоятельной теоретической разработке, доведенной до соответствующего проекта, который мог бы быть претворен в жизнь.

Особое место в документах и научных публикациях социал-демократов 70–80-х годов отводилось обоснованию того, что первостепенную роль в борьбе с безработицей долж-

¹ Предвыборный манифест Партии европейских социалистов (ПЕС). Главное для нас — люди. Новое направление развития Европы. Принято на заседании Совета ПЕС 1 декабря 2008 года в Мадриде (Испания). К выборам в Европейский парламент 4–7 июня 2009 года. — М.: Ключ-С, 2009. — (Библиотека Института «Справедливый мир»: вып. 7). С. 15.

но сыграть *уменьшение рабочего времени* путем сокращения рабочей недели (как правило, до 35 часов), увеличения отпусков и снижения пенсионного возраста. Оно призвано также содействовать большей социальной справедливости. 35-часовая рабочая неделя была хотя бы для части рабочих и служащих в 80–90-е годы реализована в ряде западноевропейских стран, что стало несомненной заслугой социал-демократии. Однако в конце прошлого – начале нынешнего века встал вопрос не о дальнейшем сокращении рабочего времени, а о его дерегулировании, предоставляющем возможность его увеличения. Такое требование со ссылкой на обострение конкуренции в условиях глобализации, вызывающее необходимость предоставить бизнесу большую свободу во внутрифирменном регулировании рабочего времени, активно выдвигается предпринимательскими кругами. Поскольку в любой стране годовой фонд рабочего времени более или менее определен макроэкономическими условиями производства, распределения и реализации ВВП, увеличение рабочего времени на одного работника может оказать на численность занятых даже негативный эффект. Так или иначе, в нынешней кризисной обстановке одной из актуальных задач социал-демократии, требующей соответствующего теоретического обоснования, является противодействие дерегулированию рабочего времени и его увеличению на единицу самодеятельного населения, прежде всего из числа работающих по найму.

Социал-демократы рекомендуют для борьбы с безработицей модернизировать кейнсианский инструментарий налоговой и бюджетной политики, в частности, путем увязки инвестиционных льгот частному бизнесу с его обязательствами поддерживать и дополнительно создавать рабочие места на длительное время. Подобная идея уже применялась – и не без успеха – на практике некоторыми партиями Социал-демократии, находившимися у власти (ФСП, ИСРП и др.). К сожалению, новых эффективных рекомендаций по борьбе с безработицей в условиях глобального капитализма социал-демократы пока не смогли предложить. То, что некоторые авторы выдают за

новое в деле борьбы с безработицей (расширение возможностей для профессиональной подготовки и получения образования и др.)¹, в действительности представляет собой давно известные элементы экономической идеологии социал-демократии.

В отличие от многих представителей неоконсерватизма и некоторых других несоциалистических течений в западной экономической мысли для социал-демократов (особенно левых, но не только для них) традиционно характерно *неприятие милитаризации* как катализатора роста производства и занятости, а, напротив, выявление ее негативных последствий для хозяйства, на чем в период «холодной войны» они делали особый акцент. Так, видный теоретик ЛПВ С. Холланд подчеркивал, что военные ресурсы «усугубляют дисбаланс между отстающими и технологически передовыми отраслями. За некоторым исключением, затраты на разработку новых вооружений имеют тенденцию уменьшать государственную помощь на цели модернизации и диверсификации кризисных секторов промышленности в контексте их региональных проблем»². Социал-демократы указывают также на то, что военные расходы создают гораздо меньше рабочих мест, чем инвестиции в гражданские отрасли. По упомянутым выше и ряду других причин многие партии Социнтерна в своих официальных документах нередко высказываются за сокращение таких затрат и конверсию военного производства в гражданское. Правда, в условиях прекращения противоборства двух систем и окончания «холодной войны», повлекшего за собой в прошлом десятилетии временное сокращение военных расходов в мире, данной проблематике стало уделяться меньше внимания. Однако в 2007 году военные расходы США вновь превысили, хотя и незначительно, уровень 1990 года. Подобные явления наблюдаются и во многих других странах, так что социал-демократам придется вновь серьезно обратиться к вопросам милитаризации экономики и ее сдерживания.

¹ Орлов Б. Социал-демократическая перестройка // Современная Европа. — 2004. — № 2. С. 99–100.

² The Global Economy. — L., 1987. P. 407.

Повышенное внимание социал-демократы уделяют тем аспектам государственного регулирования экономики, которые связаны с воздействием экологического кризиса на природную среду. По проблемам «экосоциализма» воззрения различных течений социал-демократии имеют сравнительно много общего. Так, они признают необходимым неуклонно претворять в жизнь принцип «платит загрязнитель», установить жесткие нормы на выброс (эмиссию) вредных веществ, внедрить систему профилактических мер, поощрять рециклирование ресурсов. Социал-демократы давно выступают за увязку мер экологического регулирования с созданием новых рабочих мест. Так, Нюрнбергский съезд СДПГ (1986 г.) высказался за создание в ФРГ специального полугосударственного фонда «Работа и окружающая среда». В п. 3 манифеста ПЕС к выборам в Европейский парламент 2009 года объявлено о выдвижении ею Европейской стратегии «Зеленого вектора», которая «поможет Европе стать мировым лидером в производстве экологически чистых технологий и позволит создать 10 миллионов новых рабочих мест к 2020 году, из них два миллиона в секторе возобновляемой энергии»¹. Отдавая должное самому факту провозглашения подобной стратегии, отметим, что для ее реализации необходима разработка детализированного проекта, что потребует больших усилий.

4. Концепции регулирования в сфере международных экономических отношений

В качестве одного из важнейших объектов регулирования в сфере международных экономических отношений социал-демократы с середины 1970-х годов выделяют *операции ТНК*. Эта проблема существенно обострилась в последнем десятилетии прошлого века, когда в условиях всемирной экспансии ТНК после распада «реального социализма» и утверждения глобального капитализма в рыночной экономике нарушился баланс между трудом и капиталом в пользу последнего.

¹ Предвыборный манифест Партии европейских социалистов. Указ. соч. С. 13.

Лишь в последние годы международные и национальные организации профсоюзов, в которых нередко тон задают социал-демократы, консолидировались и приняли активные усилия для формирования сбалансированных отношений между трудом и капиталом в рамках глобальных цепей создания и реализации добавленной стоимости (глобальных производственно-сбытовых цепей ТНК). Для этого международные и национальные профсоюзы действуют главным образом в двух направлениях. Во-первых, в связи с международными дебатами по вопросу о кодексах поведения ТНК они добились включения в эти регламенты основных (минимальных) норм организации и охраны труда. Во-вторых, между профсоюзами и ТНК стали заключаться (нередко при участии Международной организации труда – МОТ) глобальные рамочные соглашения, регулирующие основные параметры отношений между трудом и капиталом по производству и реализации определенных видов продукции в рамках глобальных цепей. Первое такое соглашение было заключено в мае 1994 года при участии МОТ между ТНК Danone и IUL (Международное объединение профсоюзов работников пищевой промышленности, сельского хозяйства, сектора гостиниц и ресторанов) по молочной продукции. К сентябрю 2005 года действовало уже 43 таких соглашения, касающихся международного оборота продукции стоимостью 1164 миллиардов долларов.¹

Вместе с тем по проблеме регулирования операций ТНК европейская социал-демократия пока не сумела разработать убедительную детализированную концепцию и выйти за рамки наиболее общих соображений. Это, видимо, во многом обусловлено не только чрезвычайной сложностью самой проблемы, но и опасениями социал-демократии, что подобная мера могла бы резко ослабить влияние Запада на процессы в развивающемся мире, поскольку такое влияние в настоящее

¹ Подробнее см.: Hammer N. Gewerkschaftsstrategien auf globaler Ebene. Zur Entstehung eines breiten Repertoires // Wirtschaft und Gesellschaft. — Wien, 2006. № 1. S. 117–119.

время основывается на экспансии ТНК. Кроме того, к уступкам ТНК ее побуждает стремление привлечь иностранные капиталы в свои страны, за что в условиях глобального капитализма ведется острая конкурентная борьба.

Особую роль в развитии международных форм регулирования экономики социал-демократы традиционно отводят европейской интеграции. Идеи «объединения Европы», восходящие к теории «ультраимпериализма» К. Каутского, имеют давние традиции во многих социал-демократических партиях. Именно в рядах социал-демократии накануне Первой мировой войны зародилась идея Соединенных Штатов Европы. На Гейдельбергском съезде СДПГ (1925 г.) она стала стратегической программной установкой этой партии.

При этом в концепциях партий Социнтерна красной нитью проводится — и не без оснований — мысль, что именно социал-демократия должна быть (и во многом уже стала) главной интегрирующей силой в Старом Свете. Социал-демократия неизменно играет активную роль в разработке и реализации странами ЕС документов по вопросам интеграции (в том числе Единого европейского акта, Маастрихтского договора, Лиссабонского соглашения и др.), чему во многом способствует широкое представительство социал-демократов в различных органах ЕС вплоть до Комиссии европейских сообществ (КЕС), которой еще недавно руководили Ж. Делор и Р. Проди. Интеграционные модели социал-демократии имеют немало общих черт с концепциями несоциалистических течений в западной экономической мысли. Специфическая черта теорий партий Социнтерна, определяемая их общественной базой, — сравнительно большое внимание к социальным аспектам интеграции, ее влиянию на положение работающих по найму.

В 1980-е — начале 1990-х годов западноевропейские партии Социнтерна сыграли видную или даже ведущую роль в разработке интеграционных концепций, позволивших вывести ЕС из структурного кризиса предшествовавшего десятилетия и приступить к формированию высшей формы

интеграции — экономического, валютного и политического союза.¹ Они активно поддержали расширение ЕС путем вступления в него постсоциалистических стран Европы, произошедшее в 2004 и 2007 годах. Комплексная серьезная программа развития ЕС в направлении нового социализма содержится в Предвыборном манифесте ПЕС к выборам в Европейский парламент. Наряду с отмеченными выше Европейской стратегией «Зеленый вектор» и европейским договором по планированию занятости она включает в себя достижение соглашения по Европейскому пакту о социальном прогрессе, охватывающему важнейшие аспекты социальных отношений в ЕС (заработную плату, трансграничную трудовую миграцию, медицину, образование и др.). Эта программа как набор политических целеустановок и лозунгов представляется довольно логичной и привлекательной. Однако от нее до конкретного детализированного проекта по ее реализации пока простирается «дистанция огромного размера», которую европейским партиям Социнтерна придется пройти в случае победы на выборах в парламент ЕС.

Серьезную озабоченность социал-демократических лидеров современ нефтяного шока первой половины 1970-х годов неизменно вызывает *кризис отношений между Западом и развивающимися странами*, хотя его содержание с тех пор неоднократно модифицировалось. Концепции социал-демократии по проблемам этих отношений нацелены на разработку его долгосрочной *стратегии по линии Север — Юг*. Эта стратегия, направленная на смягчение противоречий между указанными сторонами, предполагает более значительные уступки молодым государствам по сравнению с теми, которые считают допустимыми буржуазные теоретики. В решениях XIII—XVI конгрессов Социнтерна уже два десятилетия назад было объявлено о намерении увеличить объем помощи развивающимся странам до 0,7% ВВП развитых государств (некоторые

¹ Подробнее см.: Паньков В.С. Партии Социалистического интернационала о проблемах социально-экономического регулирования // Всемирная история экономической мысли. — М.: Мысль, 1994. — Т. 5, глава 12.

западноевропейские партии Социнтерна, находясь у власти, практически содействовали этому), либерализовать импорт из «третьего мира» и установить более сбалансированные цены на сырье, поддерживать диалог между Севером и Югом с целью установления нового международного экономического порядка.

Широкую известность в мире получили предложения о разработке для развивающихся стран «нового плана Маршалла», выдвинутые в конце 70-х годов лидерами западноевропейской социал-демократии. Авторы данной доктрины, среди которых особая роль принадлежала Б. Крайскому, со вполне определенным умыслом провели аналогию с историческими событиями конца 40-х годов. Хорошо известно, что «план Маршалла» рассматривался его инициаторами в США как инструмент, обеспечивающий прочное и сильное американское влияние на Западную Европу путем предоставления последней реальной и весомой экономической помощи. Очевидно, новое издание идей «плана Маршалла» — на этот раз применительно к другим регионам — было нацелено на то, чтобы ценой немаловажных уступок освободившимся государствам надежно обеспечить доминирующие позиции Запада в «третьем мире». Этому способствовала частичная реализация данного социал-демократического проекта.

Заслуживает особого внимания концепция ликвидации «абсолютной бедности» в развивающихся странах путем направления помощи последним со стороны Запада в первую очередь на удовлетворение минимально необходимых для поддержания жизни потребностей всего населения указанных стран в пище, жилье, воде, медицинской помощи и школьном обучении. Эта концепция, выдвинутая в конце 1970-х годов. Г. Адлером-Карлссоном (СДРПШ), в условиях небывалых масштабов распространения голода и нищеты в развивающемся мире (этому в определенной мере способствовала глобализация) в обстановке мирового экономического кризиса 2008–09 годов вновь приобрела особую актуальность. Правда, механизм реализации этой концепции в современных условиях, как и в то время, когда

она была провозглашена, не ясен. Особенно проблематична реализация идеи Г. Адлер-Карлссона, согласно которой никто на Западе не должен увеличивать свой доход, пока не будет ликвидирована «абсолютная бедность» в развивающихся странах¹.

В целом социал-демократия во многом учитывает требования государств Азии, Африки и Латинской Америки, касающиеся установления более конструктивных и демократических отношений между Севером и Югом в сферах торговли, финансов и передачи технологии, выражает готовность к определенным, подчас значительным, уступкам в области распределительных отношений. Благодаря этому она пользуется лучшей репутацией в развивающемся мире, чем многие правые партии, особенно неоконсервативного направления. В Предвыборном манифесте ПЕС к выборам в Европейский парламент 2009 года (п. 66) подтверждается готовность выделять на помощь развитию 0,7% ВВП и поддерживать систему многосторонней торговли, выгодной развивающимся странам, намерение ВТО искоренить нищету в развивающемся мире. К сожалению, указанный манифест не содержит ни более подробных предложений по претворению в жизнь этих установок, ни новых идей, способствующих эффективному решению насущных проблем развивающегося мира.

В прошлом и нынешнем десятилетиях теоретики социал-демократии закономерным образом стали уделять повышенное внимание проблематике *глобализации*, в том числе экономической стороне последней. Данная проблематика неизменно фигурирует в программных документах Социнтерна и входящих в него партий, Партии европейских социалистов (ПЕС), а также в многочисленных публикациях их теоретиков и политиков. Для этих изданий характерен охват целого ряда важнейших проявлений глобализации экономики (ГЭ), ее позитивных и негативных последствий, противоречий и «издержек» (в этом смысле среди их достоинств можно отме-

¹ Entwicklungshilfe in der Sackgasse. Frankfurt am Main. — 1977. S. 57–68; Adler Karlsson G. Der Kampf gegen die absolute Armut. Frankfurt am Main. — 1978. S. 49, 57–66, 84–85, 113.

тить комплексный подход к анализу глобализации), наносящих ущерб значительной части мирового сообщества или даже всему человечеству, а также формулирование заслуживающих внимание рекомендаций по минимизации последних.

Так, в ГЭ вызвала подрыв национальных механизмов регулирования экономики и социальных отношений без создания компенсирующих это механизмов регулирования на международном (межгосударственном и наднациональном) уровне. В 2008–09 годах это привело к кризису (не)управляемости мировой экономики, ставшему одной из главных причин глобального финансово-экономического кризиса¹. Для формирования компенсирующих механизмов СДПГ предложила создать Глобальный совет ООН по экономической, социальной и экологической политике, который, как отмечается в Гамбургской программе этой партии, «призван согласовывать экономические интересы, социальные потребности и экологические необходимости, помочь ограничить угрозы, исходящие от неконтролируемых миграций капитала, социальный и экологический демпинг. Все регионы и международные торговые и финансовые институты должны быть на высоком уровне представлены в этом совете»².

Такого рода глобальный совет (ГС) мог бы сыграть полезную роль в разработке и утверждении новых «правил игры» в глобализированной мировой экономике, направленных, прежде всего, против трансграничных финансовых спекуляций и вредных для мирового сообщества манипуляций с национальными валютами и бюджетными расходами. Но при одном условии — если бы решения ГС имели бы, подобно документам Совета безопасности ООН, международно-правовую силу для всех членов последней. Однако при нынешних реалиях ООН идея создания ГС с подобными прерогативами вряд ли может получить одобрение Генеральной Ассамблеи ООН или хотя бы подвергнуться в ней обстоятельному обсуждению

¹ Подробнее см.: Паньков В.С. Теневые стороны глобализации: кризис неуправляемости мировой экономики // Экономика XXI века. — 2009. — № 2.

² Hamburger Programm. Op. cit. S. 22.

в ходе всеобщей дискуссии. Если же ГС не наделять такими полномочиями, то функцию «мягкой гармонизации» в областях, указанных в Гамбургской программе СДПГ, мог бы — при условии соответствующего совершенствования его структуры — выполнять уже существующий орган ООН, а именно Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС). Представляется более реалистичным и перспективным согласовать основные направления и параметры совершенствования «правил игры» в глобальной экономике сначала в более узких международных рамках — прежде всего в «Большой восьмерке» и «группе двадцати» (G-8 и G-20), причем в ходе такого согласования могла бы быть намечена цель формирования ГС на уровне ООН и оговорен круг его полномочий.

В публикациях социал-демократии по проблематике глобализации автор ни разу не обнаружил попыток дать сформулировать ее дефиницию, дав тем самым хотя бы краткую характеристику ее сущности. Это, действительно, весьма сложный и спорный вопрос. Так, на Западе термин «глобализация» был введен в оборот американским экономистом Т. Левиттом в 1983 году публикацией его книги «Глобализация рынков». Хотя в условиях раскола мира на две системы и наличия между ними лишь поверхностных экономических связей, главным образом в виде примитивной торговли (в том числе бартерной), ни о какой экономической глобализации (т.е. о придании процессу интернационализации хозяйственной жизни всемирного характера) не могло быть и речи. В действительности интернационализация хозяйственной жизни достигла своей высшей стадии (ГЭ) в последнем десятилетии XX века, когда вследствие краха «реального социализма» мир стал развиваться по единой модели рыночной экономики (глобального капитализма)¹. Так или иначе, социал-демократии было бы полезно сформировать свое видение сущности глобализации, без чего вряд ли удастся разработать комплекс

¹ Подробнее см.: Паньков В.С. Глобализация экономики: некоторые дискуссионные вопросы // Безопасность Евразии. — 2008. — № 1.

эффективных рекомендаций, призванных поставить ее на службу всему мировому сообществу.

* * *

Таким образом, эволюция экономических концепций европейской социал-демократии исторически вновь и вновь проявляет себя как сложный и неоднозначный процесс, отражающий реальные противоречия национального и мирового развития. В ходе этого процесса авторы указанных концепций находят более или менее адекватные ответы на императивы той или иной эпохи. В эпоху глобализации, развернувшейся на рубеже прошлого и нынешнего веков, убедительного ответа на них пока не дано. В этом одна из главных причин того, что социал-демократия «уже не самое могущественное политическое движение нашего времени», хотя оно «по-прежнему масштабно и авторитетно»¹. Существенное изменение ситуации в системе глобального капитализма в ходе мирового финансово-экономического кризиса 2008–09 годов дает социал-демократии (как, впрочем, и ее политическим конкурентам), по меньшей мере, шанс выдвинуть новые оригинальные идеи, которые, как это уже не раз происходило в истории целого ряда европейских стран, могут материализоваться в прогрессивных экономических и социальных реформах.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ – ВЫХОД ИЗ ТУПИКА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Диманс С.Л.

Экономические императивы начала XXI века существенно отличаются от тех, на которые ориентировались соци-

¹ Берен Ян Ван ден Боумен. Указ. соч. С. 14.

ал-демократические партии несколько десятилетий назад. Глобализация, новые рыночные практики, экологический кризис, а в последнее время и финансовый кризис вынуждают социал-демократов пересмотреть целый ряд своих идеологических установок.

Вчера

Пересмотр теоретического багажа европейских социалистических, социал-демократических и рабочих партий, с которым они прошли всю вторую половину прошлого столетия, начался со «свободной дискуссии» Лейбористской партии Норвегии в 1987 году. В этом же году британские лейбористы создали партийную комиссию под характерным названием «Пересмотр политики». После нескольких лет дебатов немецкие социал-демократы приняли новую Базовую программу (1989 г.). В результате возникли такие направления социалистической и социал-демократической мысли, как «новый лейборизм» в Англии, «новая середина» в Германии, «либеральный социализм» в Италии, модернизированный «функциональный социализм» в Швеции и др.

В 1989 году Социнтерн принял «Стокгольмскую декларацию», в которой подтвердил, что движение социал-демократических партий к справедливому, свободному и солидарному обществу остается неизменным. Однако сама «дорога» довольно существенно изменилась.

Широкую известность получила концепция «третьего пути» Тони Блэра и Герхарда Шрёдера (полное название документа — «Европа: третий путь, новая середина», 1999), в которой предпринята попытка преодолеть негативные аспекты как «первого пути» — неолиберализма, так и «второго» — традиционного, «старого» социал-демократизма. Авторы документа ставят вопрос: можно ли соединить либеральные ценности индивидуальной рыночной свободы с социал-демократическими ценностями социальной справедливости? И отвечают на него положительно.

Новые левые альтернативы отразили способность социал-демократии подлаживаться под капитализм. Из большинства партийных документов была изъята прежняя интерпретация института частной собственности. Под обобществлением теперь понималась не ликвидация института частной собственности, а социализация отдельных ее правомочий (функций). Одни функции могут оставаться в частной собственности, другие могут быть обобществлены (социализированы). Решающее значение придавалась не праву собственности, а контролю над производством и распределением через соответствующую налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д.

Изменилась трактовка понятия «равенство», его соединили с требованиями индивидуальной свободы и ограничили рамками «равенства возможностей». Принципы солидарности был дополнен новым пониманием индивидуализма.

Идеологическое наступление европейской социал-демократии увенчалось крупным успехом. Во второй половине 90-х годов левые пришли к власти в Великобритании, Франции, Италии, Германии. После 1998 года в 9 из 15 стран ЕС правительство возглавляли социалисты или социал-демократы.

Однако в рядах Социинтерна уже не было прежнего согласия. Французские социалисты «третий путь» фактически отвергли. Их манифест «Новый альянс» содержал острейшую критику современного капитализма. Отрицательное отношение к «третьему пути» заняла и германская Левая партия (Linke). Во введении к ее партийной программе отмечается, что «неолиберальная политика превращения всех сфер жизни в прибыльные рынки и авторитарное, имперское, воинственное проведение этой политики разрушают завоевания двух с половиной столетий социальной борьбы». Бывший председатель социал-демократической партии Германии Оскар Лафонтен раскритиковал «третий путь» в своей книге под символическим названием «Сердце бьется слева».

Тем не менее успех концепции «третьего пути» дал основание многим аналитикам говорить о том, что в современных

левых нет ничего левого, что нет ни левых, ни правых, что это иллюзия. Для одних важнее одно, для вторых — другое, вот и все различие между «левыми» и «правыми». На выборах 2001 года британский журнал «Экономист», всегда поддерживавший консерваторов, опубликовал статью, из которой следовало, что в избрании лейбористов на второй срок подряд нет ничего плохого. При этом на обложке журнала был изображен Тони Блэр с прической Маргарет Тэтчер, а подпись под рисунком гласила: «Vote conservatives!» — «Голосуйте за консерваторов!».

Можно ли говорить, что в начале 90-х годов произошел сдвиг социал-демократии вправо и раскол Социнтерна на два «лагеря»: модернизаторов (правый фланг) и традиционалистов (левый фланг). Скорее всего — нет. Разные социализмы — это нормально. Многомерная интерпретация современного идейного развития была подтверждена и в «Стокгольмской декларации»: «В движении, преданном идее демократического социализма, всегда будет место творческому принципу, поскольку каждый народ и каждое поколение должны самостоятельно определять свои собственные цели».

Можно говорить о другом. О том, что к концу века определились два направления социалистической и социал-демократической мысли.

Первое направление — традиционалисты (левый фланг) объявили главной ценностью человеческий, а не денежный капитал, подтвердили значительную роль государства в экономике, которое своим вмешательством предотвращает кризисы и целенаправленно перераспределяет доходы в интересах наименее защищенных слоев и групп населения.

Второе направление — модернизаторы (правый фланг), подобно неолибералам, предлагают ограничить функции государства в решении экономических и социальных проблем, уповают на рынок, конкуренцию, частную инициативу, свободу индивида и т.д.

Фактически отличия традиционалистов и модернизаторов складываются вокруг «основного вопроса экономики» — дол-

жен ли рынок направлять развитие общества, определять технологические и потребительские приоритеты или государство вправе использовать рынок в качестве инструмента служения обществу и создавать обширные нерыночные сферы. Об этом социалисты, либералы и консерваторы спорят между собой уже более ста лет. Особенно яростно — в конце каждого избирательного цикла. Пятьдесят лет назад и левые, и правые часто цитировали нобелевского лауреата В. Леонтьева, как-то сказавшего, что экономика должна двигаться подобно каравелле, паруса которой надуваются частной инициативой, но руль находится в руках государства. Теперь более популярна «китайская версия»: государственное регулирование — это клетка, а рынок — птица, если клетка слишком мала, птица летать не сможет. Но все эти образы мало что дают для понимания того, как создать экономику с уравновешенными рыночными и нерыночными параметрами.

Идеологическая «перезагрузка» социал-демократии потребовалась в связи с успехом неolibеральных экономических моделей, получивших названия «рейганомика» и «тэтчеризм» (эти модели пытались применить не только в Великобритании и США). Американский президент Рональд Рейган и британский премьер Маргарет Тэтчер решительно отвергли кейнсианские идеалы и отказались поддерживать экономику с помощью все увеличивающихся бюджетных трат. С их подачи и в Северной Америке, и в Западной Европе началась политика беспорядочного естественного отбора, поставившего всех производителей перед выбором: погибнуть или модернизироваться. Рональд Рейган говорил в Конгрессе: «Когда другие государства обладают естественными преимуществами в конкуренции, американская промышленность должна будет найти способ увеличить свою эффективность либо перенести свои ресурсы в другую сферу». Маргарет Тэтчер удалось раздробить и ослабить британские профсоюзы. Была купирована спираль роста зарплат. После кратковременного спада объемы производства резко пошли вверх, причем за счет наукоемких технологий.

Социал-демократы не смогли этому ничего противопоставить. Их послевоенная экономическая модель опиралась на ясные и четкие идеи Кейнса и Бевеиджа: повышение заработной платы, небольшая инфляция одновременно с расширением внутреннего спроса, рост налогооблагаемой базы, дающий возможность увеличить социальные выплаты. Однако к концу века сложилась принципиально иная ситуация. Кейнсианская модель действует только в условиях относительно замкнутой национальной экономики. Глобализация разрушает эту модель. Как только начинается массовый отток капитала за рубеж, особенно в виде портфельных инвестиций, стимулировать национального производителя политикой малой управляемой инфляции становится практически невозможным.

В результате к середине 70-х годов левые не смогли ответить на важнейшие экономические вопросы, а именно: как обеспечить равновесие между свободным рынком и социальной защищенностью, государственным вмешательством и частной инициативой, государственной и частной собственностью, как сбалансировать рост заработной платы с уровнем производительности труда, как остановить разрастание бюрократического аппарата.

И только тогда, когда к концу 80-х «рейганомика» и «тэтчеризм» начали выдыхаться, социал-демократы попытались ответить на все возникшие вопросы простой логической операцией: «тезис — антитезис — синтез», что породило «третий путь» и привело левых к очередному, но кратковременному успеху.

Вскоре политический маятник вновь качнулся в обратную сторону. К середине первого десятилетия нового века левые растеряли почти все, что приобрели. В это время социалистические идеи активно поддержала только Латинская Америка. В истории континента никогда еще не было случая, чтобы левые правительства одновременно находились у власти в таком количестве стран.

Но и неолиберализм «с человеческим лицом» быстро провалился. Венцом «его творений» стал нынешний мировой

финансовый кризис. Сегодня уже понятно, что леволиберальная идеология пыталась решить задачу, которая не имеет решения, а именно соединить социалистические и либеральные ценности, найти «золотую середину» между североамериканской моделью жесткого монетаризма и европейской моделью социального государства. Если раньше действительно казалось, что ситуация развивается по классическим законам диалектики, то теперь леволиберальный крен европейской социал-демократии больше похож на клинический случай, как попытка смешать две группы крови и при этом не допустить смерти «больного».

Не случайно победившие на выборах левые партии и сформированные ими правительства не спешили демонтировать модели развития, которые создавали их предшественники. Даже их социальная политика лишь в деталях отличалась от политики правых. Если раньше социалисты и либералы демонстрировали некую общую позицию в понимании общих принципов смешанной экономики, политического и культурного плюрализма, представительной демократии и т.д., то теперь появились все основания говорить о «либеральном социализме».

С другой стороны, и либералы заговорили левым языком. Особенно находясь в оппозиции. Более того, некоторые постулаты левых идеологий в явной или неявной форме были включены в их программные документы.

Если говорить о рынке как таковом (оставив в стороне его социальные и моральные характеристики), то воздействие на него «слева», действительно, мало чем отличается от его регулирования «справа». Неолибералы давно включили государство как субъект рынка в свою идеологическую доктрину, причем выписывают экономике и либеральные, и «социалистические» рецепты, особенно когда находятся в оппозиции. С социал-демократами сложнее. Они много говорят об управляемости, но все эти разговоры носят общий характер. Они хорошо ставят экономический диагноз, всегда готовы увеличить расходную часть бюджета и защитить соци-

альный пакет. Но для решения срочных, чисто экономических задач, у них нет собственных инструментов. В случае чего, они демонстрируют такую же денежную, административную и законодательную эквилибристику, как и их оппоненты. Или же «принимают меры» похожие на те, которые используются для разрешения продовольственных и климатических проблем.

На съезде Партии европейских социалистов (1999 г.) Тони Блэр прямо призвал лидеров европейских социалистических и социал-демократических партий изучать опыт американских демократов, добившихся успехов в сокращении безработицы, обеспечении занятости и благосостояния.

И левые, и правые последние тридцать лет называли развитием не то, что было задумано, а то, что получилось. Нынешняя экономическая архитектура мира — это их общая, солидарная ответственность. Более того, осуществляя свою социальную политику, левые фактически субсидировали неудачную, с их же точки зрения, экономическую модель, чем усугубили ситуацию.

С позиций классической философии мировой финансовый кризис объясняется достаточно просто. Если считать свободный рынок положительным качеством, то доведенный до абсурда он со всей очевидностью превращается в свою отрицательную противоположность. Иступленная вера в саморегулирование на деле привела к дерегулированию.

То же и в России. Слепая вера во всеильность плана в свое время довела до логического конца советскую экономику. А сегодня уже частный сектор демонстрирует такой уровень коррупции, расточительности и безответственности, какой не снился даже самым обнаглевшим бюрократам советского времени.

Чисто экономические причины мирового финансового кризиса также не очень сложны. Очевидно, что глобальный рынок перерос те возможности его регулирования, которые допустимы с идеологических позиций неолиберализма. А социалисты и социал-демократы, не скованные в данном случае никакими догмами, не смогли предложить ничего при-

нципиально нового. Конечно, можно согласиться с тем, что, как сказано в Заявлении XXIII конгресса Социалистического интернационала (последнего), Социнтерн не почивал на лаврах и «в течение многих лет выступал против неолиберальной рыночной идеологии». Однако он не смог продвинуться дальше общей констатации, что «существующие монетарные институты должны быть пересмотрены как с позиции их очевидной недостаточности, так и с точки зрения современной общественной морали».

Выход из кризиса, несомненно, спровоцирует острую политическую и идеологическую схватку между «капитализмом» и «социализмом», которая, по большому счету, только начинается. Политический маятник будет раскачиваться то в одну, то в другую сторону.

Однако на этот раз человечество столкнулось уже не просто с кризисом в системе современного капитализма, а с кризисом самой системы. Нынешний кризис, — как минимум, третий за последние четверть века. Если кризисы начинают происходить каждые десять лет, причем протекают все тяжелее и тяжелее, если капитал «делает деньги из ничего», раздувая мыльные (финансовые) пузыри, а «всесильное» государство превратилось в «насос» по перекачке общественных средств в частные карманы, если крупнейшие автомобильные компании молят о помощи, а правительство скупает банки, то это уже серьезная патология всей хозяйственной системы, которую уже не вылечишь какими-то неолиберальными мерами.

Сегодня

Рассмотрим три последних документа левых партий, так или иначе относящиеся к экономике. Первый из них — Заявление XXIII конгресса Социалистического интернационала, прошедшего в Афинах летом 2008 года (далее — Заявление), второй — Манифест Партии европейских социалистов к предстоящим выборам в Европарламент в июле 2009 года (далее — Манифест), третий — Заявление Президиума Социнтерна по глобальному финансовому кризису (26 сентября 2008 г.).

XXIII конгресс Социнтерна прошел под лозунгом: «Мы работаем, чтобы изменить мир». В Заявлении Социнтерна по кризису говорится о «плане на будущее, в котором люди должны выступать на первом месте». Текст манифеста предварається лозунгом: «Главное — люди».

Во всех трех документах фактически восстанавливается прежнее жесткое противопоставление идей социализма и либерализма.

В Заявлении Конгресса Социнтерна постулирована необходимость «перезагрузить экономику, сделать ее более справедливой», создать «альтернативную систему рыночных отношений, движущей силой которой будут социальные, демократические и экологические ценности».

В Заявлении по кризису Социнтерн идет еще дальше и ведет речь уже о смене эпохи: «То, что мы наблюдаем — это не эпоха перемен. Это — смена эпохи. Финансовые, экономические, социальные и экологические вопросы должны быть интегрированы в единый план, в котором на первом месте — люди».

Манифест, как предвыборный документ, в этом смысле более конкретен и даже афористичен. Приведем несколько выдержек: «современные глобальные институты управления доказали свою несостоятельность перед лицом мировых вызовов», «кризис знаменует собой окончание консервативной эры неэффективно регулируемых рынков», «они (консерваторы) следовали за рынком, а мы следуем за нашими убеждениями», «они (консерваторы) говорят — приспосабливайтесь к рынку, мы (социалисты) сами формируем наше будущее». И, наконец: «Мы (социалисты) должны взять на себя ведущую роль в реформировании глобального управления».

Таким образом, если раньше в документах Социнтерна речь шла «о рыночной экономике и не рыночном обществе» и об установлении жесткого государственного контроля над распределением доходов, то теперь социалисты замахнулись на «альтернативный рынок», «реформирование глобального управления», а также на «смену эпох».

Похоже, что в отличие от 80-х годов, когда в рядах европейских левых господствовал пессимизм, теперь им надо справиться с чрезмерным оптимизмом.

Говоря о принципах, все три документа отражают социал-демократическую «классику»: эффективное и устойчивое регулирование рынка, стимулирование научно-технического прогресса, развитие информационных технологий, борьба за экологически чистую природу, доступность общественных благ для всех граждан — государственная поддержка системы здравоохранения и профессионального обучения, профессиональная и территориальная мобильность рабочей силы и т.д. Обо всем этом можно прочесть в других документах Социнтерна, а также в многочисленных комментариях. Поэтому далее мы разберем только «принцип» регулирования рынка, то, как левые это видят в связи с наступившим кризисом.

Со времен Рейгана в консервативных и либеральных кругах возобладало мнение, что финансовые рынки вообще не нуждаются ни в каком регулировании. А левые не придавали этой проблеме особого значения. Только тогда, когда проявились контуры грядущих финансовых потрясений, и левые и правые заговорили о необходимости изменить «всю финансовую архитектуру мира».

В ноябре прошлого года в Вашингтоне руководители 20 ведущих стран дружно обсудили возросшую роль государства в экономике и сошлись на необходимости использовать его ресурсы для регулирования рынков, а также все вместе пообещали рекапитализировать банки, вывести проблемные активы из финансовой системы и многое другое. Прозвучали и общие морально-этические оценки «рыночного капитализма», демонстрируя единодушие левых и правых.

Однако отличия консервативных, нелиберальных и социал-демократических подходов к проблеме государственного регулирования рынка уже заметны.

На том же саммите «двадцатки» Президент США упрекнул Европу в стремлении решать возникшие проблемы за счет

отказа от рыночных принципов. В свою очередь, Социнтерн в своем заявлении по поводу кризиса фактически возложил вину за происшедшее на царящий в мире рыночный беспредел. Французский президент Николя Саркози, претендующий на некую конструктивность, выдвинул тезис о необходимости «регулирования капитализма», а также добавил, что саммит «Большой двадцатки» — это «прекрасная возможность выстроить капитализм будущего». После этого либералы запели свою уже набившую оскомину песню о том, что государство — «плохой хозяин». Социалисты ответили в своем стиле, что при достаточном гражданском контроле над властью с помощью государственной собственности можно решать задачи, которые рынку вообще не под силу. Одним словом, спор о пределах государственного присутствия в экономике возобновился с новой силой.

В этом споре кроме политических задач решается и экономическая задача, причем одна из самых сложных — идет поиск меры соотношения «рынка» и «не рынка» для каждой конкретной ситуации и на момент времени.

Чтобы понять содержание этих поисков, инструменты государственного вмешательства в экономику надо четко разделить на индикативы и императивы, то есть на инструменты косвенного и прямого вмешательства.

Как показали первые спонтанные попытки выйти из кризиса, индикативов, при помощи которых ответственное государство может пресечь рыночную стихию, не так много. Границы свободы действий очень узки, потенциал возможностей крайне мал. Это ставка рефинансирования, налоги, процентная ставка по государственным облигациям, цены государственных тендеров и т.п. Левые и правые владеют этим инструментарием в одинаковой степени, хотя бы потому, что их лидеры учились в одних и тех же учебных заведениях.

Противостояние правых и левых произойдет «на фронте» императивов, в сфере прямого нормативного, законодательного и административного регулирования. Сюда можно отнести, например, такие рычаги выхода из кризиса, как государствен-

ные гарантии, субсидирование процентных ставок, реструктуризация налоговой задолженности, государственный заказ. Победит тот, чье нормо- и законотворчество, а также «телефонное право» окажутся более эффективным как с точки зрения содержания, так и исполнения.

Президент Франции Николя Саркози на саммите «двадцатки» предложил ввести новые международные «кодексы» против «излишних рисков». Социалисты также выступают за жесткий государственный контроль хедж-фондов и ограничение масштабов задолженности. Как бы одно и то же. Но результаты могут быть различными. Так же и с прямым административным регулированием. Если оно безответственно и бесконтрольно, то ничего кроме вреда принести не может. Если же оно будет осуществляться при сильных демократических институтах, то с его помощью можно быстро и эффективно решать вопросы.

Как в области индикативов, так и императивов правые настроены на постоянное экспериментирование до тех пор, пока что-нибудь да не получится.

Урок, преподанный им кризисом, состоит в том, что нельзя бесконечно снижать налоги, раздувать ипотечные программы, позволять делать что угодно «жирным котам» и закрывать глаза на дефицит бюджета. Есть и более резкие оценки. Как пишет нобелевский лауреат Дж. Ю. Стиглиц, «рынок недвижимости создавался глупцами, которых подстрекали уважаемые мудрецы, при поддержке признанных рейтинговых агентств и инвестиционных банков с длинной историей».

Ответ правых на кризис нетрудно предугадать. Скорее всего, будут введены новые регуляторы, устранены некоторые конфликты интересов, обеспечено более полное раскрытие финансовой информации, налажен бухгалтерский учет, наведен элементарный порядок в ипотечном кредитовании, наказаны рейтинговые агентства, угождающие тем, кто им платит, определены пределы рисков для хеджевых фондов и т.д. и т.п. Чтобы справиться с кризисом, надо проявить не меньше финансовой изобретательности, чем при создании финансо-

вого беспорядка. Однако когда ситуация стабилизируется, все вернется на круги своя с небольшими, непринципиальными корректировками.

Что дальше? А дальше левые предлагают ряд очень важных частных, которые пока не тянут на «альтернативу», но весьма интересны.

Первое — управление финансовыми рисками. Государство как страховщик, страхующий от пожара, должен удостовериться, что огнетушители на месте и сделать все возможное для снижения вероятности наступления страхового случая. Если государство страхует депозиты, то ему не может быть безразлично, каким образом множатся деривативы.

Самые большие претензии левых — к банкам, которые перестали мониторить клиента, чтобы удостовериться в его кредитоспособности, и предпочитали создавать бумажки (деривативы), которые передавались другим банкам или фондам, а вместе с ними передавалась и значительная часть риска. Причем и банки, и фонды часть своих рискованных обязательств вообще выводили за баланс. Дело дошло до того, что банки перестали понимать, что у них там — в активах и пассивах, не говоря уже о балансе тех, кому они выдавали кредиты.

Сторонники рискованных ипотечных кредитов утверждали, что они создали «новый» финансовый инструмент, который благотворно скажется на всей социальной структуре общества, поскольку «позволит многим людям стать домовладельцами». Они ими и стали, но на короткое время. Во что это обошлось обществу? В миллиарды убытков. Деньги разделили между собой все участники аферы, начиная с кредитного брокера и сотрудников банка, выдавшего деньги, до крупных финансовых спекулянтов и рейтинговых агентств.

У финансового менеджмента резко возросли вознаграждения, в то время как он не сделал ничего полезного — просто рассредоточил риски, а по факту ловко перебросил на других будущие убытки.

У финансовых алхимиков более сложные механизмы «деланья денег», начиная с массового распространения

финансового лузерства («мы научим вас зарабатывать деньги на бирже») и заканчивая переводом рисковых и низкорейтинговых ипотечных кредитов в активы с высоким рейтингом, чтобы их можно было размещать, скажем, в пенсионных фондах, которым запрещено играть на высокорисковых ценных бумагах. Так, можно считать доказанным, что Латвийский финансовый пузырь был раздут, в том числе, деньгами шведских пенсионных фондов.

Одним словом, если до сих пор удачно или неудачно, с умыслом или без него создавались «продукты», которые управляли частными финансовыми рисками, то теперь необходимо создавать «продукты», которые помогали бы управлять социальными и общественными рисками. В Заявлении Конгресса говорится, что во избежание возникновения непредвиденных рисков на рынке кредитования требуются новые независимые институты, способные следить за оборотом сложноструктурированных финансовых продуктов. В частности, необходимо жестко контролировать размер собственного капитала финансовых учреждений, чтобы он соответствовал оценке принимаемых ими рисков.

Второе — увеличение «государственного домена» в экономике. Когда частный сектор не справляется и под угрозой казна, то вмешательство государства не может быть оспорено ни слева, ни справа. Государство просто вынуждено оказывать финансовую поддержку тем учреждениям, чье банкротство может привести к полному обрушению хозяйственной жизни. Вопрос в другом — кому конкретно давать государственные деньги.

Как и должно быть в условиях абсурда, поборники свободного рынка теперь приветствуют практику государственного выкупа проблемных активов, более того, они активно требуют этого. Аналитики отмечают равнодушие неолиберальной мысли ко всему, что не связано с прямыми денежными вливаниями государства. «Им теперь хочется подарков, а не стимулов». Но при ближайшем рассмотрении этих вливаний оказывается, что речь идет только о финансовой сфере — поддержке банковской ликвидности, погашении долгов финансо-

вых корпораций, поддержке фондового рынка. Если же речь заходит о прямой государственной помощи основному бизнесу, то либералы по-прежнему клеймят эту политику «социализмом». Доводы все те же: государство — неэффективный собственник и никудышный хозяин.

Почему прямая государственная поддержка производства — социализм, а выкуп государством финансовых активов — капитализм? Ведь государственные банки также распределяют деньги в соответствии с политическими, а не экономическими задачами.

Ответ напрашивается сам собой, если учесть, что та ликвидность, которую государство передает финансовым рынкам, может быть израсходована любым образом, который инвесторы сочтут наиболее прибыльным. Иными словами, банки могут передать, но могут и не передать полученные деньги в реальный сектор экономики. Время делать деньги.

Либералы на свой лад неплохо овладели левой риторикой и не устают повторять, что «финансовый сектор — это жизненно важная сфера общественной деятельности». Кто бы сомневался?! Здесь другое. Мир столкнулся с неприкрытым, беспардонным иждивенчеством крупного капитала, который «знает», что достаточно «велик», чтобы просто так обанкротиться. Об этом знают и его кредиторы. А ведь до сих пор об иждивенчестве говорили только либералы, критикуя «щедлость» левых социальных программ.

Некоторые исследователи утверждают, что финансовые алхимики, создавшие при помощи закладных инструментов, страхования и перестрахования рисков «финансовую пирамиду Хеопса», осознанно вели дело к выкупу, чтобы разжиться государственными деньгами. Тем более, что при покупке многих финансовых активов, не имевших широкого хождения, а значит и объективной ценности, государство будет переплачивать. Если это так, то нынешний мировой экономический порядок не просто абсурден, он похож на воровскую сходку.

Левые предлагают ссужать реальный сектор экономики напрямую. Государственные компании, возникшие ранее по

инициативе левых правительств, были не тупым следованием принципу, а ответом на неспособность частного сектора выполнить свои обязательства. Эти компании сейчас управляются как бизнес, а не как министерство. И что бы там ни говорили правые, они достаточно эффективны. Поэтому лучше национализировать то, что было провалено по вине частной инициативы, вместо того, чтобы просто зашвыривать государственные деньги на Wall Street, City, Kaiserplatz, La Defense и далее по списку.

Другими словами, инвестиции государства теперь могут оказаться более эффективными, чем стимулирование частных инвестиций кредитами, субсидиями и снижением налогов. Надо развивать государственный сектор, чтобы он зарабатывал деньги и хотя бы частично оплачивал антикризисные программы, не прибегая к безответственным займам, чрезмерно высоким налогам и печатному станку. В условиях кризиса это единственно возможный путь. А там видно будет.

Третье — повышение ответственности частного бизнеса. В Заявлении Президиума Социнтерна о глобальном финансовом кризисе говорится, что «современная экономика последние три десятилетия управляется без какого-либо морального ориентира и слабость государственного управления идет рука об руку с безответственной жадностью». В условиях кризиса аморальность «ортодоксальной неолиберальной модели рынка просто вылезла наружу».

Действительно, если государство оплачивает счета «большого», то оно должно выяснить, почему тот попал в больницу, и предписать ему правильные нормы поведения.

Например, левые резко выступают против существующей системы вознаграждения руководящих работников компаний, основанной на акционерных опционах и бонусах. Если руководители компаний участвуют в доходах, но не участвуют в убытках, то информация о доходах часто завышается, чтобы увеличить рыночную стоимость акций. Эта ситуация обсуждается уже много лет, особенно после известного скандала с компанией Enron. Однако недобросовестный бухгалтерский

учет продолжает оставаться серьезнейшей проблемой, что также нашло отражение в Заявлении Конгресса.

Подводя итог, надо сказать, что социалисты и социал-демократы активно выстраивают свои идеи вокруг новой повестки дня. Но вопросов больше, чем ответов. И главный из них — какова экономическая роль государства не в тот период, когда все плохо, а когда все хорошо? Чтобы не стало плохо. Фактически, вопрос о пределах и методах государственного вмешательства в рыночную экономику только сейчас по-настоящему поставлен. Похоже, что История сохранила левую идею именно для того, чтобы этот вопрос решить.

Завтра

Еще одна причина активизации поисков левой альтернативы нерегулируемому или слабoreгулируемому рынку связана с противоречивым процессом глобализации.

В свое время социалисты и социал-демократы стояли у истоков Концепции устойчивого развития, которая вызвала большую эйфорию в мире и была поддержана мировым сообществом. В Концепции мировой рынок рассматривался не сам по себе, а как фактор снижения глобальных рисков и основа демократического развития, отвечающего принципам справедливости.

Но в 1990-х годах, когда либеральные экономические идеи вновь вошли в моду, эта концепция была отодвинута «Вашингтонским консенсусом» глобализации.

Теперь Социнтерн готов дать ответ. В Заявлении отмечается, что «все страны мира должны стремиться к устойчивому развитию». Этому препятствует «Вашингтонский консенсус» (как тип макроэкономической политики), поскольку «поощряет беспорядочные рыночные процессы, оторванные от почвы национальных государств и свободные от какого бы то ни было контроля со стороны общества». Вся экономическая власть отдана США, роль которых в международных финансовых институтах неоправданно велика, и транснаци-

ональным корпорациям, которые фактически бесконтрольно принимают решения, затрагивающие миллионы граждан. В этом главная причина мировых финансовых потрясений последнего времени.

Достается и всем развитым странам — им отказано в праве поучать других, поскольку они сами не справляются с вызовами современности.

В основу построения общемирового порядка Социнтерн ставит те же принципы, что и при построении социального государства:

- регулирование должно быть устойчивым и эффективным;
- перераспределение должно быть справедливым;
- общественные блага должны быть доступными для всех граждан.

В Заявлении предлагается создать многоуровневую систему управления мировой экономикой, охватывающую:

- 1) государственный уровень (отдельно взятые государства);
- 2) региональный уровень (государства одного региона);
- 3) высший уровень (общемировой).

Наиболее интересен третий уровень. Социнтерн предлагает учредить Совет ООН по устойчивому развитию с перспективой создания на его основе мирового координационного механизма — Совета Безопасности ООН по экономике, социальному развитию и проблемам окружающей среды.

Основной задачей третьего уровня управления должно стать создание единых для всех государств принципов государственности, а также общих законов и единых инструментов для претворения законов в жизнь.

В его обязанности должно входить:

- определение состояния мировой экономики;
- стимулирование макроэкономической координации, принимая во внимание необходимость сглаживания мировых дисбалансов;
- создание долгосрочной программы по устойчивому развитию;

— обеспечение координации международных экономических, социальных и экологических институтов.

Фактически, социинтерновское предложение об общемировом уровне управления отражает опыт объединенной Европы. Правда, некоторые официальные лица ЕС, весьма далекие от левых идей, выступили с более скромным предложением — создать всемирный регулирующий орган, который занялся бы финансовым контролем в сфере банковской деятельности и следил бы за «международной транспарентностью».

В создании многоуровневой системы управления мировой экономикой также важна «мера», хотя бы приблизительное понимание того, какова компетенция каждого из уровней. А то можно и дров наломать. Например, согласно директиве ЕС, вышедшей в 1988 году, кривизна огурцов первого сорта по Европе не должна превышать 10 мм на 10 см длины, а огурцов второго сорта — 20 мм на 10 см соответственно. В строгие нормативные рамки загнаны и прочие дары природы. Можно привести и другие примеры. Так, латвийские рыбаки из-за европейских норм не могут выйти в Рижский залив на лов рыбы. То, что Евросоюз дрейфует к бюрократизму, уже стало притчей во языцех. Иным словами, ЕС как законодатель мод на глобальное экономическое госрегулирование пока что страдает «отсутствием вкуса».

По мнению левых, реформированию подлежит «вся мировая финансовая система и все международные финансовые институты». Задача ставится таким образом:

— получить возможность предотвращать кризисы и просчитывать мировые риски;

— обеспечить контроль спекулятивных фондов и прекратить отмывание денег;

— наладить более тесное и эффективное взаимодействие между национальными финансовыми органами;

— получить возможность следить за «надлежащим функционированием сложнотруктурированных финансовых продуктов».

В первую очередь необходимо реформировать Международный валютный фонд (МВФ) и Мировой банк (МБ). Решения МВФ должны быть прозрачны. МБ обязан работать «вне рамок неолиберальной ортодоксальной модели рынка и защищать экономики слабых стран». Далее, нужен Банк международных расчетов, посредством которого государство имело бы возможность отслеживать кредитоспособность заемщиков. И, наконец, надо создать систему независимых институтов, снижающих риски на рынке кредитования. Может возникнуть потребность и в общемировой системе налогообложения.

Манифест больше ориентирован на внутриевропейские проблемы, на то, чтобы «создать новую социальную Европу, обеспечивающую людям большую справедливость». И предлагает перенести достижения европейского социального государства на уровень Евросоюза.

В частности, европейские социалисты обещают создать внутри ЕС 10 миллионов дополнительных рабочих мест к 2020 году, предлагают принять Европейский пакт по социальному прогрессу, в котором были бы зафиксированы нормы в области здравоохранения, образования и социальной политики. Они также обещают установить общеевропейские рамки для общественных служб, подписать европейское соглашение по заработной плате, согласовать национальную налоговую политику в интересах рядовых европейцев.

Однако остается непонятным, как решить те проблемы, которые так и не были решены на национальном (локальном) уровне. Иногда создается впечатление, что социал-демократы пытаются решить проблему системы (в данном случае отдельного национального государства) методом выхода за ее пределы (в данном случае выход из национального государства в ЕС). Это опасно, поскольку сильный Евросоюз — это продолжение сильных национальных государств. А не наоборот. Для Балтийских стран ЕС уже стал своеобразной экономической западней, закрывшей им выход на восточные рынки. Разговоры о том, что Евросоюз

находится на грани полураспада преждевременны, но не лишены оснований.

В условиях глобализации левые видят свою задачу и в том, чтобы содействовать всем формам самоуправления. Они подчеркивают, что современное общество может развиваться только при наличии процессов самоорганизации. Это как самонастройка сложных систем, к которым относится и человеческое сообщество. Чем больше прав передается глобальному уровню экономического управления, тем крепче должны быть муниципалитеты и так далее, вплоть до коммунитарного движения как способа организации повседневной жизни и общения людей в небольших сообществах по месту жительства («коммьюнити»).

Ориентация на «коммьюнити» свойственна и либералам, которые также предлагают опираться на местные потребности и инициативы. Цель в том, чтобы дать гражданам возможность объединяться по месту жительства для защиты своих интересов и получать на это средства, которые в ином случае были бы вложены в медлительную реализацию некоего проекта, разработанного в толще бюрократической системы государства.

Борьба за «коммьюнити» неизбежно станет еще одним «фронтом» политического соперничества социалистов и либералов, причем не менее сложным.

В заключение

Можно сказать, что социалистические, социал-демократические и рабочие партии освободились от идеологического кентавра — левого либерализма, который чуть было не завладел их умами. По крайней мере, они больше не пытаются включить в собственный социально-экономический проект элементы «здорового либерализма», ясно декларируют приверженность своим традициям и ценностям и демонстрируют веру в собственные силы. После долгих лет поражений и разочарований у них появился исторический шанс.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИИ

Спиридонова В.И.

В условиях нового масштабного мирового кризиса возобновляется интерес к переосмыслению перспектив развития социального государства. «Неолиберальная» волна конца XX столетия, ослабившая меры по контролю над рынками и капиталами, сменяется заинтересованностью в государственной поддержке и государственной помощи не только населению, но и многочисленным предприятиям, вынужденным сокращать производство и уменьшать количество занятых. Антикризисные настроения выливаются сегодня в громкие требования созидания «мирового социального государства с новым мировым некапиталистическим правительством», которое могло бы закрыть острова налогового рая, остановить сырьевые спекуляции, прекратить приватизацию и т.д.¹

В документах лидеров Социалистической партии Франции, опубликованных в преддверии Конгресса в Реймсе 14–16 ноября 2008 года, констатируется необходимость создания новой «выигрышной» модели социального государства, которая могла бы объединить в себе экономический динамизм и прогресс в социальной сфере. Такое государство получает двуединое наименование «превентивного государства» (*un Etat préventif*) и «новаторского государства» (*un Etat innovateur*). Выдвижение идеи строительства новой версии социального государства обусловлено фактом потери «операциональной эффективности» прежней модели государства всеобщего благоденствия².

¹ DAVOS sans réelles perspectives à la crise! // URL: <http://jorismichel.skynetblogs.be/>

² L'espérance à gauche, fière d'être socialistes // URL: http://www.laligneclair.fr/?page_id=23

Несмотря на кризис и даже благодаря кризису, теоретические дискуссии о социальном государстве в среде современного социал-демократического движения усиливаются. Выдвигается задача реформирования существующей версии социального государства. И если в рядах социал-демократов существует полное единодушие относительно некоторых направлений конкретной социальной политики — необходимости переориентации общественных расходов и усиления борьбы с неравенством, то конкретные формы нового социального государства, могущего решить такие проблемы, пока еще остаются неясными. Представители различных течений ФСП определяют будущий абрис такого государства по-разному. Если Сеголен Руайаль выдвигает идею «превентивного государства» (*Etat préventif*), то министр занятости Мартин Обри выступает за «предусмотрительное государство» (*Etat prévoyant*), мэр Парижа Бертран Делане обозначает его как «социально-страховое государство» (*Etat social prévoyant*), министр Франции по европейским делам Пьер Московиси высказывается за «новую модель государства всеобщего благоденствия» (*un nouveau modèle d'Etat-providence*), а руководители Новой социалистической партии (NPS) Анри Эммануэлли и Бенуа Амон видят его как «инновационное и регулирующее государство» (*Etat innovateur et régulateur*)¹. Очевидно одно, что сам факт неожиданности разразившегося сегодня кризиса усилил акцент на проблемах предупреждения опасностей, страхования от внезапных крупномасштабных рисков и катастроф, но сама перспектива развития социального государства остается непреходящей ценностью и первостепенной задачей социал-демократического движения в целом.

Социальное государство — «идеальный тип» современного государства

Важной проблемой современного теоретического размышления о «социальном государстве» является многомо-

¹ Nouveau forum de soutien // URL: <http://www.desirsdavenir.org/le-forum/nouveau-forum-de-soutien/le-point-sur-les-contributions>

дельность объекта исследования, что связано с национальными традициями и различными рамками исторического развития социал-демократических движений. Выделяется несколько принципиальных образцов. В российской научной литературе принято разграничивать либеральную, или англо-саксонскую модель, скандинавскую, или социал-демократическую модель, и континентально-европейскую модель социального государства¹.

Как замечает Дж. Вейт-Уилсон, почетный профессор социальной политики Университета Нортумбрии, дискурсы о социальном государстве «в различных странах отличаются друг от друга до полной несовместимости»². Расхождения эти не столько терминологического, сколько историко-культурного характера. Англосаксонское обозначение социального государства, известное как *welfare state*, что в переводе означает «государство богатства», отражает телеологию преодоления бедности как главную и до недавнего времени почти единственную задачу такого государства. Французская версия звучит как *etat-providence*, что переводится как «государство-попечитель, добрый гений» и соответствует устойчивой патерналистской ориентации французского общества. Шведский аналог «государства всеобщего благоденствия» обозначается словом *Folkhemmet*, что буквально означает «народный дом». При этом конкретные социологические исследования выявляют полное отступление восприятия государства скандинавскими жителями от классической британской версии, родившейся из конфликта между народом и правителями. В разговорах и интервью шведы, да и финны, часто говорят «это — наше государство», подчеркивая тем самым, что оно не есть нечто, направленное против народа. Такой подход находится в полном противоречии с англосаксонской трактовкой, делающей особое ударение на этом противопоставлении.

¹ Мационашвили Т. Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // *Pro et Contra*. — М., 2001. — Т. 6. — № 3. С. 105–106.

² Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // *Pro et Contra*. — М., 2001. — Т. 6. — № 3. С. 134.

Многообразие моделей не есть простое отражение внешних формальных различий. Оно свидетельствует о том, что каждая государственность исторична, имеет свое особое национальное лицо и соответствует конкретным национальным запросам и традициям. Различные типы современных социальных государств Запада наследуют те культурно-исторические черты, которые характеризуют отдельные национальные идентичности.

Очевидно, к настоящему времени не выкристаллизовывалось единой общеевропейской модели социального государства. Более того, полного и окончательного совпадения во всех аспектах его деятельности и не ожидается, поскольку никто не отвергает национальных особенностей в истории и функционировании его конкретных форм. Тем не менее разноречия эти вовсе не ставят под сомнение сам факт укорененности социального государства в мышлении и практике европейских народов. Даже кризис последних лет, связанный с финансовыми трудностями обеспечения возросших социальных запросов населения, поставил вопрос вовсе не о демонтаже системы социальной защиты, а об адаптации социального государства к изменившейся реальности через его модернизацию и структурную перестройку¹.

Парадоксально, но именно расхождение в типах и концепциях социального государства онтологизирует саму идею социального государства в Западной Европе. Более того, сегодня социальное государство рассматривается как **«идеальный тип» современного государства**². Соответственно, задачами и целями адекватных научных исследований является выделение и описание характерных особенностей такого государства.

¹ Мацонашвили Т. Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et Contra. — М., 2001. — Т. 6. — № 3. С. 106.

² Goodin R. E. Freedom and the Welfare State in Historical Perspective // Journal of Social Policy. — L., 1982. — Vol. 11. — № 2. P. 150; Renard D. Les trois naissances de l'etat-providence // Pouvoir. — P., 2000. — № 94. P. 19; Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et Contra. — М., 2001. — Т. 6. — № 3. С. 128–157.

Европейские авторы сходятся в том, что все современные развитые государства оказываются обязанными быть «социальными» в терминологии, заданной некогда Азой Бриггс. Это — государства, в которых гарантии индивидов против бедности или же против последствий различных социальных рисков осуществляются с помощью и через посредство **центрального правительства**¹. Подчеркивается главная цель и смысл современного социального государства — его **интеграционная направленность** и **конвергентная** подоплека рационального сочетания социалистических и капиталистических механизмов развития. Оно призвано «в конечном счете затушевывать, смягчать различия в пользу **единства**»².

«Социальное государство» отныне рассматривается как логическое завершение эволюции демократического государства как такового. Если XVIII век дал основание гражданским правам человека, XIX век добавил к ним политические права, то XX век придал контурам государства законченность, создавая и обосновывая фундаментальные и всеобщие социальные права индивида. Именно так появляется новый проект современного государства, новый «идеальный тип» — социальное государство.

Эволюция «формулы» социального государства

В основе современной типологии социального государства лежат две фундаментальные модели: «бисмарковская», основания которой были заложены законами 1880 года в Германии, и «бевериджеская», родившаяся во время Второй мировой войны в Великобритании. Первая исходит и развивает идею социального страхования, вторая — социальной помощи. Первая, таким образом, по сути своей превентивная, вторая действует «после факта». Финансовыми истоками первой являются долевые взносы участников социального процесса,

¹ Briggs A. The Welfare State in Historical Perspective // Archives europeennes de sociologie. — P., 1961. P. 228.

² Renard D. Les trois naissances de l'etat-providence // Pouvoir. — P., 2000. — № 94. P. 19.

фундамент второй базируется на всеобщем налогообложении. Каждая из этих моделей выработала собственные стержневые понятия, которые сегодня в совокупности создают платформу «третьего пути» как магистральной социал-демократической перспективы развития.

Модель, предложенная Бисмарком, полагается на паритетное участие страхуемых — предпринимателей и государства. Она, таким образом, имплицитно содержит в себе идею социальной *справедливости* и намечает прогрессивное движение к идее качества жизни. Именно эта модель позднее сфокусируется на идее обеспечения *достойного уровня жизни* всем гражданам. Важным элементом в функционировании такого образца социального государства становится само *государство*, ответственность которого была выявлена и выделена немецкой философской мыслью в целом и особенно явно обозначена Г.В.Ф. Гегелем.

Концепция В. Бевериджа, как указывалось, сформировалась в ситуации Второй мировой войны и географически была привязана к Великобритании. Война, крайне обострившая проблемы бедности, вынудила британское правительство принять целый пакет социальных мероприятий универсалистского назначения. Были введены дешевые завтраки, бесплатное молоко для школьников, обязательные прививки, доступное для всех больничное обслуживание, пенсии по старости, компенсации для вдов, инвалидов и т.д. Такие меры выполняли важную задачу военного времени — достижение антифашистской консолидации общества и повышение эффективности мобилизационной экономики.

Концепция В. Бевериджа по самой своей логике предполагает всеобщий охват населения. Однако британская версия этой модели предусматривает гарантию ультраминимального дохода каждому. Государственные обязательства обеспечивают защиту от бедности только самых нуждающихся. В отношении остальных действует жесткая либеральная логика самоответственности и самообеспечения через свободный рынок. Таким образом, с точки зрения перспективы развития «идеального

типа» социального государства позитивным вкладом этого подхода становится *идея универсализма*.

Интересно, что хотя тиражирование наименования «государства всеобщего благоденствия» — welfare state — связывают с именем В. Бевериджа, сам он обозначил его как «Santa Claus State»¹, то есть государство Санта-Клауса, что имело явно негативную коннотацию. Первый абрис социального государства нес в себе несомненный отпечаток скупого и осторожного на поощрение «жизни на пособие» британского менталитета. Социалистические, по существу, принимаемые меры оставались либеральными по глубинному смыслу. Они преследовали стремление освободить человеческие ресурсы для развития. В этом отношении характерна метафора ликвидации «пяти зол», которую использовал сам сэр Беверидж для пояснения своей концепции. Предлагаемая реформа, писал он, есть всего лишь «орудие наступления на пять вечных зол: физическую Нужду... Болезни, которые лежат в истоках нужды... Невежества, противоречащего всякой демократии, Нищеты... и Лениности, которая разрушает богатство нации и самого человека»².

Современная скандинавская, или социал-демократическая модель, финансируемая за счет всеохватывающего налогообложения, такого, при котором платят все, даже король, успешно сочетает борьбу с бедностью с удовлетворением достойного стандарта жизни. Достигается это за счет перераспределения налогов с помощью налоговой прогрессии. Скандинавская модель сегодня считается наиболее продвинутой. Действительно, она сумела синтезировать самые яркие позитивные моменты двух «материнских» подходов. Гарантированный прожиточный минимум для нее пройденный этап. Она нацелена на максимальное выравнивание жизненных шансов, уровня и качества жизни. Инструментами для достижения этой цели стали в совокуп-

¹ Hennessy P. Never Again: Britain 1945–1951. — L., 1992.

² Beveridge W. Social Insurance and Allied Service. Цит по: Renard D. Les trois naissances de l'etat-providence // Pouvoir. — P., 2000. — № 94. P. 21.

ности программы социального страхования, дополняемые широким участием государства в создании общедоступных систем здравоохранения, образования, культуры, дошкольного воспитания и т.д.

Не следует, однако, забывать о национальном своеобразии скандинавского социального менталитета, в котором с начала XX века выкристаллизовывалась концепция государства как «народного дома». Именно на нее легла современная модель социального государства, вобрав в себя такие социально прогрессивные и гуманные качества национального характера, как приоритет равенства, взаимного уважения и сотрудничества граждан.

Такое свойство, как особое почтение к государству, отмечается многими западными авторами, проводившими исследования и опросы в странах Северной Европы в начале 1990-х годов. Пиетет, испытываемый гражданами по отношению к своему государству, временами рождает, по их мнению, некритическое отношение к государственным институтам и затемняет причины недовольства их деятельностью. В Финляндии, пишет социолог И. Сипиля, «государство представляет собой плод сравнительно недавнего народного движения начала XX века, отчего подобное убеждение покоится на прочной исторической основе. Государство благосостояния возникло не в итоге классового конфликта, так что люди не думают о его администрации в понятиях «мы» и «они»¹. Рассказывая об изучении ходатайств о социальной помощи в Финляндии, И. Сипиля предположил, что малочисленность таких ходатайств может объясняться тем, что нуждающиеся часто как бы говорят себе: «Если это наше государство, оно всегда поступает правильно, а если я чем-то недоволен, то причина не в недостатках системы, а во мне самом». По его словам, такое уважение к «нашему» государству еще более

¹ Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et Contra. — М., 2001. — Т. 6. — № 3. С. 134.

выражено в Швеции. Это подтверждается и наблюдениями других ученых¹.

Социальное государство в постиндустриальном мире

С конца XX столетия начинается новый этап в развитии практики и концептуального осмысления социального государства. Постиндустриальный фундамент производственного процесса, проникновение информационных технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности, глобализация экономики — все это вызывает необходимость радикального переосмысления функционирования государства благосостояния.

Европейские интеллектуалы отмечают, что мы живем в эпоху, когда вмешательство государства в социальную сферу или то явление, которое самый популярный сегодня во Франции социальный и политический философ Пьер Бурдьё назвал «левой рукой государства», то есть той рукой, которая ответственна за перераспределение, поставлено под сомнение.

Чтобы понять происходящие перемены, нужно вникнуть в суть базовых трансформаций капиталистической системы, разворачивающихся на наших глазах. Прежде всего, необходимо напомнить политэкономическую аксиому о приоритетном интересе этой системы в создании прибыли через производство прибавочной стоимости товаров. Именно она претерпела главные изменения, последствия которых оказались едва ли не «роковыми» для социального государства.

Если до середины 80-х годов прирост прибыли шел, главным образом, через изготовление и продажу материальных предметов (холодильников, автомобилей, мебели и т.д.), то с середины 80-х годов на рынок вышли продукты нового типа. Это — программное обеспечение, стоимость которого зиждется не на делании предметов как таковых, а заключается в ***интеллектуальном*** продукте. Так, цена CD как материального носителя практически равна нулю по сравнению со стоимостью самого

¹ Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et Contra. — М., 2001. — Т. 6. — № 3. С. 155.

программного обеспечения, которое он содержит. Что в таком случае говорить об экономической эффективности новых технологий дистанционной загрузки, благодаря которой исчезают привычные транспортные расходы, затраты на оплату труда бригады наладчиков и т.п.? Более того, сама дистанционная загрузка не сопряжена с выпуском никакого реального продукта вообще. Это означает, что прибавочная стоимость, произведенная командой программистов, может расти до бесконечности при ничтожных затратах на материальную часть вещи.

Кроме того, необходимо отметить, что в настоящее время новые технологические принципы выходят за рамки компьютерной сети и распространяются на область инженерии в целом. Ярким примером может служить автомобильная промышленность, в которой нет никакого существенного изменения самой конструкции, трансформируется только технологический комплекс. Но при этом стоимость новых моделей несоизмерима с доходами средних покупателей. Прибыль, соответственно, возникает не за счет доли вложенных материалов, а имеет «концептуальную» основу.

Для системы в целом все эти метаморфозы имеют очень важные следствия.

Во-первых, исчезает заинтересованность производителей в больших отрядах работников, в отношении которых надо проявлять заботу об образовании, здоровье, самом их существовании. Достаточно нанять несколько высококвалифицированных хорошо оплачиваемых программистов, остальных можно уволить без ущерба для деятельности предприятия.

Во-вторых, наемная рабочая сила в старом смысле слова становится не нужна не только в качестве производителей, но и в качестве потребителей. Они слишком бедны для того, чтобы покупать продукцию «хай-тек». Для них приемлемы только экономические ниши «большого потребления» старого типа. Это уничтожает кейнсианские рычаги экономической политики социального государства прежнего образца.

В-третьих, отпадает нужда в государстве-защитнике старого типа. Напротив, возникает спрос на самое что ни на есть

«минимальное государство», чтобы довести прибыль до максимальных пределов при одновременном снижении отчислений в государственный бюджет. Но это, понятным образом, рушит финансовый фундамент социального государства.

В-четвертых, в целях дальнейшей минимизации стоимости производства руководители корпораций стремятся переместить их в регионы, где имеется в наличии избыточная и дешевая рабочая сила. Прибыль, таким образом, «экстерриторируется» и опять же минуется национальный бюджет.

Все вышеперечисленные факторы вкуче уменьшают возможности государства (которое, в отличие от транснациональных компаний, остается на собственной территории) вмешиваться в процессы перераспределения, не говоря уже об общем сокращении налоговой базы и, следовательно, наличных финансовых ресурсов. Именно радикальные перемены технологической матрицы современного капитализма способствуют взлету неолиберальной мысли, господство которой отмечено в современном мире. У нее на повестку идет государство, которое, по образному выражению политического обозревателя Ж.-П. Фоскарвеля, «отрезает свою левую руку»¹. Итогами новой идеологии становится феномен «новой бедности», усиливающейся даже в развитых индустриальных странах. Общество раскалывается, в нем возникают «две скорости жизни». Одна — для тех, кто может войти в «интеллектуальное производство» и, соответственно, позволить себе, хотя бы на время занятости, сохранить уровень потребления, необходимый для того, чтобы оплатить жилье, здоровье и воспитание своих детей. Другая — для тех, кто лишается всего: работы, жилья, здравоохранения, образования. В конечном счете, абрис государства рискует ограничиться тем, что сведется к сохранению «одной только жесткой правой руки, которая ведает полицией, тюрьмами и юстицией, скорой на расправу»².

¹ Foscarvel J.-P. Pourquoi l' Etat social devrait-il disparaître? // URL: www.agoravox.fr/article.php?id_article=38657

² Ibid.

Подобные катастрофические сценарии, однако, призваны не столько посеять безвольный пессимизм, сколько мобилизовать интеллектуальные элиты для борьбы за сохранение социального государства. раздаются обращения обеспечить будущее гражданского общества, развивая его социальную составляющую в интересах населения в целом. Более того, почти никто из влиятельных общественных деятелей и крупных исследователей не говорит об ущемлении, а тем паче о ликвидации социального государства. Речь идет об адаптации его к изменившимся условиям. На повестку дня выдвигается вопрос о модернизации европейской социальной политики посредством инвестиций в человеческие ресурсы и построения «активного государства благоденствия» как новой формы социального государства.

Контуры постиндустриального общества, претворяющиеся в действительность, диктуют новые условия и дополнительные обременения традиционной формулы социального государства. На первый план выступают заботы о создании *«человеческого капитала»* — производственного потенциала человека, формируемого его воспитанием и образованием.

Солидаристская, или интеграционная, функция социального государства, подкрепленная функцией легитимации, видятся как недостаточные. Вместо задачи перераспределения и выравнивания доходов, которая считалась главной в 70–80-е годы, появляются цели, подкрепляющие общую склонность «государства всеобщего благоденствия» вкладывать в будущее нации и народа¹. В частности, декларируется появление «компенсаторной, инвестиционной и эмансипаторской функций»².

Компенсаторная функция, или функция возмещения, призвана уравновесить последствия бума в информатике, увеличившего поляризацию зарплат и имущественного положения

¹ Мацинашвили Т. Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et Contra. — М., 2001. — Т. 6. — № 3. С. 108.

² Urban H.-J. Sozialpolitik in der globalisierten «Wissensgesellschaft» // Sozialer Fortschritt. — München S., 2000. — № 11–12. С. 301–309.

граждан. Утверждается, что система социального страхования должна охватывать все формы занятости, в том числе распространяться на тех работников, которые оказались в условиях неполной занятости или стали хозяевами самостоятельных предприятий.

Инвестиционная функция способствует формированию социальных условий модернизации, в том числе развитию общественной инфраструктуры, образования и науки, что указывает на озабоченность государства стратегическими, важными для общества в целом, инвестициями, которыми пренебрегали в 70–80-е годы прошлого века.

Эмансипаторская функция сосредотачивается на обеспечении путей полноценной реализации индивида в духовной сфере и защите его от социальных рисков, связанных с необходимостью переобучения и получения качественного образования, ведущего к овладению новыми технологиями. Поскольку в постиндустриальных обществах все большее значение приобретает культурный капитал, то государство проявляет заботу о таком образовании граждан, которое способно создать, к тому же, дополнительные возможности для индивидуального развития.

Социальное государство и глобализация

Вопросом о разрушительном воздействии на европейское социальное государство неolibерального «мифа» глобализации задается Пьер Бурдьё¹. Он рассматривает этот процесс сквозь призму прогрессивных эволюционных и регрессивных инволюционных аспектов развития государства. Философ отмечает, в частности, что симптомы инволюции государства наблюдается в феномене его «раздвоения, расщепления», когда в одной и той же стране оно, с одной стороны, обеспечивает социальные гарантии для привилегированной, достаточно обеспеченной части общества, а с другой стороны, проявля-

¹ Bourdieu P. Le mythe de la «mondialisation» et l'etat social europeen // URL: www.homme-moderne.org./societe/socio/bourdieu/index.2.html

ет свою репрессивную, полицейскую природу по отношению к основной массе народа. Такова, констатирует П. Бурдьё, ситуация в современных США, которые иницируют тот же процесс в европейских странах. Так, штат Калифорния, который считается в США одним из самых богатых, предстает как рай всевозможных свобод и местонахождение самого престижного университета мира, но в то же время тюремный бюджет этого штата с 1944 года превышает бюджет всех его учебных заведений вместе взятых¹.

Влияние американской модели переносится в европейские страны, в частности в современную Францию, где государство «уходит» из целого ряда социальных сфер, что провоцирует резкое ухудшение положения населения. В качестве примера Бурдьё указывает на неолиберальную политику в области жилищного строительства, которая носит симптоматичное название «помощь человеку». Результатом ее стала социальная сегрегация, породившая проблемы огромного количества иммигрантов, которые образовали в стране обширные зоны нищеты.

Сходные процессы общего ухудшения жизни трудящихся в результате реализации различных неолиберальных проектов (которые, по Бурдьё, суть — «инволюция государства») имеют место и в других странах. Всюду растет число людей, получающих статус временно занятых, по сравнению с постоянно занятыми людьми. Процесс этот, опять же, был инициирован в США, где в последнее время резко увеличилось количество малооплачиваемых работников, занятых лишь частично. Целью такой политики называют искусственное снижение общего уровня безработицы. (Социологические опросы свидетельствуют, что американский средний класс, оказавшись перед угрозой масштабной безработицы, почувствовал себя крайне уязвленным. Оказалось, что для индивида в работе важна не только величина зарплаты, но и защищенность.) Ситуация

¹ Bourdieu P. Le mythe de la «mondialisation» et l'état social européen // URL: www.homme-moderne.org./societe/socio/bourdieu/index2.html

осложняется тем, что во всех странах число временно занятых особенно велико среди молодежи, следствием чего явился рост деликвентного поведения. О потерях в области культуры и говорить не приходится. Повсюду наиболее уязвимой в условиях рынка и приватизации стала, как и следовало ожидать, сфера интеллектуального и художественного творчества.

Инволюция и регресс государства, считает Бурдьё, провозируются «неолиберальной доксой», «постмодернистским неолиберальным месседжем», который выдает себя за универсалистское послание всеобщего освобождения. Делается это с помощью продуманных символических технологий, в которых осознанное или невольное участие принимают ведущие интеллектуалы Запада.

Используются определенные лингвистические приемы внушения, якобы свидетельствующие о превосходстве неолиберального воззрения на мир. Так, во Франции вместо слова «патронат» употребляют выражение «живые силы нации». Вместо увольнения работающих и сокращения рабочих мест говорят о «разгрузке» («degraissage»), умышленно используя спортивную терминологию, которая несет на себе печать подсознательного убеждения в том, что сильное тело должно быть худым. Одно французское предприятие, объявляя об увольнении 2000 человек, назвало это действие «смелым и мужественным планом», сознательно вуалируя антигуманные действия и создавая иллюзию позитивности своих намерений. Широко распространена также игра смыслов и коннотаций, основанных на ассоциативных интерпретациях таких слов, как гибкость, урегулирование, налаживание связей и т.п.

В то же время П. Бурдьё констатирует возникновение **нового феномена современности**, который, без сомнения, становится сегодня важным подкреплением в борьбе с неолиберальной атакой на государство. Бурдьё определяет его как **«онтологическое»** существование государства в двух формах: в *объективной реальности* (в виде совокупности институтов, министерств, управлений, офисов и т.п.) и в *головах людей*. Во всех странах, где роль государства в социальной жизни была

традиционно велика, государство оставило существенный ментальный след своих социальных завоеваний. Сегодня этот феномен принимает форму реального и неоспоримого субъективного права, отражением которого становятся твердые и беспелляционные сентенции: «это мое право», «так нельзя поступать по отношению ко мне». Такие суждения превращаются в реальную материальную силу, с которой нельзя не считаться. При этом социологи отмечают разницу менталитетов в странах, где государство исторически имело слабые социальные позиции, и там, где оно было традиционно сильно. Так, у англичан отсутствует идея о *праве* на труд, которая отчетливо проявляется у французов, ибо в Великобритании трудовые соглашения входили в состав общего права, в отличие от Франции, где эти соглашения гарантировались государством. Процессу регресса и отступления государства с социальных позиций оказывается сильное сопротивление в странах, где этактические традиции были наиболее мощными.

Таким образом, в настоящее время социальное государство — это главная территория социального конфликта. Дилемма здесь такова — либо отстаивание его позитивных функций, либо регресс и инволюция государства к карательному государству, главными механизмами которого являются подавление и репрессии, которые не обязательно есть физическое уничтожение. В современном мире они выражаются через принесение в жертву социальных областей деятельности — образования, здравоохранения, социальной помощи.

Создание «активного» социального государства

Анализируя изменения современного мира, западные авторы приходят к выводу о необходимости создания «активного государства всеобщего благоденствия»¹, которое должно стать заменой изжившей себя модели пассивного его варианта, воплощенной в формуле страхования социальных рисков. В современном европейском политическом сознании, заме-

¹ Розанваллон П. Новый социальный вопрос. — М., 1997. С. 188.

чает в этой связи российский исследователь С. Федоров, «произошел определенный поворот в направлении создания активного социального государства, контуры которого пока еще не совсем ясны»¹.

Термин «активное государство» можно интерпретировать по-разному: как активное насильственное вмешательство в жизнь общества и как активную инициативу, активную поддержку общественных процессов. В современной социальной философии эта дилемма актуализирует старый спор о рационализации баланса между государственной властью и государственным патернализмом. Центральной в этом споре является глубинная проблема пределов государственного вмешательства.

Пришло время «десакрализовать» роль государства, сделав его «более скромным», но одновременно более активным и инициативным, подчеркивает крупнейший современный французский исследователь механизмов реформирования М. Крозье. Сегодня это возможно на пути размежевания таких понятий, как государственная регламентация и государственное регулирование².

В научной, особенно экономической литературе, да и в общественном сознании, широко распространилось мнение о том, что рыночные механизмы есть механизмы автоматического регулирования экономики или других сфер жизни. На самом деле, пишет Крозье, это представление относится к абстракции чистого мышления. Ибо на практике важны не механизмы функционирования однажды установленного рынка, а средства учреждения конкретных рынков, так как последние чрезвычайно разнообразны и находятся в процессе постоянного становления. «Рынок в действительности, — пишет он, — не есть некое естественное состояние, которое могут якобы “замутить” и нарушить там или сям внешние злонамеренные или ошибочные вмешательства; рынок — это очень тонкое

¹ Социальное государство: концепция и сущность. — М., 2004. С. 81.

² Crozier M. Etat modeste, Etat moderne? Strategie pour un autre changement. — Р., 1987. Р. 9.

человеческое сооружение («человеческий конструкт»), которое требует для своего возникновения, утверждения и развития огромных коллективных усилий»¹.

В функционировании механизмов рынка следует различать, наряду с автоматическими механизмами регуляции их деятельности, и другие, которые кристаллизуются в определенные правила. Последние же всегда устанавливаются людьми, правда, в разных ситуациях — на разном уровне. В одних случаях — с помощью общественной власти (государства), в других — через традицию, в третьих — почти бессознательно.

Помимо автоматических регуляций, регуляций-правил, существует еще понятие, обозначаемое термином «регламентация». Именно последнее связывается с внешним, как правило, государственным властным вмешательством в деятельность организаций, принимающим форму указов или декретов. Разбирая отрицательные стороны воздействия этих форм власти, Крозье прекрасно показал, насколько дисфункционально их действие. Оно превращает социальный ансамбль в «бюрократическое общество», страдающее от «бюрократического ритма развития»².

Однако ситуация коренным образом меняется, когда общество и власть принимают концепцию «постепенных, постоянных и ответственных» изменений в современных сложных обществах. Тогда государственные, общественные регламентации переходят из разряда принудительных в разряд посреднических, вслушивающихся в социологические законы функционирования «человеческой ткани» общества, и поэтому берут на себя роль помощников, «акушеров» новых отношений.

Вмешательство общественных властей тогда выполняет, во-первых, функцию легализации тех установлений, которые породила инициатива лидеров, создавших «правила» функционирования конкретного рынка. Во-вторых, регламентации

¹ Crozier M. *Etat modeste, Etat moderne? Strategie pour un autre changement.* — P., 1987. P. 123.

² См.: Спиридонова В.И. *Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье).* — М., 1997.

выполняют роль поддержки инициатив снизу, но ни в коем случае не подменяют их, ибо первенство всегда остается за «человеческими», социальными, а вовсе не за экономическими или юридическими аспектами деятельности.

Мифологичность образа «невидимой руки рынка», которая якобы безо всякой посторонней поддержки создает оптимальные условия конкуренции, по мнению Крозье, подтверждается фактами создания рынка в США, которые приведены в работах американских экономистов XIX века¹. Обычно принято восхищаться американской рыночной экономикой, пишет французский ученый, не подозревая о том количестве усилий, которые нужно было приложить в процессе постепенного и кропотливого создания большого и успешного континентального рынка, добившегося такого успеха². Американские исследователи, подчеркивает он, убедительно показали, что речь идет именно об *искусственно* создаваемом механизме, а вовсе не о географической или культурной данности. Образование американского рынка стало возможным благодаря настойчивым усилиям общественных властей, которые, с одной стороны, стимулировали «переговорные» отношения между конкретными социальными акторами, а с другой стороны, создали систему легальных юридических норм с обязательным и, следовательно, принудительным характером их соблюдения. Однако даже в этих случаях одних регламентационных усилий, исходящих от властей сверху в авторитарной форме, в виде указов или декретов, совершенно недостаточно. Они призваны только поддерживать и усиливать медленное становление промежуточных человеческих сетей взаимодействия, которые фактически и создают рынок. В этом и состоит «скромная» и одновременно активная роль современного государства как посредника.

Демонстрируя возможности установления такого социального механизма, Крозье приводит конкретный пример француз-

¹ См.: Chandler A. The Visible Hand. — Harvard, 1978.

² Crozier M. Op. cit. P. 130.

ского рынка по продаже артишоков и цветной капусты в Сен-Поль-де-Лионе, провинции Бретань. Рынок ранних овощей Северной Бретани до конца 1950-х годов был одним из тех, которые контролировали сильные парижские комиссионеры. Производители терпели убытки. В начале 1960-х годов инициативные бретонцы, изучив местную специфику, оттеснили комиссионеров. При этом они создали такой механизм работы рынка, который был приближен к идеалу рационального. Это был продукт кропотливой интеллектуальной и организационной работы, то есть искусственный «человеческий конструкт». Чтобы легализовать созданный рыночный механизм и обеспечить необратимость его функционирования, понадобилось вмешательство государственных регламентаций. Этот опыт подтвердил, что сам рынок автоматически не создается — он нуждается как в инициативе снизу, так и в поддержке государства. Характерно также то, что попытки государства механически распространить эту модель на другие регионы потерпели неудачу. Причина проста: общественные власти считали, что речь идет о введении экономической автоматической модели. Они не учли того, что каждый случай специфичен и неповторим. Таким образом, этот жизненный опыт наглядно показал, что прямое и грубое государственное вмешательство портит все дело, но без участия государства также ничего невозможно сделать.

Модель «активного» государства М. Крозье, несомненно, укладывается в либеральную традицию поддержки «духа предпринимательства». Впрочем, зная косность французского общества, тяготеющего во многих отношениях к государственной помощи, французский социолог не спешит перечеркнуть этатистские особенности французского менталитета. Он склонен искать компромисс и выбирает стратегию сохранения и использования накопленных потенциалов развития. Он не призывает обрушить французское общество в неуправляемую рыночную стихию, а выступает за постепенные и осторожные реформы, разумно используя и ограничивая силу государства.

Таким образом, в размышлениях современных европейских авторов «активное» государство вовсе не есть «мини-

мальное» государство либерального образца. Его активность в первую очередь имеет социальную направленность.

Сегодня общепризнанной стала идея **социального рыночного** хозяйства. Практически бесспорным признается постулат о том, что рынок не способствует достижению социальной справедливости, даже как равенства возможностей. Он увечивает несправедливость. Все большее распространение получает идея об ответственности государства за обеспечение всем оптимального уровня жизни. Очевидной становится истина, что возможно и необходимо сочетание экономической эффективности и результативной государственной социальной политики, а также то, что справедливое распределение произведенных ценностей способствует бескризисному развитию.

Если активность инициирует и помогает создать регулируемое рыночное общество, то «социальность» делает его гуманистическим, человеческим, духовно-культурным.

Сегодня, по мнению В.Л. Иноземцева, европейская социальная модель в целом ориентирована *на достижение целей и реализацию идеалов, имеющих преимущественно этическую, а не экономическую природу и оказывающихся выше сиюминутного хозяйственного успеха*¹.

Симптоматично то, что именно бисмарковский взгляд на социальное государство, исходящий из традиционного немецкого упора на «сильном» государстве, демонстрирует бескомпромиссную связь материальных и этических оснований современного социального государства, соединяя материальные основания рыночной экономики, исходящей из незыблемости идеи собственности, и духовно-идеальные — нацеленность на достижение общего блага. Эта связь покоится на максиме, гласящей, что гарантированное право собственности связано с социальными обязательствами. В Конституции ФРГ, провозглашающей ее демократическим

¹ Иноземцев В.Л. Специфические особенности европейской социальной модели // Современная Европа. — М., 2004. — № 1. С. 92.

и социальным государством, записано: «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить благу всего общества» (С. 14, п. 2)¹.

* * *

В целом, в последние десятилетия складывается необратимая общемировая тенденция развития государства в сторону социального государства, что соответствует не только проектам социал-демократических партий, но находит подтверждение в развитии научных взглядов на природу современного государства. «Левая» направленность теоретических изысканий в области общественного строительства оказывается преобладающей не только в трудах авторов с традиционно социалистическими взглядами, но глубоко проникает и в представления социологов, полагающих себя идеологически нейтральными. Все это означает, что цели их в основе своей совпадают и что тренд развития теоретических представлений общественных наук о сущности и перспективах социального государства в целом тождественен практическим поискам левой, социал-демократической общественной мысли.

СОЗДАНИЕ «СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА» В РОССИИ – В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ

Великая Н.М.

Спор между сторонниками неолиберализма, неоконсерватизма и социалистическими (социально-ориентированными) концепциями о социальном государстве продолжается много десятилетий. Известно, что «рейгономика» и «тэтчеризм» 70–80-х годов прошлого века вызвали существенный экономи-

¹ См.: Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. — Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1967.

ческий рост в ведущих странах Запада, но сократили социальные гарантии¹, привели к угрозе демонтажа многих завоеваний социал-демократии. В настоящее время вновь многократно возрос интерес к проблематике «социального государства» в связи с мировым экономическим и финансовым кризисом.

Устойчивость социального государства во многом зависит от стремления массовых групп населения сохранить и упрочить свои права. Пример тому — кризис 2006 года во Франции, связанный с законом о контракте первого найма, в котором огромную роль сыграли представители среднего класса. В 2007 году в Италии три ведущих профсоюза координировали действия против попыток демонтажа социального государства, а в конце 2008 года тысячи студентов и преподавателей вышли на массовые акции протеста, вызванные сокращением финансирования сферы образования. Аналогичные акции прокатились в конце 2008 — начале 2009 года по Канаде, США, Польше и ряду других стран Европы.

Со времени первых соглашений, подписанных на основе первой редакции Европейской социальной хартии в 1961 году, прошло почти 50 лет, в течение которых текст Хартии обновлялся, дополнялся, обрастал приложениями, отражая, таким образом, новые тенденции в социальной политике государств. Так было, например, на конференции министров в Турине 21 и 22 октября 1991 года, когда было обновлено основное содержание Европейской социальной хартии с тем, чтобы учесть существенные социальные изменения, происшедшие с момента принятия Хартии.

На сегодняшний день европейская социальная модель, без сомнения, считается наиболее эффективной². Несмотря

¹ См.: Великая Н.М. Менеджериализм в системе местного самоуправления: общетеоретические аспекты. Философская и правовая мысль: Альманах. — Санкт-Петербург — Саратов: Стило, 2001. — Вып. 1.

² Заметим, однако, что ряд стран Латинской Америки весьма удачно осуществляет эффективную социальную политику в русле основных идей социального государства при либеральном тренде в экономике. В результате, например, в Чили, Уругвае, Коста-Рике, Аргентине уровень бедности практически соответствует европейскому уровню.

на это, все чаще стали звучать мнения о том, что Европе необходимо предпринять масштабные экономические и социальные реформы для перехода на инновационную экономику, основанную на развитии новых технологий и человеческого капитала¹, унифицировать базовые принципы политики и социального страхования, позволяющего проводить эту политику. Эти вопросы обсуждались, например, на встрече министров финансов и руководителей банков на встрече в октябре 2005 года.

В настоящее время в рамках процессов интеграции перед Евросоюзом стоит задача выработки единой модели социальной политики, так как уровень и характер реализации социальных принципов в разных странах Европы — разный. Большинство исследователей выделяют как минимум три базовых модели социального государства.

1. Северные страны (Дания, Финляндия, Швеция, Нидерланды). Наблюдается наиболее высокий уровень расходов на социальную защиту и универсальное обеспечение благосостояния, который обеспечивается сложной налоговой системой, обеспечивающей перераспределение доходов, регулирующей рынок труда при активной политике занятости, борьбой с безработицей и эффективным социальным (в том числе, добровольным) страхованием. Эти меры гарантируют высокий уровень социальной солидарности и взаимной ответственности разных групп интересов.

2. Континентальные страны (Австрия, Бельгия, Франция, Германия и Люксембург) в большей степени сосредоточены на обеспечении социальных выплат безработным и пенсионном обеспечении из фондов, формируемых государством, политика которого в целом носит патерналистский характер.

3. Средиземноморские страны (Греция, Италия, Португалия, Испания), которые направляют основные социальные расходы на пенсионное обеспечение и другие

¹ André Sapir. Globalization and the Reform of European Social Models. Background document for the presentation at ECOFIN Informal Meeting in Manchester. — 2005. — 9 сентября.

пособия, обеспечивающие неплохие гарантии работающим в связи с системой и позволяющие стране создавать приемлемый уровень жизни для своих малообеспеченных граждан.

В последние годы появились и другие типологии социального государства в Европе, как, например, типология, объясняющая основные различия между странами спецификой социального страхования и объемом социальных услуг, оказываемых государством. Американские социологи В. Корпи и Дж. Палме¹ выделяют 3 группы стран. В первой группе (Великобритания, Ирландия, Дания, Нидерланды) обеспечивается лишь базовая социальная безопасность и поддержка малоимущих граждан. Вторая группа стран, где распространен государственный корпоративизм и основная нагрузка расходов публичного сектора ложится на государство, включает Францию, Португалию, Испанию, Австрию, Грецию. Здесь главная цель социальной политики связана с поддержкой относительно устойчивого дохода для работающего населения и разных социальных групп. Наконец, есть страны, которые реализуют так называемую смешанную политику, обеспечивающую сбалансированный подход между страховой системой и системой социальных пособий. Эксперты отмечают, что именно мера социальной ответственности граждан и общественной солидарности лежит в основе формирования той или иной модели социального государства и социальной политики².

Нельзя не упомянуть и классификацию режимов благосостояния Эспин-Андерсона, рассматривающую социальную политику в контексте политико-идеологических ориентаций правящей элиты: либеральная, консервативная, социал-демо-

¹ Korpi, W and Palme J. The paradox of redistribution and strategies of equality: Welfare state institutions, inequality and poverty in the West countries: *American Sociological Review*. — 1998. — № 63. P. 661–687.

² Montanari I., Nelson K., Palme J. Towards a European social model? Trends in social insurance among EU countries 1980–2000 // *European Societies*. — 2008. — Vol 10. — № 5. P. 800.

кратическая¹. Понятно, что реализация социальной политики при социал-демократических правительствах опирается на принцип равенства прав на возможные льготы для всех граждан, независимо от трудового вклада и реальной нужды. Этот принцип был реализован к 80-м годам XX века, прежде всего в странах Скандинавии и в Нидерландах. Однако в последние два десятилетия и страны «всеобщего благосостояния» переходят на смешанную модель социальной политики, обращаясь к адресной помощи, к зависимости величины пособий от заработной платы, социальной принадлежности и т.д., что, собственно, показывает подвижность и гибкость социальных систем Европы.

Идея социального государства, несомненно, востребована и в России, как в силу социокультурных и исторических обстоятельств, так и в силу объективных условий, которые пока не позволяют говорить о действительно эффективной социальной политике. Однако в России речь идет не столько о защите социального государства, как, скажем, в современной Европе, а скорее, о создании его основ после двух десятилетий либеральных реформ. Основываясь на собственном опыте, обращаясь к анализу функционирования социальных государств Европы, России только предстоит выработать собственную модель социального государства.

Подписав в сентябре 2000 года Европейскую социальную хартию, Россия сделала первый шаг на пути формирования социального государства, однако ратификация Европейской хартии затянулась. Государство боялось, что не сможет выполнить тех социальных обязательства, которые предусмотрены этим документом. Однако надежда на скорейшую ратификацию есть. 9 февраля 2009 года Правительство РФ обсудило вопрос об одобрении ратификации Европейской социальной хартии. Премьер РФ В. Путин напомнил, что целью Европейской социальной хартии является «обеспечение высоких социальных стандартов для граждан всех европейских

¹ Espring-Andersen G. Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge, 1999.

государств, по сути, формирование единого европейского социального пространства»¹.

Заметим, что понимание необходимости формирования социального государства к российской политической элите пришло не так давно. Ультралиберальные политики, стоявшие у руля государства в 90-е годы не скрывали своего скептического отношения к welfare-state, доказывая, что оно, так же как и советская уравниловка, плодит бездельников, маргиналов, тунеядцев. Еще в 2001 году на сайте Полит.ру один из выступавших, обсуждая пороки и неспособность социального государства решать важнейшие социальные проблемы, в качестве аргумента привел такой тезис: «Если в стране платят за бедность, болезни и старость, то население через некоторое время становится бедным, больным и старым» или «...еще одно долгосрочное последствие идеологии и практики социального государства — упадок в обществе традиционных ценностей и морали», так как пенсионное обеспечение и всеобщее высшее образование с запретом детского труда разрушают традиционную семью и дети становятся обузой².

Как известно, суть социального государства — наличие системы защиты жизненных интересов большинства населения. В основе этой системы — договор о взаимном признании права на существование и развитие в общих интересах предпринимательства и рабочего движения, их политических и экономических организаций. Сегодня в связи с изменениями в социально-классовой структуре общества речь идет, скорее, о поддержке идей социального государства массовыми слоями населения.

Решение социального вопроса во многом является проблемой общественной морали. Жизнь опровергла утверждение,

¹ См.: Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов: [сайт]. URL: http://www.rost.ru/themes/2009/02/101224_16115.shtml

² Кузнецов Ю. Социальное государство — консенсус национального самоуничтожения: [сайт www.polit.ru] (доступ: 20.04.2001). URL: <http://old.polit.ru/documents/411280.html>

что государство становится социальным не в результате принятия определенных политических решений, а в результате достижения определенного экономического развития¹.

Особую роль в становлении социального государства на Западе сыграли политические партии и общественные организации, в первую очередь профсоюзы. Именно влияние партий социал-демократического толка и их правительства смогли перевести социальное государство из области политического дискурса в область политической практики.

И сегодня роль этих структур велика. В сегодняшнем Европарламенте социалистические и социал-демократические партии являются одной из ведущих фракций (второй по численности) и формируют так называемую Европейскую партию социалистов, куда входит 232 депутата (27% от общего числа мест в Европарламенте) от 20 социал-демократических, социалистических и рабочих партий².

Задачи социального государства решаются посредством институционализации социального контракта между государством и гражданским обществом, а именно — между государством, работодателями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями. Эти отношения строятся на принципе солидарности, дополняемым при необходимости субсидиарным подходом³. Гражданское общество в этом контексте рассматривается как самоорганизованное и институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не давать всему обществу быть подверженным логике рыночной прибыли.

Вот почему возможности и перспективы формирования в России социального государства мы связываем, в том числе, и с усилиями гражданского общества, с развитостью партий-

¹ Концепция социального государства Российской Федерации. — М., 2004. С. 113.

² Выборы в Европе: дайджест материалов Интернет-СМИ. — 2004. — 23 июня // URL: [http:// www.stratagema.org/polittechnologies/](http://www.stratagema.org/polittechnologies/)

³ Федотова В.Г. Социальное государство и рынок // Свободная мысль — XXI. — 2002. — № 7. С. 82.

ной системы, с готовностью негосударственных организаций и институтов влиять на процесс принятия государственных решений.

Заметим, что на Западе именно партии и гражданские ассоциации и местные коммуны сыграли ведущую роль как в разработке концепции социального государства, так и в осуществлении ее на практике. В России, напротив, в силу долгого и сложного эволюционного пути формирования отечественной партийно-политической системы, зависимости партий от федеральной власти, слабости партий на региональном уровне только в последние 3–4 года стали говорить о реальном участии партий в процессе становления социального государства.

В связи с этим мы пытаемся выяснить, какие ценности и какие социальные стандарты лежат в основе программ и деятельности политических партий и организаций гражданского общества, как политические партии современной России соотносят свою деятельность с возможностью и перспективой построения социального государства и какие программные положения и требования выдвигают в ходе партстроительства и электоральной борьбы.

Для анализа были взяты партии, активно участвующие в электоральном процессе в России как федерального, так и регионального уровня.

Несмотря на провозглашение России социальным государством в ст. 7 Конституции РФ, большинство экспертов едины во мнении, что этот термин остается не более чем метафорой, так как пока в государственной политике России отсутствует долгосрочный социальный компонент, подразумевающий удовлетворение запросов общества в целом¹.

Мы не будем подробно останавливаться на социальных проблемах России, эти вопросы достаточно освещены в специ-

¹ Храмцов А.Ф. Социальное государство. Практики формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. — 2007. — № 2. С. 27–28; см. также: Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. — М., 2005.

альной литературе¹, и часто достаточно проанализировать статистические данные, чтобы увидеть, насколько малы шансы России для оценки ее как социального государства. Вместе с тем, и в обществе не существует адекватного и внятно артикулированного запроса на новое «социальное государство».

Постоянные апелляции к советскому прошлому лишь подтверждают мысль о том, что граждане рассматривают государство как единственного субъекта, ответственного за их социальное положение. 70 лет советской экономической модели убедили подавляющее большинство наших сограждан в том, что именно на государстве лежит полная ответственность за финансирование и управление системой социального обеспечения.

И хотя идея социального страхования присутствовала в советской модели, на фоне отсутствия дифференциации по доходам и относительно ровного уровня благосостояния она была полностью нивелирована и не подразумевала ни персональной ответственности гражданина, ни солидарной взаимопомощи граждан. Такая форма государственного патернализма привела к тому, что большинство россиян совершенно естественно воспринимают любую форму поддержки как обязательную безвозмездную дотацию со стороны государства.

К 2000 году на какие-либо льготы, пособия, дотации имели право около 70% населения страны, а их общая стоимость составляет 13% ВВП². Очевидно, что такое бремя было неподъемным для России и ее бюджета, однако попытки переложить ответственность за формирование бюджетов социальных страховых фондов на граждан, трансформация механизмов социальной защиты в том виде, как это виде-

¹ Осадчая Г.И. Социальное государство в России: противоречия и перспективы формирования: Материалы II Российского социологического конгресса // Социологический факультет МГУ: [сайт]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---0kongress--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&cl=CL1&d=H ASH6ff258b58e80acdb380431.1.fc>

² Человек и труд. — 2000. — № 8. С. 5.

лось либерально ориентированному правительству, привели к возникновению неэффективной и противоречивой системы государственной социальной защиты, которая включает в себя 3 элемента: социальное страхование, предназначенное в первую очередь для трудоспособного населения; социальное обеспечение, призванное поддержать главным образом нетрудоспособных; социальную помощь, оказываемую только малоимущим гражданам.

Существует целый ряд критериев, которые используются в разных концепциях социального государства и позволяют рассмотреть, является ли государство таковым или нет.

Наиболее значимыми элементами социальной политики являются перераспределение доходов, социальные гарантии в области здравоохранения и образования, пенсионное обеспечение, жилищная политика, поддержка незащищенных групп населения, миграционная политика. А критерием социального государства — уровень развития человеческого капитала и уровень консенсуса в стране.

Для России, как известно, одной из самых острых проблем является дифференциация доходов, появившаяся как следствие шоковой либерализации. Децильный коэффициент в России превышает 22,4 раза¹. Более 20 миллионов живут за чертой бедности, то есть имеют доход ниже прожиточного минимума. По оценкам Института социологии РАН около 21% населения нашей страны находятся за чертой бедности, а еще 17% постоянно балансируют на грани бедности. При этом разрыв между богатыми и бедными группами населения достиг критической точки, что грозит серьезными социальными потрясениями.

Налоговая политика, основанная на плоской шкале подоходного налога, по замыслу сторонников ее введения, должна была вывести из тени крупные капиталы и предотвратить их вывоз за рубеж, на деле лишь сократила те поступления в бюджет, кото-

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004: Сб. статей. — М., 2004. С. 271.

рые могли бы идти на социальную поддержку необеспеченных и социально незащищенных групп населения. При этом тема налогов и налоговой политики совершенно не востребована в публичном пространстве и не появляется, например, в СМИ.

В наиболее сложном положении не только инвалиды, пенсионеры, но и работающие граждане, составляющие так называемую группу «работающих бедных». Минимальный размер оплаты труда только с 2009 года приблизился к прожиточному минимуму, он вырос с 2300 до 4330 рублей в месяц. Нет необходимости подробно говорить о том, что прожиточный минимум в России строится на *основе стоимостной оценки потребительской корзины, а также обязательных платежей и сборов, то есть на основе* давно устаревших критериев. Состав потребительской корзины вызывает недоумение и время от времени заставляет журналистов разразиться иронической статьей на эту тему, где, скажем, автор обратит внимание, что предлагаемое количество хлеба примерно равно рациону жителя блокадного Ленинграда, или где автор задастся вопросом, почему транспорт предлагается использовать следующим образом: рабочий день — 2 поездки, выходной — одна (обратно, видимо, желательно пешком). А пенсионеры вообще не должны ездить чаще одного раза в пять дней.

В настоящее время в Европе перешли на систему минимальных социальных стандартов, что подразумевает расходы не только на оплату ЖКХ, но и на лечение, обучение, путешествие, расходы на книги, театры, музеи и т.д.

Важно отметить, что и права работающих защищены лишь в минимальной степени. Действующий Трудовой кодекс не случайно называют кодексом работодателя. Оказавшись без работы, российский гражданин имеет право получать пособие, равное 75% от своего заработка, но не более федерального максимума в 4900 рублей (поправки в закон были приняты лишь в декабре 2008 г.). Если же человек уволился без объективных причин (т.е. не по настоянию работодателя), размер пособия снижается до 1275 рублей. Конечно, в этом законе много белых пятен. Зная российские условия и умение работодателя

манипулировать своими подчиненными, можно предположить, что большинство будут уволены именно без так называемых «объективных причин».

Пенсионная реформа, по оценкам экспертов, также потерпела крах и надежды на то, что хотя бы нынешнее поколение 40-летних получит деньги, адекватные своему трудовому вкладу и своим отчислениям в пенсионный и страховой фонды, не оправдались. Что касается сегодняшней ситуации, то только в 2009 году (с марта месяца) пенсии повышают до прожиточного уровня пенсионера¹. До этого момента 15 миллионов россиян получают пенсию ниже прожиточного минимума, который в 2008 году составлял 3191 рублей. Правительство обещает, что к 2010 году средняя пенсия вырастет до 5 тысяч 800 рублей. Это в 1,7 раза больше, чем к концу 2007 года.

Запущенные правительством национальные проекты (Здоровье, Образование, Жилье) в какой-то мере призваны восполнить пробелы и провалы социальной политики предыдущих лет, однако не все субъекты Федерации могли даже освоить деньги, приходящие из федерального бюджета. Система распределения снизу в федеративном государстве оборачивается крайней степенью бюрократизации и не позволяет эффективно решать назревшие социальные задачи, продолжая действовать в традициях патернализма.

В связи с этим перед российским государством стоит целый ряд актуальнейших задач, связанных с борьбой с бедностью, с повышением уровня жизни, совершенствованием системы социального страхования и стимулирования экономической активности.

Борьба с бедностью, повышение уровня жизни

По данным Росстата, средняя зарплата в стране за последний год выросла на 13,2%, а реальные доходы населения

¹ Согласно закону, базовая часть пенсии по старости с 1 марта будущего года будет увеличена на 156 рублей до 1950 рублей. В декабре 2009 года ее повысят еще раз на 510 рублей до 2460 рублей. Базовая пенсия для инвалидов и людей старше 80 лет с 1 марта увеличится на 312 рублей до 3900 рублей.

выросли только на 10%. Учитывая уровень инфляции и рост цен на многие услуги, этот рост не сокращает бедность. От экономически развитых стран мы отстаем по уровню заработной платы в 8–10 раз. К тому же ориентация на МРОТ тормозит развитие рынка труда. При этом ни для кого не секрет, что сейчас в коммерческом секторе происходит настоящая эксплуатация людей. Работодатели произвольно устанавливают 10–12-часовой рабочий день для своих работников, очень часто без обеденного перерыва. И платят за это гроши.

Мировой финансовый кризис обострил существующие противоречия в трудовой сфере, возможность резкого роста безработицы вынудили правительство, наконец, пойти на выработку более активной политики обеспечения занятости. Выделены бюджетные деньги на переобучение и переквалификацию, общественные работы, переезды в соответствии с трудовыми потребностями регионов, предусмотрено повышение максимального пособия по безработице до 4900 рублей. Более того, правительство (а не партии и не другие субъекты законодательной инициативы) подготовили и внесли в Государственную Думу поправки в закон о занятости, предусматривающие выплату пособия по безработице и тем, кто уволился сам.

«Единая Россия», называя себя партией государственников, партией политического центра и партией реальных дел, в своей программе как одну из задач поставила преодоление бедности, для чего, по мнению разработчиков программы, необходимо всем обеспечить минимально необходимый стандарт потребления. Для этого предполагается повысить пенсии и некоторые социальные выплаты до прожиточного минимума, повысить заработные платы за счет роста доли оплаты труда в ВВП. Программа не содержит конкретных цифр в этой области. Вспомним, что именно «Единая Россия» голосовала за единый подоходный налог 13%.

В программе «Единой России» ничего нет о защите прав работающих, хотя именно «Единая Россия» озвучивает все предложения, связанные с повышением МРОТ, когда подоб-

ные инициативы выносились на обсуждение Государственной Думы, и МРОТ пусть медленно, но в течение последних трех лет рос.

Однако заметим, что МРОТ не самая эффективная категория для расчета заработных плат, пособий и пенсий. Прожиточный минимум, к которому привязывают минимальную заработную плату (МРОТ), перед 2009 годом повышался лишь в 2005 году, да и сегодня он далек от суммы, на которую можно прожить. Прожиточный минимум в 2007 году составил почти 4,5 тысячи рублей, а величина МРОТ, от которой зависит оплата бюджетников и размер некоторых социальных выплат, — в несколько раз меньше — в среднем по России 1100 рублей. Минимальный размер оплаты труда поднимался и в 2008, и в 2009 году, наконец приблизившись к прожиточному минимуму, он составляет сегодня 4330 рублей в месяц.

Пособие по безработице, которое составляло от 720 до 2900 рублей и которое не менялось уже 3 года, повышено до 4900 рублей, однако учитывая прогнозируемый рост безработицы, погоды не сделает.

«Справедливая Россия» в своей программе борьбу с бедностью поставила на первое место. Среди предложений — введение прогрессивного налогообложения, налога на роскошь, единовременного налога на те предприятия, которые при массовой приватизации 90-х годов были проданы ниже их реальной стоимости в ходе залоговых аукционов;

Достаточно подробно у «Справедливой России» выглядит и программа повышения зарплат и пенсий: предлагается взамен МРОТ ввести почасовую оплату труда, причем указан возможный размер (не менее 50 рублей в час). С точки зрения лидеров партии, почасовая оплата труда не только повысит уровень зарплат, но и поможет легализовать «зарплаты в конвертах», а также обеспечить всем работающим гражданам полный социальный пакет за счет средств, отчисляемых работодателем на социальное, медицинское и пенсионное обеспечение.

В области пенсионного законодательства предлагается увеличить расходы государства на пенсионное обеспечение с нынешних 5 до 10% ВВП, добиться повышения пенсий до размера двух третей от средней заработной платы за счет средств, полученных от приватизации.

Несомненные аллюзии на социальное государство прослеживаются и в предложении сделать основой всех экономических расчетов социальный стандарт потребления, куда включены расходы на приобретение жилья, оплату услуг ЖКХ, образование, лечение, отдых, питание и т.д. Даже на самом низком уровне материальной обеспеченности потребление семьи не может формироваться по модели прожиточного минимума. Рост цен на услуги ЖКХ, новые тарифы на транспорт, затраты на образование и лечение по сути ведут к тому, что прожиточный минимум становится не чертой бедности, а границей нищеты.

КПРФ, называя себя партией социальной справедливости, основными ценностями называет народовластие, справедливость, равенство, патриотизм, взаимную ответственность гражданина и общества, социализм и коммунизм как обновленное будущее человечества. Термин «социальное государство» в программе отсутствует.

Добавив к этому требования национализации и увеличения доли государства в экономике, мы видим классическую модель скорее патерналистского государства, которое показало свою неэффективность, особенно в сфере управления экономической сферой. КПРФ выступает за социалистические формы хозяйствования и в этом смысле ставит перед собой задачу построения не социального государства, сколько государства, обобществившего и контролирующего не только социальную сферу, но и экономическую: «КПРФ считает, что для России наиболее обоснованным и отвечающим ее интересам является выбор оптимального социалистического развития, в ходе которого социализм как учение, массовое движение и общественная система обретает свое второе дыхание».

КПРФ рассчитывает на изживание классового общества, прежде всего, в процессе складывания передового отряда, ядра современного рабочего класса: «Дальнейшее пополнение его рядов все новыми и новыми категориями трудящихся, развитие его лучших качеств и будут означать постепенное изживание классового деления общества». В Программе КПРФ есть указания на возможные требования в области повышения зарплат, пенсий, пособий, однако программа не содержит конкретных цифр и стратегий деятельности. Кроме того, КПРФ считается последовательным сторонником использования средств Стабилизационного фонда на социальные нужды и сторонником так называемой природной ренты. В большей степени КПРФ настаивает на возвращение советов как форм самоуправления трудящихся и создании действительных профсоюзов, которые и могут, с точки зрения современных коммунистов, обеспечить справедливое распределение и перераспределение национального богатства.

Партия СПС, «Правое дело». После программы 2001 года «Россия перед вызовами XXI века. Либеральный ответ», которая по содержанию была настоящим гимном либерализму, СПС в 2007 году принял новую программу на ближайшие 10 лет под названием «Горизонт. 2007–2017. Вернуть России будущее». Однако кризис в праволиберальном движении не позволяет надеяться, что эта программа будет реализована. Тем не менее скажем несколько слов относительно ее содержания.

Эта программа констатирует, что огосударствление экономической деятельности все менее эффективно и предлагает довольно подробные изменения экономического курса страны. Провозглашая основными ценностями свободу, индивидуализм, равенство, СПС позиционирует себя как «партия свободы и демократии, партия успеха России, партия будущего». Программа намечает увеличение ВВП почти в 3 раза, обойдя даже президентские инициативы и констатируя необходимость изменения и реформы существующих систем здраво-

охранения, образования, армии, выступает за дальнейшие либеральные реформы.

Борьба с бедностью — не стоит в качестве не только приоритетов, но и вообще не освещена. Единственное предложение в сфере повышения уровня жизни — устойчивое увеличение ВВП более чем в 2 раза в течение 10–15 лет, повышение ВВП на одного человека до 700 тысяч рублей в год.

Можно сказать, что программа носит самый общий характер в области социальной сферы. Так, если развитие частного бизнеса предполагает осуществление как минимум 15 пунктов программы, то в области здравоохранения мы нашли только один пункт, в области образования — четыре, причем весьма туманных и расплывчатых.

Заметим, однако, что предвыборная риторика СПС не вполне соответствовала их программе и агитационные материалы были наполнены обещаниями повысить пенсии, зарплаты, и пособия, что дало основания их политическим оппонентам иронизировать и предложить переименовать партию Союз правых сил в Союз левых сил.

Как известно, либеральное движение в России сегодня в сложной ситуации в силу целого ряда причин, связанных не только с кризисом либеральной идеологии, но и со спецификой политического процесса в стране, с новыми ограничениями избирательного законодательства и законодательства о партиях. Тем не менее на политическом рынке страны уже возникли «Правое дело» и «Солидарность», которые пока не опубликовали проектов своих программных документов, а выступления их руководителей касаются главным образом вопросов политики. Единственным актом «Правого дела», который можно расценить как внимание к социальной политике, было письмо к Председателю Правления Пенсионного фонда РФ А.В. Дроздову с просьбой обеспечить более эффективное информирование широкой общественности сведениями о результатах размещения активов и доходах, что позволило бы предотвратить возможные появления в обществе сомнений относительно нецелевого характера

и эффективности использования пенсионных отчислений российских граждан.

«Яблоко». Новая программа партии «Яблоко», где главными ценностями признается демократия и свобода, принята 11 июня 2006 года. Тем не менее «Яблоко» ставит вопрос о «социальном либерализме», который должен быть ориентирован на проведение реформ «в интересах всех граждан России, а не только в интересах преуспевающего меньшинства», что предполагает, по мысли разработчиков, цивилизованное распределение национального дохода. В программе заявлено: «Наш приоритет — общество равных возможностей, основанное на принципах социальной справедливости и солидарности сильных и слабых. Это означает, что важнейшим условием существования в России свободного общества является не только раскрепощение частной инициативы, но и развитая система социальной поддержки»¹.

Яблочники активно используют понятие «социальный рынок» как источник государства всеобщего благосостояния. Среди его характеристик — мощный средний класс, система социальной поддержки европейского типа, борьба с бедностью, сокращение резкого социального расслоения, создание рабочих мест, повышение доходов населения, расширение доступности образования и здравоохранения, защита общенационального и культурного богатства,

Вместе с тем не вполне понятно, что такое «социальный рынок» и как можно добиться в России его формирования и функционирования. К тому же, апелляции к европейским моделям недостаточно конкретны, ибо моделей на самом деле много и социальное государство в Скандинавии отличается от такового во Франции или Италии.

ЛДПР в своих идеологических документах основной упор делает на национальной политике и формировании национальной идеологии, задачи формирования социального госу-

¹ Программа партии «Яблоко»: [сайт]. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/programma.html>

дарства прямо не ставится, хотя и обсуждается в ходе внутрипартийных дискуссий.

Здравоохранение

Интересно, что в области здравоохранения все партии высказываются за создание системы здравоохранения европейского уровня, рассматривая Европу в качестве примера, на который можно ориентироваться. Сходство позиций мы находим у «Единой России», «Справедливой России», КПРФ, «Яблока» и СПС. Конечно, объем подпрограмм в области здравоохранения у разных партий отличается. Более содержательно выглядят эти разделы в программах партий «Яблоко» и «Справедливая Россия».

«ЕР», «СР», КПРФ — поднимают вопрос о доступности лекарств, о дотациях тем группам населения, которым лекарства особенно необходимы.

Программа **«Единой России»** в области здравоохранения исчерпывается положениями за развитие европейского здравоохранения на основе финансирования как бюджетного, так и частного, за соединение высокого качества и доступности, за создание бездефицитной системы обязательного медицинского страхования (ОМС).

В программе **«Справедливой России»**, помимо общих положений о доступности бесплатной медпомощи, о всеобщей диспансеризации населения, нашли отражение и конкретные требования привести величину государственных расходов на медицину в соответствие с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения, иначе говоря, установить планку расходов на уровне не менее 5% валового внутреннего продукта; установить жесткий государственный контроль над соотношением стоимости медикаментов и платежеспособности населения, оборотом и качеством лекарственных средств; перейти к системе государственных больничных касс и исключить из существующей схемы обязательного медицинского страхования частные страховые компании.

Традиционно подробная программа в области совершенствования здравоохранения у партии «Яблоко», которая требует остановить разрушение системы общественного здравоохранения. Партия выступает за принципиально иную модель государственного медицинского страхования. Предлагается исключить и страховые медицинские организации из системы ОМС как бесполезное звено в системе оплаты расходов за оказанные медицинские услуги, преобразовать фонды ОМС в государственные больничные кассы, обязав их отчитываться перед органами представительной власти и попечительскими общественными советами. Кроме этого, предлагается:

- перейти на сметное финансирование лечебных учреждений за счет средств территориальных больничных касс;
- «сформировать государственный заказ на предоставление бесплатной медпомощи, в которой определить: перечень видов помощи и ЛПУ, финансируемых за счет бюджета, условия и порядок предоставления помощи, нормативы и стандарты»;
- определить объем государственных гарантий бесплатной медицины;
- восстановить систему диспансеризации населения, наладив медицинское обеспечение социально малозащищенных групп.

Программа подробная, вплоть до необходимости перевода каждого из отделений больницы на отдельный баланс, Рассматривается, как должно осуществляться финансирование дорогостоящих видов медпомощи и т.д. Однако, как обычно, не указываются источники финансирования, что невольно на ум приходит известная фраза Черномырдина: «Где деньги возьмешь?».

СПС существенное внимание уделяет уточнению базовой программы ОБС, путем определения состава медпомощи, который государство может, действительно, бесплатно предоставить. Упор сделан на обеспечение страхового принципа финансирования и предоставления медпомощи населению за счет средств обязательного медицинского страхования.

Так же, как и Яблоко, СПС ставит вопрос о праве выбора страховщика, однако практика показывает, что люди затрудняются с выбором и осуществить его сознательно не могут.

Еще одно предложение СПС — «Внедрение механизмов оплаты труда медработников, обеспечивающих взаимосвязь между ее размерами, качеством и количеством предоставляемых услуг» — возможно только в рамках действующей саморегулируемой организации типа Ассоциации врачей, на что указывает только программа «Яблока».

В программе **КПРФ** основной упор сделан на профилактике, доступности и качественности медпомощи, предложены меры по снижению смертности и улучшению демографической ситуации в России.

Важно сказать, что КПРФ наряду со «Справедливой Россией» были лидером в активизации дискуссии о депопуляции в стране и о проблемах в области демографии.

Сегодня КПРФ выступает против необоснованного роста объема платных медицинских услуг, который должен быть снижен с помощью государственных гарантий бесплатной медицинской помощи, за восстановление системы диспансеризации населения, регулирование и снижение цен на часть товаров и услуг медицинского назначения, особенно лекарств, за пропаганду здорового образа жизни и развитие массовых видов физкультуры.

Образование

Основные разногласия в области образования у политических партий сосредоточены вокруг проблемы возможности и доступности бесплатного образования и единого государственного экзамена.

Все партии без исключения высказываются за возможности получения бесплатного образования на основе конкурса или результатов ЕГЭ. При этом безусловными сторонниками ЕГЭ остаются СПС, «Яблоко» и «Единая Россия». Напротив, лидеры «Справедливой России» и КПРФ неоднократно и оп-

ределенно высказывались за отмену ЕГЭ и возврат к традиционным методам оценки знаний абитуриентов.

Ряд партий, в том числе «Единая Россия», «Справедливая Россия», ставят вопрос о государственном заказе на определенные специальности и расширении их бюджетного финансирования, что, естественно, предполагает определенные обязательства выпускников.

«Единая Россия» выступает также за создание учебных заведений и их финансирование частными компаниями и государственными концернами.

У КПРФ в области образования одна из основных идей — «политическое образование и воспитание граждан», в остальном же партия настаивает только на принятии законов о молодежи, гарантирующих бесплатное среднее и высшее образование.

«Справедливая Россия» обратила внимание на несоответствие зарплат государственных служащих и зарплат работников бюджетной сферы и выдвинула требование довести уровень зарплаты работников сферы образования и здравоохранения до уровня зарплат государственных служащих.

Основные идеи СПС связаны с модернизацией системы образования, переходом на болонскую систему, интеграцией России в европейскую образовательную систему.

Жилье

Проблема необеспеченности жильем, пожалуй, с точки зрения ее решения наиболее сложная, что и объясняет нежелание и неготовность партий работать в этой сфере.

Все предложения лежат в русле снижения ставок по ипотеке и государственного регулирования строительства жилья, борьбы с нарушениями прав дольщиков.

Тем не менее ряд партий («Яблоко», «Справедливая Россия») прорабатывает вопрос о строительстве так называемого социального жилья для малоимущих, что является принципиальным вопросом в условиях низких доходов большинства населения страны.

Миграционная политика

В области национальной политики разногласия наиболее очевидны, при этом все партии, кроме ЛДПР, боятся попасть в ловушку радикализма и вынуждены использовать эвфемизмы и завуалированные требования.

«Единая Россия» пишет: *«Мы выступаем за проведение разумной и внятной миграционной политики: следует создать все возможности для возвращения наших соотечественников на Родину».*

При этом нет конкретной программы действий по миграционной политике, тем более что в Думе уже принят закон, упрощающий пребывание трудовых мигрантов на территории России, который, по сути, являлся попыткой легализации мигрантов. Однако на самом деле закон не упростил эти процедуры и не облегчил положение трудовых мигрантов. В программе же ничего не сказано об обеспечении потребности России в трудовых мигрантах для экономического роста. Между тем совокупный ресурс мигрантов не превышает 1,5–2,0 миллионов человек, что совсем немного в свете далеко не радужных перспектив с рождаемостью.

СПС исходит из того, что *«Миграция — благо для России».* У них проблема миграции рассматривается в русле дискурса о правах человека. Правые выступают против квот и регистрации, которые противоречат Конституции и международным соглашениям в области прав человека. Основные требования, нашедшие отражение в программе, — легализация иммиграции, предоставление вида на жительство тем, кто встал на учет в налоговых органах или платит налоги по месту работы, реализация программы языковой и культурной адаптации иммигрантов.

В качестве приоритета миграционной политики предлагается: привлечение трудовых мигрантов из стран СНГ, однако не исключается установление минимальных квот привлечения иностранной рабочей силы с разрешением региональным властям эти квоты увеличивать в случае необходимости. Заметим, что у СПС на сегодняшний день отсутствует как

программа привлечения мигрантов, так и программа их адаптации (пока это прожективные предложения).

«**Справедливая Россия**», пожалуй, в более сложной ситуации, так как ей пришлось при объединении совместить весьма умеренные взгляды Партии ЖИЗНИ и радикализм «Родины». Электоральная платформа довольно подробно осветила свои предложения по национальной и миграционной политике. Декларируется, что привлечение трудовых мигрантов не должно ущемлять интересы коренных жителей, поэтому «Справедливая Россия» также ставит вопрос о квотах, но особый упор делается на распределении и перераспределении иммиграционных потоков с учетом потребностей регионального развития, и особенно потребностей в трудовых ресурсах определенной квалификации, в связи с чем предлагается создать банк (базу данных) иностранной рабочей силы.

Заметим, что последние предложения правительства предусматривают создание единого федерального реестра рабочей силы в РФ, с тем чтобы обеспечить трудовую мобильность населения, прежде всего граждан РФ.

Конечно, любые изменения ситуации в области миграции должны изучаться и четко фиксироваться, что требует огромной аналитической работы, создания системы мониторинга, одним словом, радикальной реорганизации миграционной службы.

В заключение отметим, что электоральные программы, то есть совокупность тех тезисов, с которыми партии идут к избирателям, часто не совпадают с базовой платформой партии. В частности, на последних выборах этим особенно грешила СПС, неожиданно предложившая на выборах в региональные парламенты программу, вполне сопоставимую с коммунистической, что и вызвало иронические комментарии соперников с предложением переименовать их партию в Союз левых сил.

Говоря о возможностях построения социального государства в России, выделим те факторы, которые затрудняют

движение к обществу социальной справедливости и солидарности.

1. Российская политическая элита до сих пор не выработала адекватного языка для описания процессов и проблем в социальной сфере. По-прежнему используется либо словарь либеральных экономистов, либо коммунистическая лексика, при этом избиратель, как правило, плохо понимает эти псевдополитические языки, которые скорее призваны запутать, чем прояснить ситуацию.

2. Реальный политический процесс, характеризующийся имитацией демократических процедур, доминированием партии власти и установлением моноцентричной партийно-государственной модели, сокращением политических акторов, связанных с ужесточением законодательства о выборах и партиях, ограничивает возможности гражданского общества влиять на процесс принятия политических решений.

3. Слабость местных сообществ и неразвитость институтов местного самоуправления ведут к тому, что все вопросы по-прежнему решаются только на федеральном уровне и бюджетный процесс организован сверху вниз.

4. Не сформирована социальная база гражданского общества, оказывающая большое воздействие на направление и интенсивность проведения социальных реформ. Думается, что формирование социального государства будет успешным не только при условии более эффективной социально-экономической политики государства, но и при изживании в общественном сознании социального иждивенчества.

В целом, можно констатировать, что в политической повестке дня нашей страны появились социальные проблемы и что в сознании политической элиты и в обществе происходит поворот в сторону проведения более активной и целенаправленной социальной политики. Но о завершении построения социального государства в России в обозримом будущем говорить пока преждевременно.

РЕФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ФИНЛЯНДИИ – УСИЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДАПТАЦИИ

Кьяндер Я. и Сару Ю. (Финляндия)

Введение

Финляндия считается одной из стран всеобщего благосостояния Скандинавии с эгалитарным обществом, крупным государственным сектором и перераспределением доходов. Финляндия также добилась хороших результатов в области экономики и трудоустройства граждан во многом благодаря политике социал-демократов. Новая экономическая фаза 90-х годов прошлого века позволила повысить темпы роста производства промышленного сектора до мирового уровня. В этом свете финскую экономику можно назвать динамично развивающейся и инновационной. Скандинавскую модель государства всеобщего благосостояния можно назвать «наукоемкой», поскольку она ориентирована на образование и проведение различного рода исследований, она также *дает возможность индивидуального риска*. Может показаться, что такой стране, как Финляндия, незачем реформировать свою социальную политику, но очень многие факторы доказывают обратное. Реформирование социальной политики происходит в стране начиная с 1990-х годов, включая серьезную пенсионную реформу, ряд реформ по реструктуризации и финансированию социальной сферы, включая здравоохранение, а также очень значительное обновление законодательства о страховании в области здравоохранения и безработицы.

Основной целью этой статьи является анализ основных направлений социальной реформы (включая реформу здравоохранения) в Финляндии. Хотелось бы начать с целей новой политики, проводимой социал-демократами с середины 90-х годов. Проводимая новая социальная политика обеспечивает

«эффективность адаптации» путем анализа различных моделей, предусматривающих баланс гарантий занятости и гибкости рынка труда, а также предоставления новых услуг, стремится к интеграции нововведений в социальную систему. Таким образом, можно будет сказать, что снижение уровня безработицы и промышленный рост могут считаться частью скандинавской модели государства всеобщего благосостояния. Высокие налоги в таком государстве могут оказывать негативное воздействие на частный сектор, но продуктивность общественного сектора и инвестиции в человеческие ресурсы и социальную защиту являются более чем достойной компенсацией.

Определение новых целей социальной политики

Многие принципы социальной политики и политики здравоохранения (такие как содействие при страховании, помощь в решении жилищного вопроса, а также служба взаимопомощи) были установлены начиная с середины 90-х годов. Они основывались на программах, принятых в период острого экономического кризиса 1990–95 годов. Хотелось бы остановиться на шести основных целях, которые с середины 90-х годов доминируют в программах социальной политики Финляндии. Каждая из них отражает политическую парадигму, в рамках которой принимаются политические решения. Вместе они представляют собой основу курса социальной политики посткризисного периода, начатой социал-демократами, который постепенно привел к более оптимальному сочетанию общественных расходов и политических целей. Но стоит отметить, что ни одна из этих целей не провозглашает общепринятые социально-политические принципы такие как, например, социально-экономическое равенство. В Финляндии социальная политика используется как средство для достижения иных, нежели социально-политических, целей, которые считаются более важными для развития финской модели.

Конкуренция, как политическими, так и бизнес-элитами (а также большинством лидеров профсоюзов), воспринимается как ведущая политическая парадигма. Для того чтобы снизить затраты на оплату труда, работодатели улучшили условия социального страхования работников, что в свою очередь повлияло на снижение налогообложения. Огромное внимание в различных исследованиях было уделено взаимодействию между государством всеобщего благосостояния и национальной инновационной системой, результатом которого предполагалась совместная выгода. Итак, конкуренцию можно охарактеризовать как феномен, положительно влияющий на общество.

Во-вторых, стабильность и профицит государственного финансирования считаются основой социально-экономической парадигмы. В связи с этим государство особенно настаивает на необходимости создания профицита фондов социального обеспечения (из которых в Финляндии частично финансируются пенсии), поддержания баланса бюджета муниципалитетов (которые обладают правом установления налогов), а также обеспечения профицита государственного бюджета. Соответственно, социальные службы, включая здравоохранение, финансируемые муниципалитетами, имеют приоритет при выплате компенсационных выплат над теми, которые финансируются из государственного бюджета. Выплаты из госбюджета включают в себя пособия лицам, доходы которых оказались ниже черты бедности, а также фиксированные выплаты. Все это делает необходимым сохранение контроля со стороны государства над этими процессами, а также подчеркивает важность проведения ответственной политики и обеспечения устойчивости государственного финансирования.

Посмотрим теперь на социальную политику с точки зрения европейской интеграции. Здесь хотелось бы отметить, что отношения Евросоюза и Финляндии ограничиваются рядом основных принципов и целей. Вместо того, чтобы моделировать собственную европейскую парадигму, Финляндия

за короткий период адаптировалась к стилю европейского мышления. «Пакт о стабильности и росте», в дополнение к соглашению о Европейском экономическом и валютном союзе (ЕЭВС), направлен на стабилизацию валютного рынка, стимуляцию экономического роста и занятости населения. Социально-политическая программа Финляндии была довольно прямолинейной: она пытается поддержать симметрию различных социальных выплат как тех, которые осуществляются внутри страны, так и тех, которые поступают в страну из Евросоюза, а также пытается сохранить некоторые национальные особенности. Соглашение о ЕЭВС налагает некоторые ограничения на внешние социальные выплаты. Мы полагаем, что небольшие государства-члены ЕС, такие как Финляндия, получают выгоды от сотрудничества с сильной Еврокомиссией.

Трудовая занятость населения была основным политическим приоритетом с момента начала кризиса. Произошла смена парадигм: от парадигмы макроуровня и кейнсианской модели управления потребностями трудящихся на модель микроуровня, обеспечивающей квалифицированные трудовые кадры. С точки зрения социальной политики основной целью этой программы было повышение доли рабочей силы в общей численности данной половозрастной группы, как на микро-, так и на макроуровнях, в особенности среди молодежи и людей преклонного возраста. В государственных документах содержались многочисленные попытки согласовать личную жизнь граждан и работу с обучением на протяжении всей жизни стимулирующими мерами для пожилых работников и т.д.

Роль рынка в сфере социальной защиты и здравоохранения сильно изменилась с 1992 года, реформирование в этих областях позволило этим секторам выйти на квази-рынки. Основная идея заключается в нейтральности рынка в этих секторах, что обеспечит равное отношение со стороны поставщиков услуг независимо от их юридического статуса (коммерческие, некоммерческие, частные, третий сектор).

С этой точки зрения данная парадигма ограничивается законом о конкуренции. В отношении трудовых пенсий финское законодательство сочетает в себе несколько странную комбинацию частных и государственных пенсионных фондов, основной целью социальной политики является внедрение принципа нейтральности, наравне с защитой уже отлаженных законных интересов компаний третьего сектора. Рынок представляет собой вполне комплексную структуру. С одной стороны, в нем присутствует идеологическая составляющая, которая ориентируется на лучшее качество услуг, предоставляемых частным сектором (что, опять же, не подтверждается никакими фактами). С другой стороны, законы направлены на повышение эффективности и снижение излишних расходов.

Если говорить о демографической ситуации, то следует отметить, что финны обеспокоены старением населения. Послевоенное поколение людей, на которое пришелся послевоенный «бэби-бум» и которое дало жизнь поколению, родившемуся в 1960–70-е годы, уже начинает достигать пенсионного возраста и выходить на пенсию. Постепенно политический курс, нацеленный на снижение предложения на рынке труда, сменился на курс, ориентированный на увеличение продолжительности карьеры. Для изменения политического курса предпринимались различные меры, а именно: пенсионная реформа, различные программы реабилитации и улучшения условий труда. В области здравоохранения и социальной защиты пристальное внимание уделяется тому, чтобы потребности пациента в уходе совпадали с услугами, которые могут предоставить организации социальной защиты и здравоохранения.

Эффективность адаптации и социальная политика

Итак, мы видим, что реализуемые политические программы ориентированы на избирателей. Также стоит отметить, что с начала 2000-х годов изменения, проводимые в этой области, не принесли ожидаемых результатов. Можно даже сказать, что деятельность в рамках этих программ пошла на спад, так же

как и их финансирование. Эти программы не получают дальнейшего развития до тех пор, пока органы государственной власти не проявят к ним должного интереса. Не стоит также забывать о том, что финское общество сегодня столкнулось с проблемой, которая имеет три составляющие: международная конкуренция (глобализация), демографические изменения и социальное неравенство.

Пытаясь выровнять социальный баланс в обществе, финское правительство использовало практику значительного перераспределения средств, что не принесло желаемых результатов. Эффект перераспределения налога на доходы был очень сильно снижен из-за изменений, внесенных в законодательство о «налоге на прибыль от операций с капиталом» в 1993 году, когда эти два налога были разделены. Дифференциация доходов населения Финляндии вернулась к уровню 1970-х годов, политические преобразования, такие как перераспределительное налогообложение и социальные выплаты, целью которых было выровнять разницу в доходах населения, не принесли результатов и были приостановлены. Финское эгалитарное общество превратилось в миф.

Подходя к вопросу о демографической ситуации и глобализации, следует констатировать, что Финляндия также столкнулась с рядом проблем, связанных с решением этого вопроса. Как известно, население Финляндии стареет очень быстро (быстрее, чем в других странах-членах ЕС). Это означает, что политикам необходимо уделять больше внимания перераспределению в течение жизни (нежели перераспределению между социально-экономическими группами). Ситуация усугубляется еще и тем, что к 2010 году трудовые ресурсы значительно сократятся. Если темпы экономического роста сохранятся, то Финляндия будет вынуждена прибегнуть к использованию труда иммигрантов, а также повысить пенсионный возраст (увеличение продолжительности карьеры). Если старение нации будет происходить теми же темпами, что и сегодня, это приведет к росту затрат на государственные пенсии и здравоохранение. Некоторые международные учреждения

также отметили тот факт, что среднестатистический электорат достаточно быстро стареет, что в свою очередь ведет к вполне очевидным политическим последствиям.

И, наконец, говоря о конкуренции в условиях глобализации, нельзя не отметить комплексность и структурность данного вопроса. В особенности это касается целлюлозно-бумажной, транспортной промышленности и высоких технологий. В этих областях Финляндия столкнулась с проблемой реструктуризации, которую надо будет провести, чтобы соответствовать высоким стандартам «Фонда глобализации ЕС».

В последнее время вышеперечисленные проблемы крайне обострились, усилилось неравенство, усугубились демографические изменения, стал более очевидным мировой сдвиг в сторону Китая и Индии. Ко всему прочему стремление к устойчивому развитию становится все более и более приоритетным направлением государственной политики Финляндии. Несмотря на то, что в стратегии устойчивого развития Финляндии особое внимание уделяется социальной политике, остается неясным, как будут интегрированы цели социальной политики и основные направления устойчивого развития в будущем.

В этом контексте встает вопрос: как найти беспроигрышное решение, которое повлияло бы позитивным образом на социальную реструктуризацию, что в свою очередь повысило бы эффективность адаптации внутри финского общества. К счастью, такой подход вписывается в политические программы, ранее проводимые Финляндией. В отличие от многих других стран, слова «перемены» и «реструктуризация» имеют положительное значение для Финляндии, что также является заслугой социал-демократов. В этой стране считается, что они обеспечивают позитивные возможности. Причиной тому может служить тот факт, что Финляндия всегда была догоняющей страной среди других стран-членов ЕС. Правительство Финляндии признает, что эти вопросы являются приоритетными, поэтому вкладывает огромные средства в прогнозирование и поиск наилучшего политического решения.

В области социальной политики двумя основными аспектами, требующими особого внимания, являются реструктуризация системы местного самоуправления и обеспечение баланса гарантий занятости.

К новому курсу социальной политики

Для того, чтобы реформировать институциональную основу социальной политики, государству пришлось сконцентрироваться на обеспечении баланса гарантий занятости и гибкости рынка труда, цель которого — реинтеграция и повышение гибкости рынка труда, проведение активной политики занятости, программ «обучение на протяжении всей жизни», проведение социальной политики, направленной на обеспечение социальной защиты граждан и их семей. С политической точки зрения данный подход сочетает в себе финскую традицию политики «работа — прежде всего» и общеевропейское понимание баланса гарантий занятости и гибкости рынка труда, которые утверждались различными советами начиная с декабря 2007 года.

Государственными органами были созданы два больших комитета, работающих над этой реформой. Основной курс государственной программы в рамках этой реформы был направлен на стимулирование частного предпринимательства и рынка труда. Эта программа заключала в себе некое смешение идей Шумпетера о креативной деструкции, общеевропейские подходы к обеспечению баланса гарантий занятости и гибкости рынка труда, общие цели пересмотренного Лиссабонского соглашения относительно роста и занятости, административную реформу и различные способы субсидирования компаний. Один из органов, ответственный за внедрение этих программ, так называемый SATA — комитет, который также ответственен за реформу социальной политики. Его основная задача — проверить и оценить пакет социальной защиты населения, находящегося в трудоспособном возрасте до 2011 года. Этот комитет, возглавляемый Марку Лехто (секретарь, работник Министерства социальной политики

и здравоохранения), разбил поставленные задачи на четыре конкретные направления: финансирование, материальное стимулирование, управление и минимальные выплаты.

С точки зрения политики и управления самой главной проблемой является так называемая «бюрократическая ловушка», которая возникает в результате, с одной стороны, очередей в учреждениях социальной защиты, а с другой, комплексного взаимодействия между домашними хозяйствами и социальными выплатами гражданам, находящимся за чертой бедности. Комитет SATA должен изменить институты социальной защиты без привлечения каких-либо дополнительных ресурсов. Выражаясь техническим языком, этому комитету необходимо будет найти эффективные решения, обеспечивающие лучшую адаптацию населения, которые бы сочетали в себе технологии, организации и институты и которые бы эффективно взаимодействовали в процессе реструктуризации. В этом случае социальная политика рассматривается как решение вопроса, а не проблема. Свои первые предложения они должны были представить в апреле — мае 2008 года.

Другая крупная реформа касается роли органов местного самоуправления в предоставлении социальных услуг, в том числе в здравоохранении (проект называется PARAS, и внедряет его Министерство внутренних дел). Согласно финской модели муниципалитеты несут ответственность за организацию (но не обязательно за предоставление) большого набора социальных услуг, в том числе в здравоохранении. Кратко говоря, две трети этих услуг финансировались за счет местных налогов и сборов с потребителей. Остальная часть финансировалась государством через систему грантов, которая позволяла осуществлять финансирование муниципалитетов согласно их демографическим и территориальным характеристикам. Во внимание принимались также уровень здоровья населения муниципалитета и их социальное положение.

Роль ежегодных грантов была минимальной, начиная с реформ 1993-го и 1996-го годов. Разделение обязанностей между местным и региональным уровнями было достаточно

жестким: муниципалитеты оказывали «основные» социальные услуги, в том числе в сфере здравоохранения, а предоставление более специализированных услуг обеспечивали региональные власти.

Преыдущее правительство социал-демократов и нынешнее правительство правых определили ряд слабых сторон этой системы оказания услуг, среди которых можно отметить недостатки системы перераспределения расходов, выраженную сегментированность, снижение продуктивности, долговременный дефицит финансирования. К вышесказанному стоит добавить тот факт, что слишком большое внимание уделялось специализированным услугам при высоких затратах на базовые услуги. Поэтому было принято решение о необходимости реорганизации муниципалитетами системы оказания услуг. В частности, правительство издало указ о том, что услуги должны предоставляться по региональному принципу, при этом население каждого региона должно превышать 20 000 жителей.

В связи с тем, что в большинстве из 450 муниципалитетов Финляндии проживают лишь 5000 жителей, данное решение привело к значительной реорганизации системы оказания услуг. Помимо перенасыщения рынка труда управляющими кадрами, данный указ привел к созданию новых разнообразных организационных структур. Некоторые муниципалитеты передали свои права на предоставление ряда услуг частным (международным) компаниям. Другие, главным образом небольшие, приняли решение об объединении их собственной системы оказания услуг с более крупными муниципалитетами. Некоторые и вовсе отказались от предоставления услуг и передали их в ведение районных подразделений здравоохранения.

Результаты не оправдали ожидания. Скорее наоборот, реформа имела обратные последствия. В результате данной реформы была создана сложная структура различных организаций с непростой системой финансирования и напряженными отношениями между регионами. Продуктивность

и качество оказания услуг остались на прежнем уровне, структура финансирования не стала более устойчивой. Более того, фактом, подтверждающим несостоятельность данной реформы, является то, что многие министерства не выполняли свои административные обязанности, поскольку здравоохранением и социальными услугами занималось Министерство внутренних дел (и Министерство финансов), не имеющие необходимого опыта работы в этих областях. Ситуацию осложнил тот факт, что правительство приняло решение о фундаментальной реформе региональных административных структур, в чьи обязанности на сегодняшний день входит контроль здравоохранения, образования и социальных услуг (плюс другие виды услуг, например, таких как ветеринарная помощь и ЖКХ) на местном уровне. Существует вероятность того, что к 2009 году региональная структура центрального управления будет заменена на региональные объединения, организованные муниципалитетами. Наряду с этим правительство заявило, что к 2011 году система грантов будет пересмотрена (для муниципалитетов). Как бы там ни было, это станет завершением проекта PARAS.

Социальное государство, инновации и конкурентоспособность

Одна из главных целей правительства (2007–2011 гг.) — реформирование национальной инновационной системы Финляндии. Изначально государство уделяло большое внимание развитию инновационных технологий в таких областях, как производство целлюлозы, бумаги, металла, улучшение систем коммуникации и развитие биотехнологий. Однако наступившее тысячелетие предъявляет новые требования, в современных условиях недостаточно уделять внимание только технологическим инновациям, необходимо также обратить внимание на организационные или так называемые социальные инновации. Более того, данные инновации должны быть интегрированы в национальную инновационную систему.

Цель правительства Финляндии — увеличить расходы на исследовательскую деятельность и развитие до 4% от ВВП, что выше, чем в других странах ЕС. Например, все ведущие исследовательские институты заявляют, что осуществляют научную деятельность по разработке новых социальных программ и инноваций, которые являются важной частью системы национального развития. Одна из основных слабостей финской модели развития является недостаточная степень распространения инноваций. Описанные выше структуры муниципалитетов и существующая модель предоставления информации препятствуют распространению инноваций. Для устранения этих недостатков правительственные и исследовательские организации создали так называемые «инновационные банки», представляющие собой более структурированную и удобную систему для предоставления информации.

На макроуровне правительство (Министерство труда и коммерции) реорганизует национальные системы инноваций. Одной из десяти целей правительства является интегрирование понятий социального государства и национальной инновационной системы. Государство является потребителем социальных услуг, следовательно, оно заинтересовано в приобретении инновационных услуг, особенно в области здравоохранения, плюс к этому государство не должно забывать о дополнительных инвестициях в развитие и приобретение инноваций, создавая тем самым дополнительный стимул для развития частных предприятий по оказанию услуг. Вышесказанное перекликается с недавними исследованиями и планом развития Комиссии Европейского сообщества.

Еще один подход был нацелен на реализацию политики взаимозаменяемости между национальной инновационной системой и системой социального обеспечения. В связи с этим важную роль играет так называемая реформа отраслевых исследовательских организаций, проводимая под руководством министерств. Цель данной реформы состоит в интеграции ранее автономных исследовательских организаций во

взаимосвязанные организации, занимающиеся разработкой инновационных технологий под руководством государства. Основным инструментом достижения этой цели является новый государственный орган, чьи функции состоят в координировании деятельности отраслевых исследовательских институтов и предоставлении им плана исследований, соответствующего государственной программе. По крайней мере, теоретически данный орган, куда входят 13 постоянных представителей и 5 наблюдателей, должен скоординировать действия между национальной инновационной системой и государством. Этот государственный орган был образован лишь в 2007 году, поэтому пока трудно делать какие-то выводы о результатах его работы.

Заключение

Любые попытки повысить эффективность предоставления социальных услуг сталкиваются с серьезными трудностями из-за того, что существует большое количество частных компаний на рынке предоставления услуг. Плюс к этому не стоит забывать о внутренних особенностях осуществления реформ. Любой институциональный элемент является результатом десятилетней борьбы и политического компромисса, генерирующего различные предложения в комплекс политических мероприятий, осуществляемых государством. Остановить процесс реализации данного комплекса мер невозможно. Более того, существуют многочисленные обстоятельства, значительно сокращающие возможности проведения политических реформ.

Подобная взаимозависимость между целями частных корпораций и задачами самого государства часто приводят к стабильности в государстве, что положительно сказывается на эффективности и качестве предоставления услуг гражданам. Однако иногда в результате такой взаимозависимости могут возникнуть конфликтные ситуации, приводящие к долговременным негативным последствиям.

Таблица 1. Парадигмы, повестки дня и структуры, возникавшие с начала 1990-х годов

ЦЕЛИ ПОЛИТИКИ	ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ		
	ПАРАДИГМА	ПОВЕСТКА ДНЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	СТРУКТУРА
Конкурентоспособность	Сосредоточиться на исследовании и развитии, нововведениях вместо девальвации; избегать дополнительных социальных расходов	Переложить затраты с работодателя на работника; интегрировать социальную политику и политику в области здравоохранения в национальные инновационные системы	Конкурентоспособность / эффективность производства рассматривается как основная цель политики
Госфинансирование	Обязательства по стабильности и прогнозируемости	Ограничение государственных социальных расходов	Упор на «национальную безотлагательность» и ограничение бюджета
Европейская интеграция	Участие во всех интеграционных процессах ЕС, включая Шенгенские соглашения, Европейский экономический и валютный союз и т.д.	Поддержка равенства, стабильности и защиты национальных политик, затем изменение политики	Акцент на роли «модели студента» и друга Комиссии
Занятость	Большой упор на обеспечение и качество труда, нежели на его спрос как таковой	Стимулирующие реформы, обучение на протяжении всей жизни, баланс гарантий занятости и гибкости рынка труда	Акцент на мерах, сдерживающих моральные и экономические разрушения

Рынки (в области социальной политики и политики в здравоохранении)	Дерегуляция партнерства и «нейтральность рынка»	Внедрение квази-рынков в сфере социальных услуг и услуг по здравоохранению, направленное на поддержание квази-рынков в области пенсий в зависимости от зарплаты	Эффективность, продуктивность и сокращение расходов и в то же время защита работников, когда это возможно
Демография	Проактивная политика, направленная на борьбу с вызовами стареющего общества	Пенсионные, социальные реформы и реформы в области здравоохранения; политические программы для работников в преклонном возрасте	Быстрое старение; устранение дискриминации между поколениями; более эффективное распределение ресурсов

ВОПРОСЫ СЕМЬИ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Тумусов Ф.С.

В первом пункте Устава Социалистического интернационала говорится о том, что Социтерн представляет собой объединение политических партий и организаций, стремящихся к установлению демократического социализма.

В «Декларации принципов Социалистического интернационала (Стокгольмская декларация)» прямо подчеркнуто, что «все люди должны быть вовлечены в процесс преобразования наших обществ, чтобы дать человечеству новую надежду»¹. В Декларации также дается определение демо-

¹ См.: Декларация принципов Социалистического интернационала (Стокгольмская декларация, 1989 год).

кратического социализма как международного движения за свободу, социальную справедливость и солидарность. При этом свобода понимается как общий результат индивидуальных и совместных усилий людей. Справедливость означает прекращение любой дискриминации личности, а также равенства прав и возможностей для всех. Справедливость требует компенсации любых физических, умственных и социальных неравенств, а также обеспечения независимости от собственников или держателей политической власти. Солидарность понимается как выражение на практике всеобщей гуманности и сострадания к жертвам несправедливости.

В Декларации особо подчеркивается, что социалисты не считают, что они являются единственными обладателями программы создания идеального общества. Наоборот, они считают, что в «движении, преданном идее демократического социализма, всегда будет место творческому принципу, поскольку каждый народ и каждое поколение должны самостоятельно определять свои собственные цели». В Декларации имеется параграф «Роль мужчин и женщин в современном мире», в котором главный акцент сделан на проблемах преодоления неравенства между мужчинами и женщинами.

Так как одной из причин сложившейся весьма опасной демографической ситуации в Российской Федерации является, на наш взгляд, кризис института семьи, то при разработке программы партии «Справедливая Россия» необходимо особое внимание уделить вопросам укрепления семьи.

Председатель партии С.М. Миронов высказал мысль о том, что платформа «Справедливой России» должна базироваться на трех основных ценностях: «Труд. Семья. Справедливость».

Семья — это фундамент, на котором строятся все сложнейшие конструкции общества. До сих пор она остается наиболее устойчивым социальным образованием — 85% людей в мире живут в семьях (преимущественно в нуклеарных, состоящих из супругов и их детей).

Не случайно американский социолог Э. Тоффлер, представляя историю человечества в виде аграрной, индустриаль-

ной и информационной волн развития, постоянно возвращается к институту семьи: «большая семья» аграрного периода, «ядерная» (или «нуклеарная») семья промышленной эпохи, «разнообразная» семья информационной эпохи. Адаптируясь к переменам, семья меняет свою форму, те или иные функции, способы коммуникации, но сам институт семьи неизменно сохраняется.

Несмотря на то, что семью уже долгое время принято считать фундаментом, на котором основан общественный порядок, она остается одним из наименее исследованных институтов. Семья до сих пор поддавалась лишь фрагментарному, одностороннему изучению. Выдающиеся экономисты прошлого провозглашали семью основой экономической жизни, но никто из них — А. Маршалл в «Принципах экономики», Дж. С. Милль в «Основах политической экономии», А. Смит в «Богатстве народов», другие известные ученые не уделили значительного внимания функционированию семьи. Исключением стала модель роста народонаселения Т.Р. Мальтуса, которая показала связь между рождаемостью, доходом семьи, брачным возрастом. Серьезный вклад в исследование возникновения и развития семьи внесла работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Французский антрополог Клод Леви-Стресс приложил лингвистическую модель анализу семьи, исходя из того принципа, что отношения родства образуют коммуникативную систему, сопоставимую с языком. Пары противоположностей (отец — сын, муж — жена и т.д.) составляют систему, понятную только при синхронном рассмотрении. Однако при всей плодотворности этого подхода существенным его недостатком было игнорирование динамики развития общества.

Имеются работы, в которых рассматриваются различные аспекты жизни семьи в пределах одного какого-либо региона. Однако в них нет широких обобщений, позволяющих выйти на более высокий уровень понимания проблемы семьи. Односторонность подходов, нарушающая принцип поли-

функциональности семьи, их фрагментарность, нарушающая принцип ее целостности, в итоге приводят к неэффективности получаемых результатов, к образованию лакун в области изучения семьи. Этим, в частности, объясняется и сегодняшняя низкая значимость семьи в иерархии ценностей общества. Ситуацию усугубляет также неразработанность исследовательского аппарата.

На сегодняшний день в России нет юридически оформленной государственной семейной политики применительно к современным реалиям жизни. По заданию руководства страны Министерство здравоохранения и социального развития только недавно приступило к разработке концепции государственной семейной политики.

На парламентских слушаниях, посвященных семейному законодательству, 24 февраля 2009 года Председатель комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, член фракции «Справедливая Россия» Е.Б. Мизулина отметила, что в части 1 статьи 38 Конституции РФ сказано о том, что материнство, детство, семья находятся под защитой государства. Но при этом до сих пор, к сожалению, «на законодательном уровне не договорились, что такое семья, в каком смысле законодатель понимает семью как ценность, с чем ее связывает и как государство стимулирует и поддерживает, защищает семьи и какие семьи»¹.

Между тем семья есть явление, безусловно, комплексное. Оно включает в себя, по крайней мере, экологическую, биологическую, духовную, нравственную, социальную и экономическую составляющие.

Одна из главных функций семьи — это, конечно, воспроизводство человека. Однако в условиях бурного развития науки и технологий действительно существуют прямые угрозы этой функции. Человек уже научился делать «ребенка в пробирке»,

¹ Стенограмма парламентских слушаний на тему «Состояние российского законодательства, регулирующего положение российских семей в свете требований современной государственной семейной политики». 24 февраля 2009 года.

на очереди прямое клонирование человека. Если добавить сюда возможности конструирования генов человека, то можно смело предположить, что однажды может появиться единый мировой центр, в котором будут конструироваться все люди на земле. То есть все они превратятся в роботов. Это и есть главная «технологическая» угроза институту семьи, ее функции воспроизводства. Социал-демократы прямо выступают за то, чтобы была «предотвращена манипуляция человеческим генетическим материалом, эксплуатация женщин посредством новых репродуктивных технологий»¹.

Нынешнее время таит многие вызовы и угрозы традиционной семье. Более четверти россиян особо выделяют среди демографических проблем именно распад традиционной семьи, рост числа разводов и внебрачных связей.

В современной России сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, почти каждый россиянин считает семью высшей ценностью в этой жизни. С другой стороны, из-за депопуляции, ослабления института семьи распад российского государства возможен уже в абсолютно реальной перспективе.

Академик Б.Н. Кузык считает, что в XXI веке депопуляция России, с ее огромными территориями, — это демографическая катастрофа, которая с большой долей вероятности может сопровождаться крахом государства. При этом возможность государственного распада России будет нарастать по мере падения численности населения к 40–50-миллионной черте. Этот сценарий вполне может быть реализован к 2080 году, если не принимать кардинальных мер в области демографической политики, не проводить по-настоящему просемейную государственную политику.

При этом надо иметь в виду, что даже при среднем — более или менее благоприятном — варианте развития событий численность населения России составит примерно 140,6 млн

¹ См.: Кузык Б.Н. Россия и мир в XXI веке. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — 640 с.

человек в 2020 году, 128,9 млн — в 2040-м, 114 млн — в 2060-м, 98 млн — в 2080 году.

Если же все будет пущено на самотек (то есть, по сути дела, будет проводиться депопуляционная политика), численность населения России сократится в 2 раза уже через 50 лет и практически в 3 раза — к 2080 году. Тогда Россия, действительно, не только не сможет сохранить статус великого государства, но окажется на грани катастрофы — распада государства. Поэтому обобщающий демографический показатель — смягчение депопуляции — должен стать определяющим в оценке эффективности деятельности государственных и муниципальных органов власти всех уровней.

Между тем именно семья, как уже говорилось выше, является ключевым звеном в решении этой общегосударственной проблемы. Именно семья является не только уникальным социальным институтом, но и своего рода посредником между «отдельно взятым» человеком и государством. В первую очередь именно семья, — а не какие-то иные социальные институты — консолидирует общество для решения важнейшей задачи «сбережения народа», для решения ключевых задач социально-экономического развития.

В обществе по-прежнему актуальна дискуссия о путях дальнейшего развития нашей страны. Одни говорят: мы отказались строить социализм, поэтому давайте ударными темпами строить капитализм. Другие возражают: долой капитализм, давайте вернемся к коммунистическим «истокам». Третьи вообще предлагают отказаться от всяких, там, старомодных «измов» и строить абстрактное «цивилизованное общество». Четвертые твердят о совершенно особом, мессианском пути России. Но практически все, даже самые непримиримые участники дискуссии, сходятся в одном: чтобы объединить и мобилизовать многонациональный, многоконфессиональный российский народ для построения «светлого завтра», нужна объединяющая идея, объединяющая идеология. Идеология — это продуманная и внятная иерархия ценностей и связанный с ней выбор целей. Найти

объединяющую идеологию — сложная задача со многими неизвестными.

Наш великий современник, русский писатель Александр Солженицын сформулировал идею, которая могла бы объединить россиян, это — «сбережение народа». В таком контексте все чаще раздаются призывы вернуться к национальным корням, к природе, возродить религию. Все эти, на первый взгляд, разные рецепты имеют единый корень — ностальгию по здоровому социуму. Нужно найти срединный путь между крайностями индивидуализма и коллективизма, взять в руки новый «инструмент», новую парадигму развития общества. И если в основании этой парадигмы окажется нечто, что объединило бы в себе качества и интересы личности и коллектива, — тогда «золотая середина» будет найдена. Таким «инструментом-посредником» может стать семья — вот почему я еще в середине 90-х годов предложил для этих целей идею семейной парадигмы.

Семейная парадигма — инструмент универсальный. В этом можно убедиться на самом простом примере. Общеизвестно, что в западных обществах культивируется индивидуализм. Отсюда примат частной собственности, прав и свобод «отдельно взятого» человека и т.д. В восточных обществах, напротив, культивируется коллективизм, примат общего над частным. Так вот семья как раз и является некой «точкой оптимума» между индивидуализмом и коллективизмом, существуя и развиваясь — подобно нашей необъятной России — «на стыке» Востока и Запада.

Семейная парадигма предполагает и определенное представление об «идеальном» строении государства; создание особого социально-финансового механизма поддержки и развития семьи. Речь идет не об изменении правового или экономического статуса семьи как таковой, а о развитии, прежде всего, социальной инфраструктуры общества, о проектировании социальных институтов для решения новых задач, о более широком применении социальных технологий, в том числе и для решения проблем, стоящих перед семьей.

В связи с этим стоит вспомнить, что при советской власти средства, направляемые на социальные нужды, сосредотачивались в общественных фондах потребления и уже оттуда распределялись чиновниками — обезличенно, как бы всем сразу и никому в отдельности. Сегодня прослеживается иная тенденция: средства все чаще направляются непосредственно «потребителям — физическим лицам». Но тут надо понимать, что потребителями социальных благ являются, по сути дела, не отдельные физические лица, а семьи. Потому что в квартирах живут семьи, в школах учатся дети из этих семей и в больницах лечатся тоже представители семей. Именно поэтому каждая семья — как своеобразная «первичная организация»! — должна иметь свой счет в банке. И средства, которые государство направляет на поддержание и развитие человеческого капитала, должны приходиться на эти счета.

А теперь зададимся вполне закономерным и актуальным вопросом: каков же сегодня механизм распределения и использования бюджетных средств на образование, здравоохранение, ЖКХ, сельское хозяйство, так сказать, в «глобальном», всероссийском и региональном масштабе? Он всюду однотипен. Если говорить схематично, сначала этот механизм законодательно утверждается; потом через Минфин, соответствующие отраслевые министерства, регионы, муниципалитеты, прочие структуры он доводит деньги до потребителя в значительно «похудевших» объемах.

Новый социально-финансовый механизм, ориентированный на семью, предполагает коренное изменение данной системы. Каждая российская семья должна иметь банковский счет поддержки и развития человеческого капитала. И на этот счет напрямую из бюджета должны попадать все средства, предназначенные на социальные нужды. Объем этих средств, естественно, рассчитывается по нормативам. При этом должны быть разработаны механизмы защиты данных счетов от нецелевого использования. А потом семья — в рамках нормативов и целевого назначения — сама решает: как, где и когда использовать эти средства.

Возьмем, к примеру, такую статью расходов, как образование детей. В зависимости от количества учащихся семье определяется сумма средств. С какой школой заключить договор на обучение (и, следовательно, какой школе заплатить) решает семья.

Следует отметить, что так называемое «подушевое» финансирование школ является лишь жалким подобием предлагаемого механизма. Там опять все отдано на откуп бюрократам от образования. «Подушевое» финансирование, но через семейные счета, позволило бы кардинально изменить ситуацию к лучшему.

Если же применить новый социально-финансовый механизм в здравоохранении, у семей появится реальный стимул экономить. То есть беречь здоровье, заниматься профилактикой. Сэкономленные на медицине средства семьи могли бы направить на страхование, на пенсионные накопления.

В жилищно-коммунальном хозяйстве после объявления о 100%-ной оплате услуг действует правило 22%. В принципе, здесь тоже разработан механизм дотирования семей. Но семьи этими средствами фактически не управляют. В результате — вместо стимула оптимизировать свои расходы на услуги ЖКХ — люди вновь получили всего лишь подачку. Внедрение нового социально-финансового механизма развития семьи позволило бы и в этой сфере навести должный порядок, стимулируя и производителей, и потребителей услуг ЖКХ разумно тратить (инвестировать) и собственные, и государственные средства.

В Декларации принципов Социалистического интернационала прямо говорится о том, что «особое внимание необходимо уделять отношениям разных поколений»¹. И, конечно, от того, как мы воспитаем наших детей, прямо зависит будущее России.

Наше поколение, еще в советские времена, воспитывали как строителей коммунизма. Со своим моральным кодексом,

¹ См.: Тумусов Ф.С. Россия начинается с семьи: семейная парадигма развития общества. — Якутск, 2008. — 98 с.

в основе своей неуклюже заимствованным из Библии. С обыденной точки зрения модель была примерно такая: ты должен учиться, работать на общее благо, не задавать лишних вопросов. Обо всем остальном позаботится советское государство. За твоих детей и внуков тоже все уже решено, их ждет «светлое завтра».

На Западе и тогда, и сейчас воспитывают индивидуалистов. Главный герой голливудских супербоевиков — индивидуалист-супермен. Мораль проста: ты должен достичь успеха любой ценой, даже если для этого тебе придется идти по трупам. Но даже если оставить за скобками голливудские крайности, на либеральном Западе принято культивировать, прежде всего, личный успех в условиях достаточно жесткой конкуренции.

Странный симбиоз в иерархии ценностей наблюдается у нынешней российской молодежи. Например, социологи попытались выяснить: какие они — выпускники школ 2008 года по сравнению с выпускниками эпохи СССР, то есть фактически с их родителями. Результаты получились такие.

Выпускники — 2008: они более свободолюбивые, не умеют самостоятельно мыслить, прагматичные, эгоистичные, нацелены на успех, аполитичные.

Выпускники эпохи СССР: верили в идеалы, были приспособлены к жизни в коллективе, мечтали о светлом будущем, были готовы трудиться во благо страны, уважали старших, не думали о материальных благах.

Как видите, налицо своего рода «прыжок» из крайности в крайность, из Советского Союза на либеральный Запад, из одной модели в другую. И радоваться тут нечему, поскольку ни та, ни другая модель, нам, конечно же, не подходит. Результат воспитания «строителей коммунизма» и «индивидуалистов-суперменов» известен — у нас в стране чудовищно много одиноких людей: 25 миллионов молодых людей и женщин никогда не состояли и не состоят в браке. Это пятая часть взрослого населения России! Для сравнения можно привести данные переписи, которая была проведена в 1897 году среди поддан-

ных Российской империи. Тогда выяснилось, что среди россиян в возрасте до 50 лет в браке не состояли лишь около 5%.

Я убежден: мы должны воспитывать наших детей как будущих семьянинов. Мальчиков — как будущих глав семей. Девочек — как будущих матерей, хранительниц семейного очага. Главное предназначение человека — это семья. Но для того чтобы содержать семью, человек должен работать, для того чтобы работать — должен иметь профессию. Чтобы иметь профессию, надо учиться. И все — ради семьи.

Буквально с яслей и детского сада юных граждан России нужно учить тому, что быть отцом, матерью — почетно и престижно, что родить и воспитать трех и более детей — это не редкое исключение из правил, а норма, всячески поощряемая государством и уважаемая обществом. Молодой россиянин должен мечтать не только о поступлении в институт и будущей карьере, но прежде всего — о большой крепкой семье, о детях и внуках.

ИДЕИ ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ (К ДИСКУССИИ В КИТАЙСКОЙ ПЕЧАТИ)

Буров В.Г.

Модернизация китайского общества, проводимая в течение последних 30 лет, принесла ощутимые позитивные результаты. В несколько десятков раз вырос валовой национальный продукт, значительно повысилось материальное благосостояние граждан; большими темпами развивается образование, культура и наука, растут золотовалютные резервы, значительно вырос международный авторитет Китая, он по праву вошел в число государств-лидеров мирового развития,

нельзя не сказать и о том, что успешными в целом являются меры его руководства по противодействию мирового финансово-экономического кризиса.

Значительно изменилась и политико-идеологическая ситуация в стране. Руководство Коммунистической партии последовательно осуществляет курс на демократизацию политической системы — с учетом национально-государственных особенностей и менталитета своих граждан. В отличие от бытующих в России в некоторых секторах общественного мнения примитивных представлений о ситуации в китайских общественных науках, в кругах китайских обществоведов существует широкая палитра взглядов — от откровенно догматических до откровенно ревизионистских, если использовать классическую марксистскую терминологию.

В центре внимания китайских теоретиков — базовые принципы марксистской теории и учения о социализме, взгляды классиков по данным проблемам, тем более, что сама практика модернизационного процесса в Китае дает богатую пищу для размышлений.

Дело в том, что в своей практике «социалистического строительства» руководство КПК решительно отказалось от многих принципиальных положений классического марксизма. Достаточно назвать концепцию «социализма с китайской спецификой», кратко ее можно свести к следующим положениям:

- отказ от общественной собственности на средства производства как от единственной формы собственности;
- признание частной собственности законной формой собственности;
- признание законным существование частных промышленных предприятий в больших масштабах;
- предоставление крестьянам земли в длительное пользование;
- наличие индивидуальных крестьянских хозяйств как преобладающей формы хозяйствования в деревне;

- признание возможности существования нетрудовых доходов, полученных законным путем;
- наличие инструментов хозяйствования, характерных для капиталистического способа производства (акции, биржи и т.п.);
- признание законным неравенства в доходах (часть людей может становиться зажиточными раньше других);
- наличие смешанных (с участием иностранного капитала) и полностью иностранных предприятий на территории страны;
- регулирование деятельности предприятий, банков, финансовых компаний по международным правилам (в связи со вступлением Китая в ВТО);
- расширение социального состава Компартии за счет приема в нее частных предпринимателей и торговцев;
- привлечение иностранных инвестиций;
- создание специальных экономических зон с преференциями для промышленных предприятий (в том числе частных и иностранных);
- широкое использование иностранного опыта и специалистов;
- внедрение передового опыта в области науки и техники.

В процессе обсуждения концепции «социализма с китайской спецификой» китайские обществоведы неизбежно затрагивают вопросы соответствия теории и практики китайского социализма наследию классиков марксизма, появляются новые теоретические подходы, новации, несовместимые с прежними устоявшимися представлениями.

В последние годы одной из трибун творческого обсуждения проблем социализма стал журнал «Яньхуан чунью»¹. Журнал существует уже более 15 лет. Он издается в Пекине, на его страницах публикуются теоретические статьи, публицистические заметки, воспоминания о различных периодах

¹ Яньхуан — производное написание от имен легендарных правителей Китая Янь-ди и Хуан-ди, поэтому название журнала можно перевести и как «Годы деятельности основателей Китая».

истории китайской революции и Коммунистической партии Китая. Интересен состав советников и членов редколлегии журнала. В большинстве своем — это старые члены партии, многие с дореволюционным стажем, до ухода на пенсию занимавшие ответственные партийные и государственные посты. Достаточно назвать Ду Жэнь шэна (в этом году ему исполняется 96 лет), многие годы являвшегося зав. канцелярией ЦК КПК по работе в деревне; Юй Гуаньюаня, бывшего в 1950-е годы зав. Сектором науки ЦК КПК, а позднее — вице-президентом Китайской академии общественных наук; Ли Жуйя — секретаря Мао Цзэдуна, автора известных в Китае воспоминаний о нем; Гун Юйжи — ответственного работника ЦК КПК, неоднократно участвовавшего в 1970–80-х годах в подготовке многих теоретических документов Компартии (умер в 2007 г.); Ли Чана (в этом году ему исполняется 95 лет), являвшегося в прошлом руководителем студенческого движения; Ду Даочжэна, работавшего директором агентства «Синьхуа»; Ван Цзюньи — известного ученого, бывшего директора Института истории династии Цин Китайского народного университета; Чжоу Хоуцзе — бывшего зав. Отделом пропаганды ЦК КПК; Чжан Цичжи — в прошлом ректора Северо-Западного университета (г. Сиань) и др.

Многих из перечисленных лиц объединяет то немало-важное обстоятельство, что они вступили в Компартию в 30–40-е годы прошлого столетия, когда в Китае господствовал неэффективный, пронизанный коррупционностью режим Гоминьдана во главе с Чан Кайши. Будучи молодыми людьми, они искренне поверили в светлые идеалы социализма, в непреходящие ценности марксистского учения. Это был период международного признания Советского Союза как оплота антифашистского и антиимпериалистического движения, внесшего главный вклад в победу во Второй мировой войне, где на практике осуществляются вековые чаяния миллионов людей о социальной справедливости. В те годы в кругах китайской общественности не было достаточно полной информации о Советском Союзе, в частности об извращениях

в социалистическом строительстве, связанных с массовыми репрессиями. Не следует забывать и о том, что Советский Союз оказывал тогда неоценимую помощь Китаю в войне с японскими агрессорами, а впоследствии китайским коммунистам в борьбе с Гоминьданом и, наконец, народному Китаю в создании основ его экономики и культуры.

После 1949 года нынешние члены редколлегии журнала «Яньхуан чуньцю», находясь на ответственных постах в партийном и государственном аппарате, принимали активное участие в осуществлении генеральной линии партии на строительство социализма. Им пришлось стать свидетелями не только больших успехов, но и серьезных ошибок, совершенных Мао Цзэдуном, а также поворота к новому — реалистическому курсу, предпринятому Дэн Сяопином. Естественно, что у них, мыслящих людей, обеспокоенных за судьбы своей страны, не могло не возникнуть вопросов, связанных с теоретическим осмыслением пройденного Китаем пути и перспектив его дальнейшего развития.

В последние два года журнал «Яньхуан чуньцю» прямо обратился к теоретическим проблемам социализма, регулярно публикуя статьи, посвященные данной теме. «Первой ласточкой» в ее обсуждении явилась статья бывшего проректора Китайского народного университета¹ Се Тао «Модель демократического социализма и перспективы Китая», опубликованная во втором номере журнала за 2007 год. Основное содержание статьи состоит в следующем.

Во-первых, в настоящее время мировое сообщество вступило в новый исторический период своего развития, что выражается в том, что в странах развитого капитализма появился «новый капитализм». «В этих странах на различном уровне произошла социал-демократизация», это во многом является «исторической заслугой социал-демократов», благодаря им «движение к социализму превратилось в мир-

¹ Китайский народный университет — это высшее учебное заведение гуманитарного профиля, выросшее из созданной в 1937 году партийной школы китайских коммунистов.

ный рациональный процесс эволюции». «Социал-демократы в демократических рамках развитых буржуазных государств успешно проводят политику мирного перехода к социализму, — пишет Се Тао. — В прошлом мы ограничивались узкими рамками насильственной революции, критиковали социал-демократов за ревизионизм, теперь, судя во всему, необходимо восстановить их репутацию. Неправильно утверждать, что они не ведут борьбу с буржуазией и что они делают ей односторонние уступки, они не только «ревизируют», «исправляют» социализм, но и «ревизируют», «исправляют» капитализм». По мнению Се Тао, «самым большим достижением демократического социализма является то, что в старых капиталистических государствах благодаря серьезному регулированию распределения были в основном ликвидированы различия между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, между физическим и умственным трудом и тем самым засияла слава демократического социализма. На фоне этих достижений явно побледнел насильственный социализм советской модели».

Во-вторых, проводимая в Китае с 1979 года «политика реформ и открытости» по своей сути является политикой «демократического социализма». Об этом свидетельствуют такие факты: многообразие форм собственности, допуск рыночной экономики и частной собственности. Однако, чтобы избежать подозрений в «ревизионизме», мы называем эту политику «социализмом с китайской спецификой».

В-третьих, осуществляемый руководством Компартии курс на демократический социализм вызывает ожесточенное сопротивление «левых», которые заявляют об угрозе генеральной линии на социализм. По их мнению, нынешняя политика реформ и открытости есть мирное превращение социализма в капитализм. В связи с этим возникает необходимость четко уяснить, что такое марксизм и что такое ревизионизм, для чего необходимо обратиться к аутентичным текстам классиков марксизма — К. Маркса и Ф. Энгельса.

В-четвертых, по мнению Се Тао, «Маркс и Энгельс в последние годы своей жизни были демократическими социалистами, были инициаторами «мирного перехода к социализму, что демократический социализм есть марксистская ортодоксия». Он ссылается в этой связи на следующие слова Маркса в третьем томе «Капитала»: «В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства на прибавочный труд. Это результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, непосредственную общественную собственность»¹. Приведя это высказывание Маркса, Се Тао делает следующий вывод: «Тем самым капитализм завершает свой мирный переход к социализму. Третий том “Капитала” опрокидывает выводы первого тома “Капитала” и поэтому уже нет необходимости “взрывать” “обшивку” капитализма. По Марксу, манчестерский капитализм (т.е. первоначальный капитализм) прекращает свое существование. Последующий капитализм под ударами “Капитала” постепенно превращается в социализм. Третий том “Капитала” — есть окончательный вывод Маркса и Энгельса, сделанный ими на склоне лет после изучения капитализма на протяжении нескольких десятилетий».

В-пятых, Энгельс в конце своей жизни пришел к выводу о возможности мирного завоевания власти пролетариатом путем легальных методов борьбы, в частности, использования всеобщего избирательного права и участия в парламентских выборах. Поэтому, неправильно считать, что Бернштейн «ревизовал марксизм, он только унаследовал и развил мысли Энгельса. Напротив, именно Ленин «изменил марксистским идеям относительно совместной единовременной побе-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 25, ч.1. С. 482.

ды социализма в передовых капиталистических странах. Он выдвинул теорию о строительстве социализма в одной из отсталых восточных стран. Ленинизм есть унаследование и развитие бланкизма... Самыми большими ревизионистами были Сталин и другие», ибо они взяли на вооружение метод «насильственной революции», отвергнутый Энгельсом в конце своей жизни.

В-шестых, необходимо при строительстве социализма сочетать справедливость и эффективность. Ошибка коммунистов в Советском Союзе и других странах состояла в том, что они «пытались методом уравниловки уравнивать бедных и богатых, они считали, что нужна только справедливость, но не нужна эффективность». Более того, гордились «равенством в бедности». В последние годы своей жизни Ленин осознал эту ошибку и выдвинул «новую экономическую политику» (нэп). Он писал: «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, как путь, прием, способ повышения производительных сил»¹.

В-седьмых, заслуга демократического социализма заключается в том, что «демократический социализм избавил от содержащегося в марксизме утопического элемента, благодаря чему марксизм из утопии превратился в реальность. Став живым, имея корни в рабочем движении, марксизм принес рабочему классу и трудовому народу демократический социализм с высокой зарплатой и высоким благосостоянием, а не утопию, о которой можно мечтать, но невозможно осуществить. *На знаменах современного марксизма написано «демо-*

¹ Ленин В.И. О производственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 43. С. 229.

кратический социализм». В современных условиях придерживаться марксизма — это означает придерживаться демократического социализма (курс. мой — В.Б.). Социал-демократы представляют как интересы рабочего класса, так и интересы всего общества, у них широкая классовая и массовая база. Они не разжигают классовые конфликты, не провоцируют в обществе противоречия, а объединяют все классы общества, стимулируют развитие экономики на основе непрерывного роста общественного богатства, регулируют распределение, идут по пути всеобщей зажиточности».

Публикация статьи Се Тао вызвала широкий отклик в кругах китайской научной и партийной общественности. В частных разговорах многие ее представители признавали актуальность ее появления, выражали согласие с ее основными положениями, одновременно высказывая и определенные критические замечания. Вместе с тем в ходе обсуждений, прошедших в ряде академических и вузовских центрах, она была подвергнута резкой критике, лейтмотив обвинений в адрес ее автора был ревизионизм, отказ от марксизма, клевета на социализм. Партийная оценка статьи была дана на страницах центрального органа партии — газета «Жэньминь жибао», она была предельно взвешенной по тону, признавая вместе с тем неприменимость демократического социализма для Китая в силу того, что он не соответствует его национальным особенностям¹.

В шестом номере за 2007 год журнал «Яньхуан чуньцю» опубликовал своего рода ответ на критику статьи Се Тао, его написал Ду Жэньшэн. Прежде всего он подчеркнул важность творческого обсуждения темы «социализм». По его словам, ошибки в теории лучше, чем ошибки в практике. Если будет осуществляться курс, «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто ученых», китайской нации будет легко найти правильный путь и будет меньше ошибок в практике,

¹ Полный текст статьи Се Тао и обзор откликов на нее опубликован в восьмом номере журнала «Вопросы философии» за 2008 год. С. 16–38.

что, несомненно, будет способствовать процветанию страны. Далее он пишет: «В статье Се Тао есть такое утверждение: “только демократический социализм может спасти Китай”, оно слишком категорично по тону, ибо в настоящее время для страны не существует национальной угрозы, однако, — продолжал Ду Жэньшэн, — я одобряю самостоятельность в суждениях, ибо если одна голова заменяет миллиард с лишним голов, все люди могут совершить ошибку, в чем у нас уже есть исторический опыт.

Значение дискуссии, начатой статьей Се Тао, Ду Жэньшэн видит в том, что она позволяет прояснить содержание понятия «социализма с китайской спецификой». В этом плане очень важно понимание «китайской специфики». Исторический опыт свидетельствует о неприемлемости для Китая советской специфики, социализма сталинской модели. Скорее всего, не все приемлемо и из шведской модели, поскольку Швеция — маленькое государство, где проживает всего лишь более 8 миллионов человек, в то время как в Китае — 1 миллиард 300 миллионов человек.

Однако затем старый китайский коммунист Ду Жэньшэн (он член партии с 1936 г.) делает следующий принципиальный вывод: «Однако мы можем воспринимать хорошие взгляды других людей, обычный опыт, приемлемый повсюду. К примеру, социализм есть наследование и развитие капитализма, капитализм может быть использован нами, позволив ему определенное развитие. Сообразуясь с нашей собственной ситуацией и не повторяя чужих ошибок, мы можем воспринимать хорошие методы со всех сторон и, в конечном счете, создать свою китайскую модель развития. Подобная модель может быть названа “социализмом с китайской спецификой” или может быть названа чем-либо другим с китайской спецификой. Я слышал, что в 1987 году Дэн Сяопин произнес такие слова — если только национальная экономика будет развиваться хорошо, жизненный уровень повысится и народ будет доволен существующим, то такое общество можно назвать любым измом».

Дискуссия о социализме на страницах журнала «Яньхуан чуньцю» продолжается до сих пор. Следует подчеркнуть, что авторы заявляют о своей приверженности идеям социализма с китайской спецификой, они не ставят под сомнение руководящую роль в китайском обществе Компартии и марксистской идеологии, они с уважением относятся к основоположникам идей научного социализма — Марксу и Энгельсу. Свою цель авторы статей видят в том, чтобы разобраться в причинах поражения советской модели социализма, извлечь из них необходимые уроки. Их интересует вопрос о возможности существования других моделей социализма. Именно под этим углом зрения они рассматривают всю историю международного рабочего движения начиная с момента появления марксизма.

В статьях подчеркивается трезвый расчет классиков, их умение извлекать уроки из исторического опыта. К примеру У Цзян, бывший в 1950–80-е годы известным партийным теоретиком,¹ в своей статье специально останавливается на причинах поражения французской революции 1848–50 годах и Парижской коммуны. По его мнению, Маркс и Энгельс приходили к выводу о том, что в обоих случаях не было социально-экономических условий для пролетарской революции. Обобщая опыт Парижской коммуны, Маркс писал: «Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества»². У Цзян интерпретирует слова Маркса следующим образом — пролетарская революция и строительство социалистического общества возможны только при наличии высокого уровня развития производительных сил, политической демократизации общества и достаточного уровня всей цивилизации.

¹ Последней крупной теоретической работой У Цзяна является его монография «О взаимопроникновении социализма и капитализма», опубликованная в 2004 году издательством Китайской академии общественных наук.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 17. С. 347.

В своем предисловии 1894 года к книге К. Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848–1850 гг.» Энгельс писал: «История показала, что неправы были и мы, она обнажила то обстоятельство, что взгляд, которого мы тогда придерживались, оказался иллюзией», «история ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства, что капитализм обладал еще очень большой способностью для расширения»¹. После смерти Энгельса один из руководителей Социал-демократической партии Германии Либкнехт так сказал о нем: «Он был человеком и указывающим путь, и ведущим за собой, он был и руководителем, и бойцом». В нем сочеталось единство теории и практики, подчеркивает У Цзян. Этот завет классиков после Октябрьской революции был отброшен, их учение стало безжизненным.

В 70–80-е годы XIX столетия во многих странах мира — Дании, Бельгии, Испании, Голландии, Италии, Норвегии, Австрии, Швеции, Швейцарии, Венгрии, США возникли рабочие политические партии, которые назвали себя либо социал-демократическими, либо социалистическими, либо рабочими партиями, но отнюдь не коммунистическими, как это впоследствии было сделано в России и других странах. У Цзян указывает, что за прошедшие более чем сто лет после возникновения международное социал-демократическое движение значительно упрочило свои позиции; изменения, внесенные под влиянием трансформаций, произошедших в современном капитализме, в программные документы входящих в него партий, позволили ему завоевать массовую поддержку среди средних слоев, даже буржуазия стала воспринимать идеи социал-демократии. При этом независимо от различий, обусловленных конкретной ситуацией, партии, входящие в Социал-демократический интернационал, в той или иной степени придерживаются идей марксизма. Это особенно проявляется в теории и практи-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 22. С. 533, 535.

ке шведской социал-демократии, которая при всем признании внутри себя «плюрализма мнений» своей руководящей идеологией считает учение Маркса и Энгельса. Неслучайно в Музее истории этой партии на первых двух местах висят портреты Маркса и Энгельса, а затем Лассалья и Брантинга — основателя СДПШ.

У Цзян подробно анализирует опыт шведской социал-демократической партии, которая с очень небольшими перерывами находится у власти вот уже в течение нескольких десятилетий. Руководители этой партии прямо заявляют, что их партия является социалистической, а шведское общество — социалистическим, указывая на свою массовую социальную базу, в то же время они заявляют, что ее основой является рабочий класс, который включает как синих, так и белых воротничков. Шведские социал-демократы обращают внимание на то, что они придерживаются принципов не социализма вообще, ибо в этом случае происходит отождествление социализма с советским социализмом, который они не приемлют, а именно демократического социализма, причем слово «демократический» стоит в начале всего словосочетания. Шведская экономика не является ни всецело капиталистической, ни всецело социалистической, она по своему характеру смешанная, ее характерные признаки — сосуществование общественной и частной форм собственности, распределения по труду и распределения по капиталу, государственного макрорегулирования и рыночного механизма, причем главным является многообразие форм собственности. Шведские социал-демократы считают, что при строительстве социализма самым главным является не вопрос о праве собственности, а вопрос о социализации распределения, то есть как справедливо распределять общественное богатство с тем, чтобы обеспечить интересы рабочего класса и трудящихся. Возникающие между работниками и работодателями проблемы в вопросах распределения решаются либо путем деятельности профсоюзов, либо путем мероприятий правительства. Благодаря соответствующей налоговой политике зарплата руководителей высшего ранга

превышает зарплату обычных служащих всего лишь в 2–3 раза, что позволяет шведским социал-демократам с гордостью утверждать, что в Швеции самая небольшая в мире разница в доходах разных слоев населения, что в их стране в основном уже уничтожены так называемые различия между городом и деревней, рабочими и крестьянами, умственным и физическим трудом. К тому же Швеция отличается высоким уровнем социального обеспечения: заботой о престарелых, молодых семьях, безработных, высоким качеством образования, хорошо отлаженной пенитенциарной системой. В заключение У Цзян приводит в своей статье выводы, к которым склоняются многие китайские аналитики: идеи II и III Интернационалов, программы и методы, которых придерживается Социал-демократическая партия Швеции и Коммунистическая партия Советского Союза, имеют под собой свои основания. Однако между ними существуют два принципиальных отличия в конкретных национальных условиях. Первое состоит в том, что II Интернационал и Социал-демократическая партия представляют, в основном, сравнительно развитые в экономическом отношении страны, где уже существует система демократических выборов и партии могут получить большинство на выборах, мирным путем завоевать власть и осуществить свою программу. (Нельзя не заметить, что подобная точка зрения тождественна программным установкам КПСС второй половины 50-х годов прошлого столетия о мирном переходе к социализму, которые в то время Мао Цзэдуном и его окружением были объявлены ревизионистскими.)

Что касается III Интернационала и коммунистических партий, то они в основном представляли сравнительно отсталые в экономическом отношении страны, в которых не только не было системы демократических выборов, но и имело место вооруженное сопротивление свергнутых реакционных классов (тем самым как бы признается законным взятие власти КПК вооруженным путем). Поэтому укрепление политической власти в этих странах было необходимо. Однако вооруженная борьба как метод завоевания власти играет всего лишь

роль «повивальной бабки». Согласно критериям марковского социализма он неприменим для решения двух первостепенных задач — достижения высокого уровня развития производительных сил и совершенствования демократической правовой системы. Поэтому после завоевания вооруженным путем власти необходимо решать эти две задачи другими способами. В противном случае нельзя будет создать подлинное социалистическое общество, а появится «феодальный или полуфеодальный тоталитаризм, подобный тому, что существовал в прошлом в Советском Союзе во времена Сталина».

Вот почему, подчеркивает У Цзян, мы называем наш нынешний период «начальным этапом социализма, он является подготовительным этапом социализма, другими словами, наше нынешнее общество нельзя считать настоящим социалистическим обществом», задача «начального этапа социализма» как раз и состоит в том, чтобы решить две вышеназванные задачи, создав тем самым необходимые условия для строительства социалистического общества.

По мнению китайских аналитиков, второе отличие между II и III Интернационалом, компартиями советского типа и социал-демократиями шведского типа можно уподобить отношениям между католицизмом и протестантизмом. В первом случае стараются придерживаться первоначального смысла, наставлений «предков» следовать их букве, ни на йоту не отступая от них; во втором случае пытаются действовать в соответствии со временем, непрерывно прибегая к инновациям, что делается в целях расширения влияния «предков».

Рассматривая вопрос о теории и практике социализма, китайские аналитики не могут не обращаться к историческому опыту Советского Союза и восточно-европейских стран. В этом отношении интересна статья Линь Юньхуэя «Посмотрим на вопрос, что такое социализм с точки зрения резких изменений в Советском Союзе и Восточной Европе». По словам автора статьи, у Маркса и Энгельса не было практического опыта строительства социализма, первым, кто идеалы превратил в практику, был Ленин, у которого было две стра-

тегии перехода от капитализма к социализму. Первоначально он придерживался линии «военного коммунизма», а затем выдвинул «новую экономическую политику», это «явилось великой ревизией учения о переходном периоде, поворотом стратегического характера». При этом автор статьи отмечает, что если вначале Ленин рассматривал нэп как временное отступление, то одной из последних работ «О кооперации» он заявил о коренной перемене своих взглядов на социализм.

Однако после смерти Ленина Сталин вопреки мнению других членов партийного руководства, прежде всего Бухарина, отбросил политику нэпа, сделав упор на огосударствование всей собственности. Впоследствии советская модель социализма стала общепринятой в других социалистических странах.

Результаты осуществления такой модели оказались плачевными — отсутствие демократии в политической области, нехватка материальных ресурсов, жизненный уровень народа длительное время не повышался.

Линь Юньхуэй далее останавливается на истории различных экономических экспериментов в Советском Союзе и других социалистических странах в 50–80-е годы прошлого столетия. В этой связи он упоминает имена Хрущева, Имре Надя, деятелей «пражской весны 1968 года», Яноша Кадара, однако все их попытки, в конечном счете, закончились провалом, поскольку они не могли выйти за рамки сталинской теории и модели социализма, которая представляла собой следующую формулу: общественная собственность + плановая экономика + тоталитаризм. Он приводит слова Живкова, сказанные им в 1989 году, смысл которых состоял в том, что полномасштабная экономическая реформа, по мнению тогдашних коммунистических руководителей, ставила под вопрос само существование социализма как общественной системы.

Только Дэн Сяопин творчески подошел к вопросу о том, что такое «капитализм» и что такое «социализм», подчеркивает автор статьи. По его мнению, «критерием оценки должно быть, главным образом, следующее — способствует ли “изм”

развитию производительных сил социалистического общества, увеличивает ли он совокупную мощь социалистического государства, способствует ли он повышению жизненного уровня народа?» Другими словами, не следует руководствоваться априорными моделями, оценивая общественное явление с точки зрения принадлежности его к капитализму или социализму; необходимо смотреть на его практические результаты — принесло ли оно пользу государству и народу.

В заключение своей статьи Линь Юньхуэй пишет, что говоря о социализме, следует не только думать об экономических вопросах — формах собственности, распределения, регулирования ресурсов, но и о политической системе, ибо развитие производительных сил в конечном счете должно опираться на «освобождение людей». Он приводит в этой связи слова Дэн Сяопина о том, что цель политической реформы состоит в активизации масс, повышении эффективности их действий, в преодолении бюрократизма. Он прямо заявлял, что без демократии нет социализма, нет социалистической модернизации. Мудрость Дэн Сяопина, пишет автор, заключается в том, что он указывал на неизменность в течение следующих ста лет генеральной линии начального этапа социализма, однако он не оставил последующим поколениям каких-либо проектов или рамок, предоставив безграничную свободу для их практической деятельности.

Осмыслению исторического пути Китая к социализму посвящена статья бывшего начальника управления информации Отдела пропаганды ЦК КПК Чжун Пэйчжана. Он напоминает о том, что идеи социализма стали известны в Китае в начале XX столетия, хотя еще в конце XIX века великий китайский мыслитель Кан Ювэй в своей книге «Датуншу» выдвинул цельную программу построения справедливого общества в духе утопического социализма. Однако только успех Октябрьской революции заставил китайцев по-настоящему повернуться в сторону Советской России. Как сказал позднее Мао Цзэдун, «идти по пути русских — таков был вывод».

Однако в результате того, что на китайскую почву был механически перенесен советский опыт, не учитывалась национальная специфика, были совершены серьезные ошибки — «большой скачок», «коммунизация», наконец, «культурная революция», которые привели к большим человеческим жертвам в несколько десятков миллионов человек и громадным потерям в экономике. Во всем этом виноват Мао Цзэдун, который заявлял, что «нельзя отбрасывать нож Сталина», то есть необходимо продолжать до конца классовую борьбу, «говорить о ней каждый день, каждый месяц, каждый год».

По мнению Чжун Пэйчжана, в период руководства Китаем Мао Цзэдуна были совершены четыре крупные ошибки. Первая ошибка состоит в том, что быстрое вступление в социализм отождествлялось с ускоренным изменением форм собственности, считалось, что социализм может возникнуть по мановению волшебной палочки, независимо от уровня развития экономики. При этом забывались слова Маркса из его предисловия «К критике политической экономии»: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, а новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹. Поэтому капитализм не может исчезнуть по вашему желанию, он не может исчезнуть, пока в капитализме полностью не разовьются производительные силы, пока они еще обладают мощными жизненными силами.

Вторая ошибка состоит в том, что классовая борьба считалась единственным путем стимулирования прогресса общества. Обобщая опыт французской революции, Маркс много говорил о классовой борьбе. Однако дальнейшая мировая история свидетельствует о том, что реформы, борьба в парламенте также играют большую роль в стимулировании про-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 13. С. 7.

гресса. В последние годы своей жизни Энгельс придавал борьбе в парламенте важное значение.

Третья ошибка связана с существованием неправильного мнения о том, что социализм сводится к всеобщему обобществлению, однако практика свидетельствует о том, что подобный метод не принес народу зажиточности, счастья. Фактически произошло следующее — народ не имел какой-либо собственности, подобное обстоятельство противоречило положению Маркса о необходимости создания индивидуальной собственности на основе общего, совместного владения средствами социализма. Общество, которое не предоставляет своим гражданам социальных гарантий, не является социалистическим.

Четвертая ошибка состоит в господстве теории о неразрывной связи строительства социализма с диктатурой пролетариата. Что же касается демократии, свободы, традиций, нравственности, то все «это патентованные средства буржуазии» и поэтому подлежат критике. Результатом подобного подхода явились развал советского социализма и десять лет великих бедствий в Китае во времена «культурной революции».

И здесь Чжун Пэйчжан считает необходимым обратиться к мнению Чэнь Дусю, на первых пяти съездах Коммунистической партии Китая избравшегося генеральным секретарем ее Центрального комитета, а затем в 1929 году исключенного из партии за троцкизм¹.

В результате многолетних размышлений на склоне лет Чэнь Дусю пришел к следующим серьезным выводам: абсо-

¹ В течение многих десятилетий имя Чэнь Дусю было в китайской историографии синонимом ренегатства. Однако в последние годы возобладал объективный подход по отношению к недавнему прошлому: в музее I съезда КПК в Шанхае представлены фотографии всех двенадцати делегатов, хотя под двумя из них указано, что они расстреляны за предательство; в президентском дворце в Нанкине представлены фотографии всех членов гоминьдановского правительства, хотя один из них — Ван Цзинвэй — впоследствии стал председателем марионеточного правительства при японцах.

лютно не существует «так называемой диктатуры пролетариата», это — диктатура партии, а в конечном счете, диктатура вождя. Любая диктатура неразрывно связана с бюрократической политикой, для которой характерна жестокость, введение в заблуждение, обман, коррупция, разложение»; «все преступления Сталина являются логическим развитием диктатуры пролетариата», «диктатура порождает Сталина, а не наоборот, Сталин порождает диктатуру». По справедливому мнению Чэнь Дусю, подчеркивает автор статьи, социализм неотделим от демократии, она является «наивысшим принципом человеческого общества», без нее не может обходиться ни буржуазная, ни социалистическая революция, она особенно необходима в восточных отсталых странах, «в определенном смысле, заключал Чэнь Дусю, мы — коммунисты, являемся самыми последовательными демократами». Показательно, что в статье для обоснования, фактически, идеи демократического социализма используются слова Чэнь Дусю.

Последние решения центральных органов Коммунистической партии, подчеркивает Чжун Пэйчжан, свидетельствуют о том, что происходит серьезное извлечение уроков из ошибок прошлого, что продиктовано объективной необходимостью — Китай еще далеко отстает от развитых стран мира. Поэтому следует всемерно развивать демократию, ибо «чрезмерная концентрация» власти приводит к чрезмерной коррупции». Как говорил Дэн Сяопин, «если строй хорош, плохие люди не смогут своевольничать, если же строй плох, то и хорошие люди не смогут делать хорошие дела...» Одновременно он указывал, что не следует заикливаться на вопросе о том, что такое социализм, во всяком случае, бедность — это не социализм, необходимо, «нащупывая камни, переходить реку». По мнению одних людей, Китай идет в настоящее время по капиталистическому пути, другие считают, что Китай идет по капиталистическому пути, но прикрывается лозунгом социализма. Дэн Сяопин учил нас, заключает автор статьи, сейчас не заниматься обсуждением

теоретических вопросов, а заниматься практическими делами, практика — единственный критерий истины.

В связи с вопросом о сущности социализма журнал «Яньхуан чуньцю» вынес на обсуждение вопрос об индивидуальной собственности. Данному вопросу, в частности, посвящена совместная статья Се Тао и Синь Цзылина¹. Главный пафос статьи состоит в опровержении широко распространенного мнения о том, что именно общественная собственность, национализация являются наивысшим принципом социализма. На самом деле Маркс считал, что необходимо на основе общественной собственности и национализации утверждать личную собственность. По его мнению, создание экономической системы социализма предполагает два этапа: на первом этапе средства производства крупных капиталистических компаний и предприятий переходят государству и контролируются правительством, на втором этапе — правительство возвращает их обществу, народу, заново создает личную собственность.

Эта мысль содержится в последней части первого тома «Капитала»: «Капиталистическое производство восстанавливает индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей, произведенными самим трудом и средствами производства»². В третьем томе «Капитала» Маркс находит путь к превращению капитала в собственность производителей, то есть в индивидуальную собственность, ею как раз является акция. По мнению Энгельса, акции — это способ присвоения продуктов, основанных на самой природе современных средств производства: «С одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства; а с другой стороны, прямым индивидуальным присвоением их

¹ Синь Цзылин — молодой исследователь, работающий в военном университете.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 23. С. 773.

в качестве средств к жизни и наслаждению»¹. Классики марксизма, подчеркивают авторы статьи, рассматривали акцию как единство общественного владения и индивидуального владения, как единство общественной и индивидуальной собственности, как единство средств производства и средств жизни. Для них индивидуальная собственность означала и общее, и личное владение определенным количеством средств производства и одновременно определенное количество средств жизни, выделенных из этих определенных средств производства, то есть определенный личный достаток на основе частного владения. Именно так они понимали социализацию собственности, для них она была собственностью всего общества, а не собственностью правительства.

Следует отметить, что автор статьи У Цзян не совсем корректно обращается с наследием классиков. В действительности относительно акций Энгельс писал следующее: «Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. *Относительно акционерных обществ это совершенно очевидно*» (курс. мой — В.Б.)².

Не так однозначен был и взгляд К. Маркса. В том же третьем томе «Капитала», на который ссылаются Се Тао и Синь Цзылин, он говорит, например, о том, что «отнюдь не исключено, что акции могут представлять чистое мошенничество»³.

Ленин, Сталин, Мао Цзэдун, пишут авторы статьи, пренебрегли заветами классиков марксизма относительно индивидуальной собственности, фактически все слои общества, включая рабочих, были отчуждены от собственности, именно в этом кроется причина поражения социализма в Советском Союзе и Восточной Европе, провалов политики КПК в первые тридцать лет существования народной власти. Суть

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 20. С. 291.

² Там же. С. 289–290.

³ Там же. Т. 25, ч. 2. С. 9.

рассуждений Се Тао и Синь Цзылина сводится к следующему. В социалистических странах представителем общественной собственности выступало государство, которое, в свою очередь, представляло руководимые компартиями правительства. Непосредственно предприятиями руководили посланные правительством чиновники. Поэтому, хотя на словах существовали «общественная собственность», «общенародная собственность», «коллективная собственность», в действительности все это было «чиновничьей собственностью», всем руководило правительство. Оно выступало как в высшей степени монополистический капиталист, а народ страны выступал в роли наемного работника правительства.

В этой связи авторы статьи напоминают предупреждение Энгельса о том, что не следует «объявлять без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское», «иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская морская торговля, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии»¹.

В период новой демократической революции Мао Цзэдун проводил правильную политику — земля отбиралась у помещиков и передавалась малоземельным и безземельным крестьянам. Однако в период социалистического строительства земля, находившаяся в личной собственности у крестьян, была отобрадена у них, произошло ее обобществление, что привело к падению урожая и массовому голоду. Только после возвращения земли крестьянам в 1979 году произошло кардинальное улучшение ситуации в сельском хозяйстве.

Всеобщее огосударствление средств производства противоречит материалистическому пониманию истории. В то же время осуществление личной собственности на основе совместного владения производства соответствует положениям марксистского учения. Политика реформ и открытости, начатая Дэн Сяопином, полностью подтвердила дан-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 25, ч. 2. С. 289.

ное обстоятельство. Производительность труда в эпоху Дэн Сяопина возросла по сравнению с эпохой Мао Цзэдуна в 33 раза. В заключение своей статьи Се Тао и Синь Цзылин пишут: «С началом политики реформ и открытости в результате последовательных усилий трех поколений руководителей в лице Дэн Сяопина, Цзян Цзэмина, Ху Цзинтао был открыт путь к социализму с китайской спецификой, главным содержанием которой является утверждение индивидуальной собственности. Путь социализма с китайской спецификой является продуктом соединения идей демократического социализма последних лет жизни Маркса и Энгельса с конкретной практикой политики реформ и открытости в Китае, есть следование заветам последних лет жизни Маркса и Энгельса, наследование теории новодемократической революции Мао Цзэдуна, решительный отказ от советской модели, возвращение к марксизму, который соответствует времени. В этом заключается историческое место социализма с китайской спецификой».

Настаивая на необходимости продолжения политики реформ и открытости, китайские теоретики и публицисты раз за разом подчеркивают, что в ни коем случае нельзя возвращаться к традиционной модели социализма, поскольку она не оправдала себя. Они напоминают в этой связи слова В.В. Путина: «У того, кто не переживает распад Советского Союза, нет совести, у того, кто желает вновь вернуться к прежнему строю, нет разума». Только на пути реформ можно преодолеть недостатки существующего социализма, преобразовать его, пишут китайские авторы.

Одновременно следует признать право на существование многообразия теории и практики социалистического строительства, не может существовать какой-либо монополии на истину в данном вопросе. В китайских статьях в этой связи напоминают о том, что в прошлом резко критиковали североевропейский демократический социализм, называя его ложным и ненаучным. Сталин употреблял такие понятия даже по отношению к титовскому социализму. Между тем, как раз

главной причиной распада Советского Союза являются «три монополиста» — монополия в экономике, монополия в идеологии, монополия в сфере политической власти.

Китайские аналитики обращают внимание на то, что в современную эпоху принципиальным образом изменились социальные условия — уже не существует революционной ситуации. По словам автора одной из статей, Цзян Пина, «сегодняшний социализм уже не прежний традиционный социализм, а сегодняшний капитализм уже не прежний традиционный капитализм, в них обоих произошли крупные изменения. В процессе развития обеих систем одна уже не уничтожает другую и не стремится к этому, в результате они сосуществуют, совместно развиваются. Они не только сосуществуют, но и взаимно извлекают уроки. Капитализм воспринял некоторые вещи из социализма, изменил свой прежний облик, социализм, в свою очередь, также кое-что заимствовал из капитализма, преобразовал прежнюю форму тотального одностороннего социализма. Под этим углом зрения следует говорить, что восприятие из капитализма некоторых хороших вещей для обогащения и развития теории социализма не является реакционным или ошибочным».

Жизненность социализма, подчеркивает Цзян Пин, определяется поддержкой его со стороны народа. Он напоминает в этой связи слова видного деятеля КПК Ху Яобана, который однажды сказал: «Народу не важно, кто руководит им, — гоминьдан или компартия, он поддерживает того, кто принес ему улучшение жизни. Поддержка со стороны народа, — продолжает автор статьи, — зависит не от идеологии партии, ее теоретической программы, а от проводимой ею практической линии».

В этой связи Цзян Пин считает, что социализм с китайской спецификой должен опираться на конституционное правление. Это означает: во-первых, наличие авторитета у конституции; во-вторых, существование политического порядка, то есть ограничение властных полномочий государства; в-третьих, обеспечение политической демократии; в-четвертых,

наличие у народа прав; наконец, в-пятых, существование контрольного механизма за соблюдением конституции.

Интерес научных и партийных кругов китайского общества к идеям западной социал-демократии не случаен. Во-первых, целый ряд мероприятий КПК в области экономики (сельское хозяйство, промышленность, финансы, отношение к частному капиталу и т.п.) во многом напоминает практику социал-демократов. Поэтому неудивительно, что авторы многих публикаций ссылаются на социал-демократию как на пример для подражания современному Китаю. Во-вторых, одной из главных задач нынешнего этапа модернизации китайского общества является реформирование политической системы в сторону ее демократизации. В этом смысле опыт западных социал-демократов, особенно шведских, считают авторы статей, может оказаться полезным, поскольку последние особо подчеркивают социалистический характер своей теории и практики.

Серьезное изучение международного социал-демократического движения, его истории, идеи западной социал-демократии начинается в Китае только после окончания так называемой «культурной революции», то есть с 1979 года, ибо в первые десятилетия существования Китайской Народной Республики социал-демократия объявлялась «злейшим врагом», а ее идеология — «ревизионизмом».

В настоящее время проблематика социал-демократии перестала быть белым пятном в современной китайской общественной науке. Однако необходимо иметь в виду, что авторами посвященных ей статей в журнале «Яньхуан чуньцю» в большинстве случаев являются не профессиональные ученые, а партийные деятели, находящиеся на пенсии. Естественно, что они не проводили специальных исследований по теме социал-демократии. В их статьях рассматриваются лишь практика и теория одной западноевропейской социал-демократической партии — шведской, которая, действительно, за многолетнюю историю своей деятельности добилась значительных достижений в области социальной

политики. В статьях, публикуемых в журнале «Яньхуан чуньцю», не рассматриваются программные документы других социал-демократических партий, Социнтерна в целом. Следует также отметить, что ряд статей не является результатом серьезных теоретических размышлений, а скорее эмоциональным откликом. Суждения их авторов зачастую носят наивный характер, тем не менее развиваемые ими подходы заслуживают внимания, поскольку призывают к дискуссии по ранее запретным темам¹.

Концепция «социализма с китайской спецификой» не является какой-либо цельной, завершенной теорией. Об этом неоднократно заявляют руководители КПК, именно поэтому в настоящее время поощряются свободные, творческие дискуссии по проблемам, связанным с содержанием понятия «социализм», характеристикой его основных параметров, критериев и пределов. Возможно высказывание любых точек зрения, недопустима лишь постановка под сомнение четырех основных принципов, которые являются базовыми принципами официальной китайской идеологии. Речь идет о курсе на строительство социализма, диктатура пролетариата или, как принято говорить теперь в Китае, демократическая диктатура народа, руководство обществом со стороны Коммунистической партии, главенствующая роль марксистской идеологии.

Участники дискуссии о социал-демократии, демократическом социализме не ставят под сомнение эти четыре принципа, они являются убежденными сторонниками социализма в его китайской версии, то есть социализма с китайской спецификой. Их цель — обновить социализм с учетом результатов теории и практики мирового социалистического движения, независимо от идеологической ориентации его представителей.

¹ В октябре 2008 года автор настоящей статьи посетил редакцию журнала «Яньхуан чуньцю», где узнал, что его острые публикации вызывают живой интерес у читателей, круг его подписчиков растет. Журнал не имеет официальной поддержки, он существует за счет самоокупаемости.

УРОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА И ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

Шевченко В.Н.

Актуальность изучения сегодня уроков российской революции 1917 года и, прежде всего, Октябрьской революции заключается в том, что ситуация в современном мире и в постсоветской России удивительно напоминает ситуацию, которая была в мире в первые десятилетия XX века. В воздухе вновь пахнет порохом, весь мир вступил в полосу стратегической нестабильности и грядущих социальных потрясений.

Известный американский экономист И. Валлерстайн пишет о нарастании хаоса и обострении всех противоречий в современном мире. «Мы живем в эпоху перехода от нынешней миросистемы, капиталистической мировой экономики, к другой миросистеме или миросистемам. Мы не знаем, будет она лучше или хуже... Она будет эпохой конфликтов и усиления беспорядков и тем, что многие будут считать крахом моральных систем»¹.

Напряженность в мире нарастает по мере того, — пишет А.С. Панарин, — как происходит все более откровенная социальная поляризация мира и открываются две противоположные перспективы: одна для избранных, предназначенных для вхождения в новое информационное общество, другая, противоположная, — для отверженного большинства мира»².

А. Салмин отмечал еще в 2001 году, что «не случайно многие новейшие рассуждения о мировом порядке XXI в. выглядят почти как цитаты из сочинений экономистов и социологов девяностолетней давности»³.

¹ Валлерстайн И. Утопийское, или Исторические возможности XXI века // Прогнозис. — 2006. — № 1. С. 25.

² Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. — М., 2003. С. 50.

³ Салмин А. Новая система мира // Независимая газета. — 2001. — 11 апреля. С. 6.

Что касается имперской России, то она сосредоточила в те времена, как в фокусе, все противоречия тогдашнего мира, являлась слабым местом и узловым пунктом противоречий мировой капиталистической системы. Современная отечественная мысль старается не пользоваться категорией противоречия, ее больше привлекают такие понятия, как вызовы и угрозы, конфликты и ресурсы и т.д., которым, кажется, намеренно придается предельно конкретное содержание.

Изучение противоречий предполагает многоплановость, признание объективных закономерностей, глубокий историзм. Так вот, имперской России были объективно присущи все типичные противоречия мира: между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и средневековыми порядками и традициями, между высокоразвитыми промышленными районами и отсталыми окраинами, рост национально-освободительных движений. Кстати, такой была практически общепринятая точка зрения в советском обществоведении. Можно спорить об интерпретации этих противоречий, их взаимодействии между собой, но невозможно, на мой взгляд, и сегодня отрицать их наличие.

Интересно, что многие авторы также пишут о современной России как о новом перекрестке, на котором встретились те главные противоречия, которые охватили ныне весь современный мир. Говоря о постсоветской России, В.Д. Соловей ссылается на слова В.И. Ленина о России как о слабом звене мировой капиталистической системы. «Эта слабость вызвана одновременной концентрацией неразрешенных противоречий старой, социалистической, эпохи и выявлением противоречий новой, капиталистической, эпохи... Старые механизмы стабильности разрушены — социальные и культурно-идеологические, а новые не созданы»¹. По замечанию А.А. Малиновского, «крупнейшая страна мира Россия... стала средоточием основных негативных процессов глобализации

¹ Соловей В.Д. Перспективы революции // Свободная мысль. — 2007. — № 10. С. 76.

мировой экономики»¹. Ниже мы еще остановимся на подробном анализе этой ситуации.

В логике всемирной истории начала XX века российская революция 1917 года явилась способом разрешения противоречий России и создала условия для решения противоречий всего остального мира. Предельное обострение всех противоречий в стране привело к выбору революционного пути перехода страны на новый уровень исторического развития. Он сопровождался полным разрушением, до самого основания, практически всех институтов монархического государства, что произошло после Февральской революции, а затем собиранием государства на принципиально новой, советской основе.

Каждая революция имеет свою жесткую логику. Можно даже сказать, что развивающаяся по восходящей линии революция больше управляет людьми, чем люди ходом революции. Революция подходит к своему логическому концу в общем-то тогда, когда начинается явное «отверждение» новых политических, государственных, экономических, идеологических форм жизни, определяются приоритеты национального пути развития. В этот период и возникают конфликты внутри революционных сил между теми, кто уверен, что революция все еще на подъеме, и теми, кто считает, что революционный период переустройства общества закончен или заканчивается и выбор национального пути, по сути, сделан.

Теперь в новой логике развития истории XXI века Россия также должна решать свои противоречия, как это было 100 лет назад. Приходится с сожалением констатировать, что мы живем в стране невыученных уроков. Власть своими действиями вольно или невольно способствуют нарастанию объективных противоречий в стране, росту социальной протестной энергии, тем самым приближает революционную ситуацию, а не удаляет страну от нее. Важно сегодня знать тогдашнюю ситуацию в стране и в мире, знать и понимать, что привело

¹ Малиновский А.А. Глобализация как цивилизационный процесс // Россия и современный мир. — 2001. — № 2. С. 27.

к революции 1917 года, и потому отчетливо видеть, на каких путях возможно сегодня противодействие росту социальных конфликтов, а какие пути, так или иначе, ведут к ним. Любой здравомыслящий человек, тем более ученый, независимо от его идейных позиций исповедует один важнейший принцип: как сочетать реформирование общества и контроль над ходом протекания социальных процессов. Чем радикальнее реформы, тем острее потребность в таком контроле. Разумеется, конкретный политический анализ ситуации в стране полезен и необходим. Но изучение политического ландшафта явно недостаточно для решения проблем, проистекающих из всей суммы одних, сложившихся, других, еще только складывающихся противоречий.

В лавинообразном потоке современной литературы по российской проблематике большое внимание уделяется влиянию внешнего фактора на ход истории России. Но в основном речь идет о внешнеполитических факторах, в том числе и военных. В последнее время стало очевидно решающее влияние на ситуацию в стране, состояние финансовых, экономических, торговых отношений с зарубежными государствами, с транснациональными корпорациями, международных отношений в целом.

В теоретическом изучении особенностей влияния внешнеэкономического фактора на развитие России имеется целый ряд малоисследованных проблем, решение которых поможет сделать грамотное сравнение ситуации начала XXI века с ситуацией первых десятилетий XX века, а также определить границы правомерности такой аналогии.

Внешнеэкономические факторы не только влияли, но в значительной степени определяли на протяжении последних пяти столетий траекторию, исторический путь развития страны. В результате Россия приобрела устойчиво циклический характер экономического и политического развития — от распада и нового собирания своих земель до взлета и расцвета, после чего наступали стагнация, застой, кризис и вновь социальный взрыв. Российскому государству не

один раз в своей истории приходилось переживать смутные времена, в частности управленческие катастрофы, дважды приводившие только на протяжении XX века к гибели государства. Причиной этих катастроф были не просто неверные действия первых лиц государства, правящей элиты, но отсутствие у них понимания всей глубины кризисной ситуации. Необходимость выживания и дальнейшего развития страны в условиях мощного воздействия на страну внешних факторов неоднократно приводила к перерождению многих возникавших в обществе новых явлений и процессов. Эта особенность истории российского общества остается наименее изученной в социальных науках.

Отечественный историк В.П. Булдаков прав, когда говорит, что разделение сегодня российской истории на национальную и внешнюю — очевидный анахронизм¹ в том смысле, что в порождении и развитии всех внутренних противоречий России самое непосредственное участие принимают внешние факторы. Чем дальше развивалась история, тем это воздействие становилось все более масштабным и действенным. Именно по причине глубинных многомерных зависимостей развития страны от внешних факторов и внезапного наступления, на первый взгляд, открытого кризиса в стране правящие круги могли и не увидеть реальных путей для разрешения острейших внутренних проблем. Так было в царской России, в советские времена, сходная ситуация наблюдается в стране и в настоящее время.

В классической марксистской мысли был сформулирован ряд важных идей для понимания особенностей воздействия внешнеэкономических факторов на развитие той или иной конкретной страны. К. Маркс впервые рассмотрел капитализм с двоякой точки зрения: и как общественный способ производства материальных благ, и как мировую экономическую систему. В центре внимания К. Маркса находились про-

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. С. 321.

тиворечия в капиталистическом способе производства в странах Западной Европы — между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером труда и частнокапиталистическим присвоением продукта трудовой деятельности рабочего класса и т.д. К. Маркс указал в «Капитале» на противоречие между трудом и капиталом как на экономическую основу неизбежной социальной (коммунистической) революции в Европе¹.

Впоследствии Р. Гильфердинг, К. Каутский, В.И. Ленин, другие авторы создали работы по анализу империализма как новой, высшей стадии развития капитализма. Особенно для Ленина был важен показ раздвоенности капиталистической системы на стадии империализма — на «метрополию, центр» и «периферию», а также характер связи между ними.

В начале XX века Р. Люксембург написала работу «Накопление капитала», в которой она подвергла критике ряд положений, сформулированных К. Марксом в «Капитале». В этой работе Р. Люксембург показала действие закона накопления, концентрации и централизации капитала, при котором «капиталистическое накопление как общественный процесс, с первого до последнего дня, развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии». По этой причине, как считает Р. Люксембург, «здесь именно духу теории Маркса будет вполне соответствовать отказ от предпосылок первого тома “Капитала”. Сам Маркс только поставил вопрос о накоплении совокупного капитала, но не ответил на него»².

Упомянувшийся ранее И. Валлерстайн в 70–80-х годах XX века внес большой вклад в разработку основных принципов миро-системного анализа, который получил широкое признание в мире. И. Валлерстайн показал, что в рамках капиталистической мироэкономики, во-первых, складывает-

¹ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. — Т. 23. С. 770–773.

² Люксембург Р. Накопление капитала. — М., 1922. С. 22.

ся разделение на ядро или центр, полупериферию и периферию. Он показал, что причиной такого разделения выступает мировое общественное разделение труда между ними. Оно позволяет центру системы извлекать прибавочный продукт на основе неэквивалентного обмена, а также создавать рынки для распространения продукции своего технологически более развитого производства. При этом финансовые потоки имеют преимущественное направление от периферии и полупериферии к центру. В концепции И. Валлерстайна много спорных положений. Обращает на себя одно критическое замечание в адрес И. Валлерстайна. В своем предисловии к его работе «Анализ мировых систем» Б. Кагарлицкий ставит вопрос, насколько «капиталистической» является капиталистическая мироэкономика И. Валлерстайна. С точки зрения И. Валлерстайна, которого интересовали преимущественно мировые экономические отношения, если система в целом является капиталистической, то и все, включенное в нее, по Валлерстайну, тоже есть капитализм. Однако в этой системе содержатся многочисленные структуры и элементы, фактически унаследованные от прошлого и живущие по иной логике. Природа этих некапиталистических структур и отношений, пишет Б. Кагарлицкий, не стала предметом конкретного анализа у И. Валлерстайна¹.

Концепция капиталистической мироэкономики оказала большое влияние на изучение современных экономических процессов в мире, в частности, на понимание особенностей развития периферийных и полупериферийных стран, находящихся и ныне в капиталистической мироэкономике, прежде всего, с точки зрения действия закона накопления, концентрации и централизации капитала.

Что касается России, то ранее, в советские времена, по идеологическим соображениям не признавалась особая значимость и особые последствия экономической зависимости

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Предисловие к кн. И. Валлерстайн «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире». — СПб., 2001.

ти страны от центра капиталистической мировой системы. Такой позиции придерживался и автор настоящей статьи, который вместе с известным историком К.Н. Тарновским писал в 80-е годы: «Имевшая место определенная зависимость России от западноевропейских держав вследствие притока иностранных капиталов не была сопряжена с зависимым типом капиталистического развития, тогда как колониальные и полуколониальные страны Востока находились в мировой капиталистической системе на положении сырьевого придатка, и важнейшие сдвиги в экономической и социальной сферах этих стран были обусловлены, прежде всего, нуждами развития метрополий»¹. Сегодня эта позиция подлежит пересмотру. Есть достаточно оснований утверждать, что имперская Россия чем дальше, тем больше развивалась именно в рамках модели зависимого типа развития.

Россия на протяжении нескольких столетий стремилась стать капиталистической страной по западному образцу, но так и не смогла стать таковой вплоть до 1917 года. Некоторые либеральные авторы сегодня утверждают, что этому помешал приход к власти большевиков. Обращение к анализу развития России как периферийной империи (полупериферии), приводит совсем к другому выводу. Нужно более пристально взглянуть на действие трех факторов. Во-первых, экономика страны по мере развития все в большей степени ориентировалась на внешний рынок, зависела от него, поскольку она была помещена на строго определенное место в мировом капиталистическом разделении труда. Во-вторых, в течение всего времени развития западного капитализма действовал и продолжает действовать в настоящее время закон накопления, концентрации и централизации финансового капитала в центре современной мировой системы, которая и есть капиталистическая мироэкономика. И, в-третьих, всякий раз предпринимаемая Россией очередная попытка догнать ушедшие

¹ Тарновский К.Н., Шевченко В.Н. Великий Октябрь и современность // *Философские науки*. — 1989. — № 9. С. 9.

вперед западные страны приводила к появлению нового варианта или витка зависимости. Отсталость и зависимость — это разные проблемы исторического развития страны.

Европейским странам, а впоследствии и США, как странам центра капиталистической мировой системы, по мере индустриального развития требуются все в больших количествах товары сельского хозяйства, природное сырье, полуфабрикаты и т.д., на продажу которых и начинает ориентироваться отечественная правящая элита и торговый капитал. Здесь и находится самый общий ответ на вопрос о причинах социального, культурного и идейного раскола в российском обществе, который сопровождает его историю на протяжении последних столетий, начиная, по крайней мере, со второй половины XVII века.

Суть раскола заключается в том, что государственная элита, бюрократия вместе с торговым, посредническим капиталом заняты обслуживанием, прежде всего, запросов внешнего рынка. От удовлетворения потребностей стран центра зависит их благополучие, их «европеизация». Чтобы получать хорошие валютные доходы, быть конкурентоспособными, отечественные производители, которые работают на внешний рынок, идут на максимальное понижение издержек производства. Это препятствует развитию внутреннего рынка, горизонтальных структур в обществе, развитию социальной сферы жизни, возникновению потребности в структурных политических реформах. Западная Европа как тогдашний центр системы вкладывает периодически в российскую экономику значительные инвестиции, но, как правило, только для производства необходимых ей товаров.

Основная часть населения остается глубоко укорененной в традиционные структуры и в традиционную жизнь. Иначе говоря, раскол можно объяснить через закономерности развития периферийного капитализма в России. Раскол — неустрашимое явление в жизни страны, и встает вопрос, как возможно эффективно управлять расколотым российским обществом на протяжении столетий, а тем более, сегодня в XXI веке, когда

российское общество по-прежнему остается в значительной мере расколотым.

Характерный для России устойчивый идейный и социальный раскол многократно описан и исследован с фактической стороны. Хорошо известны слова отечественного философа Г. Федотова о том, что «Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества). ...Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой — национальной»¹.

В истории российской экономической и политической элит зримо просматривается постоянное соперничество двух основных группировок, имевших различные стратегические линии поведения. Цели наиболее мощной части политической элиты и торгового капитала заключались в том, чтобы устранить рыночных конкурентов по торговле с Западом зерном, различным сырьем с помощью политических союзов или военных действий, получить хорошую прибыль, одним словом, занять выгодные позиции в международном разделении труда. Эта часть элиты не испытывала и сегодня не испытывает особой озабоченности от периферийного положения страны.

Другая часть экономической и политической элит пытается сделать опору на национальный промышленный капитал, стремится, не всегда осознанно, сократить размеры экономической отсталости страны. Она многие годы и десятилетия тешит себя иллюзией, что страна может сделать энергичный рывок, если ей не помешают, и войти в группу стран центра капиталистической мировой системы, пусть и на положении отстающей страны.

Ответ на вопрос о том, можно ли было осуществить это вхождение в дореволюционную эпоху, скорее всего, должен быть отрицательным. Имперская Россия не просто отставала от

¹ Федотов Г. Письма о русской культуре // Русская идея / сост. М.А. Маслин. — М., 1992. С. 390.

центра. Она не смогла стать частью центра прежде всего потому, что центр всячески содействовал ее пребыванию в мировой системе именно в качестве периферии и делал все возможное, чтобы не допустить преобладания тенденций на самостоятельное экономическое, промышленное развитие страны, другими словами, промышленного капитала над торговым капиталом.

В условиях периферийного капитализма только часть общественного хозяйства, включенная во внешний рынок, приобретает капиталистические черты, но доминирующим в экономике и в обществе выступает торгово-посреднический капитализм. Ориентированная на западные ценности правящая элита, государственная бюрократия начинают перенимать черты западного образа жизни, на что тратятся огромные деньги. Чем дальше развивается страна, тем больше долгов оказывается у правящей элиты. Начиная с правления Екатерины II, правящая элита все больше живет в долг. Екатерина взяла в общей сложности 20 займов на сумму 75 миллионов гульденов. Долг неоднократно реструктурировался и был окончательно погашен только в 1891 году. Европеизированная государственная бюрократия, правящая элита становятся внешним парадным фасадом государства, за которым скрываются огромные пласты архаики и традиционализма. Принципиальную значимость для судеб страны играет факт выборочной модернизации и, следовательно, выборочной европеизации страны. Примерно до середины XIX века имперская Россия свое экономическое отставание уравнивала на европейской арене военно-политической мощью и дипломатическими победами.

С 70–80-х годов XIX века в Западной Европе начинается становление индустриального капитализма как империализма. С этого времени самодержавная власть перестает справляться с грузом нависших над ней проблем. Передовые европейские идеи, в первую очередь либерализм и социализм, постепенно разлагают традиционные духовные, ценностные основания империи.

Вопреки распространенным взглядам, которые и сегодня разделяются людьми самых различных политических ори-

ентаций, пореформенная Россия вовсе не двигалась быстро и успешно по капиталистическому пути. К 1917 году в ней не сложился и не мог сложиться, в общем, сколько-нибудь целостный капиталистический способ производства, капитализм как общественно-экономическая формация. Страна являла собой пример крайне неорганичного, «разорванного» типа развития, когда по мере ее продвижения вперед росла несвязанность, обособленность, разрыв в уровнях развития различных социально-экономических укладов.

Главное внутреннее противоречие, лежавшее в основе всех революционных потрясений в стране первых десятилетий прошлого века, состояло в том, что самому отсталому землевладению, самой архаичной деревне противостоял передовой по европейским меркам промышленный и финансовый капитал. В этом обстоятельстве и заключается ловушка всех стран периферийного капитализма, когда в стране объективно складывается ситуация «наложения исторических эпох» и свойственных им противоречий. Становящийся капитализм имеет непреодолимое препятствие для своего развития в виде мощной самодержавной власти, многочисленных пережитков. Противоречия, принадлежащие к разным историческим эпохам, способствуют взаимному их «разогреву», досрочному предельному обострению. Это есть общеисторическая закономерность, однако наложение противоречий может иметь различные формы своего разрешения, что важно для понимания сходства и различий в ситуации прошлого века и нынешней ситуации.

Обострению клубка внутренних противоречий и способствовал зависимый тип развития отечественного капитализма. В течение всей второй половины XIX века нарастает зависимость российской экономики от иностранного капитала, значительная часть передовых отраслей промышленности принадлежат французскому, немецкому, бельгийскому капиталу. Из 40 акционерных банков собственно русскими были два. Привлечение иностранного капитала в форме займов и инвестиций лежало в основе финансовой политики министра финансов Витте. Количество иностранных компаний

росло в России невиданными темпами, несмотря на серьезную оппозицию его политике на всех уровнях, включая лиц царского двора. В конце века иностранный капитал превратился в мощное средство выкачивания внутренних накоплений. К началу Первой мировой войны Россия имела государственный долг — свыше 9 миллиардов рублей, из них половина — это внешний долг, который в два раза превышал все иностранные капиталовложения в экономику¹. Правящая элита во времена Николая II залезает в огромные долги, что приводит к невыгодной для страны смене союзников. Вместо Германии Россия начинает дружить с Францией и Англией, что считается выдающимся политическим успехом англо-французской дипломатии, которой вскоре удалось столкнуть Россию и Германию, вывести их из числа своих опасных конкурентов.

Если промышленный капитализм все же развивался темпами, сопоставимыми с темпами европейского капитализма, то российская деревня по мере его развития становилась все более бедной и разоренной.

Реформы Столыпина были многообещающими, но они шли с переменным успехом. Для их масштабного воздействия на общий уровень экономики страны требовалось значительное по историческим меркам время, которого у страны уже не было. К тому же реформы вызывали сильное противодействие со стороны многих влиятельных лиц царской семьи и правящей элиты. Доминирующей тенденцией в деревне выступала пауперизация крестьян в массовых масштабах. Капитализм делал из значительной части крестьян босяков. Босячество — это образ жизни миллионов людей в дореволюционной России, которые представляли собой огромную социальную силу, увы, разрушительную, анархическую, но малосозидательную.

Поэтому в стране с каждым шагом вперед по пути капитализма уровень социальной напряженности не снимался, а постоянно возрастал. Неумолимый ход событий толкал страну к од-

¹ Алексеева Е.Ю. Диффузия европейских инноваций в России. XVIII–XX вв. — М., 2007. С. 190 и далее.

ной из самых мощных социальных революций — «катастроф», когда-либо имевших место на мировой исторической арене.

Многочисленные попытки с этой стороны защитить российскую империю приводят в конце XIX века к попытке разыграть «русскую карту». П.А. Столыпин неоднократно подчеркивал особую роль русского народа в строительстве империи. «Мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность. Что мы утратили веру в русский народ. В его жизненные силы»¹.

Но ставка правящей элиты на русский национализм, на провозглашение шовинистических настроений не помогла спасти империю. После февраля 1917 года начинается распад российского государства. Центральной власти никто добровольно не желает подчиняться. О процессах распада в отечественной литературе пишут крайне неохотно, хотя масштабы распада накануне Октября 1917 года были огромны. В частности, А. Ахизер показал на конкретном материале тотальную дезинтеграцию общества, когда «отдельные части страны, вплоть до уездов, объявляли себя независимыми республиками»².

Важно подчеркнуть, что по мере распада государства, всей социальной ткани общества идет радикализация позиций большевиков, но не наоборот. Не нужно путать причину со следствием. А.Л. Янов, бывший диссидент и убежденный либерал-западник, говорит, что «в 1916 году еще не поздно было подумать о стратегии, способной перехватить инициативу у большевиков, дабы новое либеральное правительство смогло выжить на обломках самодержавия. ...Только предложить такую стратегию оказалось некому. ...В таких условиях они были, можно сказать, обречены победить». Теперь он готов предложить целую стратегию для того времени, чтобы «навсегда с ними покончить»³. Как говорят в таком случае, бог в помощь, кто мешал это сделать либералам, взять да про-

¹ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. — М., 1991. С. 128–129.

² Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. — М., 1991. — Т. I. С. 298.

³ Янов А.Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. — Новосибирск, 1999. С. 162.

тивопоставить что-то разумное, по мнению А. Янова, четкой и понятной для огромных масс народа большевистской программе радикального переустройства России.

Уникальная историческая ситуация, которая складывалась в 1917 году, открыла перед страной на краткий миг возможность иной траектории развития. Октябрьская революция перевела эту возможность в практическую плоскость.

По мере нарастания противоречий в европейских странах развитого капитализма начинается рост интереса к идеям социализма. В первые десятилетия XX века, да и впоследствии, о социализме говорила вся Европа. Известный теоретик либерализма Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству» сокрушается о том, что «к концу XIX в. доверие к основным принципам либерализма стало стремительно падать. ...Все более широкое распространение получала точка зрения, что дальнейшее развитие невозможно на том же фундаменте, что общество требует коренной реконструкции. ...Социализм вытеснил либерализм и стал доктриной, которой придерживаются сегодня большинство прогрессивных деятелей»¹. Либерализм стал выглядеть как отвергнутый и заброшенный путь. По разным причинам политические партии и деятели отказывались от идеологии либерализма. Как отмечает историк Э. Хобсбаум, тогда «казалось очевидным, что прежний мир обречен. Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорят китайцы, «утратили благословение небес». Человечеству нужна была альтернатива. К 1914 году она уже существовала. Социалистические партии олицетворяли эту инициативу. ...Социализм прочно утвердился в европейском сознании как великий освободительный идеал»².

В последнее время предпринимается немало попыток объявить идеи социализма виноватыми в том, что либерализм не нашел общего языка с имперским мышлением в дореволюционной России. Но социалистическая идея потому и победила

¹ Хайек Ф. Дорога к рабству. — М., 2005. С. 46, 49.

² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). — М., 2004. С. 67.

в стране, что российская имперская идентичность и западный, конституционный либерализм были тогда на политическом поле полнейшими антиподами.

Вкратце, можно сделать следующие выводы из революционного разрешения ситуации столетней давности.

1. Российская империя попала в исторический тупик, сложившийся в ходе движения России по капиталистическому пути. Тупик был объективно обусловлен периферийным положением российской империи в капиталистической мироэкономике. В сложившемся тогда мировом разделении общественного труда Россия становилась во все большей мере поставщиком природного сырья, зерна, других сельских продуктов, широкого списка других товаров, в получении которых были заинтересованы страны центра капиталистической системы.

2. Конфликтное обострение всех противоречий в российском обществе стало результатом полной неспособности правящей элиты понять ситуацию и принять адекватные меры. Это привело к предельно острым формам протекания революции.

3. Октябрьская революция вывела страну из исторического тупика. Она радикально изменила положение страны на мировой арене, характер воздействия внешних факторов на развитие России, на решение задач по модернизации своего хозяйства. Советская Россия перестает быть периферией капиталистической мироэкономике, перестает развиваться в рамках зависимого типа развития, становится независимой в финансовом отношении страной, из нее перестают уходить финансы в Западную Европу.

4. Обретение страной нового, социалистического вектора развития было закономерным явлением, порожденным ходом развития как европейского, так и российского общества, всем ходом всемирной истории.

5. Октябрьская революция, которая произошла на периферии, а не в центре капиталистической мировой экономики, изменила привычные представления о порядке и ходе развития социалистических преобразований в стране. Социалистический

вектор развития в своем разворачивании в советском обществе приобрел динамику, во многом обратную динамике разворачивания социалистических движений в развитых странах Европы. Движение к социализму в условиях экономической, политической, культурной отсталости советской России привело с необходимостью к самостоятельной разработке теории и практики строительства первого в мире социалистического общества. Многие полученные при этом результаты были незнакомы западной социалистической мысли, в том числе модель «партия — государство», что ставило под сомнение многие привычные для того времени европейские представления о социализме. Вместе с тем, историческое движение по пути раннего, государственного социализма объективно несло в себе реальную угрозу схода с социалистического пути, потери вектора социалистического развития и возвращения к прежнему, капиталистическому вектору развития.

6. Внешний фактор выступает не только в роли катализатора событий в российском обществе. Он был и остается сегодня важнейшим фактором, способным решающим образом, особенно в экстремальных условиях выживания страны, повлиять на сам выбор ею общенациональной стратегии развития.

Многие ученые-марксисты считают, что созданный в Советском Союзе «социализм» не имел ничего общего с учением К. Маркса. Этот спор во многом беспредметный, ибо исходные посылки обеих сторон делают невозможным содержательный дискурс. Китай, к примеру, мало обращает внимания на то, что он строит китайский социализм не по Марксу, но от имени Маркса, имея в виду великий общечеловеческий идеал, сформулированный Марксом: освобождение труда. Современные споры вокруг природы социализма вызывают отчуждение и взаимные подозрения среди различных отрядов левого движения, но для российской истории, по моему глубокому убеждению, советский социализм оказался естественным и закономерным ее этапом.

В течение более 70 лет Советский Союз находился за пределами капиталистической мировой экономики, не был включен

в капиталистическое мировое разделение труда. Руководство страны предприняло грандиозную попытку создания альтернативной Западу мировой социалистической системы с присущим ей своим общественным разделением труда. Считалось, что связь между двумя мировыми системами должна строиться на основе взаимовыгодных торговых отношений.

Великая депрессия 1929–32 годов, которая поразила весь западный мир и особенно США, помогли Советскому Союзу провести ускоренную индустриализацию. Ю. Кагарлицкий, в частности, обратил особое внимание на ту исключительную роль, которую сыграла внешняя торговля в стране в начале 30-х годов XX века¹. Экономический кризис сократил объемы мировой торговли на две трети. На мировых рынках в кредит и за полцены продавалось не просто промышленное оборудование, но целые комплекты самых современных по тому времени заводов, чем и воспользовался Сталин для ускорения темпов индустриализации страны. Все это позволило Л. Троцкому, который к тому времени был выслан за пределы страны, написать в апреле 1931 года в своем журнале «Бюллетень оппозиции», что для Сталина «цифры внешней торговли все больше становятся командующими цифрами по отношению к планам и темпам социалистического строительства»². А цифры внешней торговли просто поражают воображение. В 1932 году около половины всего мирового экспорта машин из капиталистических стран было направлено в СССР. Оборотной стороной мощного модернизационного рывка, который сделала страна в начале 30-х годов XX века, стало стремительное утверждение в теории и на практике государственного социализма.

Строительство социализма «сверху» предполагает определенный стиль руководства этим процессом. Партийно-государственная власть задает определенные показатели в виде контрольных цифр пятилетних планов, выполнение которых

¹ См.: Кагарлицкий Б.Ю. Россия: периферийная империя. — М., 2003. — Гл. XIV.

² Бюллетень оппозиции. — 1931. — Апрель. — № 20. С. 4.

носит безусловный характер. Складывается директивный стиль управления, получивший впоследствии определение административно-командной системы управления и проникший во все стороны общественной жизни. Идеологию сталинизма можно назвать идеологией мобилизационного строительства социализма в особых условиях отсталости страны и крайне неблагоприятных внешних факторов.

Можно сказать, что социалистическое общество, построенное в стране в 30–50-е годы во времена Сталина, — это общество раннего или, как пишут отдельные авторы, сталинского социализма. Но, видимо, точнее всего передает специфику советского социализма понятие государственного социализма. По той причине, что огромные масштабы вмешательства государства в общественную жизнь были обусловлены необходимостью восполнения недостающих условий цивилизационного, культурного характера для движения по пути строительства социалистического общества.

Шаги, которые предприняла власть после смерти Сталина, были робкими и непоследовательными. Командно-административный, государственный социализм все более входил в противоречие с народными, массовыми представлениями о социализме. В советском обществе боролись, особенно начиная с 60-х годов XX века, две позиции в понимании советского социализма: демократически-народная позиция и административно-командная, за которой стояла партийно-государственная бюрократия. Отрыв, отчуждение власти от народа достиг тогда огромных размеров. Здесь уместно напомнить слова В.И. Ленина о том, что «нельзя победившему социализму удерживать своей победы без осуществления полностью демократии»¹. Демократия есть в своей сущности способность народа самому решать свои собственные проблемы, и в этом смысле демократия выступает как власть народа посредством самого народа.

Запад, не смирившись с потерей российской империи как своего постоянного сырьевого придатка, делал все, чтобы вер-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 30. С. 128.

нуть Советский Союз в орбиту своего влияния. Запад начал втягивать СССР обратно в капиталистическую мировую систему примерно с начала 70-х годов, особенно после того, как в страну обильно потекли нефтедоллары и дешевые кредиты. Власть, партийно-государственная номенклатура использовала их, прежде всего, для увеличения добычи и транспортировки на Запад нефти и газа вместо развития постиндустриальных «высоких» технологий. Правящая элита фактически проигнорировала приход постиндустриального общества, ей удалось затормозить проведение абсолютно необходимых, но опасных для ее монопольного положения в обществе политических реформ. В итоге, стала явно обнаруживаться утрата страной реальных стратегических целей, а также технологическое отставание советской экономики от Запада, который переиграл к концу 80-х годов прошлого века отечественную, теоретически не очень образованную партийно-государственную номенклатуру.

Спустя 74 года мировой капитализм взял реванш за проигрыш в 1917 году. Постсоветская Россия вернулась на прежнее место в мировом капиталистическом разделении труда, которое она занимала до 1917 года, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она вновь становится сырьевым придатком Запада с постоянным оттоком финансового капитала и интеллектуальных ресурсов страны. Одним словом, постсоветская Россия есть отсталая и зависимая периферия капиталистической мироэкономики, что, разумеется, не означает автоматического превращения страны в капиталистическую страну. Условно говоря, начинается строительство или реставрация капитализма, которая реально обнаруживает себя как выборочная промышленная модернизация в тех отраслях экономики, которые нужны Западу. В первую очередь это касается нефтегазового сектора и добычи цветных металлов.

Постсоветская Россия — вновь перекресток, на котором сходятся все противоречия современного мира. Россия вновь переживает раскол — экономический, социальный, политический, культурный. В самом обществе накопилось много противоречий. Остановимся на главных из них.

1. Большое сходство с ситуацией столетней давности имеют нынешние противоречия в социальной сфере. Произошло мощное социальное расслоение российского общества на богатых — слой крупных предпринимателей, менеджеров, владельцев банков, акционерных обществ, средств массовой информации, а также их интеллектуальной и иной услуги, живущей в мире больших денег, информационных и финансовых технологий, — и бедных. А это основная масса населения, четыре пятых его, в том числе научная и производственная интеллигенция, врачи, преподаватели вузов, учителя и т.д. Большая их часть прозябает в откровенной бедности. Разрыв в уровне жизни между сильными и богатыми, с одной стороны, слабыми и бедными, — с другой, достиг в России невероятных размеров. О сколько-нибудь значительных размерах среднего класса говорить не приходится.

Масштабы бедности настолько велики, что она поразила как работников государственной сферы, так и лиц наемного труда, не говоря уже о нищенском положении основной массы деревенских жителей. Отсюда их общее неприятие растущей численности класса богатых и особенно сегодняшних миллиардеров и миллионеров. Особую опасность для судьбы государства имеет недопустимо высокий разрыв в уровнях экономического, социального, культурного развития, по объемам инвестиций между различными субъектами Федерации — в десятки раз. Это вызывает сепаратистские и националистические настроения, стремления к сецессии, которые в условиях определенного усиления вертикали власти приобрели во многом латентный, скрытый характер.

2. Сохраняется глубокий политический раскол в российском обществе. Институты западной либеральной демократии плохо приживаются на российской почве, что вызывает одновременно критику и справа, и слева.

Радикал-либералы продолжают требовать смены сегодняшней «матрицы» российской государственности, которая якобы себя полностью исчерпала, на западную «матрицу». Но ведь именно либерализм несет ответственность за полный провал

либеральных реформ, предпринятых в стране в 90-е годы прошлого века. Все государственники, державники, от консерваторов до левых, говорят о том, что сильная централизованная власть есть первейшее условие устойчивости российского государства. Левые, выступая за сильное централизованное государство, требуют, однако, решительного пересмотра концепции развития общества, которая базируется сегодня на идеологии либерал-консерватизма, практически являющейся официальной идеологией власти. Идеи нового социализма получают все большее распространение в левом движении в России.

3. Массовое сознание общества пронизано многочисленными противоречиями культурно-цивилизационного характера. Европеизированная часть населения страны — зажиточные и богатые люди, которая ориентирована на европейские, западные ценности и образ жизни, составляет примерно 20–25% населения, остальная часть российского населения живет в традиционном мире, она далека от европейских стандартов зарплаты, быта, качества услуг. Отсюда столкновение двух культурных «матриц», присущих основной части населения. Идентификация правящей элиты себя с европейской, западной цивилизацией все больше становится идеологией реформируемой России. Но все дело в том, что идет, как и сто лет назад, выборочная европеизация страны. Остальная часть страны продолжает жить либо по советским обычаям, либо деградирует, либо впадает в этническую, языческую архаику, но отнюдь не европеизируется.

4. Названные и многие другие внутренние противоречия есть порождение основного противоречия эпохи глобализации. «Россия — это удивительный континент, парадоксальным образом соединяющий в себе структурные черты как сырьевого Юга, так и высокотехнологичного Севера», — пишет экономист А.И. Неклесса¹. Эти слова нужно понимать так, что в России идет борьба за выбор приоритетных путей

¹ Неклесса А.И. Постсоветский мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат. — СПб., 2000. С. 248.

развития — или ускоренного создания современной высоко-технологичной промышленности, или сохранения преимущественной ориентации на добычу природного сырья, что и будет означать сохранение зависимого типа развития как страны периферийного капитализма. Россия, несмотря на все уверения власти, продолжает линию на первоочередное развитие экспортно-ориентированных отраслей сырьевой экономики, становясь при этом все более значимым сырьевым придатком западной экономики. Такая политика будет вести к дальнейшему увеличению разрыва между слоем лиц, занятых на производстве и в офисах удовлетворением западных потребностей, и основной частью населения, выступающей жертвами такой направленности экономики, социального разрыва между различными субъектами Федерации.

За каждой из сторон этого экономического противоречия стоят определенные силы: с одной стороны, сырьевой и торгово-посреднический капитал, ориентированный на удовлетворение потребностей Запада, с другой стороны, национальный капитал, ориентированный на развитие реального, промышленного сектора экономики. Запад совершенно не заинтересован в развитии в стране современной, инновационной экономики, которая только и может выступать реальной основой бытия России как державы. Иначе говоря, страны, которая принимает суверенные решения исходя из своих национальных интересов, а не такие, которые диктуются, так или иначе, внешними условиями ее существования в мировом сообществе.

В чем же заключается смысл тех невыученных уроков, которые страна проходила столетие назад? Власть в России осознает серьезность некоторых проблем, в частности социальной проблемы, но действия ее не отличаются последовательностью, тем более теоретической обоснованностью. С начала века в стране одновременно проводилось около десятка реформ, но не было ни одного документа, в котором было бы показано системное единство реформ, их социальные последствия, необходимые для их проведения финансовые,

кадровые и иные ресурсы, связь реформ с национально-культурными традициями. Ныне власть признала, что прагматизм как основа ее действий себя полностью исчерпал, появились проекты развития социально-экономической сферы жизни на годы вперед, но видение властью реальных проблем далеко не соответствует их остроте и масштабам. Есть все основания говорить о том, что действия власти не работают на опережение, на своевременное разрешение противоречий в различных сферах общественной жизни.

Современная ситуация в стране наглядно демонстрирует уже знакомую ситуацию наложения различных эпох и собственных им противоречий. Это означает, что в России, на периферии капиталистической мироэкономики, судя по историческому опыту, обострение противоречий может произойти раньше, чем в Центре или близких к Центру государств, поскольку им удастся сбрасывать часть социальных противоречий в страны периферийного капитализма. Впрочем, чем дальше, тем в меньшей степени. Казалось бы, ход развития исторических событий в начале прошлого века, приведших к революции 1917 года, раскрывает нам некоторые «секреты» сценария, по которому может сложиться аналогичная ситуация в обозримом будущем.

Но есть одно кардинальное отличие от ситуации столетней давности, которое заставляет во многом по-новому посмотреть на грядущие перспективы разрешения сложившейся в России массы острейших противоречий. Капитализм как мировая экономическая система в ее нынешней форме исторически себя изжил, что убедительно показывает начавшийся осенью 2008 года мировой финансово-экономический кризис, ставший закономерным итогом навязанной всему миру неолиберальной модели глобализации. Политические лидеры капитализма, западные ученые заговорили о радикальной смене модели капитализма. Как возможна такая смена — это отдельный вопрос. Но нас интересует другое. Каким же может быть в этих принципиально новых условиях наиболее оптимальный сценарий развития России? Вся

многовековая история отношений России с Западом показывает, что, несмотря на все ранее сказанное, связи между Россией и Западной Европой становились и становятся все более тесными и многосторонними. Сегодня можно говорить уже не просто о неразрывности этих связей, а о начале становления в XXI веке некоторой единой целостности. Но ее становление может идти двояким путем, и она может обрести различные формы.

Либерально-консервативная мысль утверждает, что россияне есть европейцы, что у россиян и европейцев общая европейская идентичность. С этим можно, в общем, согласиться, но с некоторыми оговорками. Во-первых, если Россия и есть Европа, то только «другая Европа». Признание общей принадлежности предполагает обозначение серьезных различий между ними, анализу которых посвящена большая литература¹. Хотелось бы обратить внимание только на один, но принципиальный момент. В самой европейской идентичности важное место занимают социалистические ценности. Невозможно представить развитие западноевропейской мысли вне борьбы и взаимодействия идей либерализма и социализма, а западноевропейского капиталистического общества вне борьбы либеральных и социал-демократических движений и партий. В подавляющей части отечественной литературы о ценностях социализма как неотъемлемой части европейской идентичности сегодня даже не упоминается.

Если в российском обществе власть намерена и дальше утверждать европейские ценности, которые на поверку оказываются чисто либеральными ценностями, то это будет способствовать дальнейшей реализации модели зависимого и отсталого развития страны, модели, которая и реализуется последние два десятилетия. Европа будет дальше развивать

¹ Среди работ теоретического характера см.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. — М., 1999; Кантор В. Русский европеец как явление культуры. — М., 2001; Кантор В. Европейский смысл России // Свободная мысль — XXI. — 2005. — № 7; Чубарьян А. Российский европеизм. — М., 2006.

современное высокотехнологичное производство, а Россия становится все более значимым для нее партнером и естественной частью в качестве огромной и дешевой кладези природных богатств. В обозримой перспективе страну ждет нерадостная участь страны периферийного капитализма.

Известно, однако, что исторически неизбежный переход к новым общественным формам происходил и будет происходить в обозримом будущем в странах периферийного капитализма. У России тогда может появиться исторический шанс в том смысле, что в процессе разрешения своих противоречий она сможет предъявить миру новый проект общественного устройства вместе с новой идеологией его созидания. Этот классический путь, который был проверен на практике, сегодня не выглядит неизбежным. Если Россия становится в условиях глобализации все более органичной частью Европы, такой желанной для Европы по причине своих природных богатств, то более дальновидным должно выглядеть для России обращение к идеям нового социализма, социализма XXI века.

Сто лет назад вся Европа говорила о социализме, грезила социализмом как новой организацией общества, способной стать реальной альтернативой бесчеловечному капитализму тех времен, о чем выше было сказано. Идеи К. Маркса стали тогда развиваться в двух основных формах — в западноевропейской и российской, радикальной версии марксизма, которая отвечала потребностям российского общества, зашедшего в имперский период истории в исторический тупик. Эту версию нельзя считать отклонением, а тем более извращением классического марксизма.

Современный мир левеет. Везде, во всех странах и на всех континентах, вновь говорят о социализме. Россия может и должна выработать свою, новую версию социализма, что и откроет перед ней путь превращения ее в обозримом будущем в равноправную, хотя и сравнительно отсталую часть единой Европы. Отсюда неизбежно для страны, если она хочет иметь достойное будущее, обращение к социализму и к социалистическим ценностям Европы.

Социал-демократия Западной Европы осталась верна идее социализма, идет к нему своим собственным и довольно-таки сложным путем. Ее достижения несомненны, как, впрочем, и ее своеобразный исторический опыт. Российским левым необходимо переосмыслить исторический опыт западной социал-демократии, создать российскую, современную версию социализма и предложить ее российскому обществу. Капиталистической единой Европе новый социализм противопоставляет социалистическую перспективу развития единой Европы, в которой России будет принадлежать другая роль и другая историческая судьба. При этом новый социализм вовсе не отрицает европейских либеральных ценностей — свободы, индивидуальной самостоятельности и ответственности личности.

Современный, новый социализм XXI века явится продолжением многовековой социалистической традиции, которая включает в себя как крестьянский, так и пролетарский социализм. Современный, интеллектуальный социализм сохраняет свою приверженность основным ценностям марксизма и, прежде всего, гуманистической идее освобождения труда. Необходимость в новой исторической форме социализма — социализма XXI века — обусловлена появлением принципиально новой ступени в развитии человеческого общества, которая в своей основе есть общество, основанное на знаниях, иначе говоря, общество «знания».

В отечественной литературе в последние десятилетия началось активное обсуждение нового видения идеи социализма в эпоху глобализации. Начало, как мне представляется, в нашей стране было положено публикацией статьи В.М. Межуева «Социализм как пространство культуры» в 1990 году¹, но только в последние годы стали появляться работы, посвященные теории и, что самое главное, обобщению политической практики первых шагов нового социализма. Эти вопросы

¹ Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. — 1999. — №2.

были в центре внимания двух международных социалистических форумов, прошедших в Москве в 2008 году¹.

Социализм, как сказал некогда Г. Маркузе в своих 33 тезисах о социализме, означает определенное «всеобщее»: всеобщее свободных личностей². Для этого сегодня созданы или создаются при переходе к обществу «знания» необходимые предпосылки, подчеркнем, впервые в истории. Приобщение к продуктам всеобщего труда позволяет индивиду свободно развиваться все более независимо от его производственных функций и ролей. Но здесь как раз необходимо говорить о преградах, которые ставит на этом пути сегодняшний капитализм.

Современный интеллектуальный социализм утверждает, что борьба за социализм — это борьба за знания, культуру, образование, за человеческую духовность и гуманистические ценности. Сюда происходит перемещение основного фокуса в борьбе за социализм. Речь должна идти о становлении современного образованного человека, о способах выработки им мотивации к овладению и использованию научного знания, культуры как совокупного исторического опыта своей страны и человечества в целом. Вот что становится сегодня великой исторической целью нового социализма. Более того, новый социализм открывает реальные перспективы практического воплощения главной цели и задачи марксизма — освобождения труда не только в социальном плане, но теперь уже и в технологическом плане.

Потребность в новом социализме родилась в мировой мысли в ходе поисков выхода из тупика неолиберальной однополярной

¹ См.: Материалы I Международного социалистического форума «Решение социальных проблем XXI века — социалистическая альтернатива» / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М., 2008; Материалы II Международного социалистического форума «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке — социалистическая стратегия» / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М., 2008; См. также: Славин Б.Ф. Новая модель социализма // Свободная мысль. — 2007. — № 11; Шубин А. Долгий путь к социализму // Альтернативы. — 2008. — № 2; Самир Амин. Социализм XXI века // Альтернативы. — 2008. — № 3.

² Маркузе Г. 33 тезиса // Альтернативы. — 2007. — № 2. С. 63.

глобализации, которая лишь усиливает разделение современного мирового сообщества на центр и зависимую и отсталую периферию. Новый социальный идеал утверждает новую парадигму мышления — справедливый мир. Реальный переход к многополярному миру возможен только в том случае, если отношения между странами будут регулироваться новой системой международного права, основанной на принципе справедливости. Хотя здесь есть очень серьезная проблема, которую только начинают обсуждать в литературе, состоящая в том, как практически можно соединить право со справедливостью. Конечная цель такого радикального переустройства мира — положить конец несправедливым в самой своей основе экономическим отношениям между центром капиталистической мироэкономики и странами, находящимися на ее периферии.

Возможно ли это сделать мирным путем, путем контролируемого процесса переустройства мира или нет, покажет будущее. Здесь эпицентр сегодняшних обсуждений будущего человечества, ибо неуправляемый распад капиталистической мироэкономики будет означать настоящую вселенскую катастрофу. Но, в любом случае, борьба во всем мире идет за право выбора каждым государством, в том числе и Россией, своего национального пути развития. Для России это будет российский социализм XXI века с его прочной опорой на свою национально-культурную традицию, в которой во все времена особую роль играла и продолжает играть идея социальной справедливости. Ситуация в мире, вместе с тем, настолько изменилась, что у нового социализма нет шансов превратится в универсальный социализм советского образца, которому надлежало следовать в XX веке всем странам, вступившим на путь социалистических преобразований.

Другими словами, новый социализм XXI века по мере своего развития все в большей степени начнет приобретать в теории и на практике в разных странах цивилизационную специфику. В каждой стране, каждом регионе складывается свое сложное соединение и сочетание различных исторических типов социализма с их различными системами ценно-

стей, которые нужно уметь соединять в политических практиках сегодняшнего дня. Самые трудные проблемы начинаются тогда, когда речь заходит о субъективной стороне исторического процесса, о тех социальных силах, способных в исторической перспективе к реализации объективной потребности для страны российского варианта социализма XXI века.

Уникальное стечение обстоятельств позволило советской России после Октября 1917 года «выпасть» из капиталистической мироэкономики. И тем самым выйти из исторического тупика. В современную эпоху такого рода обстоятельства могут сложиться только в случае краха всей системы международных отношений. Но есть большая опасность в том, что в любом случае радикальное обострение всех противоречий российского общества может привести только к еще одному, и теперь уже наверняка последнему, распаду российского государства. Сегодняшние требования перестройки всей системы международных отношений все чаще связываются с достижением справедливости. Но власть, которая преследует либеральные цели и надеется на рыночную конкурентоспособность ее капиталистической экономики, не может взывать к справедливости. Если власть желает сыграть на опережение, то она вынуждена будет сменить курс и принять ценности нового социализма, как с точки зрения решения внутренних проблем — создания реальной инновационной экономики и решения социальных проблем, так и внешних — требования перестройки всей международных отношений и международного права с позиций справедливости. Требования, становящегося все более актуальным сегодня, в условиях мирового системного финансово-экономического кризиса. Под другими знаменами эволюционный путь развития России не состоится.

РАЗДЕЛ II СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕГОДНЯ

1. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гуселетов Б.П.

1.1. Немного истории

Социалистический интернационал (Социнтерн) в том виде, в котором он существует сегодня, родился во Франкфурте в 1951 году. Но само международное рабочее движение имеет большую и славную историю, хотя ее до сих пор часто неверно истолковывают, ставят под сомнение вообще необходимость рабочего движения. Его история весьма поучительна и сегодня. Поэтому напомним некоторые основные вехи истории рабочего движения.

I Интернационал. Это международное товарищество рабочих возникло, на первый взгляд, случайно, но на самом деле было продиктовано острой необходимостью. Случайной была встреча английских и французских делегаций рабочих в Лондоне в 1862 году. Это была первая массовая организация пролетариата, основана в 1864 году. Необходимость вытекала из тех условий жизни людей, при которых сочетались исключительная жестокость условий труда рабочих, отсутствие их правовой защиты, репрессии по отношению к профсоюзам, то есть не было равновесия политических сил и рабочие оказались в крайне тяжелом положении. Карл Маркс, хотя и был изначально настроен скептически, принял, тем не менее, большое участие в организации и деятельности I Интернационала. Именно он объявил о его создании, составил Учредительный манифест, Устав, заложил основы его организации на централистских началах (ежегодные съезды, политические дирек-

тивы партиям-членам Интернационала и т.д.). Впоследствии К. Маркс неоднократно оказывался в центре конфликтов, касающихся целей и задач этой организации. Именно идеологические конфликты с Прудоном по вопросу классовой борьбы и революции, а также с анархизмом Бакунина существенно повлияли на эффективность работы I Интернационала. Полицейские репрессии, которые обрушились на рабочие партии Европы после поражения Парижской коммуны во Франции, привели к фактическому прекращению деятельности I Интернационала. Сначала руководство было переведено в США, а затем I Интернационал был формально распущен в 1876 году.

II Интернационал. Данное международное объединение социалистических партий, основано в 1889 году. Оно во многом способствовало установлению тесных связей между партиями. Одной из первых его инициатив явилось требование 8-часового рабочего дня. Этот призыв был подхвачен рабочим движением по всему миру. В организационном плане II Интернационал отличался от I Интернационала тем, что он не преследовал цели создания единой всемирной партии рабочего класса, а действовал как постоянно действующий форум, место постоянных дискуссий, встреч, совместной выработки стратегии и тактики рабочего движения. Вместе с тем II Интернационал принял меры по расширению границ своего объединения, были налажены контакты и связи с рабочими партиями Америки и Азии. В конце XIX века во II Интернационале, особенно после смерти Ф. Энгельса, возникли серьезные разногласия между «ортодоксальными», революционными марксистами и «ревизионистами», сторонниками эволюционного преобразования капиталистического строя, среди которых самым видным был Э. Бернштейн. Главная причина разногласий — пути и средства дальнейшего развития рабочего движения. Важное место в истории II Интернационала занимает Базельский конгресс 1912 года в Базеле, который принял Базельский манифест в связи с угрозой войны. С началом Первой мировой войны II Интернационал фактически распался.

После Октябрьской революции 1917 года и окончания Первой мировой войны произошел раскол в международном рабочем движении. Революционные марксистские партии организовались в III Интернационал. Последователи II Интернационала создали сначала «*Интернационал 2,5*», преобразованный затем в Социалистический рабочий интернационал, который распался после начала Второй мировой войны. В 1943 году прекратил свое существование III Интернационал, распущенный Сталиным в связи с тем, что он выполнил поставленные перед ним задачи. А в 1951 году был создан Социалистический интернационал, который объявил себя преемником Социалистического рабочего интернационала.

Из рассмотрения истории рабочего движения можно сделать два важных вывода.

Первый — наличие организационных форм, объединявших партии рабочего класса, выражавших интересы рабочего движения, всегда приносило огромную пользу рабочему движению, способствовало решению многих задач политического, экономического, социального характера в самых различных странах мира, и прежде всего в Европе.

Второй вывод состоит в том, что разногласия внутри I Интернационала, II Интернационала, Социалистического рабочего интернационала носили, главным образом, объективный характер и были обусловлены целым рядом противоречий. Среди них следует указать, по крайней мере, следующие противоречия:

— между интернациональными целями этих организаций и национальными интересами партий, которые часто брали верх и которые нередко вызывали острые кризисы внутри этих организаций;

— между потребностью участия в жизни единой организации и стремлением к самостоятельному решению своих проблем, к проведению независимой политики;

Критическое осмысление этого опыта позволило Социалистическому интернационалу с самого начала деятель-

ности находить гибкие, взвешенные решения этих противоречий в новых исторических условиях.

Социалистический интернационал в течение 16 лет возглавлял *Вилли Брандт* (Социал-демократическая партия Германии, СДПГ) — первый президент Социнтерна. Его заменил *Пьер Морюа* (Социалистическая партия Франции, ФСП) (1992–99 гг.), которого затем сменил *Антониу Гутьерш* (Социалистическая партия Португалии) (1999–2005 гг.). С 2006 года по настоящее время Президентом Социнтерна является *Георгий Папандреу* (Всегреческое социалистическое движение — ПАСОК). Постепенно европейское движение превратилось в мощную международную организацию: *сегодня Социнтерн объединяет 170 партий со всех континентов*. На одном из съездов Социнтерна в 1989 году была принята Декларация принципов¹, а также Устав, позволивший создать гибкую организационную структуру, отвечающую современным условиям².

1.2. Цели и задачи Социалистического интернационала

Вследствие отсутствия в массовом сознании жителей многих стран достоверной информации часто можно встретить два противоположных и, тем не менее, ложных представления о Социалистическом интернационале. Согласно одному из них Социнтерн — это некое современное воспроизведение III Коммунистического интернационала (Коминтерна), имеющий жесткую организационную структуру, что и позволяет ему директивно руководить отдельными партиями, членами Социнтерна, диктовать им свои директивы. А смысл второго представления состоит в том, что Социнтерн — это всего лишь некий закрытый «клуб», в котором время от времени встречаются ведущие лидеры социал-демократического движения.

Следует еще раз подчеркнуть, что Социнтерн — это самая массовая и общепризнанная международная политичес-

¹ Социалистический интернационал: [сайт]. URL: <http://www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticleID=31>

² Социалистический интернационал: [сайт]. URL: <http://www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticleID=27>

кая организация, вступить в которую стремятся все новые партии из всех регионов мира.

Что касается функций Социнтерна, то они аналогичны функциям политической партии, что вполне естественно. Для любой партии характерны три основные функции: разработка собственной программы; систематический отбор и подготовка кадров; формирование идентичности. Каждая из этих функций свойственна и Социнтерну. В целях систематической разработки новых программных документов в Социнтерне созданы постоянно действующие институты, которые заняты обсуждением разного рода документов. Социнтерн ведет большую работу по отбору партий, достойных быть его постоянными членами. Что касается формирования идентичности, то это, прежде всего, работа над символикой Социнтерна, образным выражением его ценностей, целей и задач.

Защита ценностей. Социнтерн стремится избегать как громких идеологических заявлений, так и конъюнктурных оценок, в духе сиюминутного прагматизма.

В случае если происходит событие, требующее отклика, руководство Социнтерна принимает коммюнике. Примерно раз в полгода делается анализ важнейших международных проблем, формулируются предложения, которые затем обсуждаются и входят в текст резолюций, принимаемых на заседаниях Совета Социнтерна.

Содержательность дискуссий, идущих в Социнтерне, заключается в том, что одни и те же проблемы их участники обычно рассматривают с самых разных точек зрения, что позволяет Социнтерну занять, в конечном итоге, достаточно взвешенную и объективную позицию. В дискуссиях в рамках Социнтерна доминируют три главные темы, основу которых составляют базовые ценности Социнтерна: *демократия, развитие, мир*. Социнтерну важно знать, как меняется их смысл в современном мире и как эти изменения следует воплощать в реальные практики социал-демократических партий на разных уровнях — от общенационального до местного.

За демократию везде и для всех. Первая битва Социнтерна — это битва за демократию, которая является одновременно безусловной ценностью и целью самой по себе, условием развития общества и гарантией мира.

Впервые К. Маркс теоретически сформулировал позицию социал-демократии: да — полной, то есть социальной демократии, нет — формальной (представительной) демократии. Таким был общий фундамент зарождающегося социалистического движения. Затем в ходе осмысления тех сдвигов, которые произошли в западном обществе, социал-демократия стала придавать решающее значение парламентской деятельности. После Октябрьской революции 1917 года этот вопрос привел к расколу в мировом социалистическом движении. По одну сторону оказались те, для кого революция и диктатура пролетариата были обязательным условием строительства подлинной демократии. По другую те, кто считал, что для реального обеспечения провозглашенных прав и свобод всех граждан нужен долгий путь реформ. Вслед за политическими и юридическими правами граждане должны завоевать экономические и социальные права. История разрешила спор между этими концепциями.

Во многих странах сегодня социал-демократы борются за демократизацию общественных порядков, за выполнение базового требования демократии — проведения свободных и плюралистичных выборов. Демократические преобразования происходят на всех континентах, требование демократии становится определяющим фактором борьбы последних лет. Конечно, при этом возникают новые трудности и задачи.

Новые задачи. Победившая демократия всегда требует защиты, поскольку ее противники продолжают уверять население своих стран, что из-за невысокого уровня развития или отличий в культуре демократия не сможет укорениться. Нередко они утверждают, что необходимо авторитарное правление во имя целей ускоренного развития страны. Однако теперь эти взгляды не встречают такой поддержки, как 15–20 лет тому назад. Но значительное число диктаторов

в бедных странах все еще используют эти аргументы и ссылаются в качестве наглядного примера на достижения ряда стран Юго-Восточной Азии, и, прежде всего, Китая.

Актуальная задача Социнтерна состоит в том, чтобы разъяснить важную мысль: *демократия — это условие, а не следствие развития*. Демократия высвобождает энергию, поддерживает созидательные силы, способствует переменам и инновациям, необходимым для экономического развития. Нужно постоянно убеждать людей, что в современных условиях возможности развития все больше будут зависеть от продвижения по пути демократии.

Наряду с решением такого рода идеологических задач существует политическая борьба: сотни миллионов людей все еще страдают от диктатур. Задача Социнтерна — усилить международное давление на них, способствовать скорейшему падению всех диктатур. Существуют также задачи практического характера: страны, которые в последние годы стали на путь демократизации, нуждаются в реальной помощи, в частности, для развития институтов гражданского общества, повышения активности граждан, в организации выборов. Социинтерн способствует этому непосредственно либо оказывал помощь партиям, члена Социнтерна.

За устойчивое развитие. Вторая битва Социнтерна сегодня — борьба за развитие. К сожалению, масштаб этой проблемы реально не изменился в последние годы и, видимо, она не будет решена еще в течение длительного времени. Ситуация постепенно ухудшается, и Социинтерн уверен в необходимости поиска нового вектора развития мировой цивилизации.

Социинтерн помогает осознать, что в последние годы формируется совершенно новый мир, в котором мобильность капиталов стала тотальной; обмен товарами значительно либерализован и растет гораздо быстрее, чем национальное производство; вес транснациональных корпораций, рассматривающих нашу планету как один глобальный рынок, постоянно возрастает, они все более стремятся подчинить себе мировое сообщество.

Все эти факты характеризуются одним словом — глобализация. Глобализация может выступать условием дальнейшего прогресса, исполнителем наших надежд. Но сегодня ее отождествляют — не без основания — с ростом опасностей, рисков и особенно неравенства. Социальное неравенство в мире становится все более острой проблемой. Недавний доклад ООН по развитию подтверждает это трагическими цифрами: за последние 30 лет доля дохода 20% наиболее богатых жителей планеты возросла с 70 до 85% общемирового дохода. Состояние 358 самых богатых людей в мире сегодня выше, чем годовой доход 45% самых бедных жителей планеты, то есть 2,6 миллиарда человек.

Неравенство обострилось и в богатых странах. Даже в США выросло число бедных, появились люди, которых называют «бедными трудящимися», ибо их зарплата не позволяет им перешагнуть черту бедности. Резко сократились доходы среднего класса, но утроилось число миллионеров. И в богатых, и в бедных странах безработица достигла неприемлемых размеров. Она охватывает ныне 20 миллионов работников в Евросоюзе, 35 миллионов в странах ОЭСР и, в общей сложности, 800 миллионов по всему миру. Новым в развитии безработицы является то, что она распространилась на многие страны, охватила многие категории трудящихся и страх перед нею прочно укоренился в сознании людей.

Приведенные ниже в хронологической последовательности факты — лучшее средство для понимания того, какие события привели к возникновению такого огромного разрыва между богатыми и бедными.

1971 год — односторонний отказ США поддерживать конвертируемость доллара по отношению к золоту;

1979 год — победа «консервативной революции» Рейгана и Тэтчер;

1987 год — биржевой крах;

1992 год — кризис европейской валютной системы;

1995 год — активизация влиятельных социальных движений во Франции;

1996 год — падение курса валют на нью-йоркской фондовой бирже после объявления о новом снижении безработицы и т.д.

Из этих фактов следуют два вывода. Первый: несправедливость системы сохраняется, а ее жестокость растет. Второй: главное, что характеризует систему, это отказ от политики сотрудничества и всяких механизмов регулирования. Именно это объясняет логику ее действий. Краткосрочные цели вытесняют долгосрочные. Продолжает господствовать финансовая логика, единственная аксиома которой — удовлетворение интересов акционеров, а единственный горизонт — представление квартальных отчетов.

Перед Социнтерном стоит задача разработки и осуществления альтернативной стратегии, которая не должна быть возвратом к прошлому. Социнтерн не является противником технического прогресса или глобализации. В конечном счете, главное — в чьих интересах осуществляется глобализация. А настоящая альтернатива заключается в том, чтобы сделать выбор между «диким» регулированием системы и новым регулированием; между законом джунглей и цивилизованным законодательством.

Социнтерн отвергает представление о рыночной свободе и не верит в сказку о «свободной лисе» в «свободном курятнике». Он признает, что рост международной торговли исторически благоприятствовал развитию, а периоды депрессии сопровождалась протекционистскими мерами. Социнтерн выступает за то, чтобы развитие международной торговли сопровождалось большим ее подчинением правилам и чтобы забота об этом шла не снизу, а сверху. Но когда развитые страны борются против «демпинга» — социального, экологического, институционального или монетарного, — развивающиеся страны видят в этом опасность протекционизма.

В ходе дискуссий по поводу причин нынешнего кризиса были сформулированы следующие основные выводы. Первый касается международной валютной системы. Именно она лежит в основе дисфункции национальных экономик,

являясь источником спекуляции и крайне высокого уровня процентных ставок. Только ее трансформация может решить проблему. Поэтому Социнтерн поддержал введение единой европейской валюты.

Второй вывод касается мирового движения капиталов, которое ведет к установлению единообразия в налоговых системах, и этот процесс идет снизу. Свобода перемещения капиталов необратима. Но полное отсутствие налоговых выплат, даже при самых спекулятивных операциях, требует коррекции.

Третий вывод касается экономического роста. Многие потребности остаются неудовлетворенными. В этом источник снижения неравенства, сокращения безработицы, продолжения развития. Некоторые меры можно предпринять на уровне региональных организаций. Социнтерн поддерживает предложения Ж. Делора по вопросам экономического роста и выдвигает собственные предложения относительно международной инициативы в сфере экономического развития.

Четвертый вывод касается политической власти, воплощением которой является «Большая восьмерка»: самые богатые страны ограничивают дискуссию и не допускают других к принятию решений. Нужен переход от «Большой восьмерки» к «пятерке континентов» — от группы наиболее богатых государств к группе государств, представляющих все пять континентов. Всяческого внимания заслуживает идея слияния «Большой восьмерки» с Советом безопасности.

За подлинный мир. Сегодня вопрос о мире ставится несколько иначе, чем в предшествующие годы, особенно если сравнивать с прежними дебатами в Социнтерне, а тем более с дебатами у его предшественников. Действительно, прекращение противостояния между Западом и Востоком не изменило смысла этой борьбы. Но оно изменило точки приложения сил: угроза глобальной ядерной войны, безусловно, отдалилась, но риски локальных конфликтов выросли, а в некоторых случаях имели место отдельные локальные конфликты. Социнтерн участвует в этих дебатах, в частности, по поводу бомбежек Югославии, войны в Ираке, палес-

тино-израильского конфликта и т.д., пытаясь примирить враждующие стороны и найти компромисс.

Социнтерн всегда боролся за мир, но он был и остается против заключения мира любой ценой, ибо мир палачей — это не настоящий мир. Социнтерн оказывает поддержку всем, кто борется за мир. Социал-демократы отвергают право сильного и выступают за справедливые политические решения. Социнтерн остается приверженным своим принципам.

1.3. Как работает Социнтерн?

Если о существовании Социнтерна широко известно, то информацией о его структуре и конкретных формах деятельности владеет лишь узкий круг специалистов. С 1992 года начали укрепляться традиционные виды деятельности Социнтерна и на их основе были созданы новые структуры. Уже есть положительные сдвиги, если учесть масштаб тех вызовов, которым приходится противостоять. Прежде всего, это финансовая проблема, поскольку бюджет Социнтерна крайне мал. Затем, проблема роста числа партий-членов, так как рост числа новых членов на протяжении ряда лет привел к реальному изменению природы Социнтерна, и этот процесс продолжается. Наконец, проблема конкуренции, возникшая в результате развития таких региональных структур, как Партия европейских социалистов, которая активно привлекает лидеров Социнтерна для решения собственных задач.

Традиционные формы деятельности Социнтерна. Социнтерн традиционно использует 4 формы деятельности: комитет, миссия, доклад, коммюнике.

Комитеты

На последнем заседании Совета Социнтерна в Нуэво Валларте (Мексика) 17–18 ноября 2008 года было образовано 13 комитетов, организованных по тематическому (первые 6) и географическому принципам:

1. Комитет по местному самоуправлению. Председатель — Элио ди Рупо, Соцпартия Бельгии.

2. Комитет по миграции. Председатель — Амалия Гарсиа, Революционно-демократическая партия Мексики.

3. Комитет по миру. Председатель — будет избран позднее.

4. Комитет по разоружению. Председатель — Рольф Мютзених, СДПГ.

5. Комитет по социальной сплоченности, бедности и СПИ-Ду. Председатель — Барбара Прамер, Социал-демократическая партия Австрии, вице-председатель — представитель Африки будет избран позже.

6. Комитет по экономике, труду и национальным ресурсам. Председатель — Кристоф Зоппель, СДПГ, вице-председатель — Бернар Сулаж, ФСП.

7. Комитет по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Сопредседатели — Мицухо Фукушима, Социал-демократическая партия Японии, и Хелен Кларк, Лейбористская партия Новой Зеландии.

8. Комитет по Африке. Председатель — Усман Тагор Диенг, Социалистическая партия Сенегала.

9. Комитет по Ближнему и Среднему Востоку. Сопредседатели — Колет Авитал, Лейбористская партия Израиля; Абдулла Аль Фрагни, ФАТХ, Палестина; Пьеро Фассино, Партия демократических левых Италии, и Йонас Стор, Рабочая партия Норвегии.

10. Комитет по Латинской Америке и Карибскому региону. Председатель — Мартин Торрихос, Демократическая революционная партия Панама.

11. Комитет по странам СНГ, Кавказа и Черного моря. Сопредседатели — Марио Налбандян, партия Дашнакцутюн (Армения), и Александра Доболи, Соцпартия Венгрии; вице-председатель — Тадеуш Ивински, Союз левых демократов Польши.

12. Комитет по Средиземноморью. Председатель — Елена Валенсиано, Социалистическая рабочая партия Испании.

13. Комитет по Юго-Восточной Европе. Сопредседатели — Эдди Рама, Соцпартия Албании, и Сергей Станишев, Соцпартия Болгарии.

Миссии

Направление миссий в разные регионы мира — еще одна форма деятельности Социнтерна. При всем разнообразии

функций — наблюдение и поддержка на выборах, контакты с партиями, подавшими заявления о приеме и т.д., — цель миссии заключается в укреплении позиций и защита ценностей Социнтерна. С 1992 года было направлено большое количество миссий.

Доклады

Подъем, который Социнтерн испытал после 1976 года, во многом был связан с рядом докладов, которые были выполнены по заказу ООН и в подготовку которых большой вклад внесли лидеры Социнтерна. Это доклады В. Брандта об отношениях Север — Юг; У. Пальме — о разоружении; Г.Х. Брунтланд — об устойчивом развитии, который лег в основу конференции в Рио-де-Жанейро. В 1992–96 годах бывший премьер-министр Швеции И. Карлссон разработал доклад, в котором внес новаторские предложения о реформе ООН:

- создать Совет экономической безопасности, призванный определить стратегию долгосрочного и устойчивого развития;
- включить в Хартию положение о возможности вмешательства ООН во внутренние дела государств, если есть угроза безопасности народа;
- дать право неправительственным организациям подавать петиции в Совет безопасности (СБ);
- создать волонтерские силы ООН;
- уважать неприкосновенность командования ООН в действиях по поддержке мира;
- изменить состав СБ, предусмотрев постоянное представительство двух промышленно развитых стран, одной африканской страны, одной азиатской, одной латиноамериканской, а также увеличить число непостоянных членов.

Коммюнике

Социнтерн, будучи политической организацией, не может находиться в стороне от повседневной жизни мира. Он должен реагировать на события весомым словом, чтобы соответствовать тем огромным надеждам, которые он воплощает. Трудно перечислить сотни коммюнике, выпущенных за последние

годы. Но нужно отметить, что заявления Социнтерна находили отклик не только в тех странах, которых они касаются, но и во всем мире.

Новые формы деятельности Социнтерна, направленные на его обновление. Сохраняя эти традиционные, но необходимые формы деятельности, Социинтерн начал искать пути собственного обновления, связанные с изменениями, произошедшими в мире за последние годы. Новыми формами деятельности Социнтерна, направленными на его обновление, стали:

Комиссия по устойчивому развитию мирового сообщества¹. 29 июня 2007 года на заседании Совета Социнтерна в Женеве было принято решение о создании Комиссии по устойчивому развитию мирового сообщества под руководством *Риккардо Лагоса* (бывший президент Чили и специальный посланник Генерального секретаря ООН по вопросам изменения климата) и *Горана Перссона* (бывший премьер-министр Швеции и лидер СДПШ), цель которой — разработка от имени мирового социалистического движения общих подходов и предложений по решению таких неотложных международных проблем, как:

- охрана окружающей среды;
- изменение климата;
- повышение качества государственного управления.

В состав Комиссии вошли: Элио ди Рупо, лидер Социалистической партии Бельгии (СПБ), государственный министр Бельгии; Александр Квасьневский, бывший президент Польши; Сергей Миронов, Председатель партии «Справедливая Россия», Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; Беатрис Паредес, председатель Институционально-революционной партии Мексики (ИРПМ); Мартин Торрихос, президент Республики Панама; Нкозана Дламини Зума, министр иностранных дел ЮАР и другие.

¹ Социалистический интернационал: [сайт]. URL: <http://www.socialistinternational.org/commission.cfm>

В решении Совета Социнтерна по созданию этой Комиссии сказано:

1. Процесс глобализации, охвативший нашу планету, неостановим, поэтому так важно разработать *прогрессивные руководящие принципы, которые сделают возможным обеспечить жизнеспособность мирового сообщества*, не только на национальном, но и на мировом уровне.

2. Число международных проблем постоянно растет, и *большинство из них уже не могут быть решены на национальном уровне*. Миграция, международная торговля и финансовые интернет-потоки, достижение мира во всем мире, эпидемии, свободно пересекающие любые национальные границы, международный терроризм и изменение климата — это примеры подобных проблем, требующих скорейшего решения.

3. *Изменение климата — главный вызов нашего времени*. Это опаснейшая проблема, решение которой нельзя отложить на будущее. Нужно приступить к ее решению здесь и сейчас.

4. *Угроза безопасности, связанная с изменением климата, нуждается в многостороннем ответе* и должна быть решена в контексте реформы ООН. Поэтому, Социнтерн приветствует решение G8+5 начать переговоры о посткиотском протоколе 2012 в конце 2007 года в Бали.

5. В новом соглашении должны быть учтены такие принципы, заложенные в действующем Соглашении, как *равноправие, ответственность, возможность и необходимость финансовой поддержки развивающихся стран*, чтобы обеспечить их новыми и жизнеспособными источниками энергии.

6. Учитывая вышеупомянутые принципы, в новом Протоколе должно быть учтено то, что *квоты на выбросы для любых стран необходимо оговорить специальными условиями, которые бы не мешали развивающимся странам продолжать экономическое развитие*.

7. Найти решение проблемы изменением климата — задача нашей семьи, и Социнтерн должен взять на себя инициативу по налаживанию глобального сотрудничества по поиску такого решения. Мы верим в многополярность и возможность

поиска политического решения любой проблемы. Мы знаем, что борьба с изменением климата должна основываться на принципах равенства и справедливого распределения между людьми и странами. *Никакая другая политическая сила не может решить эту глобальную проблему.*

8. Работа Комиссии должна строиться на принципе децентрализации, путем проведения региональных конференций и сбора примеров наилучших методов решения подобных проблем. Она должна будет осмыслить такие вопросы, как рассмотрение разных инструментов, регулирующих эмиссию и загрязнение, которые можно использовать в международном масштабе, включая глобальный налог на эмиссию CO₂.

Конечная цель работы Комиссии — подготовка Доклада Социнтерна к заседанию Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2009 года.

К концу 2008 года состоялось три заседания Комиссии: в ноябре 2007 года — в Лондоне (Великобритания), в марте 2008 года — в Сантьяго (Чили) и в сентябре 2008 года — в Стокгольме (Швеция), а также научный семинар, прошедший в июле 2008 года в Санкт-Петербурге (Россия).

Первое заседание Комиссии¹ прошло 19 ноября 2007 года в Лондоне в резиденции премьер-министра Великобритании на Даунинг стрит, 10. Премьер-министр и лидер британской Лейбористской партии Гордон Браун, члены Комиссии, Президент и Генеральный секретарь Социнтерна, а также ряд министров британского правительства приняли участие в дискуссии. Участники заседания обсудили основные приоритеты и направления своей работы, необходимые для того, чтобы найти решение проблем в области окружающей среды, изменения климата, политики в области энергетики, а также принять решения по улучшению качества государственного управления на местном, национальном и глобальном уровнях.

¹ Комиссия Социалистического интернационала по устойчивому развитию мирового сообщества. Информация о создании и итогах первых двух заседаний в Лондоне и Сантьяго / под редакцией Б.П. Гуселетова. — М.: Ключ-С, 2008. — 56 с.

По итогам заседания было принято Заявление, в котором были определены сферы деятельности Комиссии, включая вопросы, относящиеся к текущей экологической повестке дня накануне Конференции ООН по вопросам изменения климата, которая состоится на Бали 3–14 декабря 2008 года.

Второе заседание Комиссии под председательством Р. Лагоса прошло 24 марта в Сантьяго (Чили) с участием нынешнего президента этой страны Мишель Бачелет.

На нем была рассмотрена повестка дня, главной темой которой стали общие цели и совместная ответственность мирового сообщества в достижении всеобщего устойчивого развития в глобализирующемся мире, характеризующемся все большей взаимозависимостью государств.

По итогам этой встречи было принято Заявление Комиссии.

14–15 июля 2008 года в Таврическом дворце Санкт-Петербурга состоялся *первый семинар Комиссии Социнтерна по устойчивому развитию мирового сообщества под председательством Председателя партии «Справедливая Россия», Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Сергея Миронова*¹. В работе семинара, помимо двух сопредседателей и членов Комиссии, Генерального секретаря Социнтерна, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации от партии «Справедливая Россия», приняли участие известные российские ученые, представляющие Российскую академию наук. Они выступили со следующими докладами:

А.С. Гинзбург, зам. директора Института физики атмосферы РАН — «Изменение климата — вызов устойчивому развитию мирового сообщества»;

С.А. Рогинко, руководитель Центра Института Европы РАН — «Экологическая геополитика: перспективы нового посткиотского режима после 2012 года»;

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/6734.smx>

Б.Н. Порфирьев, руководитель Центра анализа рисков и кризисов Института экономики РАН — «Изменение климата и экономическое развитие: Мир и Россия»;

В.К. Донченко, руководитель Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра по экологической безопасности РАН — «Устойчивое развитие и экологическая безопасность».

По итогам семинара Комиссия Социнтерна по устойчивому развитию мирового сообщества приняла Заявление.

5–6 сентября 2008 года в Стокгольме прошло очередное заседание Комиссии под председательством Г. Перссона, по итогам которого было принято Заявление¹.

Комиссия по глобальным финансовым вопросам². 26 сентября 2008 года на заседании Президиума Социнтерна, которое проходило в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН, было принято решение о создании Комиссии по глобальным финансовым вопросам, задача которой выработать рекомендации по формированию справедливого экономического порядка в мире и меры по преодолению глобального финансового кризиса.

В состав этой Комиссии вошли политические деятели, министры и известные экономисты-эксперты, в том числе председатель Комиссии Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике, профессор Колумбийского университета; Анатолий Аксаков, депутат Государственной Думы РФ, партия «Справедливая Россия»; Альфред Гузенбауэр, бывший канцлер Австрии и лидер Социал-демократической партии Австрии; Андрес Веласко, министр финансов Чили; Антонио Санчес Преседо, депутат Европарламента от Социалистической рабочей партии Испании; Пир Штейнбрук, министр финансов Германии и вице-председатель Социал-демократической партии Германии и другие.

3 ноября 2008 года в Вене, в резиденции канцлера Австрии прошло первое заседание Комиссии Социнтерна по

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/7084.smx>

² Социалистический интернационал: [сайт]. URL: <http://www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticleID=1958>

глобальным финансовым проблемам, в котором помимо членов Комиссии приняли участие Президент Социнтерна Г. Папандреу, Генеральный секретарь Л. Айяла, а также члены правительств и парламентов из 14 стран¹.

Основной доклад по проблеме кризиса сделал Д. Стиглиц, который изложил свое видение ситуации, сложившейся на мировом финансовом рынке, а также экономических и политических причин, вызвавших кризис в США, а затем и во всем мире. Главной причиной кризиса он назвал асимметричное развитие экономик разных стран, диспропорции, сложившиеся между финансовыми рынками и реальным сектором, в том числе за счет неконтролируемого использования производных финансовых инструментов, непрозрачность компаний, экономическая и внешняя политика США (налоговая политика и война в Ираке).

В ходе заседания все участники дискуссии высказали свой взгляд на проблему мирового финансового кризиса. А. Аксаков поддержал позицию Д. Стиглица о необходимости реформирования международных финансовых институтов. А в случае невозможности (из-за позиции США) реорганизации МВФ и МБРР, интересной и заслуживающей поддержки российский политик назвал идею Стиглица о создании Глобального финансового фонда с целью обеспечения гармоничного и справедливого развития стран-участниц новой организации. Потенциальными участниками фонда могут стать Латинская Америка (Бразилия, Мексика и т.д.), Китай, Индия, Европа. Главное направление его деятельности — поддержка малого и среднего бизнеса в странах-участницах. А. Аксаков высказал мнение о том, что Россия могла бы также принять участие в создании и деятельности фонда. Причем, по его мнению, новая структура должна оказывать не только финансовую помощь своим членам, но и выработать рекомендации, а может быть, и директивы

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/7437.smx>

по гармонизации и унификации национальных законодательств, повышению прозрачности компаний и т.д. То есть выработать правила нового международного финансово-го порядка.

Рекомендации Комиссии будут учитываться при выработке позиции Социнтерна по мерам преодоления финансового кризиса, которые будут доведены до глав государств-участников Саммита–20 по мировому финансовому кризису в Вашингтоне 15 ноября 2008 года. Сама Комиссия будет осуществлять свою работу на постоянной основе.

Форум за демократию и солидарность в Европе. Создание Форума — одно из важнейших нововведений, которые произошли за последние годы. После падения Берлинской стены идейный маятник в Восточной Европе качнуло вправо, а коммунизм и социализм были в равной мере дискредитированы. Поэтому было принято решение создать нейтральную структуру, а не комитет Социнтерна, чтобы в ней работали вместе конкретные партии и политические фонды. И его создание стало настоящим успехом. Деятельность Форума, установленная им система связей и миссий помогли разобраться в обилии различных партий и сделать так, чтобы Социентерн был представлен партией в каждой стране Центральной и Восточной Европы. Эти партии принесли Социентерну электоральный успех, поскольку первые же выборы были для них успешными, как, например, в Чехии и Румынии, а в ряде стран — Венгрии, Польше, Словении, Македонии — они даже победили. В итоге социал-демократия стала на сегодня самой укорененной в этом регионе политической силой. Форум принес успех в области идеологии, организуя широкие дискуссии о свободе СМИ, роли женщин, экономике переходного периода.

Комитет по проблемам местного самоуправления. Еще одна основа обновления — создание комитета, занимающегося местными вопросами.

Проблемы *городов* представляют главный вызов будущему и судьбам людей на ближайшие десятилетия. Во всем мире в течение XX века города развивались, как никогда ранее.

Безусловно, в разной степени, с разным ритмом и особенностями. Но повсюду сообщества, которые традиционно были в основном сельскими, превращались в сообщества городские. Город — это место, где между властью и гражданами могут иметь место прямые контакты. Это, как показал опыт, то место, где происходит конкретное воплощение демократии. Города — самое подходящее место для урегулирования проблем живущих там жителей. В них концентрируются все беды людей: процветает наркомания и проституция, пытаются выжить те, кто не имеет крыши над головой и т.д.

Стремление объединить *социалистические* города оправдано двумя причинами. Первая: социализм предполагает определенную концепцию города. Подходы социалистов к решению проблем на местном уровне (жилье, безопасность, наркомания, досуг или культура) имеют особую специфику и отличаются от подходов консерваторов.

Вторая причина такова: *так же, как социализм приводит к определенной концепции города, так и наш интерес к городу ведет к определенной концепции социализма.* Социализм — это не застывшая доктрина, это прагматичные поиски адаптации к реальностям на основе ценностей, которые выдержали испытание временем. Задачей социализма является не абстрактное обсуждение проблем, а напротив, их повседневное решение. Это возможно, прежде всего, в городах. Концепция, касающаяся структур, такова: *социализм долгое время основывался на вертикальной организации*, и выборные лица часто вызывали подозрение, поскольку считалось, что они могут предать чистоту доктрины. *Современный социализм должен опираться на более гибкую и открытую для участия горизонтальную структуру.*

И если социалисты считают проблему городов важной, имеют по этому вопросу особый подход, отождествляют социализм с интернационализмом, то было бы неоправданно ограничивать его обсуждение рамками одного континента. Существует широкое поле для обмена мнениями и опытом, для дискуссий и сотрудничества.

«Голубые каски демократии». Эта идея родилась во время одной из дискуссий с Б. Гали, который предложил усилить миссию наблюдателей ООН за проведением выборов. Демократия в последние годы получила широкое развитие в мире. В результате выросло число выборов и, соответственно, просьб прислать наблюдателей. Социнтерн считает своим долгом откликаться на эти просьбы. Реальный процесс наблюдения за выборами должен осуществляться задолго до их проведения. Социнтерн высылал на место команды — *«голубые каски демократии»*, которые присутствовали на выборах в десятках стран. Социнтерн поддержал создание Международным союзом молодых социалистов своих команд наблюдателей.

Международный союз молодых социалистов (МСМС). Он имеет тесные связи с Социнтерном и даже порой опережает Социнтерн в географическом распространении: так, в МСМС вступили Джаната Дал (Индия), ФАТХ (Палестина), АНК (Южная Африка). МСМС эффективно сотрудничал с фондами, в частности с Фондом Ж. Жореса, участвовал в организации ряда региональных конференций, например, по Азии — в Дели, по Африке — в Мапуту. МСМС ежегодно организует летний университет для молодежи со всего мира.

Связи с профсоюзами. Эта важная опора обновления, основанная на связи с международными профсоюзными организациями, играет значительную роль. Невозможно перечислить все совместные акции. Об этом говорили на Конгрессе по поводу 100-летнего юбилея Международного объединения профсоюзов металлистов и на Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП). МКСП получит слово на конгрессе Социнтерна в Нью-Йорке.

1.4 Социнтерн сегодня

В Социнтерне сегодня состоит 170 партий и организаций. Он находится в процессе изменения своей природы и рискует стать жертвой собственного успеха, если не примет в ближайшее время решения, позволяющие адаптироваться к своему

новому характеру. Учитывая эту перспективу, Социнтерну приходится решать одновременно три задачи.

Первая — *стимулировать идейные дискуссии*, не опасаясь вынести на свет разногласия и затронуть самые спорные проблемы. Возьмем в качестве примера лишь один вопрос — глобализация, который заслуживает особого внимания, учитывая его значимость и последствия. Необходимо продолжить исследования, проводимые Комитетом по экономической политике Социнтерна путем организации широких ежегодных встреч, в которых помимо партий, входящих в Социнтерн, участвовали бы представители профсоюзов, эксперты, интеллектуалы, чтобы *показать, что существует и другое возможное будущее, чем то, которое представляют на форумах в Давосе*.

Вторая задача — *продолжить и завершить географическое расширение Социнтерна*. Существуют регионы, в которых Социнтерн призван либо помогать левым продолжать свою перестройку, как в южной оконечности Латинской Америки (мыс Горн), либо укрепить уже сложившиеся связи — как в южной части Африки, либо даже начать более активную работу, как в бывшем СССР или на Дальнем Востоке, где многое еще предстоит сделать.

Наконец, третья задача — *адаптировать Социнтерн к новым условиям*. Недостатка в идеях нет. Есть очевидные *проблемы, которые следует решать*. Должна быть усилена координация между руководством Социнтерна, пересмотрены способы информации и коммуникации, как внутренние, так и внешние, чтобы лучше использовать преимущества новых технологий. Нужно укрепить финансовые основы Социнтерна.

Нужны структурные реформы: нельзя управлять организацией, объединяющей 170 партий, так же как в 1951 году, когда их было около десятка. Нужно усилить вес постоянного секретариата в Лондоне и роль комитетов. Другие виды реформ связаны с изменениями в мире. Есть *структуры, которые нужно лучше использовать*.

Социнтерн — наиболее передовая политическая сила в мире, единственная организация, которая присутствует и имеет

вес на всех континентах. Его существование свидетельствует о единстве ценностей и убеждений всех социал-демократов. Его развитие показывает, насколько идея социализма продолжает сохранять свое значение. Его польза очевидна: в последние годы именно к Социнтерну обращались партии Восточной Европы с целью усиления своей демократической легитимности; лидеры Южной Африки, чтобы поддержать свои не слишком значительные силы; крупные деятели на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы начать диалог, ведущий к миру.

С января 2006 года по настоящее время Президентом Социнтерна является Георгий Папандреу, президент ПАСОК. Генеральный секретарь — Луис Айяла переизбран на эту должность на последнем Конгрессе, состоявшемся в 2008 году в Афинах. В Президиум Социнтерна помимо Президента и Генерального секретаря входят вице-президенты, также избранные на последнем Конгрессе.

В число вице-президентов Социнтерна входят:

Мишель Бачелет — президент Чили;

Гордон Браун — премьер-министр Великобритании;

Ференц Дюрчень — премьер-министр Венгрии;

Хосе Луис Родриес Сапатерро — премьер-министр Испании;

Пиа Локателли — президент Социнтерна женщин;

Пол Нируп Рассмусенн — президент Партии европейских социалистов;

Мартин Шульц — президент группы социалистов в Европарламенте и ряд других деятелей.

Секретариат Социнтерна расположен в Лондоне. Он обеспечивает координацию его деятельности, созывает очередные заседания Комитетов и Комиссий и разного рода конференции, принимает заявления по актуальным вопросам, готовит и публикует пресс-релизы.

Социнтерн финансируется благодаря ежегодным членским взносам партий и организаций членов. Бюджет Социнтерна утверждается всеми его членами на заседании Совета. В 2007 году общие доходы составили 1 094 500 фунтов стер-

линггов, а расходы — 1058 000, которые включают: 48 000 на коммуникации; 126 000 на администрирование; 382 000 на организацию работы секретариата; 68 000 на проведение конференций и заседаний Совета; 107 000 на организацию делегаций и миссий; 123 000 на проведение комитетов и других встреч, а также 203 000 на организацию работы женского Социнтерна.

2. О ПАРТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ (ПЕС) И ЕЕ ФРАКЦИИ В ЕВРОПАРЛАМЕНТЕ¹

2.1 Историческая справка

Партия европейских социалистов (ПЕС) — европейская политическая партия, состоящая из 33 социалистических, социал-демократических и трудовых партий Евросоюза и Норвегии. ПЕС формирует группу социалистов в Европарламенте, которая является второй по численности (218 членов)².

История ПЕС началась с формирования группы социалистов в 1953 году. Партия была основана в 1992 году. В настоящее время лидером партии является Пол Нируп Расмуссен. Фракция ПЕС в Европарламенте была основана в 1979 году, лидер фракции — Мартин Шульдц.

Первый шаг в сторону создания современного Евросоюза был сделан в 1951 году: ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция, Италия подписали договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), целью которого стало объединение европейских ресурсов по производству стали и угля. Этот договор вступил в силу с июля 1952 года.

¹ URL: www.pes.org

² Современное международное социалистическое движение / под редакцией Б.П. Гуселетова. — М.: Ключ-С, 2008. — 24 с.

Для углубления экономической интеграции эти шесть стран в 1957 году учредили Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, Общий рынок) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евроатом). Самым важным и широким по сфере компетенции из этих трех европейских сообществ было ЕЭС, и в 1993 году оно было официально переименовано в Европейское сообщество (ЕС).

Европейский парламент был создан в 1957 году. Его председателем был избран социалист Пол Генри Спаак. Первоначально члены назначались парламентами стран-участниц ЕС. Социал-демократы сформировали социалистическую фракцию для того, чтобы работать и голосовать вместе. Первым лидером фракции был избран Гай Моллет. Бюро и секретариат находились в Люксембурге.

В 1973 году к ЕЭС присоединились Дания, Ирландия и Великобритания, вследствие чего группа социалистов пополнилась новыми членами. В Бонне состоялся Социалистический Конгресс, где группа социалистов была переименована в Конфедерацию социалистических партий (КСП) ЕС. Конгресс также принял резолюцию по социальной политике, безопасности, демократии и равенству в европейской экономике.

В 1979 году накануне парламентских выборов КСП одобрила первый общеевропейский предвыборный Манифест, основными положениями которого стали требования обеспечения достойной работой, борьба с загрязнением окружающей среды и дискриминацией, содействие делу мира, защита прав человека, гражданских свобод и прав потребителей. В этом же году появилась фракция социалистов в Европарламенте.

В 1980 году фракция имела 113 мест в Европарламенте из 411, став самой многочисленной. КСП утвердила свой первый законопроект, а количество ее членов увеличилось за счет вступления в Евросоюз Греции, Испании и Португалии.

С 1983 по 1984 год Европарламент возглавлял социалист Пьер Данкерт. В 1984 году КСП получила в нем 164 места из 518.

В 1987 году вступил в силу Закон о единой Европе и фракция социалистов начала сотрудничать с фракцией Европейской народной партии (ЕНП) для того, чтобы составить необходимое большинство в парламенте. Обязанности председателя парламента разделили представители ПЕС и ЕНП. Такая «лево-правая» коалиция возглавляла парламент до 1989 году.

На выборах 1989 года КСП получила в парламенте 180 мест из 518.

В ноябре 1992 года КСП ЕС была переименована в Партию европейских социалистов, а избираемая на ее основе группа в Европарламенте стала называться, соответственно, группой/фракцией ПЕС. Эти изменения предусматривали повышение внутренней консолидации и координации действий между национальными партиями-членами ПЕС. Первый Манифест ПЕС был направлен на решение вопросов безработицы, гендерного равенства, защиты окружающей среды, защиты прав потребителей, мирного сосуществования и безопасности, регуляции миграционного процесса, искоренения расизма, борьбы с организованной преступностью.

В 1994 году ПЕС заняла 215 мест из 626, став самой большой группой. Ее президентом была избрана Полин Грин.

В 1999 году в Европарламенте произошел кризис из-за того, что парламентарии отказались принять бюджетную программу Комиссии ЕС. Два члена ПЕС (Эдит Крессон и Мануэль Марин) были обвинены в коррупции. Социалисты восприняли это как попытку дискредитировать ПЕС перед выборами 1999 года. В то время, как ЕНП пыталась добиться от Комиссии отстранения Крессон и Марина, социалисты прилагали все усилия, чтобы не допустить этого. В этот период ПЕС и ЕНП разделились.

На следующих выборах ЕНП одержала победу над социалистами, заняв 233 места. Социалисты получили 180 мест. В 2004 году ПЕС снова проиграла евровыборы, получив всего лишь 218 мест из 732.

Таблица 1. Количество мест у фракций Европарламента (2007 г.)

Группа	Партии/Отделения	Мест
ЕНП–ЕД (Европейская народная партия – Европейские демократы)	Европейская народная партия – Европейские демократы	288
ГС (Группа социалистов)	ПЕС (Партия европейских социалистов)	218
АЛДЕ (Альянс либералов и демократов Европы)	Европейская либерально-демократическая и реформистская партия + Европейская демократическая партия + 2 независимых	101
ЕН (Союз за Европу наций)	Альянс народов Европы + Евродемократы (часть) + 3 независимых	44
ЕА–ЭКО (Зеленые – Европейский свободный альянс)	Европейские зеленые + Европейский свободный альянс + 2 независимых	42
ЕКЛЕ (Еврокоммунисты – Европейские левые и зеленые Северной Европы)	Европейские левые, другие левые партии + Северные левые экологи + 5 независимых	41
НД (Независимость и демократия)	Альянс независимых демократов Европы + Евродемократы (часть) + 3 независимых	24
Члены Европарламента, не вошедшие ни в одну фракцию		30

2.2 Цели ПЕС

ПЕС объединяет социалистические, социал-демократические и лейбористские партии Евросоюза.

Цели ПЕС:

- усиление активности социалистических и социал-демократических движений Евросоюза и Европы;
- развитие тесных рабочих отношений между национальными партиями, национальными парламентскими группами, парламентской группой ПЕС, «Женщинами ПЕС», «Молодыми социалистами Европы» и другими социал-демократическими организациями;

- определение единой политики Евросоюза;
- принятие единого Манифеста по выборам в Европарламент.

2.3 Программа ПЕС

На последнем Конгрессе ПЕС (Порто, 2006 г.) лидеры европейских левых партий приняли новую программу «К новой социальной Европе». Эта программа включает в себя следующие пункты:

1. Новые и ясные права и обязанности для всех — граждан, руководителей, бизнесменов, профсоюзов и неправительственных организаций;

2. Полная занятость населения — ее можно достичь за счет лучшей экономической координации и инвестиций, через активную политику на рынке труда и образования, цель которой — участие граждан в труде;

3. Большой объем инвестиций в людей, а не в устаревшие рабочие места — дать каждому образование, подготовку и финансовую поддержку — все, что необходимо для получения приличного рабочего места;

4. Социальный диалог — участие работников, профсоюзов и других партнеров в процессе обеспечения условий труда и возможностей образования, подготовки и лучшей политики на рынке труда;

5. Универсальная дошкольная помощь для всех;

6. Общество на основе социального участия;

7. Равные права для мужчин и женщин;

8. Защита окружающей среды и взвешенный подход к решению проблемы изменения климата.

2.4 Структура ПЕС

В ПЕС входят 33 партии из 27 стран-членов ЕС и Норвегии. К тому же в ПЕС входят 6 ассоциированных партий и 7 партий-наблюдателей.

Конгресс ПЕС проходит каждые 2,5 года. На нем определяется политическая ориентация партии, избираются Президент и вице-президенты. Если Конгресс проводится в период перед выборами, то на нем должен быть принят единый манифест для данных выборов. На сегодня прове-

дено 7 Конгрессов: 1992 год — Гаага, 1995 год — Барселона, 1997 год — Мальме, 1999 год — Милан, 2001 год — Берлин, 2004 год — Брюссель, 2006 год — Порто.

Совет ПЕС собирается каждый год (если в этом году нет заседания Конгресса). На Совете обсуждаются конкретные направления политики партии и основные на данный период вопросы. Последний Совет ПЕС прошел 1–2 декабря 2008 года в Мадриде.

Конференция лидеров — собрание премьер-министров и лидеров партий, входящих в ПЕС, накануне саммитов Европы для обсуждения важных вопросов их повестки. Последняя конференция состоялась 5 ноября 2008 года.

Президентский Совет избирается Конгрессом и является высшим органом управления партии. Он собирается каждые 2–4 месяца в период между Конгрессами и принимает решения по руководству партией. В состав Совета входят: Президент (возглавляющий заседания); один представитель каждой входящей полноправной партии или организации; представитель ассоциированной партии или организации; Генеральный секретарь и Председатель парламентской фракции в Европарламенте.

Генеральный секретарь следит за выполнением решений органов партии, подготовкой и проведением встреч, как на внутреннем, так и на международном уровне. Наряду с этим он созывает координационную группу и председательствует на ее заседаниях.

Координационная группа собирается 4–5 раз в год для обсуждения текущих вопросов, в том числе финансирования ПЕС, планирования деятельности и своевременного реагирования на внутренние и внешние события. В эту группу входят главы международных департаментов партий-членов ПЕС и организаций-членов Президентского совета.

Секретариат ПЕС находится в Брюсселе и обеспечивает повседневную работу партии.

«**Молодые европейские социалисты**» и «**Женщины ПЕС**» — организации, входящие в состав ПЕС.

2.5 Представители руководства ПЕС

Пол Нюроп Расмуссен (Poul Nyrup Rasmussen) родился 15 июня 1943 года. Датский политик, с 1992 по 2002 год лидер правящей социал-демократической партии, с 1993 по 2001 год премьер-министр Дании, в настоящее время член Европарламента и Председатель ПЕС.

Имеет высшее экономическое образование. Во время учебы в Университете Копенгагена был активным участником социал-демократического студенческого союза «Frit Forum». Женат, имеет двух приемных дочерей и двух внуков.

В 2006 году переизбран Президентом ПЕС на ближайшие 2,5 года. Основной задачей для себя Расмуссен объявил сохранение единства партии. Уже объявлено, что по истечению срока правления Расмуссен не намерен выдвигать свою кандидатуру на новый срок.

Филипп Кордери (Philip Corderoy) родился 17 апреля 1966 года во Франции. Женат, имеет троих детей. Окончил парижский университет X Nanterre, имеет лингвистическое образование в области юриспруденции и экономики. В 1992–93 годах работал в команде председателя Национального собрания Франции. Является членом ФСП с 1985 года. В 1990 году стал международным секретарем молодежной организации ФСП. Кордери активно участвовал в создании ассоциации социалистических и социал-демократических молодежных движений Евросоюза «Молодые социалисты Европы» и в 1992 году стал первым Генеральным секретарем этой организации. Занимал эту должность до 1997 года. Проработав год с ПЕС, Кордери был назначен главой международного отделения ФСП (1998–2004 гг.). С 1994 года Кордери — член Национального совета ФСП. 15 июня 2004 года был назначен Генеральным секретарем ПЕС.

Мартин Шульц (Martin Schulz) родился 20 декабря 1955 года. Член Европарламента от СДПГ, председатель фракции ПЕС в Европарламенте, член Комитета по гражданским свободам, справедливости и внутренним делам. Член СДПГ с 1991 года. С 1987 по 1998 год был мэром Вюрселена. С 1994 го-

да член Европарламента и координатор фракции ПЕС. С 2002 по 2004 год вице-председатель фракции ПЕС в Европарламенте, с 2004 года председатель фракции ПЕС в Европарламенте.

Зита Гурмай (Zita Gurmai) родилась первого июля 1965 года в Будапеште. Венгерский политик, с 1995 года член Соцпартии; с октября 2004 года президент женской организации ПЕС «Женщины ПЕС» (PES Women); вице-президент Комиссии Европарламента по правам женщин и гендерному равенству; член Комиссии по региональному развитию; вице-президент женского Социнтерна (избрана в 1999 г.). В настоящее время работает над проектом международного форума по вопросам женщин и глобализации.

Джакомо Филибек (Giacomo Filibeck) родился в 1978 году в Италии. С 2005 года по настоящее время президент молодежной организации ПЕС «Молодые европейские социалисты». Уже в старших классах Филибек активно участвовал в деятельности неправительственных молодежных движений, занимая ведущие позиции на национальном и международном уровнях. Он оказал огромное влияние на решение многих вопросов, связанных с молодежной политикой.

Мерседес Брессо (Mercedes Bresso) родилась 12 июня 1944 года в Санремо. Итальянский политик, президент группы социалистов в Комитете по регионам. С 1973 года профессор Политехнического университета в Турине; в 1994–95 годах региональный министр по территориальному планированию и паркам; с 1995 по 2004 год избиралась президентом провинции Турин и президентом Союза провинций Пьемонта; с 1998 по 2004 год член Комиссии по регионам (возглавляла делегацию провинций Италии); в 2005 году стала президентом Пьемонта, членом союза провинций Италии по международным и европейским делам; с февраля 2006 года лидер группы социалистов в Комитете по регионам.

2.6 Взаимодействие ПЕС с Россией, в том числе с партией «Справедливая Россия»

Первые официальные контакты между ПЕС с российскими социал-демократами состоялись летом 2005 года, когда

руководство ПЕС впервые пригласило на заседание своего Совета, проходившее в Вене, представителей Социал-демократической партии России — председателя СДПР В. Кишенина и международного секретаря Б. Гуселетова.

20–22 октября 2005 года Генеральный секретарь ПЕС Ф. Кордери посетил Москву с ответным визитом для участия в международной конференции «Левая альтернатива — социал-демократический проект для России», организованной СДПР. В этой конференции приняли участие представители социал-демократических партий Беларуси, Голландии, Литвы, Молдовы, Польши, Франции, Швеции и Украины. Из российских политиков в Конференции приняли участие депутаты Госдумы Г. Гудков и С. Глазьев¹.

В октябре 2006 года по приглашению Председателя ПЕС П. Расмуссена штаб-квартиру партии в Брюсселе посетила российская делегация в составе депутатов Государственной Думы Г. Гудкова, В. Гартунга, А. Гришневикина и международного секретаря СДПР Б. Гуселетова. Российская делегация встретила с Председателем ПЕС П. Расмуссеном, ее Генеральным секретарем Ф. Кордери, а также группой депутатов-социалистов в Европарламенте.

В ноябре 2006 года делегация СДПР в составе В. Кишенина и Б. Гуселетова приняла участие в последнем съезде ПЕС, прошедшем в Порту. В ходе заседания российские представители встретились с Председателем и Генеральным секретарем ПЕС, а также лидерами ведущих партий, входящих в ПЕС, в том числе А. Гузенбауэром (Социал-демократическая партия Австрии) и другими².

Сергей Миронов встретился с руководителем группы социалистов в Европарламенте Мартином Шульцем.

¹ Дидевич А. Европа помогает левым демократам России объединиться // Общественно-политический журнал «Социнтерн в России». — 2006. — Весна. — № 1. С. 19–20.

² Делегация СДПР представляла Россию на съезде Партии европейских социалистов // Общественно-политический журнал «Социнтерн в России». — 2006. — Весна. — № 1. С. 28–30.

9 ноября 2007 года в Брюсселе Председатель Совета Федерации, Лидер партии «Справедливая Россия» С. Миронов встретился с руководителем группы социалистов в Европарламенте М. Шульцем. С. Миронов рассказал своему европейскому коллеге о политической ситуации в России накануне участия «Справедливой России» в избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы. С. Миронов выразил признательность М. Шульцу за стремление развивать и укреплять сотрудничество с российскими социал-демократами, а также подчеркнул, что партия «Справедливая Россия» ценит позицию группы социалистов в Европарламенте за объективность и взвешенность.

Он предложил после выборов в Государственную Думу подписать договор о сотрудничестве между партией «Справедливая Россия» и Партией европейских социалистов (ПЕС). С. Миронов также предложил наладить регулярный обмен депутатскими группами «Справедливой России» и ПЕС.

С. Миронов пригласил Шульца и его коллег посетить Россию в апреле — мае 2008 года. В заключение лидеры обменялись мнениями по поводу ситуации вокруг Косово и возможных совместных шагах со стороны России и ЕС по урегулированию этой проблемы, которая в случае неблагоприятного развития событий может привести к самым негативным последствиям в мире».

Н. Левичев и М. Шульц подписали Меморандум о взаимопонимании между фракцией партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе и группой социалистов в Европарламенте¹.

9–10 апреля 2008 года состоялся визит в Брюссель Секретаря Политбюро Президиума Центрального совета партии «Справедливая Россия», руководителя думской фракции Николая Левичева, его коллеги по фракции Киры Лукьяновой

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/5945.smx>

и советника Председателя партии «Справедливая Россия» по международным вопросам Бориса Гуселетова.

Российских делегатов принял Председатель группы социалистов Европарламента Мартин Шульц и его заместители Ханес Свобода и Ян-Маринус Виерсма. На встрече обсуждались формат и перспективы сотрудничества партии «Справедливая Россия» с европейскими социалистами. Стоит отметить, что эти переговоры стали первой встречей представителей фракции Европарламента с представителями фракции Государственной Думы. В беседе Н. Левичев дал подробный анализ политической ситуации в стране, ответил на вопросы европейских коллег. По итогам встречи стороны подписали Меморандум о взаимопонимании (см. Приложение 1).

Председатель группы социалистов М. Шульц рассказал российским гостям о попытках некоторых членов Европарламента от стран Балтии от правых партий убедить Европарламент пересмотреть итоги Второй мировой войны и приравнять коммунизм к фашизму. Шульц заявил о том, что является категорическим противником пересмотра истории и жестким оппонентом прибалтийских коллег.

Затем российская делегация посетила штаб-квартиру ПЕС, где ее принял Генеральный секретарь ПЕС Ф. Кордери. Во встрече приняла участие Катрин Сакс — руководитель группы Европарламента по сотрудничеству с соседними странами, депутат от Эстонии. На переговорах обсуждался план визита делегации ПЕС в Москву, который состоялся 25–26 июня 2008 года.

Российские гости встретились с депутатом Европарламента Александрой Доболи, возглавляющей Комитет Социнтерна по странам СНГ и Кавказа. Она заявила о том, что является сторонницей скорейшего принятия партии «Справедливая Россия» в Социалистический интернационал.

В конце визита делегация партии «Справедливая Россия» встретила с Председателем ПЕС П. Расмуссенем в его офисе депутата Европарламента. В ходе этой встречи состоя-

лось обсуждение перспектив развития сотрудничества между «Справедливой Россией» и ПЕС.

В Москве прошел II Международный социалистический форум «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке — социалистическая стратегия»¹.

24 апреля 2008 года в «Президент-отеле» по инициативе партии «Справедливая Россия» прошел II Международный социалистический форум «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке — социалистическая стратегия».

Форум собрал гостей со всех концов планеты. В его работе приняли участие представители 26 социал-демократических партий из 19 стран, российские ученые, деятели культуры. Среди членов президиума форума — Председатель партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов, Секретарь Политбюро Президиума Центрального совета партии, руководитель думской фракции «Справедливая Россия» Николай Левичев, координатор группы социалистов в Европарламенте, председатель Комитета Социалистического интернационала по связям со странами СНГ и Закавказья А. Доболи, лидер Социалистической партии Украины А. Мороз и другие.

Депутат Европарламента от соцпартии Венгрии, член руководства ПЕС и председатель Комитета Социнтерна по связям со странами СНГ и Закавказья А. Доболи рассказала об актуальных проблемах левых сил в ее стране. По ее словам, в Венгрии и в целом в Европе социалистическим партиям сегодня брошен серьезный вызов. Политические оппоненты левых в своей агитации активно используют «демагогию и популизм». А. Доболи выразила уверенность, что социализм — единственно верный путь развития современных государств и появление на политической арене России влиятельной социал-демократической партии отвечает требованиям времени.

¹ Материалы II Международного социалистического форума «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке — социалистическая альтернатива» / под редакцией В.Н. Шевченко. — М.: Ключ-С, 2008. — 248 с.

На брифинге для прессы лидер партии «Справедливая Россия» рассказал об основных направлениях международной деятельности партии. Это, в первую очередь, взаимодействие с Социнтерном, в котором сегодня представлено 170 партий из 130 государств, в 53 из которых социалисты являются правящей партией. С. Миронов напомнил, что он включен в состоящую из 14 человек Комиссию Социнтерна по устойчивому развитию.

Не менее важна работа со странами СНГ и дружественными государствами и сотрудничество с ПЕС, которая сегодня представлена второй по численности фракцией Европарламента. «Меморандум о взаимопонимании был подписан 9 апреля фракцией “Справедливая Россия” в Государственной Думе и группой социалистов Европарламента», — подчеркнул Миронов. При этом, по его словам, встречи с европейскими политиками неизменно демонстрируют, насколько слабо они информированы о происходящем в России. Сотрудничество «Справедливой России» с левыми партиями Запада призвано способствовать формированию правдивого образа России в глазах западных политических элит.

25–26 июня 2008 года Москву посетила рабочая группа Партии европейских социалистов¹.

25 июня в Государственной Думе состоялась встреча депутатов фракции «Справедливая Россия» во главе с ее председателем Николаем Левичевым с рабочей группой ПЕС.

Рабочая группа ПЕС по работе со странами-соседями прибыла в Москву 25 июня 2008 года. Цель визита — расширение политического и парламентского сотрудничества. В составе группы видные политические деятели ЕС, члены Европарламента и депутаты национальных парламентов стран-членов ЕС. Делегацию ПЕС возглавляет Питер Шидер. В ее составе около 20 человек, представляющих 11 партий-членов ПЕС.

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/6572.smx>

Н. Левичев отметил, что некоторых гостей российские депутаты хорошо знают по Брюсселю, где они вместе работают в рамках общеевропейских парламентских институтов.

Руководитель рабочей группы П. Шидер заявил, что главной задачей, которую ставили перед собой европейские социалисты, было увидеть и напрямую познакомиться с партией, исповедующей социал-демократические идеалы и представленной в российском парламенте. И, кроме того, выслушать мнение с российской стороны по поводу отношений между Евросоюзом и Россией.

Делясь впечатлениями от встречи с российскими коллегами, П. Шидер подчеркнул: «Могу признаться, что сегодня мы провели очень интересное совещание. Нам очень понравилось, как открыто, честно российские политики задавали свои вопросы, и так же отвечали на все наши». При этом он добавил, что завтра европейской делегации предстоит встреча с Председателем Совета Федерации, лидером партии «Справедливая Россия» С. Мироновым. В ходе предстоящей беседы гости надеются еще более подробно ознакомиться с деятельностью и первоочередными задачами «Справедливой России». Отвечая на вопрос о перспективах развития социалистического общества в России, он подчеркнул: «Могу откровенно сказать, что мы были удивлены таким сильным стремлением российских коллег продолжать развитие социальных реформ». Европейский политик полностью уверен в необходимости внедрения новых социалистических программ в жизнь России. «Это очень важно не только для всей Европы, но и для нас, европейских социалистов», — заключил он.

Руководитель фракции «Справедливая Россия» Н. Левичев подчеркнул, что представительная делегация ПЕС прибыла специально для того, чтобы поставить диагноз «той партии, которая наконец-то стала парламентской, провозгласив социал-демократические лозунги».

25 июня 2008 года Председатель партии «Справедливая Россия» С. Миронов встретился с рабочей группой ПЕС.

В ходе встречи стороны обменялись мнениями по проблемам межпарламентского сотрудничества, а также провели консультации по актуальным проблемам. С. Миронов отметил, что встреча проходит накануне проведения Конгресса Социнтерна, который состоится в Афинах с 30 июня по 2 июля 2008 года.

23 сентября 2008 года в Брюсселе состоялось заседание рабочей группы Европарламента по связям России и Евросоюза.

Депутат фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Кира Лукьянова встретила с представителями группы социалистов в Европарламенте: заместителем руководителя группы Ян Маринусом Виерсмой (Голландия) и депутатами группы Джульетто Кьезой (Италия) и Рейно Паасилиной (Финляндии).

По итогам встречи К. Лукьянова сказала, что зарубежные коллеги «задавали вопросы о том, как представители “Справедливой России” видят отношения между Россией и Европарламентом после событий в Южной Осетии». Она отметила положительный настрой представителей ПЕС. «Они понимают, что этот вопрос неоднозначный, и готовы к сотрудничеству с нами, готовы оказывать помощь в устранении последствий вооруженного конфликта в Южной Осетии».

Лидер «Справедливой России» С. Миронов и руководитель фракции в ГД Н. Левичев встретились с Делегацией группы социалистов в Европарламенте во главе с ее председателем М. Шульцем¹.

В Москве 1 октября 2008 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации прошли переговоры Председателя верхней палаты российского парламента, лидера партии «Справедливая Россия» С. Миронова и руководителя фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Н. Левичева с руководством группы соци-

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/7248.smx>

алистов в Европарламенте во главе с ее Председателем М. Шульцем.

С. Миронов отметил, что за прошедшее время представители «Справедливой России» и ее думской фракции активно сотрудничали с группой социалистов (второй по численности) в Европарламенте. Он напомнил, что в апреле 2008 года в Брюсселе фракция «Справедливая Россия» в Государственной Думе и группа социалистов в Европарламенте подписали Меморандум о взаимопонимании. «Впервые в истории российского парламентаризма фракция Государственной Думы подписала соглашение о сотрудничестве с фракцией Европарламента», — подчеркнул С. Миронов.

Лидер партии поблагодарил М. Шульца и его фракцию за содействие и поддержку партии «Справедливая Россия» на пути ее вступления в Социалистический интернационал.

С. Миронов выразил признательность европейским коллегам за то, что при принятии в ПАСЕ резолюции по Южной Осетии депутаты группы социалистов в Европейском парламенте искреннее старались разобраться в ситуации и не пытались во всем обвинить Россию. «Люди прекрасно понимали: агрессия есть агрессия», — заявил лидер партии.

Как подчеркнул в связи с этим М. Шульц, для группы социалистов в Европарламенте одним из приоритетных вопросов является решение проблемы, связанной «с соотношением права на самоопределение и принципов территориальной целостности государств». Он также выразил благодарность российским коллегам за гостеприимство. «Я полностью согласен, что наш разговор прошел в очень хорошей, дружеской атмосфере», — заявил он. При этом он особо отметил: «Я возглавляю группу социалистов в Европарламенте, в которой 218 человек, представляющих 37 стран мира. У нас всегда идут активные дебаты, так как каждый из нас имеет право на свое мнение. И по некоторым вопросам часто у нас бывают разные позиции. Но нас объединяет общее понимание необходимости развития стабильных и дружественных отношений Евросоюза и России».

М. Шульц выразил уверенность в том, что «Европа и Россия нужны друг другу». «Это касается и международных отношений, и финансовых рынков, и взаимодействия в сфере энергетических ресурсов», — заключил представитель европейских социалистов.

Делегация «Справедливой России» приняла участие в заседании Совета ПЕС, состоявшемся 1–2 декабря 2008 года¹.

30 ноября 2008 года делегация партии «Справедливая Россия» прибыла в Мадрид для участия в заседании Совета ПЕС. В состав российской делегации вошли председатель Совета партии по международным вопросам, член Совета Федерации Александр Подлесов и руководитель Международного управления партии «Справедливая Россия» Борис Гуселетов.

Заседание Совета ПЕС началось 1 декабря. В нем приняли участие более 400 делегатов и гостей. Это была последняя встреча в таком формате накануне предстоящих в июне 2009 года выборов в Европарламент. Поэтому основным вопросом повестки дня стало принятие предвыборного Манифеста ПЕС и утверждение стратегии участия партии в этих выборах.

Представители «Справедливой России» приняли участие в круглом столе на тему «Союз Черного моря: партнерство во имя мира». Он был организован по инициативе группы социалистов в Европарламенте и стал продолжением международной конференции, прошедшей в Софии в ноябре этого года.

Заседание вели заместители руководителя группы социалистов Я.М. Виерсма (Голландия) и Х. Свобода (Австрия), представитель ИСРП Х. Педрет и представитель «Справедливой России» А. Подлесов. Участники круглого стола обменялись мнениями по поводу ситуации в Черно-

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/7671.smx>

морском регионе. Было рассмотрено предложение группы социалистов о создании на базе уже существующих в этом регионе международных организаций Союза Черного моря. Участники заседания — представитель Австрии П. Шидер и представитель Румынии А. Северин выступили за то, чтобы основными инициаторами подобного союза стали Евросоюз, Россия и Турция. При этом возможность участия в нем США была встречена весьма скептически.

Представитель армянской партии Дашнакцутюн М. Налбандян отметил большой вклад России в разрешение ряда конфликтов в этом регионе. С интересом участники круглого стола выслушали выступление А. Подлесова, который поддержал необходимость дальнейшего обсуждения идеи создания Союза Черного моря с участием всех заинтересованных сторон. Он подчеркнул, что Россия всегда с уважением относилась к любым позитивным инициативам, направленным на укрепление международного сотрудничества и снижение напряженности, особенно в таком сложном регионе. Участники встречи приняли решение провести следующее заседание этого круглого стола в январе 2009 года в Румынии. На нем обсудались конкретные пути и механизмы реализации идеи создания Союза Черного моря.

В течение первого дня заседания Совета ПЕС делегация «Справедливой России» провела ряд двусторонних встреч и переговоров. А. Подлесов передал Президенту ПЕС П.Н. Расмуссену послание лидера партии «Справедливая Россия» С. Миронова участникам заседания Совета. П.Н. Расмуссен заявил, что ПЕС очень высоко ценит сотрудничество с партией «Справедливая Россия», которое является взаимовыгодным.

Состоялись переговоры А. Подлесова и Б. Гуселетова с руководителем группы социалистов в Европарламенте М. Шульцем, председателем Комиссии Социнтерна по странам СНГ, Кавказа и Черного моря А. Доболи и другими деятелями Социнтерна.

3. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Становление социал-демократии в современной России — процесс сложный и малоисследованный. Правда, в последнее время появился ряд публикаций на эту тему¹. В них дано неплохое описание истории возникновения и становления социал-демократического движения в нашей стране.

С некоторой долей условности процесс становления в нашей стране социал-демократического движения можно разбить на четыре этапа:

1991–93 годы — попытка, с одной стороны, трансформации части бывшей КПСС в постсоветскую социал-демократическую партию — народную партию «Свободная Россия» (НПСР), а с другой, становления некоммунистической Социал-демократической партии России (СДПР);

1993–2000 годы — период стихийного формирования в России многочисленных партий социал-демократической и социалистической ориентации;

2000–06 годы — попытка объединения многочисленных социал-демократических и социалистических партий России;

2006 год — по настоящее время — возникновение партии «Справедливая Россия», объединившей большинство основных левых партий России и впервые в истории постсоветской России добившейся представительства социал-демократов в Государственной Думе.

Рассмотрим последовательно каждый из этих этапов.

¹ Работяжев Н.В., Романов Б.С. Российская социал-демократия: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 9.; Кудюкин П.М. Партии социал-демократической и социалистической ориентации в современной России. Социал-демократия в Европе на пороге XXI века // Актуальные проблемы Европы. — М.: ИНИОН РАН, 1998. — № 1; Кудюкин П.М. Типы социал-реформистских организаций на территории бывшего СССР // Альманах «Форум»: Политическая культура и общественные сдвиги. — М., 1996.

1. Становление в России социал-демократии (1991–93 гг.): два пути, две стратегии.

В последние годы существования Советского Союза и КПСС в стране стали формироваться некие зачатки социал-демократии, многие годы находившейся под полнейшим политическим запретом. С началом перестройки и ослаблением идеологической и политической роли КПСС в СССР началось идейное и организационное становление социал-демократии, которое пошло по двум направлениям. С одной стороны, внутри КПСС сформировалась так называемая демократическая платформа, а с другой, в самом конце 80-х возникла некоммунистическая (скорее даже антикоммунистическая) Социал-демократическая партия Российской Федерации СДПР¹.

К сожалению, на последнем XXVIII съезде КПСС, несмотря на определенное представительство среди делегатов сторонников демократической платформы, они так и не смогли его организационно оформить и вскоре после съезда лидеры демплатформы вместе с группой сторонников вышли из Компартии и сформировали собственную партию, которая имела уже не социал-демократическую, а скорее либерально-консервативную ориентацию и получила название республиканская.

После распада СССР и ухода КПСС с политической арены значительная часть сторонников демократической платформы, остававшихся в КПСС и сформировавших в начале 90-х годов движение «Коммунисты за демократию» во главе с вице-президентом России А. Руцким и депутатом первого созыва Государственной Думы (1993–95 гг.) В. Липицким, создали в 1991 году Демократическую партию коммунистов России, которая затем была преобразована в новую партию социал-демократической ориентации Народную

¹ См.: Любин В.П. Трудное восстановление социал-демократии в России в 80–90-е годы // Деятельность СДПР. Социал-демократия сегодня: Сборник статей. — М.: РАН ИНИОН, 2003. — Выпуск 2.

партию «Свободная Россия» (НПСР)¹. В 1991–93 годах эта партия была достаточно массовой и популярной. Она выступала за проведение в России последовательных экономических и политических реформ *социал-демократического* типа в интересах большинства и была активным противником политики шоковой терапии Ельцина — Гайдара. Но после событий 1993 года, когда страна раскололась на два антагонистических лагеря сторонников и противников первого президента России Б. Ельцина, волею судеб одним из лидеров лагеря его противников оказался председатель НПСР А. Руцкой. После событий осени 1993 года (разгрома Верховного Совета и ареста А. Руцкого) НПСР практически попала под запрет, ее влияние резко пошло на убыль.

В мае 1994 года на II съезде НПСР была переименована в Российскую социал-демократическую народную партию (РСДНП), представлявшую «почвенническое» течение в российской социал-демократии. Особенность РСДНП заключалась в том, что она пыталась синтезировать социал-демократические установки с национально-патриотическими. Вскоре партия пережила раскол. Та часть РСДНП (во главе с В. Липицким), которая ориентировалась на социал-демократические ценности, приняла участие в создании Российского социал-демократического союза (РСДС). Другая же фракция, тяготеющая к национал-патриотическим воззрениям и возглавляемая А. Руцким, в 1995 году трансформировалась в социал-патриотическое движение «Держава», стоявшее на правоконсервативных позициях. Однако это не помогло партии возродиться и вскоре она исчезла с политической арены страны.

¹ Медведев Р. Генерал Руцкой и его партия // Левая газета. — 1993. — № 6 (12). С. 4–5. О деятельности лидера Демократической партии коммунистов России (ДПКР) и НПСР; Мы — за единую Россию // Хроника. — 1991. — № 72. С. 2. Интервью с лидером Народной партии «Свободная Россия» А. Руцким о деятельности партии; Народная партия «Свободная Россия» // Альтернатива. — 1992. — № 1 (15). С. 4. (Материал пресс-службы НПСР).

СДПР возглавляемая депутатом Верховного Совета РСФСР О. Румянцевым и известным ученым Б. Орловым была весьма активна. Ее руководство поддержало политику Ельцина. О. Румянцев занял пост ответственного секретаря Конституционной комиссии РФ. Член СДПР П. Кудюкин стал заместителем министра труда и занятости в правительстве России (1991–93 гг.).

Тем не менее выборы в Государственную Думу 1993 года не принесли успеха ни НПСР, ни СДПР. Хотя ряд членов этих партий сумели пройти в Государственную Думу либо по одномандатным округам (тот же В. Липицкий), либо по спискам других партий (члены СДПР А. Голов и О. Беклемищева прошли по спискам «Яблока»), тем не менее ни одна из этих партий не была институционально представлена в Государственной Думе. Этот результат стал логичным, хотя и весьма печальным итогом первого этапа становления социал-демократии в постсоветской России. Как оказалось, ни посткоммунистическая, ни антикоммунистическая версии социал-демократии оказались политически, идеологически не востребованы в первые годы становления новой России.

Радикальные либералы под руководством Ельцина, Гайдара и Чубайса, захватившие лидирующие позиции в структурах исполнительной власти, сделали ставку на радикализацию политической сферы. Им было выгодно иметь в качестве основного политического оппонента по форме весьма радикальную Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ) под руководством Г. Зюганова. В общественном сознании КПРФ ассоциировалась с КПСС, которая большинством населения продолжали восприниматься негативно. А в политической борьбе лидеры КПРФ неоднократно демонстрировали хоть и скрытую, но абсолютную лояльность, что вполне устраивало Ельцина и его окружение.

Естественно, что в условиях такой идейно-политической радикализации политического спектра социал-демократы с их призывами к толерантности, постепенности и соци-

альному партнерству были совершенно не востребованы. Попытки лидеров НПРФ А. Рудцкого и СДПР О. Румянцева примкнуть к одному из враждующих лагерей не были поддержаны большинством членов их партий и вполне логично привели к неудаче. Но тем не менее многочисленные сторонники социал-демократической идеологии в России никуда не делись. После ухода с политической арены НПСР и раскола СДПР попытки создания новых некоммунистических левоцентристских партий продолжились. И это стало сутью второго этапа становления социал-демократии в постсоветской России.

2. Период стихийного формирования в России многочисленных партий социал-демократической и социалистической ориентации (1993–2000 гг.).

К следующим выборам в Государственную Думу 1995 года в России возникло порядка десяти новых партий социал-демократической и социалистической ориентации. После выборов в 1993 году начались переговоры между представителями НПСР, фракцией объединенных социал-демократов в СДПР (выступавших против позиции О. Румянцева), российского социал-демократического центра (РСДЦ), созданного О. Румянцевым, партией труда, инициаторами создания которой были Б. Кагарлицкий, А. Бузгалин и А. Исаев, Партией зеленых П. Шубина и представителями руководства ФНПР о создании новой партии лейбористского типа. Итогом этих переговоров стало создание в 1994 году Российского социал-демократического союза (РСДС), лидером которого стал В. Липицкий. Кроме этого, активно заявили о себе Социалистическая партия трудящихся (СПТ), возникшая еще в 1991 году и возглавляемая Л. Вартазаровой и Р. Медведевым; Партия самоуправления трудящихся (ПСТ) известного ученого-офтальмолога С. Федорова; Аграрная партия России (АПР) М. Лапшина, сумевшая даже пройти в Государственную Думу первого созыва.

Наибольших успехов на выборах 1993 и 1995 годов добилась Партия самоуправления трудящихся благодаря

харизме ее лидера С. Федорова и тому, что он при создании своего Межотраслевого научно-технического комплекса (МНТК) «Микрохирургия глаза» на практике стремился к реализации тех социально-экономических принципов, за которые ратовал он сам и его партия. Политические перспективы ПСТ казались вполне хорошими, даже несмотря на то, что на выборах в Государственную Думу 1999 года партия Федорова, объединившись с движением генерала А. Николаева, выступила не очень удачно. Но после трагической гибели Святослава Федорова в 2000 году деятельность ПСТ стала постепенно затухать и вскоре она совсем сошла с политической арены.

К моменту проведения выборов в Государственную Думу второго созыва 1995 года в дополнение к уже перечисленным партиям возникли «Блок И. Рыбкина»¹, блок «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда», движение «Социал-демократы» Г. Попова и другие². Но ни одно из этих политических образований, объявивших себя организацией левого некоммунистического толка, не сумело преодолеть 5%-ный барьер и быть представленным в Государственной Думе. Ряд из них сумели провести своих представителей по одномандатным округам, например, АПР провела 20 депутатов, «Блок И. Рыбкина» — 3, ПСТ — 1, блок «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда» — 1.

Позднее возникло еще несколько новых левоцентристских партий и организаций — Социалистическая партия России И.П. Рыбкина, Партия социальной демократии А.Н. Яковлева, «Союз реалистов» Ю. Петрова, Русская социалистическая партия В. Брынцалова, Социалистическая

¹ Рыбкин И.П. Будущее России рождается сегодня // Будущее европейской социал-демократии. Русский перевод. — М.: Изд-во Международного гуманитарного фонда «Знание», 1998. — 432 с.

² Швейцер В.Я. Становление социал-демократической идеологии в России // Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева / отв. ред. А.А. Галкин. — М.: ООО «Оверлей», 2003. — 326 с.

народная партия России М. Шаккума, Социал-демократическая ассоциация О. Румянцева, Партия пенсионеров и др.¹

Большинство этих партий участвовали в выборах в Государственную Думу третьего созыва 1999 года и ни одна из них не смогла преодолеть 5%-ный барьер, что было совершенно не случайно. С одной стороны, программные документы и предвыборные лозунги этих партий практически не отличались друг от друга. С другой стороны, избиратели с большим подозрением относились к большинству лидеров этих партий, заявлявших о своем стремлении защищать интересы трудового народа, поскольку многие из них (например, В. Брынцалов, М. Шаккум и др.) представляли крупный бизнес, который в большинстве своем носил в России в те времена откровенно криминальный характер.

Как видно из представленной картины, отличительная черта этого периода становления социал-демократии в России — ее значительная фрагментация. Эта особенность была свойственна в то время не только социал-демократам, но и представителям всех других политических течений. У социал-демократов она проявилась особенно ярко. Причинами этого явления, помимо отмеченной уже ранее поляризации российского политического спектра, которая весь период правления Ельцина неуклонно сохранялась, были:

— отсутствие широкой социальной базы социал-демократии, которая в большинстве европейских стран, где социал-демократия стала ведущей политической силой, представляла собой средний класс. В России же в конце XX века общество было предельно поляризовано на небольшую группу весьма богатых людей и огромный социальный слой людей, находившихся у черты бедности или даже за ее чертой и влачивших жалкое существование. Причем многие из них

¹ Политические партии и демократия в постсоветской России. Партии социал-демократической и социалистической ориентации. — М.: ИНИОН, 1998. — 63 с.

в советское время были представителями весьма престижных профессий (врачи, учителя, ученые, инженеры, военные и пр.) и имели вполне сносный уровень жизни. Большинство из них категорически не приняли радикально-либеральные реформы Ельцина и активно поддерживали КПРФ, которая последовательно выступала против реформ;

— негативный политический имидж «социал-демократов», который в годы советской власти последовательно вбивался в массовое сознание. В школьных и университетских учебниках истории советской поры социал-демократы назывались не иначе как ревизионисты, отступники, а нередко и пособниками капитализма и т.д. В постсоветской же России это политическое течение практически замалчивалось, а термин «левые» в основном применялся к коммунистам, что опять-таки не способствовало улучшению имиджа социал-демократов;

— сам институт политических партий и представительных органов власти в ельцинской России не играл практически никакой роли. Все основные властные рычаги были сосредоточены в исполнительных органах власти, формирование которых находилось под полным контролем президента и его администрации (на федеральном уровне), губернаторов и мэров (на региональном и местном уровнях). Поэтому требования к созданию политической партии были минимальны и любой более или менее состоятельный человек мог позволить себе содержать партию, которая фактически становилась его «собственностью». Естественно, что социал-демократам, всегда выступавшим за развитие представительной демократии и верховенства закона, в таких условиях было вдвойне трудно конкурировать как с коммунистами, так и с радикал-либералами, пренебрежительно относившихся к институтам демократии и права;

— институты гражданского общества (неправительственные организации, профсоюзы, молодежные, женские, общественные организации) в ельцинской России были практически не развиты, а ведь именно эти организации являются

питательной средой современной социал-демократии и их основными партнерами в общественно-политической борьбе за интересы трудящихся;

— уровень политической культуры, особенно культуры консенсуса и поиска компромисса, в постсоветской России был крайне низок, как в самом обществе, так и в политической элите. Советская эпоха оставила нам в наследство политическую культуру, основанную на принципе «кто не с нами, тот против нас», которая в эпоху Ельцина, особенно после событий 1991–93 годов еще больше окрепла, особенно в политической элите. Поэтому социал-демократам, которые всегда выступают за политический и социальный компромисс, социальное партнерство, эволюционный путь развития, было весьма трудно найти свою нишу в подобной общественно-политической среде¹;

— социал-демократия, в том числе российская, интернациональна по своей сути. Не случайно с самого момента своего возрождения новая российская социал-демократия активно апеллировала к результатам деятельности своих западных единомышленников в Швеции, Германии, Великобритании и т.д. Если в начале 90-х годов подобного рода апелляции имели некоторый позитивный резонанс в массовом общественном сознании, то к концу 90-х годов, когда большинство россиян были разочарованы политикой Запада в отношении России, подобная политическая позиция отнюдь не способствовала росту популярности российских социал-демократов².

Таким образом, к началу 2000 года положение российской социал-демократии выглядело угрожающе печальным: наличие огромного числа малочисленных и невлиятельных социал-демократических партий и организаций, не имеющих серьезной социальной опоры и организационной струк-

¹ Гаджиев К.С. Размышления о политической культуре современной России // Мировая экономика и международные отношения. — 1996. — № 2. С. 39.

² Орлов Б. Социал-демократия: история, теория, практика: Работы 2000–2005 гг. РАН ИНИОН. — М.: Собрание, 2005. — 712 с.

туры, а также влиятельных лидеров в центре и на местах. Таковым было положение российской социал-демократии накануне третьего этапа ее становления.

3. Попытка объединения многочисленных социал-демократических и социалистических партий России (2000–07 гг.).

В начале 2000 года руководители и представители ряда социал-демократических партий и организаций решили обратиться к бывшему Президенту СССР М. Горбачеву с призывом объединить и возглавить социал-демократическое движение в России. Момент был выбран не случайно, так как, с одной стороны, налицо был полнейший кризис российской социал-демократии, а с другой стороны, с уходом Ельцина с российской политической арены возвращение на нее М. Горбачева стало вполне возможным.

11 марта 2000 года М. Горбачев возглавил Российскую объединенную социал-демократическую партию (РОСДП), которая сумела объединить в своих рядах представителей примерно 12 социал-демократических партий и организаций¹. В руководство РОСДП вошли представители бывшей СДПР (Б. Орлов), РСДС (Б. Гуселетов, А. Лукичев), движения «Социал-демократы» (Г. Попов), Межнационального союза (А. Микитаев) и другие. РОСДП объявила себя наследницей традиций Российской социал-демократической рабочей партии РСДРП (меньшевиков). РОСДП выступила против «либерального фундаментализма, реализация которого в последние десять лет привела страну к упадку», и против стратегии догоняющей модернизации для России².

В 2001 году к инициативе М. Горбачева присоединилась и Партия социальной демократии (ПСД) губернатора

¹ Крук Н., Даудерштадт М., Герритс А. Социал-демократия в Центральной и Восточной Европе. Интеграция — Примирение — Стагнация / под редакцией Б. Гуселетова. — М.: Культурная революция, 2004. — 128 с.

² Социал-демократическая альтернатива для России: Материалы круглого стола с участием Председателя РОСДП М.С. Горбачева. — М.: Пресс-служба РОСДП, 2000. — 80 с.; Социальная база и перспективы развития социал-демократии в России. — М.: Пресс-служба РОСДП, 2000. — 72 с.

Самарской области К.А. Титова. ПСД была создана одним из бывших архитекторов перестройки (ныне покойным) А.Н. Яковлевым, перешедшим в эпоху Ельцина на радикально-реформаторские позиции. В начале своей деятельности ПСД позиционировала себя как праволиберальная партия. Но с приходом в партию К.Титова ПСД стала эволюционировать в сторону «новой» европейской социал-демократии, стоящей на позициях манифеста Т. Блэра и Г. Шрёдера «Европа: Третий путь». После серии консультаций была достигнута договоренность о создании на базе РОСДП и ПСД объединенной социал-демократической партии. 24 ноября 2001 года на учредительном съезде новой Социал-демократической партии ее лидером был избран М. Горбачев, председателем — К. Титов. На съезде была принята программа партии «Социал-демократическая альтернатива для России». В ней СДПР определила свою главную цель «в движении к открытому, справедливому и демократическому обществу, в котором осуществится интеграция общечеловеческих, социал-демократических и либеральных ценностей, рынок будет ориентирован на интересы человека, а равные возможности для всех сочетаться с защитой слабых»¹. Осенью 2001 года СДПР стала ассоциированным членом Социалистического интернационала.

В конце 2003 года в СДПР возник внутривнутрипартийный кризис, связанный с разногласиями по выбору стратегии участия в избирательной кампании в Государственную Думу четвертого созыва. М. Горбачев предложил выдвинуть полноценный список партии. Но под давлением К.Титова партия отказалась от участия в выборах по партийным спискам, ограничившись выдвижением нескольких кандидатов по одномандатным округам, из которых ни один не был избран². Весной 2004 года М. Горбачев ушел с поста лидера. Осенью

¹ См.: Программа СДПР. — М., 2003.

² Славин Б.Ф. «Правое» и «левое» в российской социал-демократии // Социал-демократы Европы в начале XXI века: время перемен: Сборник статей / отв. ред. Б.С. Орлов. — М.: РАН ИНИОН, 2006. С. 217–235.

этого же года К. Титов подал в отставку с поста председателя партии. Таким образом, еще один политический проект бывшего Президента СССР закончился неудачей¹.

На очередном III съезде СДПР в сентябре 2004 года председателем партии был избран В. Кишенин, бывший лидером списка избирательного блока Партия социальной справедливости — Партия пенсионеров, набравшего более 3% голосов избирателей на выборах депутатов Госдумы 2003 года. К сожалению, В. Кишенин, не обладая достаточным политическим опытом и твердыми социал-демократическими идеологическими установками, не сумел реанимировать этот угасающий политический проект. Единственным относительным достижением СДПР в период с 2004 по 2006 год было активное сотрудничество с международным социалистическим движением, включая постоянные контакты с Партией европейских социалистов (ПЕС)² и контакты с Социнтерном³.

21 октября 2005 года в Москве под эгидой СДПР и ПЕС впервые в истории российской социал-демократии прошла представительная международная конференция «Левая альтернатива: социал-демократический проект для России», в котором приняли участие лидеры российских социал-демократических и левоцентристских партий и движений, известные российские эксперты в области социал-демократии, а также представители ведущих европейских социал-

¹ Гуселетов Б.П. Политические реформы в СССР конца 90-х годов и эволюция левых сил в современной России: Материалы I китайско-российского форума мыслителей. — Пекин, 2006. — Ноябрь.

² Кордери Ф. Совместная работа сделает нас сильнее // Общественно-политический журнал «Социнтерн в России». — 2006. — Весна. — № 1. С. 16–18.

³ Социал-демократия для России: Интервью с Генеральным секретарем Социнтерна Л. Айялой // Общественно-политический журнал «Социнтерн в России». — 2006. — Весна. — № 1. С. 3–5; Социнтерн—СДПР: основные этапы сотрудничества и его перспективы: Интервью с Международным секретарем СДПР Б. Гуселетовым // Общественно-политический журнал «Социнтерн в России». — 2006. — Весна. — № 1. С. 12–15.

демократических партий Голландии, Франции, Швеции, Литвы, Польши и т.д.¹

19–20 мая 2006 года в Москве впервые прошло заседание Комитета Социнтерна по странам СНГ и Кавказа. В нем приняли участие Генеральный секретарь Социнтерна Л. Айяла, руководитель этого Комитета, депутат Европарламента А. Доболи, представители социалистических партий, социалистических и лейбористских партии Армении, Азербайджана, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Молдовы, Нидерландов, Польши, Украины, Франции, Швеции и других стран Европы и СНГ. Россию на заседании представляли В. Кишенин и Б. Гуселетов (СДПР), С. Глазьев и О. Шеин («Родина»), Г. Гудков (Народная партия РФ), И. Константинов (Партия социальной справедливости), С. Бабурин (партия «Народная воля») и др.²

В 2005–06 годах несколько раз возникали интересные проекты по объединению ряда левоцентристских партий. Вначале (2005 г.) была достигнута предварительная договоренность об объединении СДПР с Народной партией депутата Государственной Думы Г. Гудкова и Конституционно-демократической партией В. Волкова. Но после длительных переговоров, закончившихся неудачей, проект прекратил свое существование. В 2006 году лидеры четырех партий: СДПР (В. Кишенин), Народной партии (Г. Гудков), Партии социальной справедливости (А. Подберезкин)³ и Партии возрождения России (Г. Селезнев) — подписали коалиционное соглашение об объединении, конечной целью которого было создание накануне выборов депутатов Государственной Думы 2007 года единой левоцентристской партии. Было намерение привлечь

¹ Дидевич А. Европа помогает левым демократам России объединиться // Общественно-политический журнал «Социалтерн в России». — 2006. — Весна. — № 1. С. 19–20.

² Социалтерн в Москве // Общественно-политический журнал «Социалтерн в России». — 2006. — Осень. — № 2. С. 6–11.

³ URL: <http://www.pp-pss.ru/>

в этот проект и партию «Патриоты России» (Г. Семигин)¹. Но и этот проект оказался нереализованным во многом из-за чрезмерных амбиций руководителей отдельных партий.

В конце концов, в начале 2007 года Федеральная регистрационная служба РФ приняла решение о закрытии Социал-демократической партии России, которая таким вот бесславым образом завершила свое политическое существование. Летом 2008 года на Конгрессе Социнтерна в Афинах эта партия была исключена из числа членов этой организации.

Еще одну неудачную попытку объединения левоцентристских и патриотических сил в канун парламентских выборов 2007 года предпринял лидер партии «Патриоты России» бывший депутат Государственной Думы Г. Семигин. Но к нему примкнул лишь бывший спикер Госдумы второго и третьего созывов Н. Селезнев с немногочисленными остатками его Партии возрождения России. В результате партия «Патриоты России», несмотря на значительные финансовые и организационные ресурсы, которые Г. Семигин вложил в этот проект, на выборах депутатов Государственной Думы 2007 года набрала всего лишь 0,89%.

«Партия социальной справедливости», так и не сумевшая вписаться ни в один объединительный проект, также неудачно выступила на этих выборах, набрав лишь 0,22%.

Таким образом, можно считать, что к осени 2006 года завершился третий этап становления социал-демократии в новой постсоветской России.

4. Возникновение партии «Справедливая Россия»², объединившей большинство основных левых партий России и впервые в истории постсоветской России добившейся представительства социал-демократов в Государственной Думе (2006 г. — по настоящее время).

Поздним летом 2006 года процесс объединения социалистических и социал-демократических партии России получил

¹ URL: <http://www.patriot-rus.ru>

² «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru>

неожиданный поворот. В конце августа этого года тогдашний Президент России В.В. Путин принял у себя руководителей трех партий — С.М. Миронова (Партия ЖИЗНИ), А.М. Бабакова (партия «Родина») и И.Л. Зотова (Партия пенсионеров). Вскоре после этой встречи у президента все эти три лидера на совместной пресс-конференции объявили о своем объединении и создании в России новой левоцентристской партии. 28 октября 2006 года в Москве состоялся объединительный съезд этой новой партии, которая получила название — партия «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь»¹. Ее лидером стал Председатель Совета Федерации С.М. Миронов. А.М. Бабаков стал Секретарем Президиума Центрального совета, а И.Л. Зотов — Секретарем Центрального совета. Сам высший коллективный руководящий орган новой партии Центральный совет был сформирован на паритетных началах из представителей всех трех партий.

28 февраля 2006 года в Санкт-Петербурге прошел первый съезд партии «Справедливая Россия», на котором была принята Политическая платформа партии. В предисловии к этой платформе лидер партии С. Миронов заявил: «Партия “Справедливая Россия” считает социальную справедливость и благополучие граждан главной целью своей деятельности. Мы взяли на себя обязанность представлять и защищать интересы тех слоев населения, которые зарабатывают на жизнь трудом, вне зависимости от профессии, сферы деятельности и типа трудовых отношений...»

В самой платформе партия четко обозначила свой выбор — *социалистические* перспективы для России. «Социалистический выбор для России: это социально ориентированная экономика, разнообразие форм собственности, эффективное государственное регулирование рыночного хозяйства; сильная государственная власть, находящаяся под жестким демократическим контролем. Власть, основанная на доверии народа; динамично развивающееся общество, осно-

¹ URL: <http://www.lenta.ru/news/2006/10/28/persons>

ванное на политической стабильности и национальной культуре, открытой состязательности идей в публичной политике... Социалистическая перспектива: это сокращение дистанции между властью и народом; развитие демократии участия, всех институтов гражданского общества; путь к свободному и солидарному обществу»¹.

С этой политической платформой, в которой была четко обозначена социалистическая идеологическая позиция, партия «Справедливая Россия» намеревалась идти на выборы депутатов Государственной Думы 2007 года. Это очень важный момент, так как впервые в постсоветской истории России партия, имеющая весьма реальные шансы на прохождение в нижнюю палату российского парламента, открыто заявила о своей приверженности социалистической идеологии.

В начале 2007 года к партии «Справедливая Россия» присоединились Народная партия депутата Государственной Думы Г. Гудкова, Социалистическая единая партия России депутата Государственной Думы В. Шестакова, Партия поддержки предпринимательства бывшего депутата Государственной Думы И. Грачева и Конституционно-демократическая партия В. Волкова.

На весенних выборах 2007 года в региональные органы представительной власти 14 субъектов Российской Федерации партия «Справедливая Россия» впервые шла самостоятельно. Средняя избирательная поддержка «Единой России» составила 46%, на втором месте — КПРФ с 15,77%, на третьем — с 11,7% «Справедливая Россия»².

«Единая Россия» безоговорочно победила на выборах в 13 регионах, а в Ставропольском крае по партийным спискам неожиданно уступила «Справедливой России», набравшей по партийным спискам 37,62% против 23,93%. Этот успех «Справедливой России» в канун предстоящих в декабре 2007 года выборов депутатов Государственной Думы

¹ Политическая платформа партии «Справедливая Россия». — М.: Ключ-С, 2007. — 26 с.

² <http://www.stratagama.org/arcvrus.php?nws=cr12p362299977>

подтвердил явную перспективность этого проекта. В результате, в эту партию перешли достаточно известные фигуры из других партий, например: С. Горячева, Е. Драпеко, А. Куваев и И. Пономарев из Коммунистической партии Российской Федерации, А. Митрофанов из Либерально-демократической партии России, Г. Хованская, Е. Мизулина и М. Емельянов из партии «Яблоко», А. Гришневилов из партии «Народная воля», В. Зубов из Республиканской партии России и другие¹. Ряд местных отделений Компартии Российской Федерации, не согласные с позицией ее руководства, также коллективно перешли в партию «Справедливая Россия».

Успехи новой левоцентристской российской партии не прошли мимо внимания руководства Социнтерна. 5 июня 2007 года Москву посетил Генеральный секретарь Социнтерна Луис Айяла, который встретился с Председателем партии «Справедливая Россия» С. Мироновым². В ходе беседы Председатель «Справедливой России» подробно познакомил Л. Айялу с деятельностью партии. Особый акцент С. Миронов сделал на планах партии по развитию ее международного сотрудничества, включая развитие и укрепление связей с Социнтерном и входящими в него партиями.

Л. Айяла выразил С. Миронову признательность за проявленный интерес к развитию сотрудничества с Социнтерном. Он сделал С. Миронову ряд конкретных предложений. Во-первых, он пригласил его принять личное участие и выступить на ближайшем заседании Совета Социнтерна 29–30 июня 2007 года в Женеве. Во-вторых, он предложил партии «Справедливая Россия» начать процедуру вступления в Социнтерн. И, в-третьих, он пригласил С. Миронова войти в состав Комиссии Социнтерна по решению вопросов глобального потепления и изменения климата, энергетики и совершенствования системы государственного управления.

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: http://www.spravedlivo.ru/duma/section_77

² «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/1529.smx>

Эта комиссия создается по решению Социнтерна, принятому на его последнем заседании

С. Миронов и Л. Айяла выразили уверенность в том, что намеченные взаимные шаги по укреплению и развитию сотрудничества между Социнтерном и «Справедливой Россией» будут успешно реализованы.

Затем Луис Айяла встретился с Секретарем Президиума Центрального совета партии и руководителем фракции «Справедливая Россия — Родина» в Государственной Думе Александром Бабаковым и Секретарем Политбюро Президиума Центрального совета партии Николаем Левичевым. Таким образом, партия сделала первый шаг на пути интеграции в международную социалистическую семью, самую многочисленную и влиятельную политическую силу в мире.

23 сентября 2007 года в Москве состоялся II съезд партии, посвященный предстоящим выборам в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. В своем политическом докладе «Доверие во имя будущего. Социалистический выбор для России XXI века» С. Миронов рассказал об основах формирования идеологии партии, отличительных чертах социализма XXI века, а также определил основные цели и задачи партии на парламентских выборах 2 декабря 2007 года¹.

По итогам состоявшейся дискуссии съезд принял предвыборную Программу партии «Справедливая Россия» и утвердил предвыборный список партии.

Накануне съезда 28 ноября 2007 года в Москве по инициативе партии «Справедливая Россия» прошел I Международный социалистический форум «Решение социальных проблем XXI века — социалистическая альтернатива», в котором приняли участие активисты российского левого движения, состоящие в различных партиях, извест-

¹ Материалы II съезда Политической партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» / под редакцией Н.В. Левичева. — М.: Ключ-С, 2007. — 112 с.

ные российские политики, представители зарубежных социалистических и социал-демократических партий¹. В рамках форума прошел также ряд круглых столов, на которых были обсуждены актуальные вопросы международного социалистического движения.

По итогам выборов 2 декабря 2007 года партия «Справедливая Россия» получила 7,74% и прошла в Государственную Думу, где сформировала фракцию в количестве 38 депутатов². Таким образом, впервые за всю историю постсоветской России в парламент страны была избрана партия, открыто заявившая о своей социалистической ориентации.

При этом в составе фракции партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе оказались представители самых разных общественных и неправительственных организаций, а именно: А. Беляков, «Союз обманутых вкладчиков»; Е. Вторыгина, «Женщины России»; Э. Глубоковская, Всероссийский союз общественных объединений «Движение женщин за здоровье нации»; А. Кузьмина, межрегиональный благотворительный фонд «Семья России»; А. Ломакин-Румянцев, Всероссийское общество инвалидов; К. Лукьянова, общественное движение в поддержку семьи, материнства и детства «Лучик надежды»; А. Музыкаев, Фонд поддержки Олимпийского комитета России; В. Черешнев, Российская академия наук; О. Шеин, объединение рабочих профсоюзов «Защита труда»; В. Шестаков, Федерация боевых искусств «Будо». Кроме того, во фракции из 38 депутатов 11 женщин, что является самым высоким в процентном отношении показателем среди всех фракций Государственной Думы пятого созыва.

Фракция развернула активную международную деятельность. В апреле 2008 года делегация фракции «Справедливая

¹ Материалы I Международного социалистического форума «Решение социальных проблем XXI века — социалистическая перспектива / под редакцией В.Н. Шевченко. — М.: Ключ-С, 2008. — 336 с.

² URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&rot=1&tvd=100100021960186&vrn=100100021960181®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100021960186&type=242

Россия» в главе с ее руководителем Н. Левичевым по приглашению группы социалистов в европейском парламенте посетила Брюссель. В ходе этого визита был подписан Меморандум о взаимопонимании между группой социалистов в Европарламенте и фракцией «Справедливая Россия в Государственной Думе»¹.

25 апреля 2008 года в Москве в Кремлевском Дворце съездов прошел III съезд партии, в работе которого приняли участие делегации 26 зарубежных партий из 19 стран мира. В докладе Председателя партии С. Миронова была дана характеристика основных положений проекта Программы партии, который был вынесен на общепартийное обсуждение, а также новой редакции Устава партии, были подведены итоги региональных выборов, состоявшихся весной 2008 года, намечены основные направления международной деятельности партии².

С приветственным словом к делегатам Съезда от имени Социалистического интернационала обратилась председатель Комитета Социнтерна по странам СНГ и Кавказа А. Доболи.

Накануне в Москве по инициативе партии «Справедливая Россия» прошел III Международный социалистический форум «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке — социалистическая стратегия»³. Форум собрал гостей со всех концов планеты. В его работе приняли участие представители 26 социал-демократических партий из 19 стран, российские ученые, деятели культуры.

Обращаясь к участникам форума, Председатель партии «Справедливая Россия» С. Мионов подчеркнул существую-

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/5945.smx>

² Материалы III съезда Политической партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь»: Москва, 25 апреля 2008 года / под редакцией В.Н. Шевченко. — М.: Ключ-С, 2008. — 96 с.

³ Материалы II Международного социалистического форума «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке — социалистическая альтернатива» / под редакцией В.Н. Шевченко. — М.: Ключ-С, 2008. — 248 с.

щий в современной России «колоссальный запрос на идеологию». «Люди хотят, чтобы им объясняли, почему принимается то или иное решение, какую позицию в тех или иных вопросах занимают политические партии, какое будущее они видят, какие идеалы исповедуют», — сказал Миронов. «Общественной системой, отвечающей вызовам времени, в России сегодня может быть только социализм», — заявил Председатель партии «Справедливая Россия». При этом он жестко отделил социализм XXI века от идеологии КПРФ, «пахнувшей даже не нафталином, а лагерной пылью». С. Миронов подчеркнул, что наиболее благополучные государства Европы достигли нынешнего уровня жизни в первую очередь благодаря усилиям политиков социал-демократического лагеря. Опыт этих государств является крайне полезным для России. «Наша партия остается оппонентом “Единой России”, — заключил С. Миронов. — Мы за рыночную экономику, но против рыночного общества. Альтернативы новому социализму нет».

В ходе форума состоялись четыре круглых стола, темами которых стали: «Социализм XXI века и проблемы стратегической стабильности в мире», «Защита окружающей среды и решение проблемы устойчивого развития — позиция левых сил», «Социалистическая перспектива XXI века и мир культуры», «Развитие международного социал-демократического, социалистического движения как ответ на глобальные вызовы современности».

С 30 июня по 2 июля 2008 года в Афинах состоялся XXIII Конгресс Социалистического интернационала, в котором приняли участие представители обширной социал-демократической семьи из различных частей мира. На нем были рассмотрены вопросы, более всего волнующие большинство жителей нашей планеты. Конгресс проходил под лозунгом «Глобальная солидарность: прогресс во имя перемен в мире». Более 700 представителей более чем 150 социал-демократических партий и организаций, представлявших 120 стран мира, представили в ходе дебатов свои выступления и доклады.

Главным вопросом повестки дня Конгресса стала проблема изменения климата, и Социнтерн подтвердил свое намерение предпринять своевременные и эффективные меры по решению этого вопроса, а также продолжить участие в политических переговорах между разными странами на основе солидарности и общего видения будущего. Одним из ключевых докладчиков по этой теме стал Председатель партии «Справедливая Россия» С. Миронов.

В заявлении по данному вопросу участники Конгресса обозначили позицию Социнтерна на ближайшие 10–15 лет по оказанию влияния на изменение способов переработки угля, во избежание попадания углеродосодержащих выбросов в атмосферу и воздействия их на климат. Было полностью одобрено намерение объединить усилия по заключению всеобъемлющего мирового соглашения по изменению климата к 2009 году.

В повестке заседания Конгресса, также достаточно остро стоял вопрос об урегулировании региональных конфликтов, которые в сегодняшнем мировом сообществе вышли за национальные границы, а также вопросы ядерного разоружения, вопрос нехватки продуктов питания и роста цен на них, проблемы миграции и т.д.

В последний день заседания Конгресса был рассмотрен вопрос о принятии в эту крупнейшую в мире международную политическую организацию новых членов. Конгресс принял решение принять в Социнтерн политическую партию «Справедливая Россия»¹. Председатель партии «Справедливая Россия» С. Миронов так прокомментировал принятие партии в Социнтерн: *«Вступление “Справедливой России” в Социнтерн стало важной вехой в строительстве новых отношений России со странами Евросоюза. Наши отношения с Европой не могут основываться только на торговле углеводородами. Идеологических точек соприкосновения с евроэлитами у нас ничуть не меньше, чем экономических. В сущности, СССР*

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/6606.smx>

проиграл историческое соревнование не столько капитализму, сколько европейскому социализму. Капитализма в его классическом варианте в развитых странах давно нет. Даже в государственной системе такой традиционно либеральной страны, как США, присутствуют множество базовых социалистических черт. Однако именно соседствовавшие с СССР страны, Франция, Германия, Австрия, Швеция, Финляндия, где в течение целого ряда десятилетий у власти находились социал-демократические партии, сумели построить эффективную государственность, высокоразвитую инновационную экономику и сферу публичных услуг, обеспечили своим гражданам высокий уровень жизни. Именно их пример заставил миллионы советских граждан поддержать радикальные реформы. Однако новая Россия, к сожалению, бросилась в другую крайность. В результате сегодня наша страна, единственная в «Большой восьмерке», выглядит этаким заповедником классического капитализма образца XIX века, со всеми его зримыми язвами и пороками. Этот путь неизбежно заведет нас в новый исторический тупик. Вступление в Социнтерн означает признание мировым социалистическим сообществом влияния и значительного электорального потенциала «Справедливой России»»¹.

Таким образом, можно констатировать, что в результате длительной и трудной 17-летней эволюции российской социал-демократии к 2007 году в России наконец-то появилась реальная социалистическая партия «Справедливая Россия», которая насчитывает более 430 000 тысяч членов, представлена в российском парламенте и в более 40 региональных представительных органах власти. Эта партия признана мировым социалистическим движением и является членом Социалистического интернационала, имеет дружеские связи с социал-демократическими, социалистическими, левыми партиями Европы, Северной и Южной Америки, Китая, Японии и других стран. У партии хорошие электро-

¹ «Справедливая Россия»: [сайт]. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/6606.smx>

ральные перспективы в будущем и реальные возможности реализовать на практике свои программные цели и задачи по защите интересов большинства граждан России.

**МЕМОРАНДУМ О ВЗАИМОПОНИМАНИИ
между фракцией «Справедливая Россия»
в Государственной Думе Федерального Собрания
Российской Федерации и группой социалистов
в Европарламенте**

Николай Владимирович Левичев, Председатель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, и Мартин Шульц, Председатель группы социалистов в Европарламенте, признавая важную роль парламентов обеих стран в реализации суверенитетов народов России и Евросоюза и политического плюрализма, выражая искреннюю убежденность в том, что сотрудничество на межпарламентском уровне призвано способствовать лучшему взаимопониманию между народами и государствами, поиску решений актуальных политических, экономических, культурных и других вопросов сотрудничества между Российской Федерацией и Евросоюзом, отмечая, что общая приверженность ценностям свободы, демократии и права, идеям социальной справедливости объединяет обе парламентские фракции и делает целесообразным оформление в рамках настоящего Меморандума связей между депутатами фракции «Справедливой России» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и депутатами группы социалистов в Европарламенте, согласились о нижеследующем:

1. Развивать всестороннее сотрудничество между фракциями в целях изучения взаимного опыта и укрепления друже-

ственных связей между Россией и Евросоюза, парламентами и народами России и стран объединенной Европы.

2. Осуществлять сотрудничество для решения следующих вопросов:

а) развитие и продвижение идей социал-демократии в России и Евросоюзе;

б) заключение нового Договора о сотрудничестве и партнерстве между ЕС и Россией;

в) решение проблем изменения климата и поставок энергоносителей;

г) развитие политики добрососедства (включая будущее расширение ЕС);

д) обеспечение стабильности и политики безопасности (включая расширение НАТО).

3. Содействовать расширению практического сотрудничества и распространению информации в следующих формах:

— участие депутатов фракции «Справедливая Россия» в слушаниях, семинарах, научно-практических конференциях и других мероприятиях, проводимых группой социалистов в Европарламенте;

— обмен группами сотрудников (и инструкторов), а также специалистами и экспертами;

— содействие распространению информации о деятельности фракций, соответственно, на территории России и Евросоюза;

— организация и проведение совместных мероприятий, как, например, проведение круглых столов и дискуссий в России и ЕС по определенным выше вопросам;

— регулярный обмен информацией и печатными материалами по вопросам законодательства и деятельности обеих фракций;

— консультации по различным вопросам законодательной деятельности.

4. Стремиться к сближению и координации позиций Сторон в рамках различных международных парламентских форумов по основополагающим вопросам.

Настоящий Меморандум является основанием для заключения дополнительных соглашений и программ, если фракции сочтут это необходимым дополнить данный Меморандум.

Совершено в г. Брюсселе 9 апреля 2008 года.

Руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации
Н. Левичев

Председатель группы социалистов в Европарламенте
М. Шульц

НАШИ АВТОРЫ

Буров Владилен Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Великая Наталья Михайловна — доктор политологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Гуселетов Борис Павлович — кандидат наук, профессор Российского государственного торгово-экономического университета.

Диманс Сергей Леонидович — кандидат экономических наук.

Киандер Джаако — доктор экономических наук, директор Института экономических исследований трудящихся (Финляндия).

Константинов Игорь Владиславович — заместитель директора Института развития гражданского общества и местного самоуправления.

Лафонтен Оскар — лидер Левой партии ФРГ, депутат бундестага.

Мысливченко Александр Григорьевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Паньков Владимир Степанович — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международных экономиче-

ских отношений факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета — Высшая школа экономики при Правительстве РФ.

Сари Юхо — профессор, директор департамента социологии Университета (г. Куопиа, Финляндия).

Соколова Римма Ивановна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Спиридонова Валерия Игоревна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Тумусов Федот Семенович — профессор, доктор экономических наук, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Член Бюро Президиума Центрального совета Политической партии «Справедливая Россия». Председатель якутского регионального отделения партии.

Шевченко Владимир Николаевич — доктор философских наук, зав. сектором философских проблем политики Института философии РАН.

Массово-политическое издание

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В XXI ВЕКЕ**

Ответственный редактор *В. Н. Шевченко*
Корректор *Е. Н. Альчикова*
Компьютерная верстка *Т. С. Дорофеева*

Подписано в печать 25.05.2009
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 24,5
Тираж 500 экз.